ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА»

На правах рукописи

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВЛАСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (1905-1922 ГОДЫ)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук,
профессор
В.П. Федюк

Ярославль - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ **21**

1.1. Историография 21

2.2. Источники 83

ГЛАВА 2. ВЕДУЩИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА **112**

2.1. Черносотенцы – противники партийного подхода 112

2.2. Кадеты и октябристы – две альтернативные модели либерализма 125

2.3. Эсеры – партия революционной интеллигенции 142

2.4. Большевики и меньшевики – раскол внутри РСДРП 157

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ МЕЖПАРТИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (1905 - ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДОВ) **179**

3.1. Борьба интеллигентских партий против правительства в условиях..... революционного кризиса 1905-1907 годов..... 179

3.2. 1907-1914 годы. Столыпинские реформы – попытка преобразования режима самодержавия сверху 197

3.3. Столкновения партий вокруг вопроса о власти в период Первой мировой войны (1914 – 22 февраля 1917 года) 227

3.4. Февральский переворот 1917 года – начало революции в России..... 265

ГЛАВА 4. ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА .. **308**

4.1. От Февраля к Октябрю 308

4.2. Октябрь: начало восстановления порядка в России. Крах ..... партий Февраля (октябрь 1917 – 1918 годы) 350

4.3. Окончание гражданской войны. Большевики – единственная легальная партия (1918-1922 годы)..... 391

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **435**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **458**

ВВЕДЕНИЕ

Недавно состоялся столетний юбилей революционных событий 1917 года. За вековой период отечественными и зарубежными историками проделана колоссальная работа по изучению русской революции. Хотя о нашей революции написано очень много трудов[1], опубликовано много источников[2], она все еще нуждается в активном осмыслении. Выявление причин, приведших Россию в начале XX века к самой крупной из мировых революций, сопоставимой только с Великими английской и французской революциями, остается важной задачей для отечественной исторической науки. Вековой юбилей революции предоставляет современному обществу возможность тщательно разобраться в прошлом, чтобы преодолеть политический раскол, возникший как раз в 1917 году. Спустя сто лет стало необходимым для движения страны вперед устранить разделение, теперь уже искусственное, российского патриотического движения на красных и белых. Изучение революционного процесса начала XX века может содействовать решению данной проблемы.

Понимание событий, происходивших в начале минувшего века, невозможно без изучения роли политических партий. Историческая наука, уделяя в целом большое внимание рассмотрению партий, склонна недооценивать их влияние на политическую ситуацию в стране. Предпринимавшиеся ими действия обычно не воспринимаются всерьез, так как партии дореволюционной России традиционно

---

[1]Среди них, например, такие крупные работы, как: Минц И.И. История Великого Октября. В 3. Т. М., 1977-1979; Пайпс Р. Русская революция. В 2. Ч. М., 1994; Спирин Л.М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Никонов В.А. Крушение России. М., 2011.

[2]Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001; Правые партии. Документы и материалы. В 2. Т. М., 1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3. Т. М., 1997; Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002; Меньшевики в 1917 году. В 3. Т. М., 1994-1997; Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Л.Г. Корнилове и его соучастниках. В 2. Т. М., 2003; Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3. Т. М., 1991-1992; Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920. М., 2007.

показываются маловлиятельными группами, не способными в реальности изменить ситуацию в стране.

Между тем, без партийного участия российский политический процесс не приобрел бы столь драматичного характера. Партии были тем инструментом, который позволял оппозиционной части общественности оказывать давление на политику государства. Партии в то время возникали помимо воли государственной власти, как продукт развития общества, и потому не нуждались в государственном оформлении. Это являлось закономерным следствием развития общественного движения в России. Еще в XIX веке возникла особая социальная группировка интеллигенции, настроенная непримиримо по отношению к существовавшим порядкам, прошедшая полувековой период эволюции и к началу XX века жестко поставившая вопрос о необходимости захвата власти. Об этом напрямую пишет лидер кадетской партии П.Н. Милюков в знаменитом сборнике «Интеллигенция в России». По его мнению, формирование партий – есть выход из интеллигентской «кружковщины», необходимый для расширения влияния элиты на народную массу с целью ее подчинения интеллигентским вождям. Партийная деятельность, по Милюкову, направлялась на соединение интеллигенции с народом для организации враждебных действий по отношению к государственной власти[3].

И хотя непосредственное влияние партий на высшие сферы, правительство, было невелико, власть была вынуждена реагировать на брошенный вызов. Серьезные ограничения, налагавшиеся царской администрацией на деятельность всех партий, вплоть до правых – практически легальную работу они могли проводить только в стенах Государственной думы и органах местного самоуправления, земствах и городских думах – слабо помогали. Противостояния партий между собой было достаточно для осложнения ситуации в стране, и общего ухудшения положения власти.

[3] Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сборник статей. СПб., 1910. С. 178.

На наш взгляд, партии стали крупнейшими акторами политических изменений. Структурные преобразования, происходившие в начале XX века, в том числе и создание Государственной думы, несомненно вызывались активностью партий. Казалось бы, конфликты, возникавшие между партиями, мешали выработке общей позиции общественности. Но в действительности межпартийные противоречия усиливали общественный резонанс: вследствие обострения отношений между самими партиями в обществе происходил рост радикальных настроений. И противоборство внутри партийной среды обостряло ситуацию в стране. Чтобы установить причины значительной трансформации системы государственного руководства в России начала XX века, крайне важным представляется исследовать взаимоотношения лидеров общественности, структурированных в партии, и представителей власти на протяжении всего периода их противостояния, то есть с 1905 по 1922 годы.

Необходимо оговориться, что в диссертационной работе термин «революция» применяется к событиям 1917 года. Хотя диссертант не ставит под сомнение общую оценку событий 1905-1907 годов как революционную, это вызвано необходимостью терминологического использования понятия революции для рассмотрения кардинальных изменений, вызванных свержением императорской власти в феврале 1917 года. Революция 1905-1907 годов явилась только начальной точкой отсчета для легализации партий, дала им возможность стать частью реальной политической борьбы. И для нас является важным не смешивать начало деятельности партий с завершением первого этапа их борьбы за изменения в стране, связанным с февралем 1917 года.

Кроме того, наше дальнейшее изложение событий исходит из того, что в России 1917 года произошли не две революции (в феврале и октябре), а одна, но с разными этапами (февральским и октябрьским). События февраля 1917 года, приведшие к отстранению от власти Николая II, в той части, в которой они были связаны с активностью ведущих либеральных и революционных партий, следует расценивать как государственный переворот, положивший начало революции. Тесное соотношение переворота и революции в России объясняется

особенностями сложившейся конкретной ситуации, где, с одной стороны - без усилий высших слоев общества отречение императора в относительно мирной форме было принципиально невозможно, а с другой стороны – либералы, возглавлявшие борьбу с самодержавием, почти сразу после отстранения от власти Николая II и его правительства начали стремительно терять контроль над народными массами и упустили лидерство в революционном процессе.

Однако нам представляется, что и события, последовавшие за 1917 годом, вплоть до гражданской войны и серии народных восстаний начала 1920-х годов, направленных против большевиков, тесно увязаны с данной революцией, так как все это время на политической сцене по существу могли действовать только силы, сохранившиеся в ходе февраля и принадлежавшие ранее к враждебным самодержавию лагерям, от все тех же либералов до социалистов. И борьба, происходившая вплоть до 1922 года, логическое следствие начавшейся в 1917 году революции. Неслучайно, на Западе, а сегодня и у нас в стране, все этапы соперничества с 1917 по 1922 годы справедливо называются Великой русской революцией, по аналогии с французской революцией конца XVIII века. Поэтому события, показываемые в четвертой главе диссертационной работы, рассматриваются нами как единый революционный кризис. Кризис этот был вызван начавшейся в феврале 1917 года революцией, и завершился в начале 1920-х годов, когда на территории России осталась всего одна партия, сохранившая право на легальную деятельность – партия большевиков.

Объектом исследования избраны шесть крупнейших российских партий (из более ста политических партий, действовавших в России в начале XX века). Это правоконсервативный «Союз русского народа» (черносотенцы), либеральные партии – конституционно-демократическая (кадеты) и «Союз 17 октября» (октябристы), и социалистические партии эсеров (социалисты-революционеры) и РСДРП (меньшевики и большевики). Формирование партий в начале XX века завершило разделение политического вектора страны на три лагеря: консервативно-монархического, либерального и революционного. Однако поскольку межпартийные противоречия не соответствовали данной линии

разграничения, взаимоотношения ведущих партий оставались максимально напряженными. Так, октябристы, входящие в либеральный лагерь, находились за границами интеллигентского социума, в то время как правые, черносотенцы, были убеждены, что те составляют его неотъемлемую часть. Для них интеллигентскими были все партии, расположенные левее их в партийном спектре. А отношения между черносотенцами и октябристами имели важное значение для сохранения политической системы, так как они являлись единственными крупными партиями, готовыми сотрудничать с имперским руководством, и способными совместными усилиями предотвратить революцию.

Предметом исследования является участие перечисленных выше шести партий в общем политическом процессе, развернувшемся в России начала XX века, и влияние усилившейся роли партий в стране на ситуацию во власти. Действия верховной власти и правительства, то есть ответная политика властей, направленная на защиту своих позиций, также важны для нас, но они, если применять спортивную терминологию, чаще всего «играли вторым номером». Тактика властей, причем как дореволюционных (до 1917 года), так и революционных (того же Временного правительства), за исключением целенаправленной политики П.А. Столыпина, вызывалась необходимостью реагировать на наступательные действия партий[4]. Поэтому приоритетными в работе остаются действия последних. При этом рассмотрению подлежит не только взаимодействие партий с высшими властными структурами, или деятельность в них (правительство, Государственная дума, сам император Николай II и министры Временного правительства), но и использование партийными активистами для борьбы с государственными органами других властных институтов – земств и городских дум, Земгора, ЦВПК, а в революционный период КОБов, всевозможных Советов, губернских и уездных комиссаров.

[4] Разумеется, это утверждение не относится к большевистскому правительству, энергично защищавшему свои интересы с октября 1917 года.

Хронологические рамки работы охватывают период активной деятельности ведущих российских партий, начиная с того момента, когда они получили возможность открытого функционирования, то есть с 1905 года, и, заканчивая устранением в 1920-е годы на территории России последних партий, пытавшихся противодействовать большевикам.

Территориальные рамки диссертации охватывают пространство, принадлежавшее Российскому государству, как в период существования империи, так и на более позднем этапе революции и гражданской войны, поскольку в ней исследуются общероссийские процессы. Вместе с тем, заметное внимание в работе уделено событиям, происходившим в Верхнем Поволжье (во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях), так как данный регион занимал особое, ключевое положение, находясь в центре страны, вблизи от обеих столиц – Петербурга (Петрограда) и Москвы, и существенно влиял на происходившее там. Необходимость более углубленного рассмотрения положения дел в одном из регионов страны также связана с технологическим несовпадением политических процессов, происходивших в условиях революции 1917 года в центре и в провинции. Достаточно вспомнить двоевластие в Петрограде, где основными конкурентами по борьбе за власть стали Временное правительство и петроградский Совет, и многовластие, а, по сути, безвластие в регионах февральской России, где конкурировало немало других структур, а место Совета прочно заняли комитеты общественной безопасности (КОБы). Утрата центральным, Временным правительством в первые дни революции контроля над деятельностью губернских органов власти стала причиной ее катастрофического развития, и привела к одному из самых опасных для революционной России конфликтов между центральным и губернским уровнями управления, поставившим Россию на грань территориального распада.

Цель исследования – рассмотреть воздействие конфликта, инициированного активностью радикальных российских партий в 1904-1905 годах, на взаимоотношения между ведущими российскими партиями и на ситуацию в органах государственной власти до 1922 года. Для объективного понимания

российской истории необходимо формирование целостного восприятия политического процесса первой четверти XX века. Синтетическое знание о прошлом позволит современному обществу разобраться в причинах перехода от режима Российской империи к советской политической системе, и влиянии на данный переход промежуточного, февральского этапа революции.

Задачи исследования:

- выяснить основы идеологической платформы ведущих российских партий и характер взаимоотношений между ними, то есть определить противников и союзников каждой из партий;

- показать ошибочность стратегии кадетской партии, направленной на создание единого общеоппозиционного движения с социалистическими партиями в 1905-1907 годах, помешавшую им установить контакты с правительством;

- проанализировать попытку преобразования самодержавия в конституционную систему, исходящую сверху, от правительства, возглавлявшегося П.А. Столыпиным, а также причины и последствия отказа октябристов поддержать в 1911 году Столыпина в его желании активизировать проведение реформ;

- рассмотреть стремление либеральной оппозиции в ходе Первой мировой войны отстранить от власти Николая II, и отношение союзников к российскому правительству накануне февраля 1917 года;

- проследить за процессом перехода ведущей роли на февральском этапе революции 1917 года от либералов к социалистическим партиям;

- раскрыть политику эсеров в 1917 году, нацеленную на получение единоличного управления страной, и особенности вытеснения большевиками умеренно-социалистических партий из институтов власти после Октября;

- установить значимость конфликта Белого движения с партией эсеров для сохранения территориальной целостности страны;

- доказать необходимость удержания большевиками власти в условиях революции для обеспечения суверенитета России, и опасность продления смуты

из-за возможности эсеров и меньшевиков вмешаться в ход народных восстаний 1921-1922 годов;

- найти причины общей неэффективности российской партийной системы начала XX века, помешавшей большинству ведущих партий достигнуть реализации поставленных целей, и причины успеха большевиков.

Методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволяет проникнуть в прошлые отношения, рассматривая их в контексте событий, происходивших в начале прошлого века. А принцип объективности дает возможность увидеть общую картину, сложившуюся вследствие переплетения многочисленных связей, образованных различными партийно-политическими силами. Картина эта, естественно, полностью не совпадала с устремлениями ни одной политической силы (ни партийных, ни государственно-властных структур). В результате упорства всех крупнейших российских партий – их желания реализовать свою программу в полном виде, не готовности к компромиссам даже с ближайшими, соседними партиями – общий итог их деятельности оказался крайне далеким от первоначально задуманного ими. К тому же все это дополнительно осложнялось и не менее острыми внутрипартийными спорами и противоречиями в самих партиях, также имевшими заметное влияние на ход политических процессов.

Значимую роль в рассмотрении происходивших событий выполнял диалектический метод триады Г.В.Ф. Гегеля. Согласно ему, тезисом является ослабление авторитета руководства Российской империи и натиск на него оппозиционных партий, желавших установить свою власть. Антитезисом стало погружение в февральский хаос 1917 года, чреватое потерей не только государства, но и распадом страны. И дело было не столько в сепаратизме окраин (Польша, Финляндия, Украина), сколько в распаде социальной ткани государства в центральных районах страны, даже и не помышлявших о выходе из состава России. И, наконец, синтезом, или новым тезисом, становится утверждение у власти, после октября 1917 года, самой периферийной партии из партийного спектра – большевиков. По существу большевики взвалили на свои плечи

исполнение контрреволюционных функций, правда, в виде не реставрации (хотя отдельные представители интеллигенции, например эсер В.М. Чернов, обвиняли их и в этом), а русского Термидора. Сокрушив крайности революции, связанные с ее февральским этапом, большевики постепенно установили новый порядок в стране, и лишь потому смогли реализовать свою социальную идеологическую доктрину.

Применялись в ходе исследования и общенаучные логические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Анализ представляет собой мысленное разделение происходивших около 100 лет назад событий на самые мелкие компоненты, выявление глубинной сути замыслов или определенных действий как коллективных субъектов (партий и органов власти), так и отдельных личностей (партийных активистов или государственных руководителей). Синтез, напротив, приводил к восстановлению более крупных пластов, выявлению реальных последствий из обилия более мелких, частных событий и намерений. Индукция позволяла работать с замыслами партий, видеть и прорабатывать конечные цели их деятельности, не связанные с намерениями других сил, а дедукция фиксировала реальные последствия их действий, определяемые сопротивлением противостоявших им групп.

Кроме того, для написания работы автором применялись такие методы, как метод агрегации, предполагающий сбор и последующее объединение разрозненных фактов; личностно-психологический метод, позволяющий учитывать личностные факторы и их влияние на деятельность групп и сообществ; метод исторической реконструкции, дающий возможность воссоздать наиболее важные события и процессы, связанные с участием партий в борьбе за власть.

Диссертация подготовлена на основе сочетания проблемно-хронологического подхода, по которому изучаемые явления показываются, как правило, последовательно по времени, но в связи с тем, что проблемный ракурс имеет не меньшее значение, иногда отдельные факты даются в связи с другими временными периодами. Так, корниловский мятеж, происходивший в августе 1917 года, рассматривается в свете более поздних послеоктябрьских событий,

поскольку он стал отправной точкой для формирования Белого движения, возникшего осенью 1917 года.

Еще один методологический подход заключается в пропорциональном показе каждой из рассматриваемых партий в зависимости от ее удельного веса в тот или иной период, то есть чем выше влияние конкретной партии, тем больше внимания ей уделяется. Такой подход позволяет сконцентрироваться на установлении наиболее важных для каждого периода процессов, наглядно показывая как изменялось соотношение сил между разными партиями, как под влиянием межпартийных противоречий обострялась обстановка в России. Неравномерное рассмотрение партий на разных этапах истории начала XX века дает возможность проследить их тактический курс в тот момент, когда политическое влияние достигало у них максимума, и от данных партий начинала зависеть выработка стратегических взаимоотношений с государственной властью. Каждой из партий предоставлялся такой шанс.

Научная новизна диссертации состоит в постановке научной проблемы, имеющей важное практическое значение для современной России.

1. Она проявляется в том, что основная, мейнстримная часть тогдашних крупнейших партий, относящаяся к интеллигентскому сообществу, от кадетов до социалистов, не считала необходимым вступать в диалог с властью, ставя перед собой задачу ее свержения, что роднит их с современной внесистемной оппозицией. При этом интеллигентские партии были готовы применить против власти самые жесткие методы борьбы. Тогда как более правая часть партийного спектра, ставящая охранительные цели, не наладила необходимого взаимодействия не только с органами власти, но и между собой. И потому изучение того межпартийного противоборства сохраняет актуальность для сегодняшней России.

2. Партии оказались ключевыми субъектами, самодостаточными силами, от действия и настроения которых зависело направление развития политической ситуации в России начала прошлого века. Именно межпартийные отношения вывели тогда политику на передний план.

3. Разобраться в сложных взаимоотношениях основных партий России начала XX века с руководством государственных органов можно лишь изучая весь конфликт целиком, с появления множества партий в 1905 году до сохранения на территории страны последней легальной партии большевиков. Обычно исследовательские работы рассматривают ситуацию в России либо до февраля 1917 года, то есть до начала революции, или с 1917 года. Разорванность изучения мешает понять сущность происходивших событий, что зачастую приводит к односторонним выводам. Во всех бедах, случившихся в 1917 году и после него, преимущественно обвиняют одних большевиков. А Февраль, ставший главной причиной российских бед, едва не уничтоживший Россию как страну, остается незаметным, слабо затронутым критикой исследователей. Отдельные работы, посвященные 1917 году, тоже не позволяют в должной мере оценить причин и последствий Февраля.

4. Вследствие недостаточно внимательного отношения к Февралю основная критика исследователей распространяется на силы, ему противостоявшие. То есть на тех, кого, при всех различиях, объединяла способность успешного государственного существования: Николая II или большевиков, а также красных и белых. Лишь жесткая критика Февраля, ведшего к распаду российского государства, способна, на наш взгляд, склеить две важнейших части нашей истории, дореволюционный имперский период и советскую эпоху, о чем прямо говорится в поправках в Конституцию РФ, принятых в 2020 году[5].

Связывание имперской и советской истории важно для нас тем, что содействует преодолению современного политического кризиса и продолжающегося по сегодняшний день раскола в российском патриотическом движении (примирения современных сторонников красных и белых). Это объединение патриотических сил жизненно необходимо для решения сегодняшних насущных задач, и ценно тем, что позволит России отстоять ее геополитические интересы в споре с коллективным Западом. Как показывает

[5] В поправке, принятой к 67 статье Конституции РФ говорится, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет преемственность в развитии Российского государства (Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года //Российская газета. 2020. 6 июля. С. 6).

данная работа, такое объединение сейчас становится вполне возможным, так как красные и белые силы даже в условиях конфликта столетней давности неоднократно вели борьбу с одним и тем же противником - например, с партией эсеров, политика которых объективно разрушала территориальную целостность российского государства (способствовала распаду страны).

В диссертации комплексно прослеживается влияние межпартийной борьбы на ответную политику органов власти на протяжении почти всех 20 лет относительно легальной деятельности партий. Детализируют сложные взаимоотношения между партиями и структурами власти на протяжении длительного перехода от имперской к Советской власти материалы 35 фондов из семи государственных архивов Москвы, Ярославля и Костромы. Привлечение широкого круга источников и разносторонних материалов дало возможность проанализировать ситуации, позволявшие указанным выше партиям прорваться к вершинам политического Олимпа, и определить причины конечной неудачи большинства этих партий, и успеха большевиков в их стремлении установить контроль над политической системой России.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы по результатам работы могут быть использованы в образовательном процессе при изучении отечественной истории и краеведения, разработке спецкурсов по истории России и политологии. Содержание диссертации может представлять интерес для политологов, занимающихся проблемами эволюции власти и историей политических партий, а также политиков, так как опыт исторических предшественников сохраняет актуальность и для современных партий, а самое главное, понимание причин углубления кризиса в начале прошлого века позволит укрепить политическую систему сегодняшней России и не допустить повторения ошибок, сделанных сто лет назад властью и оппозиционной общественностью в лице партийных активистов.

Структура диссертации обусловлена ее целью и задачами и включает введение, четыре главы, заключение.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Все шесть крупнейших партий России являлись самостоятельными силами, каждая из них надеялась реализовать исключительно собственную доктрину. Более того, чем ближе в партийном спектре находились партии, тем хуже у них были отношения (исключение составили эсеры и меньшевики, да и то только начиная с 1907 года). Это обстоятельство затрудняло мирный выход из глобального кризиса. Тем более единственными партиями, потенциально соглашавшимися работать в союзе с властью, были только черносотенцы (Союз русского народа) и октябристы (Союз 17 октября).

2. События 1905-1907 годов подтвердили принципиальную невозможность долгосрочного сотрудничества лагерей, противостоявших самодержавию – либерального и революционного. Временные иллюзии кадетов, что они способны возглавить общеоппозиционное движение, объяснялись лишь нахождением социалистов в 1905 году на периферии политического процесса. Для образующейся тогда партийной системы имела серьезные последствия ложная стратегия, выбранная кадетской партией - им казалось, что их путь во власть находится на гребне волны народного недовольства. Протообъединение кадетской партии, Союз освобождения, борясь за реализацию принятого на ноябрьском земском съезде 1904 года конституционного проекта, проигнорировало вполне реальную возможность компромиссного соглашения с умеренным крылом властных органов, стремившимся к началу государственных реформ, и возглавлявшимся министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским.

3. С неудачей штурма власти, предпринятого в 1905-1907 годах интеллигентскими партиями (кадетами и социалистами), задача ликвидации самодержавия не потерпела краха. Только теперь начиналась самая серьезная попытка преобразования самодержавия в конституционную систему. Исходила она уже сверху, от правительства, и вошла в историю как столыпинские реформы, а партийной силой, стремившейся стать двигателем преобразований, были октябристы. П.А. Столыпин оказался единственным руководителем правительства, способным на выстраивание долговременных самостоятельных

отношений с Государственной думой. Последний рубеж в мирных взаимоотношениях самодержавного режима и Думы провел 1911 год. Отрицательное отношение к октябристам, возникшее у кадетов и черносотенцев, делало объективно невозможными ни радикально-либеральные преобразования союзом кадетов и октябристов, ни правую коалицию октябристов с Союзом русского народа. Альянс октябристов с националистической партией Всероссийского национального союза, тщательно готовившийся П.А. Столыпиным, в реалиях 1911 года являлся единственно возможным способом практического проведения конституционных реформ. Отказ А.И. Гучкова и октябристов продолжить сотрудничество с правительством подвел черту под попытками либеральных партий мирным путем получить власть.

4. В ходе Первой мировой войны либералы перешли грань допустимой оппозиционной деятельности, вступив в непримиримый конфликт с правительством. Ведь депутатам Государственной думы к началу 1917 года было хорошо известно, что война приближалась к победному для России завершению. А они полагали, что для сохранения позиций им необходим захват власти до завершения войны. Амбиции либералов подкреплялись сочувствием дипломатических представителей союзных государств Великобритании и Франции. В общественном мнении этих стран усиливались настроения о нежелательности передачи обещанных России черноморских проливов Босфора и Дарданелл. Поскольку отказать Николаю II англичане не могли, выход также виделся в его смещении до окончания войны. После оглашения 19 ноября 1916 года в Думе новым главой российского правительства А.Ф. Треповым содержания тайного договора, заключенного с союзниками в 1915 году, желание скорейшего отстранения от власти Николая II совпало у обеих сторон. Присутствие на думском заседании союзных послов Д.Бьюкенена и М. Палеолога означало, что заключенный договор переставал быть тайным. Вопрос об отстранении Николая II приобретал для союзников принципиальный характер – лишь свержение старой власти могло дезавуировать ставший публичным официальный договор с Россией.

5. Компромиссы в начале 1917 года, если и были возможны, могли исходить только от власти. Николай II в ходе войны проделал большой путь навстречу требованиям оппозиции и практически подошел к принятию немыслимого для себя прежде решения о создании либерального правительства. Негативные последствия имело лишь откладывание объявления о нем до начала апреля. Либералы намеревались результаты весеннего наступления приписать себе: А.И. Гучковым накануне возобновления фронтовых операций планировался дворцовый переворот. Он должен был состояться в марте. Поэтому либеральные партии, вовлеченные в легальную борьбу с правительством, не желали народной революции, начавшейся 23 февраля. Основную роль в февральских событиях приобретали социалистические партии. В связи с тем, что Николай II не собирался вести переговоров с социалистами, для легализации успехов им потребовалось подключение к восстанию либералов. Согласие Временного комитета, образованного Государственной думой, в ночь на 28 февраля принять власть, явилось фактическим началом русской революции.

6. В условиях революции борьба за власть разгорелась внутри социалистического лагеря. Революция сделала новыми хозяевами страны умеренных социалистов. Меньшевики, ставшие в ее начале влиятельнейшей силой, поскольку фактически являлись главными архитекторами февральского госпереворота (начала революции), быстро утратили популярность, и в дальнейшем действовали исключительно в качестве союзников партии эсеров. Последняя не сумела облегчить страдания народа в войне. При этом ее доктрина делала продолжение военных действий бессмысленным, так как выдвигала требование одностороннего отказа от территорий, полагающихся России по завершении войны. Постановка вопроса, выдвинутая эсерами, будучи невыгодной российскому государству, удовлетворяла интересам все тех же союзных государств. Внешне действия большевиков в октябре выглядели анархическими, но в действительности это было началом собирания страны. Впервые после Февраля центральному правительству возвращалась поддержка губернского уровня власти, в лице губернских Советов рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, второй, октябрьский, этап единой русской революции объективно приобретал контрреволюционный характер и по существу являлся своеобразным русским Термидором, так как направлялся на преодоление самых разрушительных последствий революции, относившихся к ее февральскому этапу.

7. Осенью 1917 года начало формироваться еще одно образование, подключившееся к борьбе против тех же эсеров и меньшевиков. но теперь с правой стороны - Белое движение. Кадетская партия к тому времени утратила роль лидера правой оппозиции, так как в ходе «корниловского мятежа» по существу присоединилась к социалистическим партиям. В противостоянии с большевиками у белых не было оснований рассчитывать на победу, но у них была более значимая задача. Их реальными противниками выступали эсеры, чья программа федерализации вела к распаду российского государства. Руководство Белого движения в споре с ними отстаивало национально-государственные интересы, заключавшиеся в сохранении территориального единства страны. Колчаковский переворот в Омске окончательно вытеснил эсеров из власти. Полуторагодичная борьба эсеров за доминантное обладание властными структурами в 1917-1918 годах привела страну к национальной катастрофе и иностранной интервенции. Было необходимо восстанавливать порядок и основными сторонами гражданской войны становились те, кто стремился к преодолению Февраля, то есть белые и красные.

8. Противостояние белых и красных, как претендентов на окончательное наведение порядка, лишь подводило к главному столкновению революции: его победителю предстояла схватка с крестьянами, основными выгодоприобретателями от Февраля. Народные восстания 1921 года представляли не борьбу отчаявшихся людей за физическое выживание, а стремление последней харизматичной силы, противостоящей большевикам, утвердить свою «правду». Крестьянская мечта о свободном труде, укорененная в несколько веков, казалась как никогда близкой к воплощению. Но торжество «крестьянской цивилизации» обрекало Россию на распад. Барьером на пути распада страны встали большевики.

Деятельность эсеров и меньшевиков, сочувствующих народным восстаниям, вела к углублению кризиса. Все большая часть сторонников разбитых либеральных и консервативных партий предпочитала в обостряющемся конфликте поддерживать большевиков.

9. В целом, партийная система в России начала XX века продемонстрировала неэффективность. Причины неудач партийной системы были заложены не в сопротивлении властей, а в ней самой. Подавляющее большинство партий потерпело закономерное поражение. Так, в дореволюционный период между черносотенцами, октябристами и кадетами установились отношения, жестко блокировавшие возможность преобразований в государственном строе императорской России. В революционный период компромисс между основными партиями, эсерами и большевиками, и вовсе исключался - две сильные партии одновременно находиться на вершине власти не могли. Приход к власти большевиков - партии, находившейся на самом краю партийной системы - произошел лишь потому, что конкуренты, чьи шансы на успех выглядели более реальными, не использовали предоставлявшиеся им возможности. А большевики стали единственной партией, сумевшей в условиях начавшейся революции предотвратить распад России. За это они и получили власть, а в качестве дополнительного бонуса возможность реализации своей идеологической доктрины.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы отражены в следующих научных трудах: 2 научных монографиях, 2 статьях, входящих в список web of Science и Scopus, 22 статьях, опубликованных в рекомендуемых ВАК РФ периодических научных изданиях, а также 43 статьях, докладах и иных материалах. Общий объем публикаций – 68,00 п.л. Отдельные положения и аспекты работы были изложены на международных, российских и региональных научных конференциях, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Мурманске и Ярославле. Диссертационное исследование проходило апробацию в виде элективного курса, прочитанного студентам Ярославского

государственного технического университета и спецкурса у студентов вечернего отделения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры новейшей отечественной истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова» и 10 марта 2022 года ее текст был рекомендован к защите.

Структура работы продиктована проблемно-хронологическим принципом исследования избранной темы и сформирована в соответствии с общей концепцией, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 4 глав с 13 параграфами, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историография

Столетний юбилей российской революции показал, что события того сложного времени нуждаются в объективном анализе. Неправы те, кто полагает, что историю пишут победители[6]. Час, данный победителю, короток: и историю великих революций, как правило, пишут сочувствующие побежденным. Ни одна из великих революций (а русская революция, несомненно, относится к их числу) не принадлежит всецело лишь той исторической силе, которая победила в грозную революционную эпоху. Потомки предпочитают вершить суд над победителями[7]. Но позднее обязательно приходит осознание, что и побежденные были небезгрешны. Только тогда и начинается поиск истины.

Понять причины, приведшие Россию начала XX века к самой крупной из мировых революций, можно лишь на основе бережного отношения к наследию, собранному историками трех эпох: советской, постсоветской, неразрывно связанной в единое целое с перестроечным временем, берущей от него отсчет (конец 80-х-90-е годы), и современной, начинающейся с начала 2000-х годов. За многие годы активного изучения революции отечественной и зарубежной исторической наукой была проделана колоссальная работа. Поэтому выявить логику политического процесса начала XX века без активного привлечения трудов предшественников, опоры на них, безусловно, невозможно.

Рассмотреть весь массив имеющейся литературы не под силу ни одному исследователю, даже специально занимающемуся историографическими исследованиями. Исследовательские работы посвящаются обычно либо отдельным партиям, либо определенным периодам, ограниченным специальными направлениями[8]. В нашем историографическом обзоре основное внимание

---

[6] Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 4.

[7] Перьков Г.П. Зримые горизонты // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2011. № 1. С. 103-106.

[8] Смирнова М.И. Историография формирования российской социал-демократии.: Автореф. дисс… д-ра ист. наук. М., 1999; Пронин А.А. Российская эмиграция в советской историографии. Дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 2. Историография. М., 2001; Карпухин Д.В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М., 2009.

сосредотачивается на одном аспекте деятельности ведущих партий дореволюционной России (черносотенцев, октябристов, кадетов, эсеров, а также большевиков и меньшевиков - двух фракций социал-демократической партии, ставших в итоге самостоятельными партиями), но самом главном для них – ведении ими борьбы за государственную власть.

Еще одним важным объектом историографического анализа станут также и органы власти, поскольку обострение межпартийных противоречий существенно влияло на состояние властных структур. Заставляло их вначале (до февраля 1917 года) реагировать на радикальные устремления партий, преимущественно оппозиционных, а с февраля 1917 года превратило государственные учреждения в непосредственную арену борьбы партий, сохранившихся на политической сцене в ходе революции. Исходя из этого, наш интерес, кроме работ, нацеленных на изучение партий и взаимоотношений между ними, вызывают исследования, анализирующие положение в структурах власти. В частности, в дореволюционный период нельзя обойти вниманием деятельность императора Николая II, его правительства, и оказавшихся под влиянием либералов Государственной думы и органов местного самоуправления. На революционном этапе – Временного правительства, всевозможных Советов, комитетов общественной безопасности и ряда других, старых и новых институтов.

Алгоритм рассмотрения, включенных в историографический обзор трудов, основан на соединении хронологического подхода – временных пластов выхода тех или иных работ, и проблемного анализа – выделения тематических блоков, выявляющих во взаимосвязи отношения по поводу конкретной ситуации, или изложения взглядов определенного ученого. Проблемный подход к тематике будет периодически приводить к нарушению хронологического принципа и возможному попаданию работ одного временного периода в иной.

Первым глобальным опытом оценки межпартийной борьбы в России стал знаменитый пятитомник «Общественное движение в России в начале XX века», издававшийся легально еще до революции в Санкт-Петербурге под редакцией

Ю.О. Мартова, П. Маслова и А.Н. Потресова[9]. Это был меньшевистский взгляд на политическую ситуацию в России. Рано состоявшаяся дифференциация политических партий, считали составители издания, сделала возможным втягивание в антиправительственную борьбу самых широких слоев населения, от глубоко консервативных до крайне радикальных. Старый режим не проявил способности к обслуживанию ни одного из общественных классов, включая элементы, социальным интересам которых объективно противоречило прогрессивное развитие страны – земельного дворянства[10]. Однако, несмотря на то, что либералы не отрицали колоссальной роли рабочих в деле освобождения страны и пролетариат признавался ими становым хребтом нации, борющейся за освобождение от царского произвола, совместная атака против власти разных классов была невозможной. Синтез оппозиционного и революционного движения, даже на короткое время, не мог состояться, полагали меньшевики[11].

В действительности не хотели этого синтеза именно социалисты, опасавшиеся, что либералы сформируют позицию, удовлетворяющую основные слои населения, а социалисты останутся без народной поддержки. При этом, по мнению меньшевиков, только внутренние противоречия оппозиции, настроенной негативно против власти, позволяли старому порядку сохранять политическую систему, не удовлетворяя потребностей экономического развития страны[12].

Изначальную позицию теоретиков правого, черносотенного движения выражает статья В.А. Грингмута «Руководство черносотенца-монархиста», написанная осенью 1906 года, по следам роспуска I Думы, и названная современниками политическим катехизисом черносотенства[13]. Авторитет русского немца среди черносотенцев был очень высок: именно ему доверили право обратиться с речью к императору во время высочайшего приема в Царском Селе 1 декабря 1905 года от депутации семи правых организаций[14].

---

[9] Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. В 5 Т. СПб., 1909-1914.
[10] Там же. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. СПб., 1911. С. 664, 675.
[11] Там же. С. 664. 666, 674.
[12] Там же. С. 348, 674, 675.
[13] Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! / Отв. ред. О.Ф. Платонов. М., 2008.
[14] Там же. С. 13, 15.

По мнению идеолога черносотенцев, ограничить самодержавную власть русского царя хотят внутренние враги России в союзе с ее внешними врагами. Внутренними врагами являются конституционалисты-демократы и революционеры всех мастей. Они спорят между собой, но объединены стремлением к одной цели – уничтожению самодержавия в России. Оппозиционное движение жаждет не улучшения народного быта, а государственного переворота. Хотя парламент считается собранием, выбранным народом, из думских речей царь правды о народе не узнает, так как на деле депутаты представляют партии, эксплуатирующие сиюминутные настроения[15].

Среди работ, писавшихся в разное время о партии эсеров, одним из самых глубоких и информационно насыщенных остается труд жандармского генерала А.И. Спиридовича, вышедший из печати в ходе самой революции, в 1918 году[16]. В нем соединялись глубина анализа, знание редкой оперативной информации и достаточная объективность для человека, находящегося по другую сторону закона. Он пишет, что полиция впервые столкнулась с сетью разветвленных эсеровских организаций в 1901 году, когда из доклада Е.Ф. Азефа, внедренного полицией в революционные кружки, были получены первые конкретные сведения о партии[17].

Спиридович полагал, что тактику эсеров определяло желание находиться в передовой обойме борцов с самодержавием, и при этом принципиально отличаться от социал-демократов, с которыми им приходилось постоянно сталкиваться. С одной стороны, это толкало партию на путь террористической борьбы[18]. А с другой стороны - эсеры проявили гораздо больше готовности, по сравнению с теми же социал-демократами, и применять парламентские методы. II съезд их партии подчеркивал, что резкая конфронтационность левого крыла Думы при острой межфракционной борьбе парализует деятельность социалистов во II Государственной думе и дискредитирует в представлениях трудящихся классов саму идею народного представительства. Поэтому партийные депутаты, а во II

[15] Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские!... С. 345-351.
[16] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Пг., 1918.
[17] Там же. С. 57-58.
[18] Там же. С. 82.

Думу вошли 34 эсера, составивших Думскую группу партии эсеров, призывались приложить усилия к организации максимально согласованного выступления всех социалистических и вообще левых фракций, включая кадетов[19].

Незадолго до революции, в 1916 году, отмечал А.И. Спиридович, Департамент полиции с гордостью отчитался, что, по его сведениям, партии эсеров в России не существует. Он был прав лишь в одном: в силу разных причин партия переживала серьезный кризис как «обширная организационная единица». Но зато в наличности имелись энергичные партийные деятели, связанные «крепкими нитями» с революционной интеллигенцией и с народными массами. «Эти партийные кадры в союзе с другими революционными и общественными элементами умно и энергично подготавливали государственный переворот на глазах у правительства. И когда подошел удобный момент, социалисты-революционеры много способствовали как самому взрыву, так и успеху Февральской революции…»[20].

Все работы, выходившие в 1920-е годы в нашей стране, отличала острая идеологическая направленность, так как еще сохранялась опасность ликвидации победившего в ходе революции большевистского режима. За границей после завершения гражданской войны оставалась значительная часть сторонников ликвидированных партий, эсеров, меньшевиков и кадетов. Отечественная историография 20-х годов, ставшая советской, огульно осуждала противостоящие большевикам партии и упрощала революционную действительность, игнорируя наличие разногласий между либералами и умеренными социалистами. Она ошибочно утверждала, что февральские органы власти (Временное правительство, КОБы, земства и городские думы) полностью контролировались кадетами, а эсеры и меньшевики составляли там заведомое меньшинство и подчинялись им[21]. В действительности умеренные социалисты занимали прочные

---

[19] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Пг., 1918. С. 339, 340, 343.
[20] Там же. С. 541-543, 544-545.
[21] Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924; Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929.

позиции в органах власти 1917 года и проводили там самостоятельную, независимую от кадетов, и даже прямо направленную против них, политику.

В 1930-х годах, с приближением Второй мировой войны, основное внимание отечественной советской историографии переключилось на освещение взаимоотношений внутри самой большевистской партии. Главным объектом критики советских историков становится Л.Д. Троцкий, занимавший в октябре 1917 года ключевой для партии пост председателя Петроградского Совета. Сам Л.Д. Троцкий изложил свои представления о сущности происходивших в октябре 1917 года событий в подготовленном им фундаментальном труде «История русской революции», наиболее важная часть из которого была переиздана в сборнике его избранных произведений «К истории русской революции», составленном в 1990 году. Бывший председатель Петроградского Совета раскрывал в нем технику, проведенного при его непосредственном руководстве захвата большевиками власти в Петрограде[22].

Нападающая сторона, размышлял Л.Д. Троцкий, всегда хочет выглядеть обороняющейся. Революционная партия также была заинтересована в легальном прикрытии. Съезд Советов, будучи съездом переворота, являлся для народных масс бесспорным носителем суверенитета. Военно-революционный комитет заранее обвинял правительство в покушении на Советы. Поскольку правительство готовилось к самообороне, оно попадало под обвинение в заговоре против высшего органа рабочих, солдат и крестьян, между прочим, занося «руку на источник власти, из которого вышел Керенский». И если гарнизон отказался подчиниться правительству, значит, восстание началось до открытия съезда, но под прикрытием его авторитета – выводил Троцкий разработанную им чеканную формулу октябрьского переворота. Из сделанных им выводов получалось: восстание победило потому, что осталось на почве советской легальности[23].

В 1930-х годах утверждение Л.Д. Троцкого о том, что в основу октябрьского переворота легла разработанная им тактика, категорически оспаривалось.

---

[22] Троцкий Л.Д. История русской революции // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.
[23] Там же. С. 381-382.

Квинтэссенцией представлений того периода о действиях большевиков в ходе революции является «Краткий курс истории ВКП (б), отредактированный лично И.В. Сталиным. Именно от него исходит ставшее нарицательным изречение о большевиках, сражающихся в февральские дни на улицах, и меньшевиках с эсерами, занимающих в это время депутатские скамьи в Советах[24]. Творцы краткого курса считали действительным началом большевистского восстания не утро, а ночь 24 октября, то есть момент прибытия в Смольный В.И. Ленина, «непосредственно» взявшего в свои руки руководство восстанием. Сроки восстания «выбалтывали врагу» не только Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, но и Троцкий, слишком часто выступавший в качестве председателя Совета. В итоге Керенский намеревался за день до открытия II Съезда Советов атаковать Смольный, как место пребывания ЦК партии большевиков. Из-за чего ЦК пришлось начать восстание ранее планируемого срока[25].

Определенный поворот к изучению деятельности остальных партий наметился в Советском Союзе в конце 50-х годов, и в известной мере это связывалось с широким празднованием сорокалетия Великого Октября. За три года, с 1957 по 1959, в СССР вышло около 7 тысяч работ, написанных о революции[26]. Уровень их был разный, но вместе с тем это был заметный прорыв по сравнению с прежними временами.

Большая часть этих работ публиковалась на региональном уровне. Наиболее распространенной их формой стали очерки истории КПСС, начавшие издаваться на местном уровне с конца 1950-х годов[27] и за 10 лет вышедшие почти повсеместно[28]. Они сыграли положительную роль в развертывании процесса историографических исследований, так как наряду с главными героями очерков, большевиками, в них показывались политические противники последних, прежде всего эсеры с меньшевиками. Входя в систему коммунистической пропаганды, и

---

[24] История всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс. М., 1938. С. 170-171.
[25] Там же. С. 197-198.
[26] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С. 7.
[27] Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1957.
[28] Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 1. 1892-1917. Иваново, 1963; Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967.

неоднократно переиздаваясь до роспуска КПСС в 1991 году[29], очерки на самом деле возрождали опыт 1920-х годов. Тогда тоже в каждой губернии возникали знаменитые комиссии Истпарта, состоявшие из известных большевиков и собиравшие материалы по истории Октябрьской революции[30].

В историографическую память пятидесятых годов вошел инцидент, вызванный публикацией в журнале «Вопросы истории» за 1956 год двух статей Э.Н. Бурджалова о тактике большевиков в марте-апреле 1917 года – до возвращения в Россию В.И. Ленина[31]. Бурджалов, занимавший пост соредактора журнала, писал, что столичный Петербургский комитет (ПК) – до начала апреля, руководивший партией в столице, склонялся к условной поддержке Временного правительства, фактически приближаясь к взглядам меньшевиков и эсеров, что вызывало неодобрение Ленина. Владимир Ильич в знаменитой телеграмме «никакой поддержки Временному правительству» даже сделал особую приписку: «Телеграфируйте это в Петроград»[32]. Статьи Бурджалова вызвали массовое недовольство советских историков, уверявших, что линия партии всегда оставалась ленинской. Бурджалова отстранили от редактирования журнала и одиннадцать лет его работы нигде не публиковались.

К пятидесятилетию Октября началось издание шеститомной истории КПСС[33]. В труде, носившем многоплановый характер, прослеживалась и полемика партийных руководителей, и практическая деятельность партии, представленной в многочисленных общественных организациях – профсоюзах, фабзавкомах, солдатских и крестьянских комитетах, и, особенно, в Советах. Главной целью многочисленного авторского коллектива, председателем которого являлся П.Н. Поспелов, был показ закономерности победы большевиков в Октябре. Авторы истории КПСС подчеркивали: в России создалась небывалая

[29] Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1972; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883-1937. Ярославль, 1985.
[30] Рыбинск в революции 1917-1922 годов. Рыбинск, 1922. С. 9, 13-18.
[31] Бурджалов Э.Н. О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 38-56; Бурджалов Э.Н. Еще о тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 109-114.
[32] Вопросы истории. 1956. № 4. С. 49.
[33] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 Т. М., 1964-1980.

острота социальных противоречий[34]. В начале XX века центр мирового революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. В европейских странах полоса буржуазно-демократических революций к этому времени уже завершилась, а к социалистическим революциям они еще не подошли. России предстояло в новую эпоху открыть первый тур социальных революций, «проложить всему человечеству путь к социализму». Здесь назревала великая народная революция против царизма и остатков крепостничества, тесно переплетенных с капитализмом[35].

В 1960-е годы, особенно со второй половины, началось более пристальное рассмотрение деятельности эсеров и меньшевиков. В связи с тем, что они, наряду с большевиками, претендовали на лидерство в рабочем движении, умеренные социалисты воспринимались историками того периода, как партии, мешавшие большевикам углублять, радикализировать революцию[36].

Крупнейшей работой 60-х годов стала монография В.В. Комина «Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России», где комплексно показывалась стратегия и тактика противостоящих большевикам партий с февраля 1917 года по январь 1918 (до разгона Учредительного собрания)[37]. Владимир Васильевич широко использовал первоисточники. Им впервые вводились в научный оборот многие партийные документы: протоколы заседаний и резолюции Центральных комитетов, конференций, собраний, совещаний и съездов. Обобщался большой объем архивных материалов и периодической печати. Прослеживалось участие кадетских, эсеровских и меньшевистских активистов в центральных органах власти – Временном правительстве, Советах и предпарламенте, Временном комитете Государственной думы и частных совещаниях ее членов. Однако итоговые выводы монографии не выходили за традиционные представления середины 60-х годов: все небольшевистские партии, включая временных союзников большевиков левых эсеров, переходом в

[34] История Коммунистической партии Советского Союза… Т. 1. С. X, XIII, XVII.
[35] Там же. С. XII, XIII.
[36] Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968.
[37] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

контрреволюционный лагерь вынудили большевиков к введению однопартийной политической системы.

Авторитет В.В. Комина в советском научном мире был настолько высок, что он превратил Калинин (нынешнюю Тверь) в один из главных центров изучения революции. На организуемые им конференции, устраиваемые до конца 1980-х годов, приезжали ведущие советские историки, во главе с председателем Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», академиком И.И. Минцем[38].

На общем историографическом фоне 60-х годов выделялась работа В.С. Дякина «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны», вышедшая к пятидесятилетию Февраля[39]. В ней ярко проявились те черты, которые характеризовали Валентина Семеновича как исследователя. И основной его чертой являлась скрупулезность анализа. Дякин уже в то время вышел за обычные рамки, в которых приходилось работать советскому историку. Он взял для исследования тему, объектом рассмотрения которой стал период, вплотную примыкавший к революции, находившийся под жестким контролем партийного руководства. Стиль работ В.С. Дякина[40] существенно отличался даже по сравнению с трудами его ровесников А.Я. Авреха и Е.Д. Черменского, ставших, как и он, корифеями советской исторической науки[41].

Из положений, отмечавшихся Дякиным еще в 60-е годы, наибольшее значение для нас имеют следующие: Николай II и Александра Федоровна не готовили сепаратного мира с Германией, как утверждала официальная версия, а намеревались продолжать войну. Либеральная оппозиция разрабатывала планы свержения Николая II в тесном контакте с союзниками. В частности, в

---

[38] Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. Калинин, 1981; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции (Мат-лы конф.). М., 1982.

[39] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967.

[40] Позднее им были выпущены и другие монографии, которые теперь уже посвящались событиям, предшествовавшим началу мировой войны: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

[41] В 1960-е годы были также опубликованы первые их монографии: Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

регулярных отношениях с ней находились французский посол М. Палеолог и английский консул в Москве Р.Б. Локкарт[42].

Мысли В.С. Дякина обобщала статья, вышедшая в 1982 году в журнале «Вопросы истории»[43]. Дворянско-бюрократические круги, писал Дякин, все теснее смыкались с правым крылом думской оппозиции. Раздававшийся из правых сфер совет не идти «на конфликт с представительным строем» и удалить «наиболее ненавистных лиц» превратился в платформу, объединившую осенью 1916 года либеральную оппозицию с большей частью ранее противостоявшего ей дворянства. В том числе входившего в Государственный совет и даже съезд объединенного дворянства. Однако либералы не могли найти спасительного для страны выхода, а это означало, что флирт придворной оппозиции, включая «царскую родню», с ними был не только противоестественен, но и бесполезен[44].

1970-первая половина 1980-х годов стали наивысшим этапом в развитии советской исторической науки. В этот период, продолжавшийся до начала Перестройки, советскими историками было развернуто планомерное изучение ведущих дореволюционных партий России. Так или иначе, тогда исследовались абсолютно все партии, деятельность которых оказалась объектом нашего анализа. Отсутствовали специальные монографические работы лишь по Союзу русского народа, черносотенному движению, но это объяснялось сугубо политическими причинами – желанием руководства КПСС предотвратить возрождение националистического движения. Достаточно вспомнить известную статью «Против антиисторизма» А.Н. Яковлева, будущего секретаря ЦК КПСС по идеологии, написанную им в начале 1970-х годов, когда он занимал в ЦК должность заведующего Отделом пропаганды и агитации[45].

Приоритет в рассмотрении противостоявших большевикам партий теперь перешел к кадетской партии. Отныне они, а не эсеры и меньшевики, виделись «настоящими» врагами революции. Деятельность кадетов стремились раскрыть

---

[42] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны… С. 284, 304, 305.
[43] Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 70-83.
[44] Там же. С. 77, 79-83.
[45] Материалы об этой статье можно посмотреть в следующей работе: Колодиж Б.Н. Политик, опередивший время. О А.Н. Яковлеве // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сборник научных трудов. Вып. 2. Ярославль, 2006. С. 45.

статусные советские историки Л.М. Спирин и В.А. Кувшинов[46]. В монографии В.А. Кувшинова конституционные демократы назывались главным штабом контрреволюции в стране[47].

Неотделимо от историографии партии кадетов имя В.В. Шелохаева, на протяжении длительного времени исследовавшего политику всего спектра либерального лагеря, состоявшего из кадетов, октябристов и прогрессистов[48]. Один из первых его крупных трудов о кадетах вышел в 1983 году[49]. По мнению Шелохаева, кадетские лидеры, получив большинство в I Думе, рассчитывали, что возглавление ими правительства остановит революцию. В реальности кадеты были не способны совладать с революцией: им не удалось создать сплоченного большинства даже внутри I Думы. Они фактически оказались в изоляции от ее правого и левого флангов. По ключевому проекту обращения к народу за них проголосовала всего треть депутатов – 124 человека, что уступало численности самой кадетской фракции. Зато против кадетов голосовали и левые трудовики, и более правые октябристы[50].

В 1970-е годы начала складываться и концепция Н.Г. Думовой, во многом способствовавшая пересмотру мнения отечественной науки о месте кадетов в дореволюционных политических процессах[51]. Думова не отрицала прогрессивного характера готовившихся ими реформ. В ее работах значительное внимание уделялось показу фактов сотрудничества кадетов с большевиками, характерных для начального этапа деятельности партии народной свободы. Например, упоминалось о контактах одного из ведущих функционеров большевистской партии Я.М. Свердлова с лидером сибирских кадетов Л.А.

---

[46] Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.-1920 г.). М., 1977; Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1982.
[47] Кувшинов В.А. Указ. соч. С. 230-231.
[48] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991.
[49] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983.
[50] Там же. С. 220, 224.
[51] Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 г. // Исторические записки. Т. 90. М., 1972; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (окт. 1917-1920 гг.). М., 1982; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990.

Кролем. Оба политика совместно выступали в 1905 году на митингах в Екатеринбурге[52].

Наиболее независимой, по отношению к господствовавшим в советское время представлениям, являлась монография А.Г. Слонимского, вышедшая в 1975 году в Душанбе[53]. Это была работа, специально посвященная вопросам создания и этапам борьбы Прогрессивного блока за власть в России. Параллельно А.Г. Слонимскому о тех же событиях писал Е.Д. Черменский, монография у которого была издана на год позже в Москве. Но в то время как Слонимский делал акцент на фактах оппозиционного поведения либералов, и в этом смысле его линия повествования во многом предвосхищала позицию историков 1990-х и 2000-х годов, Черменский придерживался более традиционных для советской историографии взглядов. По его представлениям, царское правительство приступило к буржуазным реформам вынужденно, под натиском революции, но из-за сложившегося соотношения классовых сил это лишь углубило противоречия в обществе и привело к усилению в нем революционных настроений[54].

Близка к Черменскому была позиция и другого советского историка А.Я. Авреха. Фронтовик, дошедший до Берлина и закончивший войну в звании капитана, занимал в иерархии советской исторической науки одно из первых мест и по праву стал ведущим советским историком. Хотя он и являлся охранителем, защищавшим советскую традицию от поползновений «буржуазных тенденций», его работы, написанные живым, ярким языком, было интересно читать, что, к сожалению, не всегда было характерно для советских историков. В монографии «Царизм накануне свержения» преимущественное внимание автора сосредоточилось на политических кругах, выступавших на стороне трона[55]. Аврех писал о самораспаде самодержавия и беспомощности правых сил. По его мнению, они были неспособны защитить дореволюционную Россию от краха во время войны. Главные агенты власти, бюрократы и чиновники, теряли надежду на

[52] Думова Н.Г. Кончилось ваше время … С. 47, 60-61.
[53] Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
[54] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 13.
[55] Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

дееспособность власти: их средою овладевали настроения обреченности и пораженчества перед угрозой надвигающейся революции[56].

Итоги размышлений А.Я. Авреха о природе русского либерализма подвела статья «Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития», посмертно опубликованная в журнале «Вопросы истории»[57]. В ней разбирались причины поражения либеральных партий - кадетов, октябристов и прогрессистов - но центральное место в статье уделялось все же кадетской партии. Арон Яковлевич считал конституционных демократов наиболее последовательными защитниками общеклассовых интересов буржуазии. При этом собственно буржуазные слои относились к ним негативно, видя в них беспочвенных интеллигентов. За кадетской партией, и правда, не стояла ни одна конкретная группировка буржуазии, о чем собственно писал еще и В.И. Ленин, но кадеты выражали сущностные интересы буржуазии, как класса, более полно, чем узкие «верхи» буржуазии[58]. Поражение кадетов предопределило недоверие буржуазии к партии, в которой сосредоточились ее лучшие теоретические и практические силы[59].

На доперестроечный период приходится выход основных работ одного из ведущих ленинградских историков В.И. Старцева[60]. Виталий Иванович в четырех монографиях, внесших огромный вклад в развитие отечественной науки, исследовал события восьми революционных месяцев, между Февралем и Октябрем. Так, в работе «Внутренняя политика Временного правительства первого состава» анализируются два начальных месяца деятельности Временного правительства. Здесь полностью опровергается положение, отстаиваемое советской историографией, согласно которому провинциальные органы власти в 1917 году перешли в разряд местных правительственных органов. У Временного правительства не образовалось в регионах своего аппарата. Местная власть

---

[56] Аврех А.Я. Царизм накануне свержения… С. 175.
[57] Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17-31.
[58] Там же. С. 24-25.
[59] Там же. С. 26.
[60] Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978; Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982.

действовала автономно, независимо от него. Даже губернские и уездные комиссары, единственные официальные представители правительства, выдвигались из местной общественности и были теснее связаны с ней, а не с центром[61].

Отношениям Временного правительства и столичного Совета, в тех же марте-апреле 1917 года, посвящена монография В.И. Старцева «Революция и власть». Здесь детально рассмотрен конфликт в Петроградском Совете партий советского большинства (меньшевиков и эсеров) с советским меньшинством (большевиками). При анализе первого правительственного кризиса, апрельского, Виталий Иванович выделил малозаметный эпизод, когда в апреле большевистская фракция впервые предложила предоставить ей председательское место, выдвинув на эту должность В.И. Ленина. Конечно, реализация данного предложения была невозможна, но главное здесь заключалось в другом: именно тогда большевики начали практическую борьбу за овладение Советами[62].

Между тем в работе «27 февраля 1917» Старцев отмечает, что и до этого, на этапе победы революции, большевики вели отчаянную борьбу за власть. Мысль о стремлении большевиков захватить власть еще в феврале 1917 года, характерная для советской историографии, сегодня активно отвергается, но думается, что как раз здесь советская историография была ближе к истине. Виталий Иванович подробно рассматривает планы большевиков разместить на Финляндском вокзале подконтрольное партии Временное революционное правительство, которым помешало освобождение из тюрьмы «Кресты» членов рабочей группы ЦВПК уговоривших солдат, составивших значительную часть восставшего народа, отправиться в Таврический дворец для создания там Совета[63].

В 1970-1980-х годах, несмотря на более активное изучение иных партий, интерес у советской исторической науки к большевикам сохранялся. И на первом

---

[61] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава… С. 203, 204.
[62] Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г.… С. 182.
[63] Старцев В.И. 27 февраля 1917… С. 144-147, 152.

плане по-прежнему оставались их взаимоотношения с меньшевиками[64]. В центр внимания А.П. Якушкиной попала заграничная организация РСДРП. Ее монография, содержащая много ценной и важной для того времени информации о меньшевиках, поскольку те вплоть до 1917 года, сохраняли преимущество в эмигрантских структурах, выделяет сложности, с которыми пришлось столкнуться большевикам в стремлении усилить влияние на эмигрантскую среду.[65]. От соотношения фракционных сил в заграничных организациях в значительной мере зависел исход противостояния большевиков и меньшевиков внутри партии. Из трех тысяч российских политэмигрантов в 1907 году переехавших в Западную Европу примерно две трети относились к РСДРП. Увеличение в составе эмигрантов доли рабочих слабо помогало большевикам, ведь это были люди, перенесшие огромные физические и нервные потрясения в сражениях с самодержавием[66].

Не осталась в стороне от исследований партия эсеров, которой была посвящена одна из лучших монографических работ семидесятых годов - «Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции»[67]. К. В. Гусев стал одним из самых известных историков, посвятивших профессиональную деятельность крупнейшей социалистической партии. В 1990-е годы из-под его пера вышел ряд новых монографий об эсерах, где он уже не был связан условностями, которые приходилось соблюдать советскому историку[68].

В монографии советского периода К.В. Гусев критически оценивал тактику эсеровской партии, делая упор на критике ее террористической деятельности и указывая, что террор являлся едва ли не единственным видом ее революционного действия. Но террор нередко применялся и буржуазными революционерами, и, значит, эсеры не шли дальше буржуазных радикалов. Их революционаризм носил буржуазный характер и претензии эсеров на социалистичность были

---

[64] Клюева А.Д. Партия большевиков в первой русской революции 1905-1907 гг. М., 1977; Якушкина А.П. Ленин и заграничная организация РСДРП. 1905-1917. М., 1972.
[65] Якушкина А.П. Ленин и заграничная организация РСДРП. 1905-1917. М., 1972. С. 3, 18, 19.
[66] Там же. С.108-109.
[67] Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
[68] Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Гусев К.В. В.М. Чернов: штрихи к политическому портрету. М., 1999.

беспочвенны[69]. В дальнейшем Гусев отказался от столь категорического утверждения, признав, что главной целью партия все же ставила революционизирование масс, а террор являлся лишь дополнительным средством для подталкивания народа к радикальным действиям. В мировоззрении В.М. Чернова сложилось понимание, что революционная партия обязана опираться на крестьянство, так как не сможет нанести против его воли серьезного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму[70].

В 1970-1980-е годы появились работы о региональных структурах политических партий[71]. Г.П. Аннин провел глубокое исследование организационного состояния партии большевиков на территории Верхней Волги (динамику роста ее организаций, их социальный, «качественный» состав), процесс создания с меньшевиками объединенных социал-демократических организаций с позднейшим вытеснением оттуда меньшевиков, борьбу за централизацию партии. Строгая подчиненность местных отделений партийному руководству, Центральному Комитету, расценивается им как одна из главных причин победы большевиков. В кандидатской диссертации В.П. Федюка также исследовались различные аспекты деятельности кадетов в Верхневолжье. Из нее следовало, что к 1917 году кадетская партия превратилась в сугубо городскую. Подавляющее большинство членов партии проживало в губернских центрах и нескольких крупнейших уездных городах. При таком раскладе сил кадеты просто не могли противостоять социалистам[72].

Предварительные итоги изучению дореволюционных партий подводила вышедшая в 1984 году коллективная монография «Непролетарские партии России: Урок истории»[73]. Это была новая форма исторического исследования. Для написания комплексного труда создавался сильный творческий коллектив. В редколлегию издания вошли К.В. Гусев (являвшийся ответственным редактором),

---

[69] Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции… С. 54, 55, 60.
[70] Гусев К.В. В.М. Чернов: штрихи к политическому портрету... С. 13, 17, 25-26.
[71] Аннин Г.П. Большевики Верхневолжья в 1917 году. Ярославль, 1983; Федюк В.П. Крах кадетской политики в 1917 году (по материалам Верхнего Поволжья): Дисс… канд. ист. наук. Ярославль, 1984.
[72] Федюк В.П. Крах кадетской политики в 1917 году (по материалам Верхнего Поволжья).: Дисс… канд. ист. наук. Ярославль, 1984. Л. 103.
[73] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.

Л.М. Спирин, В.В. Комин, В.И. Миллер, С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев, Н.Г. Думова и другие. Деятельность политических партий прослеживалась в нем с момента образования до распада. Официально выход труда объяснялся его актуальностью для второй половины двадцатого столетия: следовало провести комплексное исследование тактики большевиков в отношении непролетарских партий, чтобы извлечь из него практические уроки, которые могут пригодиться коммунистам в «политической борьбе сегодня и завтра»[74]. На деле это была серьезная историческая работа, впервые объединившая основных ученых, занимавшихся изучением дореволюционных партий.

К каким же выводам пришли в первом коллективном труде советские историки? Мелкобуржуазные партии воспринимались ими, как полностью зависимые от буржуазного либерализма. Став в 1917 году правительственными партиями, эсеры и меньшевики окончательно изменили делу социализма. В начале пути они колебались между пролетариатом и буржуазией, а затем не только вместе с буржуазией развязали гражданскую войну, но на первоначальном ее этапе даже возглавили силы контрреволюции. Социалистические непролетарские партии[75] крепко приковали себя к «колеснице буржуазии»[76]. На сторону большевиков переходили не только рядовые члены, но и руководящие деятели других партий, убеждавшиеся, что лишь Советская власть спасет страну от национальной катастрофы[77]. Большевистская партия использовала любые возможности для привлечения союзников, хотя бы временных и колеблющихся. Достаточно вспомнить союз с левыми эсерами[78].

Особое место в советской историографии занимает капитальный трехтомный труд И.И. Минца «История Великого Октября»[79]. Эту работу можно по праву назвать энциклопедией советского взгляда на историю революции. Здесь объединялись основные сведения об истории базовых революционных партий, об

---

[74] Непролетарские партии России: Урок истории… С. 3-4.
[75] В разряд непролетарских партий советскими историками включались даже меньшевики, длительное время находившиеся совместно с большевиками в одной партии – РСДРП.
[76] Непролетарские партии России: Урок истории… С. 564.
[77] Там же. С. 556-560.
[78] Там же. С. 557, 561.
[79] Минц И.И. История Великого Октября. В 3. Т. М., 1977-1979.

органах власти и положении в них партийных представителей. Фундаментальный труд приурочивался к 50-летию Октября и выдержал несколько изданий. Минц стремился показать революцию как единый процесс, имеющий общую экономическую и политическую основу. Преобладающая часть работ о революции, отмечал И.И. Минц, рассматривала ее проведение в отдельных регионах, а он прослеживает развитие революционных процессов в комплексе: и в центре, и на местах[80].

Фальсификаторы истории Октября, писал Минц, «вытащили на свет старую побасенку» о том, что Февральская революция была «единодушной» революцией, общим делом всех классов, а Октябрьскую революцию совершила группа заговорщиков. Между тем, за несколько месяцев, предшествовавших октябрю, численность большевиков возросла почти вдвое, что говорило о стремительно возраставшем авторитете партии в народе[81]. Ее победа была невозможной без поддержки крестьян. С каждым днем революции все большее число крестьян приходило к пониманию, что Временное правительство земли им не даст. Сразу после победы Февраля развернулось широкое крестьянское движение за землю. В 1917 году, утверждает И.И. Минц, рабочий класс России выступил руководителем народных масс[82].

Оценивая период 1970-первой половины 1980-х годов, следует признать, что это был этап поступательного накопления знаний о революционном прошлом России. Идеологические догмы оказывали существенное воздействие на него, но все-таки увеличение знаний происходило, и общество постепенно подводилось к усвоению реальных социально-политических процессов начала XX века. А вот начавшаяся в 1985 году Перестройка оказалась в этой связи явлением регрессивным, не подвигнувшим страну на понимание реалий, приведших Россию к революции.

Доктор исторических наук С.Н. Полторак из Петербурга также высказывал критический взгляд на перестроечную историографию, и утверждал, что оценки

---

[80] Минц И.И. История Великого Октября… Т. 3. С. 877, 878.
[81] Там же. Т. 1. С. 8; Т. 3. С. 643.
[82] Там же. Т. 1. С. 10, 765.

исторических событий начала XX века в России зачастую менялись тогда необоснованно. Но при этом полагает, что от работ того периода было «больше пользы, чем вреда», поскольку при всей конъюнктурности и ангажированности они пробивали дорогу к дальнейшему непредвзятому освещению исторических процессов[83]. На наш взгляд, этот поворот являлся излишним, так как уводил историческую науку с более правильного пути, по которому она, пусть и медленно, шла с 1970-х годов, и потребовалось пройти по нему еще долгих 10-15 лет, чтобы в начале XXI века, разочаровавшись в представлениях 1990-х годов, снова вернуться к проторенным в советский период путям прогресса в осознании истории России вековой давности.

Стремление героизировать облик большевистской партии, «очистить ее от сталинских наслоений», характерное для начального этапа Перестройки, 1985-1987-х годов, к концу 1980-х быстро переросло в свою противоположность. Все ее прошлое объявлялось тогда преступным. В те годы большим авторитетом пользовался философ А.С. Ципко. Страна зачитывалась серией его статей «Истоки сталинизма» в журнале «Наука и жизнь». В 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла его книга «Насилие лжи, или как заблудился призрак»[84]. В предисловии к работе он писал: «Задумал я написать обличительную и разоблачительную книгу о сталинизме, а все окончилось разговором о драме марксизма и всех его учеников[85]. Ципко видит в действиях большевиков разрушительство России. Читая его, создается впечатление, что большевики внезапно напали на мирную страну - как будто Россия была вовлечена в водоворот политических страстей в октябрьские, а не в февральские дни.

В годы Перестройки существенно понизился интерес и к Февралю, и к 1917 году в целом. Главным стала критика сталинизма. Активно спорили о НЭПе: его природе и причинах свертывания. История революции 1917 года находилась в тени. За это время не была преодолена ни одна идеологема, тормозившая развитие

[83] Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018. С. 112, 113.
[84] Ципко А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М., 1990.
[85] Там же. С. 5.

науки до Перестройки. Одна из основных идеологем советской историографии содержится в статье И.В. Алексеевой, посвященной контактам либеральной оппозиции с союзниками, изданной в сборнике «Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году»[86]. В ней говорится о том, что либеральная оппозиция, готовя при консультации союзников дворцовый заговор, направленный на свержение Николая II, не покушалась на *царизм, как на политическую систему*[87].

На наш взгляд, стремление отстранить от власти Николая II, присущее русским либералам и западным союзникам, было больше простого покушения на одно физическое лицо, пусть и занимающего верховный пост в стране - это было покушением на суверенность российского государства. В советской историографии в целом преобладало сочувственное отношение к либеральному заговору против последнего русского императора, хотя в 1917 году у Ленина такой симпатии к либералам не было. К сожалению, советская историография перечеркнула мнение своего вождя, что имело отрицательные последствия. В отечественной исторической науке оформилось положительное восприятие оппозиционных заговорщиков, сохраняющееся во многом вплоть до сегодняшних дней. В действительности, либералы загоняли Россию в тупик, желая отстранить императора перед готовящимся наступлением. Отречение Николая II привело к страшнейшему кризису, отягощенному вмешательством во внутрироссийский конфликт иностранных сил обеих коалиций. Объективно это вело к разделу страны между другими государствами.

После 1991 года, с распадом СССР, интерес к революции в нашей стране резко повысился. Но властителями дум в то время были зарубежные историки[88]. Российские ученые находились тогда в некотором кризисе. Впрочем, не все! Общественное мнение определяли тогда исследователи, сумевшие быстро

---

[86] Алексеева И.В. Русская буржуазная оппозиция и союзники накануне Февральской революции (конец 1916-начало 1917 г.) // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сборник научных трудов. Л., 1989.
[87] Там же. С. 258.
[88] Пайпс Р. Русская революция. В 2. Ч. М., 1994; Ингерфлом К. С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993; Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

«перестроиться». Если раньше от официальной науки требовалось восхвалять большевиков, теперь большая часть общества требовала их обвинения[89].

Среди тех, кто отважился во время буквального опьянения свободой защищать большевиков, выделялись П.В. Волобуев и В.П. Булдаков. В статье «Октябрьская революция: путь к демократии или диктатуре» Павел Васильевич настаивает на общенародном характере Октября, демократизме большевиков образца 1917 года. Большевики стремились к созданию общества, основанного на народном самоуправлении[90].

Для В.П. Булдакова характерно двойственное отношение к революции. Его позиция далека от идеализации революции, характерной для П.В. Волобуева[91]. Революционный процесс, отмечает Булдаков в монографии «Красная смута», необычайно сложен. Сложившиеся представления об Октябрьской революции совершенно неадекватны ее внутренней природе. Революция заслуживает лучшей историографической участи. «… с … господствующими вздорными представлениями о собственном прошлом пора кончать. Они обходятся слишком дорого, провоцируя очередной виток смуты»[92].

Работа В.П. Булдакова сводит воедино свидетельства людей разных званий и сословий, публикуя их отзывы о революции. Любая революция протекает в действительности на личностно-бытовом уровне. Для правильного ее понимания следует преимущественно рассматривать воспоминания не политических лидеров («мемуары и дневники политиков столь же ненадежны, как их ремесло»), а массовых слоев населения – крестьян, солдат, рабочих, городских обывателей[93]. Российскую империю, делает вывод историк, разрушили не труженики, занятые борьбой за самовыживание, а партийные доктринеры. Переломным моментом впадения в социальное буйство следует считать Февральскую революцию. Уже в конце 1917 года многие современники соглашались, что первопричина революции

---

[89] Кудинов О.А. Красная чума в России (лекции по истории России начала XX в.). Пермь, 1992.
[90] Волобуев П.В. Октябрьская революция: путь к демократии или диктатуре // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 148.
[91] В.П. Булдаков являлся заместителем председателя Научного совета РАН «История революций в России» при председательстве в нем П.В. Волобуева.
[92] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 6, 8, 9-10.
[93] Там же. М., 1997. С. 8-9.

заключалась не в большевиках. Пусть они провокаторы, «негодяи», немецкие агенты, но в основе всего лежало «восстание низов»[94].

Общая историографическая ситуация начала 1990-х годов выглядела удручающе. Наработки, созданные за 70-80-е годы, казались вчерашним днем исторической науки. В это время господствовал дикий антибольшевизм. Типологизировала представления о злобности большевиков, преобладавшие в 1990-е годы, книга А.А. Арутюнова «Досье Ленина без ретуши»[95]. Арутюнов обвиняет Ленина в том, что тот, обладая огромной силой воли, аналитическим умом и большими организаторскими способностями, вошел в мировую историю как один из самых величайших преступников. По тяжести, масштабности и изощренности совершенных злодеяний, он превзошел всех предшественников. Такого страшного зла не причинил миру ни один глава государства, ни один вождь реакционной партии. Октябрьский военно-политический переворот принес миллионам людей одно горе и страдания - летопись России с октября 1917 года писалась человеческой кровью[96].

С противоположным взглядом на роль большевиков в революции выступил в начале 90-х годов известный советский, российский историк Г.З. Иоффе, прославившийся трудами о лидерах Белого движения Л.Г. Корнилове и А.В. Колчаке[97]. Он одним из первых, в период всеобщей увлеченности антибольшевизмом, показал закономерность успеха большевиков. Они являлись не разрушителями, а восстановителями империи, возродив, пусть и в иной форме, имперское государство, опрокинутое революцией[98].

Таким образом, полной победы антикоммунистического направления в историографии не произошло. На начало 1990-х годов приходится, например, выход содержательных работ Г.А. Герасименко, в которых освещалась деятельность земств и комитетов общественной безопасности[99]. Герасименко

---

[94] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия… С. 350-352.
[95] Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999.
[96] Там же. С. 6, 7, 9.
[97] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
[98] Иоффе Г.З. Россия, вставшая на дыбы // Наука и жизнь. 1993. № 1. С. 12-13.
[99] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. М., 1992.

разрушал стереотип об их контрреволюционности. Хотя в революции выделялись леворадикальное, демократическое (эсеро-меньшевистское) и правое (кадетское) течения, все они относились к революционным силам и отличались только степенью радикализма, большей или меньшей. Каждому из трех течений соответствовал отдельный общественно-политический институт, наиболее полно выражавший требования и цели социальных слоев и групп, входивших в тот или иной лагерь. Советы выражали сущность левого лагеря, земства и городские думы –либерального, переместившегося в ходе революции на правый фланг, а комитеты общественной безопасности (КОБы) – умеренно-социалистического, эсеро-меньшевистского, находившегося в центре.

Поражение КОБов, вполне раскрывших демократическую сущность, Герасименко объясняет сплочением противоположных сил. Вопрос о государственной власти осенью 1917 года решался, по его мнению, в споре леворадикального и правого лагерей. Это утверждение представляется нам спорным, в связи с тем, что подавление корниловского мятежа привело к существенному ослаблению правого лагеря - и осенью, перед Октябрем, реальную борьбу за власть в состоянии были вести только леворадикальный и умеренно-социалистический лагеря. Причина поражения КОБов, в которых преобладали эсеры и меньшевики, заключалась в невозможности для них противостоять натиску радикалов – большевиков и левых эсеров.

В начале 1990-х годов постперестроечное российское общество волновал вопрос о причинах формирования в революционной России административно-командной системы, объявленной «главным тормозом обновления советского общества» на позднем этапе его существования. Исследовал его Г.А. Трукан[100]. Историк полагал, что она не вытекала из доктрины, и не задумывалась В.И. Лениным специально. Ожидалось создание принципиально иного государства, государства-коммуны, где не было бы ни полиции, ни постоянной армии, и вообще отсутствовали бы специальные привилегии, создающие оторванную от масс элиту. Мечта о коммуне, выстраданная Лениным в работе «Государство и

[100] Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М., 1994.

революция», «сгорела в огне гражданской войны». Командно-административная система появилась как средство спасения большевистской власти, в борьбе за выживание поставившей все наличные ресурсы страны под партийный контроль. За два с половиной года гражданской войны партия большевиков стала стержнем административно-командной системы, утратив демократический облик 1917 года и превратившись в замкнутую организацию с разветвленной иерархией. Ее диктату подчинялась вся экономическая и политическая жизнь страны. Без решающих указаний ЦК не разрешался ни один важный вопрос в государственных учреждениях, а губернские и уездные партийные комитеты действовали как власть на местах. Период военного коммунизма кардинально видоизменил основы партийной жизни.

Существенно повлиял на исторический фон начала 1990-х годов выход в России труда С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», реально написанного в далекие 1920-е годы по заказу Высшего монархического совета, находившегося в эмиграции[101]. Это была очень важная работа для постсоветского читателя. Историки делились тогда в России на две четких группы: 1) тех, кто, занимая антибольшевистскую позицию, резко отрицательно относился к Николаю II, видя в нем человека, доведшего Россию до революции, то есть солидаризировались с либералами, развязавшими в ходе великой войны травлю главы своего государства. И 2) фанатичных приверженцев императора, считавших его исключительно жертвой революции. Оба подхода представляются одинаково тупиковыми, мешающими определить причины сползания России к революции.

В этом плане книга крайне показательна. Она, несомненно, носит апологетический характер и кажется потому относящейся к работам второй группы. Но при этом ее отличает высокий уровень аналитики. Ольденбург показал все ведущие партии дореволюционной России. Здесь нашлось место не только эсерам и меньшевикам, но и большевикам. Главный вывод автора сводился к тому, что революция 1917 года произошла в неподходящий момент, накануне решающего этапа войны. Став Верховным главнокомандующим,

[101] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

Николай II улучшил положение в армии и сделал возможной победу России в войне. «В 1917 г. русская военная мощь должна была достигнуть высшей точки»[102].

Среди современных историков, соглашавшихся с Ольденбургом, выделяется А.Н. Боханов, критикующий лидеров либеральной оппозиции, для которых смещение собственного правительства во время жесточайшей войны приравнивалось к победе над внешним врагом[103].

Наибольшее внимание диссертантов, защищавшихся в 1990-е годы, привлекал период Первой мировой войны, и велся поиск причин ее перерастания в революцию. В диссертации М.В. Плаксы отмечалось, что, несмотря на нерегулярные созывы, Государственная дума играла в политическом процессе ключевую роль, став за годы войны главным оппонентом режима. С образованием в Думе оппозиционного большинства, консолидацией в ней либеральных партий, произошло реальное разрушение системы третьеиюньской монархии[104]. С.В. Куликов считал, что усиление авторитета Государственной думы привело к расколу высшей бюрократии, так как активная часть бюрократической элиты постепенно переходила к неформальному союзу с Думой. Сложившаяся комбинация вела к параличу власти, делая невозможными репрессии в отношении Думы[105].

В одной из защищенных в 1990-е годы докторских диссертаций, принадлежавших польскому историку Э. Вишневски[106], рассматривался очень важный предыдущий период, и исследовалась эволюция либеральных взглядов накануне войны. Цель работы заключалась в выявлении идейно-политического багажа, с каким вступали будущие участники Прогрессивного блока в войну. Значительное место в ней уделялось политическим настроениям главной на тот момент либеральной партии – Союза 17 октября. Вишневски считал

---

[102] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II... М., 1992. С. 604.
[103] Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 333.
[104] Плакса М.В. Отечественные публикации документов по истории кризиса политической системы в России в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.). Дисс… канд. ист. наук. М., 1996. Л. 6, 13.
[105]Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917 г.). Дисс… канд. ист. наук. СПб., 1999. Л. 580, 585.
[106] Вишневски Э. Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Дисс… д-ра ист. наук. М., 1992.

первоочередной причиной раскола октябристов в 1913 году непомерный радикализм их лидера А.И. Гучкова, желавшего перевести октябристов на положение оппозиционной партии. Большинство членов партии были к этому еще не готовы[107].

Э. Вишневски стал своеобразным связующим звеном между отечественной и зарубежной историографией, с одной стороны, внося на российскую почву присущие западной историографии оценки политических событий в России, а с другой стороны, публикуя работы в нашей стране, впитывал представления, характерные для российских историков. И в этой связи привлекает внимание его монография «Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны», написанная на основе только что упомянутой докторской диссертации[108]. Все помыслы Вишневски направлялись на выяснение вопроса: могло ли состояться в довоенный период объединение основных либеральных партий? Непреодолимое препятствие для коалиции он видел в кадетах, точнее в излишне жесткой позиции П.Н. Милюкова, предложение которого о введении всеобщего избирательного права, Эдвард охарактеризовал как «политическую маниловщину»[109].

Ю.Г. Фельштинский, в 1978 году, напротив, эмигрировавший из Советского Союза в США, также соединял российскую и западную традицию. Ведущей темой для него являлись отношения большевиков и левых эсеров[110]. У Ленина и большевиков в первый год прихода к власти был не очень широкий выбор. Они должны были либо разделить власть с блоком социалистических партий, либо уничтожить эти партии, установив однопартийную диктатуру. Большевики пошли по второму пути. За этим выбором стояло упорное желание сохранить за собой руководящую позицию, поскольку с авторитетом Ленина готова была считаться, и то с оговорками, только партия большевиков[111]. Фельштинский, несомненно, относится к большевикам резко отрицательно, но в отличие от напора, присущего большинству его единомышленников, данную работу отличает академический

---

[107] Вишневски Э. Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910-1914 гг.)… Л. 476.
[108] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994.
[109] Там же. С. 127.
[110] Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917-ноябрь 1918. М., 1992.
[111] Там же. С. 18-19.

тон и стремление понять логику действий, вызывающей отрицательную реакцию стороны.

Эмигрантскому наследию, но уже первой волны, принадлежит еще одна работа, переизданная в России 1990-х годов в рамках серии А.И. Солженицына «Исследования новейшей русской истории». Это труд известного дореволюционного историка В.В. Леонтовича «История либерализма в России»[112]. Леонтович доказывал, что конституционных демократов и октябристов разделяли глубокие противоречия. При этом либеральные идеи выражали октябристы, тогда как воззрения кадетской партии правильнее относить к русскому радикализму. Историк призывает четко отличать радикализм от либерализма и считать настоящим либерализмом лишь либерализм консервативный[113].

Из западных историков, чьи труды издавались в нашей стране в последнее десятилетие XX века, необходимо отметить большой исследовательский труд Э. Карра «История Советской России», опубликованный здесь только частично[114]. Э. Карр испытывал симпатии к русской революции. На начальном ее этапе, поддержанный большевиками рабочий контроль сломал старый порядок, враждебный революции, но оказался недостаточным для успешного экономического развития, продемонстрировав необходимость перехода к новым, более жестким, государственным формам контроля[115].

Самым востребованным западным исследователем в 1990-х годах оказался американский историк Р. Пайпс. В России того времени стали доступны читателю две крупных его работы[116]. Концепция ярого антисоветчика, консультанта американских президентов носила крайне жесткий характер по отношению к большевикам. Их победу Пайпс объяснял исключительно всесилием ЧК. К 1920 году Советская Россия якобы превратилась в полицейское государство, поскольку тайная полиция (органы госбезопасности) «протянула щупальца» во все советские

---

[112] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995.
[113] Там же. С. 22, 480.
[114] Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2. Большевистская революция 1917-1923. М., 1990.
[115] Там же. С. 545, 548, 550.
[116] Пайпс Р. Русская революция. В 2. Ч. М., 1994; Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

учреждения. Взявшись самостоятельно управлять страной, коммунисты вынуждены были обратиться к услугам сотен тысяч профессионалов, «буржуазных специалистов», которые по определению были классовыми врагами и потому нуждались в строжайшем надзоре[117].

Концепция Пайпса находится в поразительном противоречии с выстраиваемой им самим фактологией. Концептуально причину революции он выводит из действий большевиков. В конце второй работы он предупреждает будущие поколения, что нельзя организовывать революции в идеологических целях[118]. Внимательное же прочтение его работ ведет к противоположным выводам: приход большевиков к власти обусловила неспособность других партий справиться со стихией народной массы. «Консерваторы, либералы и социалисты по-своему пытались сохранить Россию как единое государство вопреки тем частным, общественным и локальным, высвобожденным революцией центробежным силам, которые раздирали страну на части… Быстро нарастающий развал в России, вызванный отсутствием полновластного руководства, ослабил все государственные институты, включая те, которыми управляли социалисты…»[119]. Следовательно, Пайпс-исследователь противостоит Пайпсу-концептуалисту и убедительно доказывает закономерный характер революции. При написании нами диссертационного исследования работы Р. Пайпса использовались преимущественно для опровержения официальной концепции американского ученого.

В 1990-начале 2000-х годов наблюдался повышенный интерес к партии эсеров. Так, в изданной в 1995 году в Астрахани монографии В.В. Ишина обращалось внимание на то, что две крупнейшие социалистические партии, эсеры и большевики, часто пересекались в своей деятельности друг с другом, познав периоды не только непримиримой вражды, но и обоюдного сотрудничества. В августе 1915 года лидеры эсеров В.М. Чернов и М.А. Натансон совместно с большевиками участвовали в Циммервальдской социалистической конференции и

[117] Пайпс Р. Русская революция… Ч. 2. С. 524-525, 534-535.
[118] Пайпс Р. Россия при большевиках… С. 606.
[119] Пайпс Р. Русская революция… Ч. 2. С. 81.

вошли в одну, левую, фракцию с Лениным, выступавшую против продолжения войны[120]. Другой работой стала монография Г.А. Салтык[121]. Модернизация страны могла состояться только за счет неимоверных усилий основной массы населения – рабочих и крестьян. Самодержавие и буржуазия не способны были разработать программы для массовой мобилизации. Нужна была идеология, призывавшая разделаться с ненавистными для народа порядками и при этом обещавшая в недалеком будущем «рай земной». После февраля 1917 года одной из партий, получивших шанс реализовать такую программу, явилась партия эсеров[122].

В двух, вышедших в 1990-х годах, фундаментальных монографиях деятельность эсеров оценивалась с положительной стороны[123]. В советское время, отмечалось в них, средствами пропаганды целенаправленно создавалось устойчивое представление об эсерах как о людях несерьезных. Повальная смена минусов на плюсы в постсоветское время не сразу коснулась эсеров[124]. Эсеры хотели «расконсервировать» демократический потенциал народа, обеспечить максимальное развитие приглушенных, но не подавленных до конца традиций народоправства, сохранившихся лишь на низовом уровне, не закрепленных в мировоззрении народа. Освобожденные демократические традиции крестьянства были подходящей основой для превращения страны в подлинное демократическое общество[125].

В 1990-е годы выходит первая специальная работа, посвященная истории черносотенных организаций[126]. Во вступлении к монографии С.А. Степанов подчеркивал, что ставит целью лишь «привлечь внимание к этой интересной и малоразработанной теме», не претендуя на исчерпывающую полноту[127]. Действительно, вскоре по этому направлению стали выходить многочисленные

---

[120] Ишин В.В. Социалисты-революционеры в России конца XIX-начале XX века. Астрахань, 1995. С. 9, 14.
[121] Салтык Г.А. Неонародничество России: региональный аспект (1917-1918 гг.).
[122] Там же. С. 3, 4, 5.
[123] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.
[124] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг.… С. 3.
[125] Морозов К.Н. Указ. соч. С. 12; Леонов М.И. Указ. соч. С. 5.
[126] Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992.
[127] Там же. С. 6.

книги и статьи, а к началу второго десятилетия XXI века оно и вовсе приобрело широкую популярность.

Степанов пишет о словесной критике черносотенцами экономической модели капитализма. На практике же они не посягали на основы капиталистического строя и не думали о расширении государственного сектора - хотя усиление государственного регулирования и полагали неизбежным. Прежде всего, черносотенцы были готовы ограничить частнопредпринимательскую инициативу в сельском хозяйстве, поскольку в ликвидации частных земельных банков и передаче их операций общегосударственному земельному банку видели гарантию экономической стабильности крестьянских хозяйств[128].

В 1990-е годы излюбленным историческим жанром оказались биографии[129]. Спорной фигурой в те годы воспринимался Г.В. Плеханов, фактически вставший между двумя мирами, каждый из которых считал его своим. Противники большевизма видели в нем реформиста, разочаровавшегося в революционном пути, а их оппоненты считали его принадлежащим революции. О «первом русском марксисте» подготовил монографию С.В. Тютюкин[130]. Автор биографии занял равновесную позицию. Георгий Валентинович не отрицал принципа революционного насилия, но не связывал подготовку пролетарской революции с заговорщической деятельностью узкого слоя революционных фанатиков. За 40 лет Плеханов прошел путь от юношеских увлечений анархистским радикализмом до трезвого понимания, что революции необходим длительный процесс подготовки[131].

Из тем, популярных в 1990-е годы, выделим три. 1) Вопрос об отношении к Учредительному собранию; 2) взаимоотношения в либеральном лагере; 3) конфликт меньшевистской и большевистской фракций внутри РСДРП.

---

[128] Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг…. С. 11, 13.
[129] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7; Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999; Савельев П.Ю. П.Б. Аксельрод: человек и политик (1849?-1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 3.
[130] Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997.
[131] Там же. С. 374.

Учредительному собранию посвящалась монография Л.Г. Протасова, на протяжении нескольких десятилетий изучавшего историю данного органа[132]. В мировой истории, подчеркивает специалист, мало несостоявшихся событий привлекают такое внимание. Учредительное собрание не исполнило своего предназначения: не создало власти, признанной большинством народа, и не остановило гражданской войны. Не смогло или не могло? – спрашивает Протасов. «Ответ на этот вопрос… надо признать вообще неразрешимым…» - полагает он[133]. С одной стороны, подтасованные советские съезды не обеспечили признания законности большевистской власти и усилили легитимность структур, противостоящих победившему режиму. Однако обвинять большевиков в навязывании народу партийной воли, антиисторично. Большевики не прорвались бы к вершинам власти без порывов радикализма угнетенных, жаждавших социального реванша, масс. В якобинско-уравнительных устремлениях проявился национальный характер Октября, большевизм соответствовал духу 1917 года[134].

О мощнейших конфликтах внутри кадетской партии повествует статья И.Ю. Костюченко[135]. Между партийным лидером, историком П.Н. Милюковым и руководителем относительно малочисленного правого крыла, адвокатом В.А. Маклаковым существовали глубинные противоречия. Милюков, опираясь на большинство партии, ориентировался в борьбе с самодержавной властью на социалистов и способствовал частому заключению с ними всевозможных тактических союзов. Тогда как правые кадеты оптимальным вариантом для партии считали соглашение с правящими кругами[136].

Особенно много места в структуре исследований 1990-х годов отдавалось изучению споров, происходивших в социал-демократической партии. Одной из первых по этому вопросу стала монография А.П. Логунова. Автор подробно анализирует теоретические представления социал-демократии и стремится показать ленинскую традицию в сопоставлении с остальными теоретиками

---

[132] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.
[133] Там же. С. 5.
[134] Там же. С. 324, 325.
[135] Костюченко И.Ю. Реформизм и революционаризм в российском либеральном движении // Кентавр. 1994. № 1.
[136] Там же. С. 153.

партии[137]. Меньшевики считали достаточным, если пролетариат будет подталкивать буржуазию к конфликтам с самодержавием и обеспечит приход к власти более радикальных слоев, выступающих за созыв Учредительного собрания. В.И. Ленин, еще в 1905-1907 годах, призывал партию пролетариата бороться за приобретение властных функций уже на этапе свержения самодержавия, выдвинув вместо Учредительного собрания лозунг Временного революционного правительства, в котором должны быть представлены и социал-демократы[138].

Эти размышления лидера большевиков дали меньшевикам повод обвинять его в бланкизме. Ленин отрицал, что большевики являются бланкистами, и обуславливал это тем, что они не являются заговорщиками. Но, по мнению Логунова, позиция В.И. Ленина была не совсем верной. Суть бланкизма заключается не в стремлении к заговорам, а в вере во всемогущество государственной власти. Бланкистские предпочтения Ленина сформировали в большевистской среде новое поколение лидеров, предпочитавших крайние формы борьбы. Большевистские публицисты «озабочены были преимущественно одним – борьбой за обеспечение гегемонии социал-демократии в революционном движении»[139].

В конце 1990-х годов вышла специальная историографическая работа по данной проблеме[140]. Вина за партийный раскол возлагалась ее автором на обе стороны конфликта. На первой стадии большую степень вины М.И. Смирнова возлагает на меньшевиков. Разногласия, определявшиеся вначале как «семейная ссора», приобрели очертания настоящей идейной борьбы по мере укрепления в руководящих учреждениях партии сторонников меньшинства[141].

Вместе с тем, в споре по организационным вопросам – какой должна быть пролетарская партия: партией самого пролетариата, или партией интеллигенции, руководящей пролетариатом – Смирнова отдает предпочтение взглядам

---

[137] Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов-на-Дону, 1992. С. 15.
[138] Там же. С. 145, 146.
[139] Там же. С. 147-148, 206.
[140] Смирнова М.И. Феномен возникновения российской социал-демократии. Историография. М., 1999.
[141]Там же С. 100.

меньшевиков. Она подробно исследовала мнение по этому вопросу Ю.О. Мартова. Меньшевики считали доминирование руководителей из интеллигенции временным состоянием формирующейся партии пролетариата. В рассуждениях Мартова альтернатива формулируется предельно жестко. «Пролетарская партия или организация интеллектуальных руководителей несознательных пролетарских масс, так стоит теперь вопрос, который тов. Ленин пытается окутать туманом абстрактно-метафизических противопоставлений… Политическая самодеятельность пролетариата или вечная опека над ним непролетарской организации»[142].

Важной частью историографического наследия 1990-х годов стало возвращение к практике написания коллективных работ. А.И. Зевелев возглавил редакционный коллектив издания «История политических партий России»[143]. Мы видим здесь немало общего с таким трудом 80-х годов, как «Непролетарские партии России: Урок истории». Совпадает часть авторского коллектива (Н.Г. Думова, В.В. Шелохаев), включена часть прежних материалов. Хотя и отличия тоже существенны. Во-первых, данное издание, по сравнению с предыдущим, приобретает новый статус: учебника для студентов исторических факультетов. А во-вторых, авторы пособия изменяют подходы к изучению политических партий, заявляя о преодолении порочной традиции изложения истории всех партий по методу притягивания их к истории КПСС, и желании отрешиться от прежних стереотипов в оценке деятельности данных организаций[144].

Итоговые выводы пособия сводятся к следующему. Все российские партии, в той или иной мере, находились в оппозиции к правительству. Лишь на короткое время, с 1907 по 1911 годы, на роль правительственной партии претендовали октябристы, но затем и они вернулись обратно, в лагерь оппозиции. Ни одна из российских партий до февраля 1917 года не прошла испытания властью. Все они проявляли себя лишь в роли критиков существовавшего строя – к моменту

[142] Смирнова М.И. Феномен возникновения российской социал-демократии. Историография… С. 144.
[143] История политических партий России. М., 1994.
[144] Там же. С. 2, 3.

свержения самодержавия ни одна из партий не была готова разумно воспользоваться выпавшей из рук царя властью[145].

В 2000-е годы российская историография вышла на качественно новый уровень развития. Конечно, до конца негативные тенденции не были преодолены, но больше не являлись доминирующими. Полемика различных сил продолжалась, что, вообще естественно для исторической науки, а антибольшевизм перестал быть определяющим фактором. В начале 2000-х годов появился целый ряд крупных монографий о российских дореволюционных партиях. В этом ряду находилась монография Ю.И. Кирьянова «Правые партии в России 1911-1917 гг.»[146].

Ю.И. Кирьянов выделил в деятельности правых партий период, когда их значимость для эволюционного развития России оказалась особенно важной. Это было время усиления либерального радикализма, окончательно превращавшегося в силу, враждебную самодержавию. И в столь ответственный для власти момент в правом лагере уже отсутствовала доминирующая партия, каким был в 1905-1907 годах Союз русского народа. СРН был безнадежно расколот и основная энергия «союзников» уходила на взаимные распри. Кирьянов рассматривает сложности взаимоотношений множества обмельчавших правых партий, их неспособность скоординировать усилия для защиты трона и противодействия радикальным партиям. Хотя попытки такого противодействия, разумеется, были. При содействии Департамента полиции в 1915 году, «в период отступления русской армии и обострения внутриполитической ситуации в России», возникла новая правая организация - Отечественно-патриотический союз. Она была создана выходцами из старейших консервативных партий – Русской монархической партии и Союза Михаила Архангела с целью укрепления «национального единения» в России. В отличие от других черносотенных партий, в нее могли входить «инородцы и иноверцы». Руководители «старых партий» усмотрели в

[145] История политических партий России… С. 58-59, 60-61.
[146] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001.

этом отречение от партийных принципов, и отгородились от вновь образовавшейся организации[147].

В «нулевые годы» статус крупнейшего специалиста по истории кадетской партии перешел к нижегородскому историку Ф.А. Селезневу[148], категорически отвергавшему сложившееся в советской историографии убеждение в буржуазности кадетской партии (вспомним А.Я. Авреха). Партия народной свободы не была буржуазной, а в отдельные моменты близко подходила к черте, позволявшей именовать ее революционной партией[149]. Причина «левизны» губернских организаций у конституционных демократов после 1907 года заключалась, по его мнению, в том, что вследствие административных преследований из провинциальных кадетских организаций вышли лояльные элементы. Доминировать там стали левые кадеты, не зависимые материально (адвокаты, журналисты, врачи), и не боявшиеся заниматься нелегальной деятельностью[150].

В 2000-е годы активно изучается деятельность российского парламента – и Государственной думы, и Государственного совета. Хотя их глубокое изучение началось с 1990-х годов[151]. До сих пор в отечественной исторической науке продолжаются споры о том, являлись ли преобразования, приведшие к образованию Думы, конституционными. И.К. Кирьянов и М.Н. Лукьянов дают положительный ответ[152]. Манифест 17 октября знаменовал новый этап в преобразовании государственного строя. Лица, непосредственно задействованные в обсуждении этого документа, видели в Манифесте конституционный акт. С его принятием требовалась новая редакция Основных государственных законов,

---

[147] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России… С. 8.
[148] Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты- предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22-34; Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917). Нижний Новгород, 2001.
[149] Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917)… С. 36.
[150] Там же. С. 82, 85-86.
[151] Демин В.А. Государственная дума России (1906-1917): механизм функционирования. М., 1996; Кобзаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907. М., 1996.
[152] Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. Пермь, 1995.

превращавшихся де юре в конституцию. Так считал и С.Ю. Витте, оперировавший понятием «консервативной конституции»[153].

Выработку механизма взаимодействия обеих палат исследовал В.Г. Кошкидько[154]. Двухпалатная система российского парламента означала создание качественно нового механизма власти, определявшегося союзом бюрократии с умеренной, верхней частью общественных сил против Государственной думы, где нашли прибежище оппозиционные к власти силы. Этот механизм не смог бы состояться без участия октябристов: октябристы в процессе думской деятельности взаимодействовали с правыми. Во II Думе октябристы, поддержав правительство П.А. Столыпина, фактически перешли на положение правительственной партии[155].

В историографии 2000-х годов центральным стал вопрос о месте в политической истории начала XX века П.А. Столыпина. Нулевые и начало десятых годов выглядели запоздалым триумфом самого значительного премьер-министра предреволюционной России. На это время выпадают две связанные с ним даты: в 2011 году исполнилось 100 лет его трагической гибели, а в 2012 году 150 лет со дня рождения.

Была ли у Столыпина возможность предотвратить революцию? О подобной проблеме рассуждал в биографическом труде, посвященном преобразователю дореволюционной России С.Ю. Рыбас[156]. Фигура крупнейшего деятеля предреволюционной поры на протяжении десятилетий окрашивалась только черной краской, как будто политическая борьба 1910-х годов продолжается и сегодня, спустя век. Столыпинские реформы – последняя попытка тогдашнего общества отстранить от власти разлагающуюся петербургскую верхушку. С его убийством завершился мирный этап российских преобразований. Сталинская

[153] Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты… С. 26, 31.
[154] Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1907 гг.). М., 2000.
[155] Там же. С. 64-65, 229.
[156] Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2009.

модернизация стала неизбежной вследствие того, что данный процесс не позволили довести до конца Столыпину[157].

Но Я.А. Седовой основными виновниками поражения Столыпина видятся вовсе не его противники, а те, кого он считал своими единомышленниками – октябристы и лидер Союза А.И. Гучков. Она считает неслучайным поворот Гучкова против Столыпина в марте 1911 года[158]. Когда Николай II спас провалившийся в Госсовете столыпинский законопроект, Гучков ушел в отставку с поста председателя Думы. Седова комментирует этот эпизод следующим образом: «Разумеется, не нарушение закона волновало Гучкова. Такая решительная поддержка Государя была блестящим успехом Столыпина на том пути, на котором круто поскользнулся сам Гучков. Государь поддержал Столыпина, а не его; вот что его возмутило»[159]. Исследовательница делает вывод, что смерть Столыпина была выгоднее всего Гучкову, сохранившемуся в общественном сознании союзником Столыпина, в действительности же не питавшему к нему дружеских чувств[160].

В нулевых годах российская историческая наука отметила столетие первой революции в России, и 90-летия революции 1917 года.

Вековой юбилей грандиозных потрясений 1905-1907 годов ознаменовался выходом труда, подготовленного сотрудниками института российской истории РАН. Авторский коллектив, включавший известных историков С.В. Тютюкина, Н.Г. Королеву, И.М. Пушкареву и А.П. Корелина – ответственного редактора издания, поставил задачу отразить сдвиги, произошедшие за 20 лет в историографии революции 1905-1907 годов, после выхода в свет последнего ее очерка советского образца – книги «Первый штурм царизма» (М., 1986)[161].

В предисловии работы авторами подчеркивалась важность сохранения событий 1905-1907 годов в памяти народа. И остаться в ней они должны не как предпоследний шаг к гибели российской цивилизации в результате прихода к

---

[157] Рыбас С.Ю. Столыпин… С. 8, 251, 254.
[158] Седова Я.А. Великий магистр революции. М., 2006.
[159] Там же. С. 26-27.
[160] Там же. С. 27, 28.
[161] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005.

власти коммунистов, а как важный этап на пути демократизации России. Опыт истории убеждает: общество не может развиваться без периодических переделов собственности и власти. В начале XX века революция пришла, наконец, и в Россию – долгое время считавшуюся примером политической и социальной стабильности и оплотом европейского легитимизма[162]. По сравнению с XIX веком ситуация в стране резко поменялась не в пользу власти. В России создавалась атмосфера тревоги и ожидания больших перемен. Эту обстановку сознательно обостряли более 30 революционных и оппозиционных партий, день за днем дискредитировавших власть и разжигавших недовольство масс[163].

Другим опытом оценки событий 1905-1907 годов, во многом противоположным, стала книга С.Б. Павлова «Опыт первой революции: Россия. 1900-1907»[164], изучающая тему преимущественно с правых позиций, отдающих предпочтение взглядам черносотенцев. Самодержавие было становым хребтом России. Только им держалось право, ибо развитая система правовых институтов коренилась лишь в высших слоях общества. «Порядок» остальной России держался именем царя. Отвлеченные идеалы парламентаризма, проповедываемые либералами, не имели никакого конкретного отношения к социальным проблемам царской России. Государственная дума не соотносилась с общественными институтами тогдашней России - за всю историю в стране не было столь чужеродного учреждения, чем Дума[165].

Глубокое исследование влияния политической борьбы либеральной общественности с властными институтами на обострение социальной обстановки в стране провел уральский историк С.А. Нефедов[166], обративший внимание на то, что в 1905 году параллельно происходили две революции. Источником данного подхода для него явился анализ взглядов П.Б. Струве, выделявшего в революции два течения: модернистское, исходившее от верхов, и «элементарное», под которым понималась тяга низов к освобождению от государственной

[162] Первая революция в России: взгляд через столетие… С. 3, 4.
[163] Там же. С. 11-12, 13-14, 15, 18.
[164] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. М., 2008.
[165] Там же. С. 7, 625-628.
[166] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV-начало XX века. Екатеринбург, 2005.

зависимости[167]. Нефедов на основе разработанной им демографически-структурной теории объясняет усиление конфликтогенности в российском обществе начала XX века «сжатием в элите» - ее обеднением, вызванным ростом численности элитных слоев. Низшая элита переходит в оппозицию к режиму и развертывает в России социалистическое движение[168].

Социалистические устремления масс были сильнее политических целей либерального общества – утверждает Нефедов. Уступки либералам не завершили революцию. «Революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, давно вызревавшим в недрах традиционного общества[169]. Следовательно, мы видим близость позиций С.Б. Павлова и А.С. Нефедова, полагавших, что либералы обрекались на поражение, поскольку не удовлетворяли социальных запросов основной массы населения – крестьян, рабочих и низовой части интеллигенции.

В 2007 году к 90-летию Февраля в «Российской газете» была опубликована статья А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией»[170]. Это было переиздание статьи, ранее публиковавшейся в журнале «Москва»[171]. Солженицын базовой причиной революции определяет не войну, а давний конфликт общества и власти, на который война дополнительно наложилась. Назревание революции было «в интеллигентском ожесточении многих десятилетий, никогда не пересиленном властью». Накал ненависти создавал истребительный потенциал уничтожения[172].

Взаимоотношения Николая II с его генералами выявляются В.С. Кобылиным в еще одной давней работе, получившей доступ к массовому российскому читателю лишь в 2000-х годах[173]. Это был труд эмигранта, уехавшего в детские годы из революционной России вместе с родителями, и на

---

[167] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV-начало XX века… С. 330-331.
[168] Там же. С. 334-335.
[169] Там же. С. 362, 363, 364.
[170] Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Брошюра в газете. Российская газета. 2007. 27 февраля.
[171] Москва. 1995. № 2. С. 146-162.
[172] Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией… С. 14-15, 16.
[173] Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008.

протяжении длительного времени собиравшего все доступные для него материалы о февральских событиях. В центре данной работы находятся император Николай II и его начальник штаба М.В. Алексеев. Автор приходит к следующим выводам: никакие противники Николая II не достигли бы желанной для них цели – отречения монарха, если бы не находившийся рядом с ним генерал Алексеев. Алексеев стал центральной фигурой, свершившегося в феврале переворота – на нем «сошлись многие, если не все, линии заговора». Он максимально облегчил противникам царя решение центральной задачи, связав их с высшим генералитетом армии[174].

Анализу пяти февральско-мартовских дней 1917 года, с 27 февраля по 3 марта, посвящена докторская диссертация А.Б. Николаева[175], уверенного, что главная роль в февральские дни принадлежала Государственной думе. Ее революционность органически вытекала из всей предыдущей тактики: Дума с самого начала выступала в качестве активного участника революционных событий[176].

В 2003 году Ф.А. Гайда выпустил монографию, специально посвященную тактике либералов, направленной на получение власти в ходе войны[177]. Милюков, полагает исследователь, сознательно вел клеветническую кампанию против правительства, видя в его дискредитации единственную надежду на благоприятный выход из ситуации, когда было нельзя потерять политическую инициативу, но требовалось сохранить легальные методы борьбы. Способы думской борьбы не были революционны, но соответствовали революционным настроениям населения. В случае революционного исхода думские либералы надеялись «канализировать» действия масс в нужную им сторону. Это была борьба не за революцию, а за собственное лидерство в политическом процессе[178].

---

[174] Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов… С. 7-8.
[175] Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля-3 марта 1917 г. Дисс… д-ра ист. наук. СПб., 2005.
[176] Там же. Л. 184-185.
[177] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.). М., 2003.
[178] Там же. С. 230-231.

Среди диссертаций проблематику межпартийной борьбы в условиях Первой мировой войны развивало исследование А.А. Иванова[179], полагающего, что основная часть правых сил до конца оставалась патриотичной. В предвоенные годы правые объединения Государственных думы и совета негативно относились к сближению с конституционной Великобританией и республиканской Францией, считая его опасным для России, но не отрицали агрессивности Германии и потому настаивали на поддержании боеспособности армии[180]. После начала войны правая часть депутатского корпуса призывала российскую дипломатию и генералитет не допускать перекладывания основных тягот войны на Россию, а добиваться равноправного участия всех держав Согласия в вооруженной борьбе против Германии, чтобы сохранить кадровый состав армии и закончить войну с могущественными вооруженными силами, с которыми союзники должны будут считаться при определении условий мирного договора. Распространенное мнение о разрушении внутриполитического мира в 1915 году правыми противоречит действительности, уверен А.А. Иванов. Протест консервативного крыла законодательных палат был ответной реакцией на оживление политической активности оппозиционного лагеря. Ответственность за провоцирование противостояния в стране несет Прогрессивный блок, отождествивший свои политические взгляды с реальными потребностями страны[181].

Иностранные исследователи, описывающие положение России накануне Февраля, в основном проявляют безразличие к ее судьбе, уделяя ей в общих текстах о войне немного места. Хотя часть из них определенную симпатию к России все же испытывает, в частности, указывая на возможность участия России в весеннем наступлении 1917 года[182]. Показательна в плане отношения Запада к русской революции книга американского историка Р. Уорта, вся сотканная из сплошных противоречий[183]. Ее начало проникнуто определенными симпатиями к России. Русская революция, отмечает американец, событие столь огромного

[179] Иванов А.А. Правый спектр Государственной думы и Государственного совета России в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.). Автореф. дисс… д-ра ист. наук. СПб., 2011.
[180] Там же. С. 41-42.
[181] Там же. С. 42-43.
[182] Киган Д. Первая мировая война. М., 2002. С. 410.
[183] Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917-1918. М., 2006.

исторического значения, что еще до сих пор не осмыслено в полной мере даже теми, кто изучает и преподает историю[184].

Признавая отдельные проявления безответственной политики Запада по отношению к России, книга грешит привычными для западного исследователя штампами, принижающими вклад России в Первую мировую войну. Да, русские – верные союзники, неоднократно откликающиеся на просьбы Запада, и соглашавшиеся ради его спасения на отдельные операции. Но, получая частые займы, они ленивы и проводят наступательные операции на более легких участках фронта – против австрийцев. В 1916 году военное положение России улучшилось, однако лишь потому, что Германия была занята на Западном фронте, а Австрия воевала с итальянцами. В начале 1917 года, когда военные потребности России начали удовлетворяться, уже было поздно, поскольку армия переставала существовать как эффективная сила[185].

Главная цель Уорта – доказать, что революция в России произошла по внутренним причинам. Роялистская легенда об английском и французском следе - следствие симпатии, которой пользовалось у союзников Временное правительство. А английский посол Бьюкенен вообще не хотел встречаться с думскими лидерами, их «он считал революционерами». Как неистовый английский патриот, консерватор, Бьюкенен с трудом уступил убеждениям, что лидеры Думы, особенно кадеты, единственным средством недопущения сепаратного мира предлагают дворцовый переворот. Но если это так, значит, союзники все же причастны к смене власти в России[186].

Новый подход Уорта к русской революции проявился в его сочувствии к большевикам. Хотя на Западе верили в германо-большевистский заговор, соглашение между ними отсутствовало. Мирные переговоры начались из-за подавляющего военного превосходства немцев, а не вследствие подчинения большевиков приказам из Берлина[187]. Желая сохранить власть, в период угрозы германского наступления Ленин готов был принять помощь союзников.

[184] Уорт Р. Антанта и русская революция… С. 8, 9.
[185] Там же. С. 9, 11, 13, 15, 18.
[186] Там же. С. 42, 43.
[187] Там же. С. 227, 230.

Большевики будут сражаться, заявил он британскому консулу Б. Локкарту, даже если придется отступить к Уралу. Локкарта поразила сила воли Ленина, его непреклонная решимость и отсутствие эмоций[188].

За 2000-е годы в обществе кардинально изменилось отношение к Февралю. Если в первой половине 1990-х годов Февраль казался упущенной альтернативой демократического варианта развития страны, в нулевые годы такой подход уже достаточно маргинализировался. Лишь немногие, подобно В.Г. Канину, отваживались теперь прямо защищать Февраль[189].

Хотя общественный интерес к Февралю сохранялся. От Февраля неотделимо имя А.Ф. Керенского. Биографическую работу о нем в серии «ЖЗЛ» написал ярославский историк В.П. Федюк[190]. Владимир Павлович видит в Керенском первого телевизионного политика дотелевизионной эпохи. Если бы Керенский возглавил страну в наши дни, его шансы на успех были бы намного выше. Имея артистический талант, он умел общаться с массами напрямую. Его слабостью было то, что аудитория ценила в Керенском не содержание речей, а манеру исполнения. Он не убеждал, а заражал своими чувствами. Керенский претендовал на роль сильного человека, но это была только игра - он не мог помешать надвигающемуся ужасу. Несбывшиеся надежды рождали ненависть. В памяти большинства Керенский остался калифом на час[191].

Распад страны ставил перед Временным правительством сложную задачу восстановления порядка. Именно в эти месяцы возникают зачатки Белого движения. Его трудно представить без фигуры генерала Л.Г. Корнилова. В.П. Федюк совместно с московским историком А.И. Ушаковым в 2006 году в той же серии «ЖЗЛ» выпустили биографию Корнилова[192]. Не являясь идейным монархистом, Корнилов был готов действовать в рамках февральской парадигмы. В объединении усилий Корнилова с Керенским видел возможность преодоления кризиса бывший эсер Б.В. Савинков, занимавший во Временном правительстве

---

[188] Уорт Р. Антанта и русская революция… С. 264.
[189] Канин В.Г. Прозрение. 1917 год в истории России. М., 2004.
[190] Федюк В.П. Керенский. М., 2009.
[191] Там же. С. 146, 147-148, 149.
[192] Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов. М., 2006.

пост заместителя военного министра. Но нерешительность Керенского сделала их совместную работу невозможной. Керенский начинал видеть в генерале прямого конкурента, опасаясь, что тот единолично возглавит страну[193].

В современной отечественной науке наблюдается большой интерес к гражданской войне и к процессам, происходившим внутри Красной и Белой армий. Так, журнал «Родина» выпустил спецномера, посвященные Белой и Красной армиям[194].

Из тематических проблем гражданской войны наибольшей популярностью у исследователей пользуется личность А.В. Колчака. В последнее время широко распространилась версия, утверждающая, что, прибыв осенью 1918 года в Омск, Колчак выполнял волю Запада по подчинению России влиянию союзников. Однако научная литература документально подтверждает, что, захватив власть в Омске, адмирал осложнил для союзников возможность контроля над антибольшевистским движением. С Западом более тесно были связаны эсеры. В частности, вопрос о конфликте Колчака с эсерами поднимает В.И. Шишкин[195]. Отношение А.В. Колчака к эсерам, подчеркивает Шишкин, проявилось в речи Колчака сразу же, в момент избрания его Верховным правителем России. Он резко охарактеризовал партию эсеров как антигосударственную силу[196].

Противоборство колчаковской контрразведки с эсерами рассматривается Н.С. Кирмелем[197]. Эсеры представляли серьезную угрозу безопасности колчаковскому режиму. Союзники через них вели активную подрывную работу на территории «белой» Сибири. Так, в 1919 году американцы передали дальневосточным эсерам крупные денежные суммы. При этом деятельность социалистов-революционеров в городах Сибири и Дальнего Востока складывалась достаточно успешно. В сентябре 1919 года Владивостокское отделение военного контроля докладывало о подготовке переворота эсерами и меньшевиками. Автор статьи утверждает, что эсеры планировали проведение

[193] Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов С. 232.
[194] Родина. 2008. № 3; 2011. № 2.
[195] Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42-61.
[196] Там же. С. 57.
[197] Кирмель Н.С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке 1918-1920 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 91-98.

дерзких операций. Например, они намеревались физически ликвидировать адмирала Колчака и вовлекли в этот план лиц из его конвоя[198].

Размах гражданской войне придало вовсе не красно-белое противоборство, а противоречия внутри социалистического лагеря. Отношения между социалистическими партиями все чаще становятся предметом изучения докторских диссертаций. Образование партии левых эсеров, полагает А.Г. Аннин, явилось побочным результатом острой борьбы большевиков с противостоявшим ему блоком эсеров и меньшевиков[199]. Левое крыло эсеров усилилось в сентябре-октябре 1917 года в результате бездействия коалиционной власти по вопросам войны и мира. Накануне октябрьского вооруженного восстания большевики действовали не одни, а в составе сформировавшегося альтернативного блока. В союз с ними вступили части распадавшихся умеренно-социалистических партий: меньшевики-интернационалисты и левые эсеры[200].

Нахождение в составе коалиционного правительства имело роковые последствия для меньшевиков и эсеров – уверен А.Ю. Гаврилов. Умеренные социалисты рассчитывали, что население будет мирно дожидаться постепенного реформирования социальной системы. Однако российский обыватель не желал дожидаться растянутых по времени социально-экономических реформ, и требовал всего сразу[201]. Но и левые эсеры, настаивает М.И. Мохудзаев, не были успешны в своей политике. Как и основная часть партии, они были жесткими противниками большевистской политики централизма. Левые эсеры Урала добивались увеличения роли Советов как органов народовластия на местах. Члены партии, входившие в Уфимский Совнарком, утверждали, что этот орган должен иметь одинаковые права с центральным советским правительством, а левые эсеры

---

[198] Кирмель Н.С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке 1918-1920 гг…. С. 92, 95, 96.
[199] Аннин А.Г. Социалисты в Советах рабочих и солдатских депутатов Центральной России в 1917 году. Автореф. дисс… д-ра ист. наук. Иваново, 2009.
[200] Там же. С. 32.
[201] Гаврилов А.Ю. Меньшевизм и российские революции начала XX века: проблемы идейной эволюции (по материалам партийной печати). Автореф. дисс… д-ра ист. наук. М., 2009. С. 28.

Вятского губисполкома вообще предлагали отделить Вятскую губернию в самостоятельную, независимую от центра область[202].

В 2001 году в издательстве Росспэн выходит книга итальянского историка А. Грациози «Великая крестьянская война в СССР», повествующая о непримиримой борьбе двух самых мощных сил, выдвинутых революцией: крестьян и большевиков[203]. Грациози определяет большевиков, как немногочисленную, но деятельную прослойку политической элиты, чьей наиболее яркой чертой явилась несомненная способность к государственному строительству, что стало основным сюрпризом революции[204]. Ключевым этапом борьбы двух радикальных сил, выдвинутых революцией, становится 1918 год, когда большевики ликвидировали крестьянские Советы, избранные в 1917 году. В эмигрантской исторической литературе действия большевиков 1918 года характеризуются «как первая контрреволюционная операция, успешно проведенная после 1917 года». Однако в 1921 году крестьяне вновь поднялись на борьбу: произошло величайшее крестьянское восстание со времен Пугачева[205].

В историографическом осмыслении крестьянских восстаний 1921 года важное место занимает статья В.И. Голдина, опубликованная в материалах конференции «1921 год в судьбах России и мира», состоявшейся в Мурманске в 2011 году[206]. В.И. Голдин отмечает, что 1921 год оказался решающим в судьбе революции. Почти победив белых в гражданской войне, большевики столкнулись с глубоким кризисом во взаимоотношениях с массами населения города и деревни, недовольных политикой властей Советской России. Готовые терпеть лишения во время упорной борьбы красных и белых, широкие массы не желали далее признавать всесилия большевиков[207].

---

[202] Мохудзаев М.И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917-1918 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 18-19.
[203] Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2001.
[204] Там же. С. 14, 15, 34.
[205] Там же. С. 19, 30.
[206] Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России в начале 20-х гг.: проблемы современного осмысления // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. В.И. Голдин, П.В. Федоров. Мурманск, 2011. С. 50-74.
[207] Там же. С. 52.

Самым опасным в 1921 году В.И. Голдин признает Западно-Сибирское восстание. Судьба государственной власти определялась тогда «исходом вооруженной борьбы не в центре страны, как было почти всегда в истории России, а в отдаленной провинции, на просторах Западной Сибири»[208]. Идеализировать и романтизировать народные выступления нет оснований – таков главный вывод статьи. Поскольку они сопровождались жестокостью и насилием, массовыми жертвами. К тому же присущее им стремление организовать жизнь по канонам традиционного общества вело страну назад[209].

На состоявшийся в 1921 году переход большевиков на более правые позиции, новый «правый курс», обращают внимание составители сборника «Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.», идеологи интернационального коммунистического течения[210]. Открытый конфликт «пролетарского государства» с пролетариатом и крестьянством поставил большевиков перед жестким выбором. Партии, постепенно срастившейся с госаппаратом, требовалось защитить власть от левых, пролетарско-крестьянских радикалов. Успех кронштадтского восстания мог воодушевить крестьян на всероссийскую жакерию. Если бы большевистская диктатура пала, незамедлительно наступил хаос[211].

«Правый курс» большевиков заметили и в эмиграции. Ответом на него стало течение сменовеховства, названное по имени сборника «Смена вех», вышедшего в Праге в 1921 году. Взглядам сменовеховцев на процессы, происходившие в Советской России, посвящена монография А.В. Квакина[212]. В первой половине 1920-х годов это течение, призывавшее к принятию советской действительности с национально-возрожденческих позиций, получило широкое распространение, как в российском зарубежье, так и внутри Советской России. Ему предсказывали тогда большое будущее и рассматривали как реальную

[208] Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России в начале 20-х гг.: проблемы современного осмысления… С. 55.
[209] Там же. С. 55-56.
[210] Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг. М., 2008.
[211] Там же. С. 106, 107, 111.
[212] Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006.

альтернативу красно-белого противостояния, вариант «Третьего Пути развития российского государства»[213].

А.В. Квакин формулирует принципы, обусловившие появление сменовеховства. Бесперспективность вооруженной борьбы с большевиками и необходимость для возрождения Великой России «примириться с Советской властью»[214]. Авторы «Смены вех» делали вывод, что самостоятельная роль интеллигенции закончена. Ее творческая задача теперь лишь одна - служить народу и тому режиму, который данный народ выбрал. Только в этом случае интеллигенция преодолеет историческое отщепенство. Сменовеховцы рассматривали Советскую власть как новую форму российской государственности, исторически соответствующую мессианскому призванию России. Сложившаяся ситуация напоминает смутное время, и история России выбрала большевиков в качестве выразителей чаяний народных масс. Дух большевизма соответствует объективным тенденциям развития России, большевистская революция властно входит в русскую жизнь[215].

Продолжает эту тему докторская диссертация Л.В. Балтовского, отмечающая сходство программы народного просвещения, проведенной большевиками в 1920-1930-х годах в рамках культурной революции, с аналогичной частью доктрины конституционно-демократической партии[216]. Общая схема построения образовательной политики, декларируемая кадетами, предполагала изменение всей системы просвещения и образования, начиная с низшей ступени и заканчивая высшей, которая должна была полностью стать народной. Большевики проявили себя как талантливые «плагиаторы», использовав не только эсеровскую аграрную программу, но и программные ориентиры кадетов в сфере науки и просвещения. Этим и объясняется ускоренный прогресс в развитии советского государства. Авторитетные ученые, входившие в партию кадетов (В.И. Вернадский, И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург),

[213] Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути… С. 8.
[214] Там же. С. 77-78.
[215] Там же. С. 58-60.
[216] Балтовский Л.В. Политическая доктрина конституционно-демократической партии (партии Народной свободы). Автореф. дисс… д-ра полит. наук. СПб., 2011.

уже с начала 1920-х годов приняли активное участие в строительстве социалистической государственности[217].

Обобщением отношения эмигрантов к событиям, происходившим в СССР 1920-х годов, занималась А.В. Урядова. Тема ее докторской диссертации - восприятие эмиграцией внутренних процессов в Советской России, а позже и в СССР[218]. А.В. Урядова главной особенностью эмиграции считает проявление ею гораздо большего интереса к внутрироссийским процессам, нежели к ситуации в странах ее пребывания[219]. К концу 1920-х годов эмиграция осознает тщетность попыток оказания влияния на внешнюю политику иностранных государств и несбыточность реваншистских планов с опорой на иностранную интервенцию. Это ведет к усилению в эмиграции настроений возвращенчества. В последней трети 1920-х годов большинство эмигрантов признает неизбежность контактов с СССР[220].

В 2017 году отмечалось столетие Великой русской революции 1917 года, уже официально признанной единым революционным процессом, начавшимся в феврале и нашедшим логическое продолжение в октябре. И хотя в левой среде продолжает сохранять популярность концепция двух революций, с ней согласны далеко не все даже в этой части политического спектра. О чем говорит название одного из вышедших в 2017 году фундаментальных трудов «Вершина Великой революции. К 100-летию Октября», изданного сегодняшними приверженцами марксизма[221].

И для такой позиции есть закономерное обоснование. М.И. Воейков, доктор экономических наук из Института экономики РАН, на заседании Круглого стола, чья стенограмма представлена в книге, соглашается с тем, что Октябрь является великим историческим событием. Это «завершение, эпицентр Великой русской революции, в этом я согласен с той концепцией революции, которая сейчас

---

[217] Балтовский Л.В. Политическая доктрина конституционно-демократической партии (партии Народной свободы)… С. 31-32.
[218] Урядова А.В. Социально-экономическое и общественно политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция русской эмиграции. Автореф. дисс… д-ра ист. наук. Ярославль, 2011.
[219] Там же. С. 4, 24.
[220] Там же. С. 27, 29, 31.
[221] Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. М., 2017.

излагается. Ни в одной великой большой стране не происходят революции за один день. Возьмите французскую революцию, английскую, там тоже все совершалось не в один день и не в один месяц»[222].

Причины и итоги Октября подводятся еще в одной значительной работе, вышедшей в 2017 году. Ее автор – известный общественный деятель, депутат Государственной думы В.А. Никонов[223]. В ней он подчеркивает, что Февраль был в огромной степени творением интеллигенции. Она готовила его интеллектуально весь XIX век, была в первых рядах борцов с самодержавием, поставляла руководителей для ведущих партий. Между тем большевизм воплотил растущую в условиях февральского хаоса потребность в порядке, и существенную помощь ему оказали консервативные и состоятельные слои, презиравшие эсеро-меньшевистскую интеллигенцию ничуть не меньше Ленина. «В большевиках почувствовали людей, способных создать сильную власть»[224].

В 2018 и 2019 годах в журнале «Диалог со временем» были опубликованы две статьи докторов исторических наук из Ярославля Г.Н. Кочешкова и Е.Л. Сараевой. Первая из них посвящалась долгосрочным факторам перерастания в революцию кризиса взаимоотношений общества и власти, а вторая краткосрочным, непосредственно предшествовавшим Февралю[225]. Основу обеих статей составляет анализ взглядов по указанной проблематике членов Прогрессивного блока - прогрессивного националиста В.В. Шульгина, и двух представителей кадетской партии, П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова, непримиримо настроенных по отношению друг к другу.

Наиболее значима позиция В.А. Маклакова, после 1917 года наиболее глубоко сожалевшего о революционном срыве, произошедшем в феврале. В отличие от того же А.И. Гучкова, отрицавшего лишь внешне личную ответственность за революцию, его раскаяние было искренним. Но даже он

---

[222] Вершина Великой революции. К 100-летию Октября… С. 444.
[223] Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М., 2017.
[224] Там же. С. 1069, 1075.
[225] Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 года. Идеи лидеров Прогрессивного блока //Диалог со временем. 2018. № 65. С. 300-316; Они же. Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров Прогрессивного блока //Диалог со временем. 2019. № 68. С. 301-317.

пытался возложить большую часть ответственности за случившееся на монархическую власть. Защитить государство от революции, по его мнению, могли только конституционные реформы, от которых государство, уверял он, принципиально отказалось. В действительности главное препятствие для преобразований представляла сама общественность. Антагонист Маклакова по партии Милюков жестко опасался именно реформистской деятельности правительственного либерализма. В нем он видел максимальную угрозу для торжества кадетского радикализма. Милюков не простил П.А. Столыпину издания третьеиюньского избирательного закона, в результате реализации которого кадеты утратили думское большинство, перестав быть влиятельной партией. Тогда как В.В. Шульгин был уверен, что Столыпин давал едва ли не единственный шанс на успех всей либеральной общественности. Для реализации конституционных реформ требовалась умеренность. Внутриэлитный раскол был чреват полной гибелью российской государственности. Сохранить устои государства могла только сильная власть. Российское правительство ближе всего подошло к этому состоянию в период премьерства Столыпина, пытавшегося совместить интересы государства и общества[226].

Для более полного понимания событий, разворачивавшихся в России начала XX века, определенную значимость приобретает и взгляд на них, исходящий от Запада. Позиция, признанная теми государствами, которые стремились влиять на российские политические процессы, являясь официальными союзниками или противниками России по Первой мировой войне и последующему участию в войне гражданской, позволит более комплексно осознать объективную сущность происходившего тогда поворота в российской истории. Фактически первым основательным научным исследованием причин успеха большевиков в октябре 1917 года стало обширное двухтомное исследование «Русская революция» У. Чемберлена[227].

---

[226] Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 года. Идеи лидеров Прогрессивного блока… С. 306, 308, 309-310.
[227] Chamberlin W.H. The Russian Revolution. New York, 1935.

Автор хорошо знал Россию, пробыв в ней 13 лет в качестве корреспондента. Несмотря на последовательную либеральную позицию, воспринимал революцию и Советскую власть как закономерную реальность. Он полагает, что любая революция сочетает триумф и трагедию, ведь она вырывает с корнем целые классы, взамен выталкивая наверх тех, кто ранее был угнетен. Русская революция – величайшее событие в мировой истории, результат не большевистского «заговора», а сложного и длительного процесса развития политических, экономических и социальных противоречий[228].

Д. Фишер в работе, посвященной истории либерализма, дает картину истории земства, ставшего колыбелью для русского либерального движения, мечтавшего о свободном конституционном строе. Это не полная история русского либерализма – она охватывает лишь период от начала 1860-х годов до 1905 года. Наибольшее внимание Фишер уделяет тверским земцам, еще в 1862 году потребовавшим отмены сословных привилегий и введения представительного образа правления. А наиболее известный тверской земец И.И. Петрункевич уже в нелегальной брошюре конца 70-х годов выдвинул требование созыва Учредительного собрания для выработки конституции. И вполне логично, что в 1906 году именно Петрункевич открыл первое заседание первого созыва Государственной думы будучи старейшим депутатом. Лидеры кадетской партии И.И. Петрункевич и П.Н. Милюков являлись социальными либералами, подобно Д. Ллойд Джорджу, В. Вильсону и Ф. Рузвельту, при этом считая себя последователями основателя интеллигенции А.И. Герцена[229].

Ветеран американской русистики М. Малиа в своей последней монографии «Локомотивы истории: Революции и становление современного мира» видел в либералах главную движущую силу революции. Революция 1905 года, полагал Малиа, явилась звездным часом русского либерализма, несмотря на то, что ее часто определяют как народную, рабочую. В 1904-1906 годах лидерство в

[228] Chamberlin W.H. The Russian Revolution… Vol. 2. P. 462-463.
[229] Fisher G. Russian Liberalism – From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958.

движении против самодержавия приобрели либералы-интеллигенты. Но с этого времени начинается выход на ведущие позиции в России социалистов[230].

Американский историк С. Харкейв считает, что либеральная организация «Союз освобождения», предшественница кадетской партии, с момента основания подпала под влияние либералов-экстремистов. В основу их политики закладывалось представление о том, что завоевание политической свободы должно предшествовать всем остальным переменам[231]. Союз освобождения, по мнению профессора университета Восточной Англии П. Уолдрона, был подпольной организацией, нацеленной на поддержку революции[232].

Профессор университета Ксавьера (штат Огайо) А. Коррос посвятила статью анализу опубликованных документов ЦК, съездов и конференций кадетской партии. В ней показано противостояние руководства КДП с ее рядовым составом. Отмечена неуступчивость партийного руководства, особенно в 1905-1907 годах. Провинциальные члены партии часто активно выступали против политики руководящих органов. В результате кадеты разрывались между нахождением внутри официальной системы империи и отстаиванием активной оппозиции правительству. После 3 июня 1907 года кадеты утратили надежду на быстрое превращение России в конституционное государство парламентскими средствами. Трещина в партии между сторонниками мирного обновления страны и призывавшими к «воинственности в союзе с социалистами» постоянно возрастала. В результате в годы третьеиюньской системы КДП оказалась глубоко разделенной[233].

Взаимоотношения в треугольнике британского посольства, русского правительства и либеральной оппозиции передает статья, посвященная британскому послу в России А. Николсону в сложных для нее 1906-1907 годах[234]. Николсон откровенно обсуждал с премьер-министром П.А. Столыпиным

---

[230] Malia M. History’s a locomotives = Revolutions and the making of The modern world. London, 2006.
[231] Harcave S. First blood: The Russian revolution of 1905. London, 1964.
[232] Waldron P. The end of Imperial Russia, 1855-1917. Basingstoke, 1997.
[233] Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 5, No. 1, 2004. P. 117-136.
[234] Neilson K. «My Beloved Russians». Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906-1916 // The International History Review. Vol. 9, No. 4, 1987.

проблемы внутренней политики России. Несмотря на либеральные взгляды, личные симпатии посла были не на стороне оппозиционной партии. Частично это объяснялось конкретной задачей, стоявшей перед ним: необходимостью подписания русско-английского соглашения. Но причины его лояльного отношения к премьеру были более глубокими. Он был убежден, что справиться с крайностями революции могла только умеренная Дума, а Столыпин намеревался предложить ей широкую программу либеральных реформ. Англия и ее парламент потенциально являлись великолепной школой для либералов, но русские левые либералы с пренебрежением отнеслись к этим урокам. Николсон негативно оценивал их влияние на ситуацию в стране, так как вместо того чтобы заниматься решением неотложных дел, они дискутировали по абстрактным теориям. Таким образом, Николсон полагал, что власть имела возможности проведения внутренних преобразований с меньшими издержками, чем кадеты[235].

Развивает подобные настроения книга С. Сэроли «Французская и русская революции» из того же 1906 года [236]. Она заполнена сравнениями между обстановкой во Франции и в России начала XX века. По мнению англичанина, в России, в отличие от Франции, не было «среднего класса». Россия оставалась преимущественно крестьянской страной, без буржуазии и аристократии. И следовательно революция – результат действий не третьего, а четвертого сословия, интеллигенции. Из этого делался вывод: Россию не спасет парламентская форма правления. Необходим сильный «либеральный деспотизм» царя[237].

Главная идея немецкого историка М. Хильдермайера состояла в том, что единственными серьезными противниками на пути большевиков к власти были не кадеты и октябристы, а социалисты-революционеры[238]. Свой вывод он аргументировал численностью партии эсеров. В 1905-1907 годах она доходила до 45 тысяч членов партии против 40 тысяч у меньшевиков, и такого же количества у

---

[235] Neilson K. «My Beloved Russians». Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906-1916… Vol. 9, No. 4, 1987. P. 534.
[236] Sarolea C. The French Revolution and the Russian Revolution. Edinburgh, 1906.
[237] Ibid. P. 1, 25, 31-32, 35.
[238] Hilderrneier M. Die Sozialrevolutionaiere Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modemisierung im Zarenreich (1900-1914). Koln, 1978.

большевиков. Основанием для подобных выводов стала также и победа эсеров над социал-демократами в целом по итогам выборов во II Государственную думу в рабочей курии Санкт-Петербурга. Хильдермайер подсчитал, что пролетарии наиболее крупных заводов и фабрик больше голосов подали за эсеров, и лишь на мелких предприятиях, с численностью менее 100 работников, голосовали за большевиков. Этот выбор показал, что ПСР имела глубокие корни в рабочем движении, и социал-демократы реально признали свое поражение. И позднее, в 1917 году, эсеры представляли единственную реальную угрозу для большевиков. Партии правее кадетов сошли со сцены вслед за царизмом. От партии октябристов остался лишь ее лидер А.И. Гучков. Кадеты безнадежно отстали от хода революции. Трагедией ПСР стало то, что они не сумели соединиться в условиях революции с народным движением. Это была интеллигентская партия для крестьян, а не партия самих крестьян[239].

Тема общекоалиционного участия России в Первой мировой войне мало интересует зарубежных историков. Работы на эту тему в зарубежной русистике стали появляться только с 1970-х годов. В исследованиях последних лет перестал использоваться прямой детерминизм – революция есть следствие неудачной войны. Британский исследователь П. Гэтрелл полагает, что за годы войны Россия, несмотря на относительное техническое отставание от ведущих экономик Запада, сделала качественный рывок в производстве вооружений. Однако подобные успехи были достигнуты ценой свертывания гражданского производства[240].

Существенной тенденцией современной западной историографии стал отказ рассматривать революцию 1917 года как кардинальный разрыв с предыдущим периодом российской истории. Теперь революция воспринимается частью системного кризиса империи, вызванного Первой мировой войной, и завершившегося вместе с окончанием гражданской войны. Американский историк П. Холквист в работе с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914-1921 гг.» выдвигает тезис, что

---

[239] Hilderrneier M. Die Sozialrevolutionaiere Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modemisierung im Zarenreich (1900-1914)… P. 221, 267.
[240] Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.

русскую революцию надо рассматривать в контексте общеевропейского кризиса. В стране за годы войны произошли серьезные изменения, и поэтому Холквист считает поворотным пунктом в ее истории не 1917, а 1914 год[241].

Наиболее острые противоречия между Россией и Западом вызывает спор о судьбе Черноморских проливов, обещанных России в случае победы Антанты в Первой мировой войне. На Западе стараются представить дело так, что Россия, допустив победу большевиков, сама оказалась виноватой в том, что не получила вожделенные проливы. В нашей отечественной историографии сегодня появляются исторические труды, солидаризирующиеся с позицией Запада[242]. Между тем, на Западе вовсе не отрицают двусмысленности проводившейся тогда политики. А. Эдварде в исследовании «Британия, Европа и мир 1848-1918» отвечает на вопрос, почему Турция в начале XX века еще существовала как отдельное государство. Это происходило лишь потому, что великие державы опасались возникновения проблем, неизбежных после ее падения. В Британии начала XX века считали, что после распада Османской империи Балканы попадут под влияние Петербурга. Дарданеллы окажутся в руках России и Черноморский флот получит на регулярной основе выход в Средиземное море. Исторически Россия всегда рвалась к Проливам, а Британия категорически не желала этого допустить, и оттого поддерживала Турцию как бастион против российской экспансии[243].

Относительно интервенции на Западе распространено представление, что она велась в столь малом масштабе, что принесла белым гораздо больше вреда, чем пользы, позволив большевикам предстать перед собственным народом в образе защитников государственных интересов. Ход гражданской войны

---

[241] Holguist P. Marking War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis. 1914-1921. Cambridge, 2002.

[242] Одним из них стала книга И.Т. Тышецкого. Он отвергает утверждение, что союзники втянули Россию в ненужную ей войну. Россия, по его мнению, не только несет личную долю ответственности за развязывание мировой войны, но, наоборот, это она втянула союзников в войну из-за своих интересов, тех же проливов. Нормальному изучению политических аспектов войны препятствует и то, как страна вышла из нее. Заключив с Германией сепаратный мир, Россия, по утверждению Тышецкого, предала союзников, вступивших в войну из-за нее. И далее Тышецкий пишет. «Советские комментаторы Брест-литовского мирного договора любили оправдывать мошенническую ленинскую мысль о том, что "похабный" мир был необходим для сохранения самого государства». Тышецкий настаивает, что последующую интервенцию вызвали объективные факторы - предательство большевиками интересов союзников. Признание этого факта необходимо сегодня для налаживания полноценного диалога с Западом (Тышецкий И.Т. Происхождение Первой мировой войны. М., 2015. С. 10-11).

[243] Edwards A.D. Britain, Europe and the World 1848-1918. London, 1979.

изменило вовсе не вмешательство союзников, а роль, которую сыграла Германия в 1917-1918 годах. Немцы располагали более полными данными о происходившем в России. Цель их была предельна проста – расширение границ немецкого господства и ослабление Российской империи[244]. Они проводили умную политику поддержки большевиков в центре страны и антибольшевистских сил на периферии[245].

Но была в зарубежной историографии и противоположная позиция, не отрицавшая ведущей роли Запада в российской гражданской войне. Особенно подчеркивалась главная роль интервентов в войне на севере России. Наиболее интересным объектом для союзников оставались Архангельск и Мурманск, полагал британский военный историк Э. Моудсли. Союзные войска здесь действительно воевали с Красной армией, и контролировали как Белое движение, так и связи белых с внешним миром[246]. Другой авторитетный историк, американец Р. Уллмэн указывал, что на Севере интервенция достигла высшей третьей стадии, характерной для колоний, и интервенты стали доминирующим элементом в военных действиях по сравнению со стороной, которую они формально защищали. При этом местные силы нередко отказывались за них воевать, и даже переходили на сторону врага[247].

Среди монографий о взаимодействии России с Западом высокомерием отличается книга М. Лезерзона «Американское дипломатическое и идеологическое воздействие на Россию». Автор стремится подчеркнуть заслуги американской дипломатии в борьбе против революции. Лезерзон настаивает, что Портсмутский мир, завершивший в 1905 году на территории Америки русско-японскую войну, отодвинул ожесточенную социальную революцию в России, дав стране 12 лет передышки от непримиримого классового катаклизма[248].

---

[244] То есть политика, характерная для Третьего Рейха, автоматически переносится на политику Германии периода Первой мировой войны.
[245] Freud J. Unholy Alliance: Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. New York, 1967.
[246] Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston; London; Sidney, 1987.
[247] Ullman R. Britain and the Russian Civil War. London; Princeton; New Jersey, 1967.
[248] Laserson M. The American impact on Russia-Diplomatic and Ideological. 1784-1917. New York, 1950.

Большое место отведено гражданской войне в фундаментальном исследовании У.Г. Розенберга, посвященном кадетам. При этом уже привычно для западной историографии их действия оцениваются автором резко негативно. Он характеризует деятелей кадетской партии как никчемных политиков. Так как они, с одной стороны, придерживались неподходящих для революционного времени лозунгов о сохранении государственности, а с другой стороны – предавали идеалы, одобряя военно-контрреволюционные мятежи, а нередко и террор. Дилемма, вставшая перед либералами во время революции, по сути была неразрешимой. Им приходилось выбирать из двух зол. Но они долго не раздумывали, настолько сильно определяла их тактику ненависть к большевикам. Они всегда мирились с беззаконием белых[249].

О. Рэдки детально проанализировал деятельность партии эсеров в 1917-1918 годах. Он еще менее, чем Розенберг, симпатизировал эсерам, прямо назвав их предателями. К 1917 году правые эсеры, считал он, оставались социалистами лишь по названию. Левые эсеры помогли большевикам захватить и удержать власть. Относясь к интеллигенции, социалисты-революционеры не имели опоры в народе и никогда не выражали интересов своих номинальных избирателей – крестьян. Те голосовали за эсеров исключительно по наивности, всерьез восприняв их социалистические декларации[250].

В другой монографии О. Рэдки указывает, что в Тамбовской губернии у местной эсеровской организации не сложилось никаких связей с А.С. Антоновым и другими руководителями наиболее крупного крестьянского восстания. Хотя формально Антонов и являлся членом партии левых эсеров и программные требования повстанцев в основном совпадали с положениями партийной программы, эсеры ничем не содействовали организации восстания. Партия эсеров к началу 1920-х годов стала значительно слабее, пройдя пик популярности. К тому же эсеровская интеллигенция с подозрением относилась к крестьянской самодеятельности. Крестьянское движение являлось скорее интуитивным: не

[249] Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974.
[250] Radkey O. Russian socialist revolutionaries, Febrary to October, 1917. New York, 1958.

только против коммунистов, но и против насилия со стороны любой власти. Несмотря на жестокость Антонова и его бойцов, Рэдки не скрывал симпатий к нему, в тоже время подвергая эсеров критике за их популизм. Враждебно настроенный к большевикам, он был уверен, что Тамбовское восстание представляло серьезную опасность для их режима и имело шансы на успех в случае его поддержки крестьянами соседних губерний[251].

О. Файджес рассматривал революцию через призму фактического противостояния деревни и города. Крестьянский мир России был архаичен, и попытки его реформирования сверху, со стороны любых властей революционного времени, провалились, поскольку общины ему сопротивлялись. Революция 1917 г. сделала сельскую общину автономной силой, быстро захватившей все пространство деревни. Крестьянство не давало никому, в том числе большевикам, вмешиваться в свои дела[252].

Тем не менее Ш. Фитцпатрик полагает, что в Октябре 1917 года широкие народные массы сознательно поддерживали большевиков, так как коренные интересы и цели большевистской партии в основном совпадали с народными настроениями. И только к началу 1920-х годов пути большевиков и рабочих начали расходиться, что наглядно продемонстрировало Кронштадтское восстание. Это стало трагедией для партийцев, совершавших в 1917 году революцию, причем как для тех, кто искренне считал, что рабочие преданы делу партии, так и для тех, кто пришел к выводу, что рабочие предали большевистские идеалы[253].

Один из наиболее известных западных историков Л. Шапиро утверждает, что с первыми реальными трудностями большевики встретились намного раньше. Партия, преобразованная в начале 1918 года в РКП (б), весной указанного года почти повсеместно проиграла демократические выборы в Советы. В ряде крупных промышленных центров и городов центральной России большевики утратили поддержку рабочего класса, в массовом порядке проголосовавшего против их

[251] Radkey O. The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Moverment in the Tambov Region. 1920-1921. Stanford, 1976.
[252] Figes O. Peasant Russia. Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989.
[253] Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution, 1917-1932. Oxford, 1985.

политики. Шапиро уверен, что если бы в России соблюдались общепризнанные конституционные принципы и нормы, меньшевики и представители других оппозиционных партий и групп могли составить большевикам реальную конкуренцию и даже прийти к власти. Историк упрекает либералов за то, что в свое время, до 1917 года, они не проявили достаточной гибкости в отношениях с «исторической властью», а самое главное не сумели подготовить русский народ к принятию демократического образа жизни[254].

С. Коткин предлагает считать большевизм побочным продуктом российского абсолютизма, при этом имевшим более современный и прогрессивный характер, по сравнению со старым режимом. Октябрь, соглашается Коткин с противниками большевизма, являлся, конечно, переворотом, однако произошедшим на фоне разнообразных народных движений. Однако противники большевизма упускают очень важный момент. Октябрь стал всего лишь отправной точкой, исходным пунктом качественно новой трансформации страны. Объяснения требует не захват большевиками власти, а вопрос о том, как им удалось ее удержать. Большевики переделали государство и собрали воедино почти всю распавшуюся империю. Ровно это и составило суть Октябрьской революции[255].

При подведении итогов состоявшегося анализа западных исторических трудов хорошо видятся две закономерности. Первая из них заключается в том, что как ни старались в свое время основные российские партии понравиться западным партнерам, их политика оценивается зарубежной историографией в основном резко негативно. Особенно ярко это проявляется по отношению к кадетам, хотя оценки партии эсеров выглядят ничем не лучше. Во-вторых, хотя большевики воспринимаются почти всеми историками как стратегические противники, в целом они вызывают глубокое уважение со стороны большинства историков. Также некоторую долю уважения западной историографии вызывает и дореволюционная, так называемая историческая власть. Таким образом,

[254] Shapiro L. The Orgins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. First Phase: 1917-1922. London, 1955.
[255] Kotkin St. 1991 and the Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // J. of mod history. Chicago, 1998. Vol. 70. No. 3. P. 384-425.

напрашивается вывод о том, что лишь сильная, отстаивающая интересы народа и государства, власть пользуется уважением на Западе. Стремление любой ценой угодить иностранцам никогда не вызовет у них симпатии.

Настоящее исследование направлено на выяснение того, как влияла деятельность партий на положение в органах власти. Оценивая развитие историографической ситуации за прошедшие шестьдесят лет, (начиная с 1950-х годов - периода, когда стало возможным активное изучение ведущих дореволюционных партий), следует признать, что за это время дважды кардинально менялись тенденции в освещении политических процессов начала прошлого века. Медленное, но поступательно-эволюционное накопление знаний о партийно-политической борьбе двух первых десятилетий XX века, характерное для 1960-первой половины 1980-х годов, сменилось полным отрицанием прежней парадигмы. В конце 1980-х-начале 1990-х годов накопленные за советское время представления о революции были решительно отвергнуты официальной наукой: Октябрь 1917 года стал признаваться причиной всех российских бед.

Однако начавшееся после этого вторичное осмысление революционной эпохи постепенно показало несостоятельность исторических мифов о предпосылках и последствиях революции 1917 года, которые сформировались за годы Перестройки. Было все более очевидно, что Февраль, как конкретный этап российской истории, существенно ухудшил положение России и неминуемо вел к ее распаду. На преодоление мифов, ставших было официальной версией российской истории, потребовалось немногим более одного десятилетия. Если в начале 2000-х годов еще предпринимались последние попытки радикальной части исторических кругов защитить Февраль, то к концу нулевых годов действенная защита политического режима, установленного в феврале 1917 года, была уже невозможной – слишком явной стала его ущербность. Он оказался достаточно слаб для того, чтобы удержать единство России. Центр сопротивления антикоммунистических сил в области исторической науки переместился сегодня в сторону апологетики Белого движения и серии крестьянских восстаний 1921 года.

Утверждается, что на этих направлениях якобы было возможно освобождение нашей истории от большевиков.

Сегодня актуален и необходим цельный взгляд на ход российской истории. Только тогда появится понимание взаимосвязанности политических событий, имевших место в первой четверти XX века. Как правило, изучение исторических событий разделяется рубежом 1917 года: одной частью историков исследуются политические процессы до 1917 года, а другая часть берет 1917 год в качестве отправной точки для освещения последующих явлений. Поэтому очень важно установить, как влияла межпартийная борьба на положение в органах власти в ходе всего открытого политического противостояния: с 1905 года, когда стала законодательно возможной деятельность партий, и до начала 1920-х годов, когда все партии, кроме большевиков, сошли с легальной сцены. Вот почему, хотя борьба партий в органах власти активно изучается исторической наукой, работ, претендующих на одновременное изучение политического процесса в дореволюционный период и на стадии самой революции, в исторической науке не достает. Наша работа направлена на восполнение этого пробела.

2.2. Источники

Любая уходящая эпоха, характеризующаяся постоянными и острыми конфликтами, оставляет после себя многочисленное множество документов и свидетельств. Не составила исключения и русская революция. Все сколько-нибудь значимые политические партии, имея свои представления и идеалы, особую «правду», стремились утвердить ее в глазах общества и предстать перед народом в качестве его истинных и единственных защитников. Обилие таких партий и предлагавшихся ими единственно правильных программ, и породило ту пеструю картину, каковым оказался политический ландшафт предреволюционной и революционной России. При этом народу предлагались разные, порой противоположные рецепты: одни партии утверждали, что необходима революция, другие полагали, что она означает конец существования народа. Источники

помогают нам разобраться в запутанном конгломерате сцепившихся между собой в борьбе за власть крупнейших российских партий.

Используемые нами при написании диссертационной работы источники, как хранящиеся в государственных архивах, так и опубликованные, можно разделить на пять групп. 1) Документы, относящиеся к деятельности ведущих партий начала XX века: материалы партийных съездов и конференций, заявления и резолюции руководящих партийных органов. 2) Материалы о работе партий во властных структурах и организациях, созданных при участии партий. Стенографические отчеты и архивные сведения о заседаниях Государственной думы. 3) Документы, фиксирующие отношение государственных органов к партиям: доклады, служебные записки, аналитические обзоры. 4) Периодическая и непериодическая печать (листовки, прокламации), обзоры периодической печати, публицистика, отражающие мнение партийных представителей к происходившему в стране противоборству. 5) Материалы личного характера: официальные и частные письма руководителей ведущих партий, государственных и общественных деятелей; дневники политиков, их мемуары и воспоминания.

Из используемых при написании диссертационной работы документов 35 фондов из 7 государственных архивов Москвы, Ярославля и Костромы, в качестве источников первой группы привлекались материалы, связанные непосредственно с политическими партиями. Причем, если в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФе) нами отрабатывались в основном фонды консервативных и либеральных партий (Ф. 115 – Союз 17 октября, ф. 116 – Всероссийский дубровинский Союз русского народа, ф. 523 – кадетская партия), то документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) осветили деятельность социалистических партий (фонд 274 – ЦК партии эсеров, 275 – ЦК РСДРП, ф. 31 – Совет РСДРП, посвящен высшему органу социал-демократической партии в 1903-1905 годах).

В рассмотренных фондах находится разносторонняя информация о партийных съездах и конференциях, от черносотенцев до большевиков. 115 фонд ГАРФа содержит материал о II съезде Союза 17 октября, представляющем

интерес в связи с тем, что начало его работы, 6 мая 1907 года, пришедшееся на день рождения Николая II, совпало с раскрытием покушения на него, организованным Боевой организацией партии эсеров. Данные материалы позволяют понять механизм выработки октябристами идеологического курса по отношению к силам, находившимся справа и слева от них. Съездовские выступления показывают, что октябристы, воспринимавшие императора «сущностью» российской государственности, надеялись привлечь к борьбе с террором само общество и «высшую выразительницу общественного мнения» Государственную думу. И оттого в ходе работы II Думы, в период наиболее тесного сотрудничества октябристов с правыми, между ними начались расхождения, приведшие к тому, что по итогам дискуссии, состоявшейся через несколько дней после съезда на совещании петербургских членов Союза, они решили не поддерживать на ожидавшемся представлении императору 20 членов законодательного органа, готовившегося правыми депутатами предложения о роспуске Думы[256].

Из съездов и конференций в умеренно-социалистическом спектре партий, особую значимость для нашей работы приобрел VIII Совет эсеровской партии, состоявшийся в Москве в мае 1918 года. Данный форум серьезно повлиял на определение партийной тактики: именно на нем эсеры юридически закрепили возникшее у них намерение окончательно встать на путь сотрудничества с входившими в Антанту правительствами Великобритании и Франции. От политики неприятия Первой мировой войны, пропагандировавшейся ими до начала революции, эсеры перешли к прямому взаимодействию с союзниками, став прямыми инициаторами иностранной интервенции в Россию. Участники Совета заявили о готовности возобновить войну с германской коалицией «вместе со всеми противниками союза держав центральной Европы»[257].

Не меньшую важность имел Чрезвычайный съезд РСДРП (меньшевиков), проходивший на стыке ноября-декабря 1917 года, решения которого

[256] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Лл. 93-94 (об.), 103 (об.).
[257] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Лл. 3, 6-7.

зафиксированы в 275 фонде РГАСПИ. Представляет существенный интерес доклад лидера левого крыла Ю.О. Мартова, одержавшего победу на съезде, осуждавший тактический курс, проводившийся прежним партийным большинством на протяжении восьми революционных месяцев. Левый меньшевик подверг критике и союзную партию эсеров, которая, по мнению докладчика, выдвигалась жизнью на место двигателя революции. И погубила ее идея общенациональной коалиции. А поскольку данный подход разделялся и меньшевиками, Мартов полагал, что все умеренные социалисты потеряли связь с пролетарскими массами, утратив, по крайней мере, на ближайшее время, право претендовать на руководящую роль[258]. О преобладании на съезде пессимистических настроений свидетельствовал М.И. Либер[259].

Из многих документов о деятельности партий, нашедших отражение в опубликованных сборниках архивных материалов[260], центральным источниковедческим событием 1990-х годов как раз и стал трехтомник «Меньшевики в 1917 году», являвшийся совместным российско-американским проектом. На самом деле было издано четыре книги, так как третий том вышел в двух книгах – часть первая: от корниловского мятежа до сентября, образования Предпарламента, и часть вторая: до декабря[261]. Над составлением проекта работали ведущие российские и американские историки: с американской стороны – Л. Хеймсон и З. Галили, а с российской стороны – А.П. Ненароков и В.И. Миллер. В основу неординарной работы, прослеживающей действия меньшевиков на протяжении всего 1917 года, положены архивные материалы. Стенограммы общероссийской майской меньшевистской конференции и обоих съездов партии: августовского объединительного и декабрьского чрезвычайного. Вошли сюда протоколы общих заседаний и бюро Оргкомитета, готовившего августовский съезд. В 2007 году отдельно были переизданы вступительные статьи

[258] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Лл. 17 (об.), 20 (об.).
[259] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 (об.).
[260] Меньшевики в 1917 году. В 3.Т. М., 1994-1997; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2. Т. М., 1996; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3. Т. М., 1997-2000; Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002.
[261] Меньшевики в 1917 году. В 3. Т. М., 1994-1997.

трехтомника, образовавшие новую работу «РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки»[262].

Документы 31 фонда РГАСПИ воссоздают атмосферу непримиримости между большевиками и меньшевиками, охватившую обе фракции РСДРП после раскола на II съезде в 1903 году. Меньшевистская часть партии, как явствует из хранящихся там дел, вытеснив В.И. Ленина со всех официальных руководящих постов РСДРП, крайне резко реагировала на предпринимаемую им попытку провести альтернативный съезд. Дело созыва внеочередного съезда, утверждали меньшевики, принадлежит всецело Совету партии. А Совет не видит формальных оснований для его проведения: большевистский оргкомитет внесет разложение в партийную жизнь[263]. Поэтому представляется закономерным упразднение Совета, как высшего органа партии, стоявшего над ЦК, произведенное на все же состоявшемся против воли меньшевиков III большевистском съезде.

Тезисы доклада об отношении к III Думе, прочитанного незадолго до возвращения в эмиграцию В.И. Лениным на общегородской конференции в Петербурге в 1907 году, разъясняют тактику, выбранную большевиками в непростой ситуации, сложившейся для либеральных партий вследствие изменения избирательного закона от 3 июня. Наибольшее недовольство изменением закона проявляли кадеты, и Ленин осудил бойкотистские настроения, проникшие в РСДРП только на том основании, что кадетскую Думу сменит октябристская. Ключевой стала ленинская мысль о невозможности успеха революции, пока рабочие массы сохраняют веру в конституционные способы борьбы[264].

Протоколы заседаний Центрального комитета кадетской партии из 523 фонда ГАРФа помогают проследить выработку ее базового курса. На основе протоколов осеннего заседания 1909 года заметно, насколько по-разному оценивали текущее положение различные течения внутри партии и как разнопланово они смотрели на перспективы тактического сближения с

[262] РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007.
[263] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 26. Лл. 1-2.
[264] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

октябристами. Если правые кадеты И.В. Гессен, А.С. Изгоев и П.Б. Струве добивались сближения с ними, то центрист Н.Н. Кутлер уверял коллег, что, так как Государственная дума не имеет опоры в стране и в любой момент может быть упразднена, идти на сближение с другими партиями в создавшихся условиях нет смысла: надо и впредь вести только собственную линию[265].

Ко второй группе источников принадлежат материалы, показывающие положение партийных представителей в государственных органах (фракциях Государственной думы, Советов, предпарламента, Учредительного собрания, Комуча), или во властных институтах, в которых партиям удалось получить доминантные позиции (земствах и городских думах, КОБах).

В делах 2003 фонда Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) – Штаб Верховного главнокомандующего – имеются материалы с речами депутатов и постановлениями фракций Государственной думы. Тексты выступлений членов прогрессистской фракции А.И. Коновалова и И.Н. Ефремова, входивших также в леворадикальную масонскую организацию «Великий Восток народов России», позволяют взглянуть на радикальную позицию кадетов, направленную на смену правительства и подчинение нового кабинета Государственной думе, глазами находившейся еще левее части Прогрессивного блока, воспринимавшей позицию основной оппозиционной фракции, как слишком осторожную [266].

Стенографические отчеты Государственной думы остаются важными источниками, повествующими о межпартийных отношениях и борьбе партий с правительственной властью. Читая отчеты о думских заседаниях, поражаешься насколько ошибочно сложившееся к настоящему времени представление о разумности либеральной оппозиции и крикливом поведении правой части депутатского корпуса. По крайней мере, применительно к кануну 1917 года. Перед февралем 1917 года, когда либералы почувствовали близость победы, речи их стали агрессивны и вспыльчивы. Выступления правых депутатов были

[265] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Лл. 41 (об.),-42, 44 (об.)-45.
[266] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1742. Л. 2.

спокойнее, нося преимущественно оборонительный характер. Конечно, Марков-2 был запальчивее Г.Г. Замысловского, но и он держался в рамках приличия, предлагая не возбуждать неприязнь народа и армии к государственной власти и не занимать время государственного учреждения взаимными распрями[267].

Так, стенограмма повествует о жестком диалоге между радикальными либералами и защищающими государственные интересы правыми депутатами, состоявшемся на заседании 16 декабря 1916 года. Все тот же лидер партии прогрессистов А.И. Коновалов (которому менее чем через год, 25 октября 1917 года, предстояло оказаться в противоположной роли - во главе беспомощного Временного правительства в последний день его деятельности) выступил тогда с необычайно яркой, но угрожавшей самим основам существования государства, речью, требовавшей осуждения правительства за разгон в Москве съездов земских и городских деятелей[268]. Эмоциональный запал его речи безоговорочно проигрывал холодной рассудительности Замысловского, признавшего запрет Московского съезда законным деянием, поскольку любая уважающая себя власть никогда не допустит проведения мероприятия, заявляющего в качестве цели ее свержение[269].

В фондах 274 и 275 РГАСПИ – Центральные комитеты партий социалистов-революционеров и РСДРП (меньшевиков) – присутствует множество документов о работе эсеров и меньшевиков в структурных образованиях, ставших в революционный период органами власти, таких как Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов, Предпарламент, Союз защиты родины и свободы, Союз земств и городов. Во всех указанных органах в ходе революционных событий 1917-1918 годов эсерам и меньшевикам принадлежала значительная роль. Упустив ведущие позиции в Советах рабочих и солдатских депутатах большевикам, умеренные социалисты использовали остальные

[267] Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 48, 76.
[268] Там же. С. 205.
[269] Там же. С. 221.

структуры для широкой агитации в защиту Учредительного собрания, стремясь вернуть себе первенствующее положение в политической системе[270].

О преобладании партии эсеров в таком важном для 1918 года учреждении, как съезд членов Учредительного собрания, приобретшем государственные функции, пишет в рукописи для сборника «Вольная Сибирь», хранящейся в фонде Р-5869 ГАРФа, С. Николаев. Эсеры фактически определяли все политическое поведение съезда. Однако пренебрежительное отношение левого большинства эсеровской фракции, поощряемое лидером партии В.М. Черновым, привело к выходу из ее рядов 14 человек, образовавших самостоятельную фракцию. На ослабление эсеровских позиций во властных структурах дополнительно наложилось возрастающее недоверие к политике съездовцев крестьянского населения, не желавшего привлекаться к участию в разгоравшейся гражданской войне. Эти факторы и предопределили поражение эсеров[271].

В фонде Р-5847, принадлежащем В.М. Чернову, помещен отрывок из собранного эсером В.М. Зензиновым сборника документов об омском перевороте адмирала А.В. Колчака, описывающий подробности гибели в декабрьские дни 1918 года 9 членов Учредительного собрания из умеренно-социалистических партий, покинувших тюрьму во время организованного большевиками восстания и добровольно вернувшихся туда после обещания сохранить им жизнь. Один из авторов, И. Якушев, винит в происшедшем судилище самого адмирала, заявлявшего о желании установить законность и порядок, а на деле потворствовавшего режиму «атаманской военной вольницы», безнаказанно терроризировавшему население под видом национальной и патриотической власти[272].

Из опубликованных материалов, посвященных взаимоотношениям партий с органами власти, также представляет большой интерес сборник «Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы», где приводится ряд документов, позволяющих рассмотреть меры, предлагавшиеся правыми партиями

[270] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 222. Л. 2.
[271] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Лл. 11, 12, 23.
[272] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 186. Лл. 1-2.

для срыва либеральных планов по подготовке пресловутого дворцового переворота накануне революции[273]. Заметное место в сборнике отведено показу деятельности идейного сторонника самодержавной власти, председателя Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого, неоднократно направлявшего письма Николаю II с точной оценкой действий либеральной оппозиции. Монархист видел в требовании Прогрессивного блока о формировании правительства из лиц, признающих первенство законодательных учреждений, нарушение Основных законов российского государства. При деятельном участии Тихоновича-Савицкого в начале февраля 1917 года готовился монархический съезд, призванный укрепить позиции правых, но не успевший в итоге состояться из-за начавшейся революции[274].

В советское время на региональном уровне издавалось немало документальных сборников, отражавших события, происходившие в ходе революции на местном уровне[275]. Публиковались там, как правительственные документы - отдельные заявления и воззвания Временного правительства, так и информация об органах местной власти (КОБах и городских думах), упоминавшихся, правда, чаще всего в связи с их ликвидацией. Например, в сборнике «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии» приводится газетный отчет о ликвидации в Костроме губернской земской управы.

Третью группу источников составляют документы, исходящие от государственных органов. К ним относятся доклады, служебные записки, аналитические обзоры. Подобными материалами располагают фонды ГАРФа: 111 - Петроградское охранное отделение и 102 – Департамент полиции, особый отдел. Не менее информативны документы Государственного архива Ярославской области из фондов 73 – канцелярия Ярославского губернатора и 906 - Ярославское губернское жандармское управление. Все эти фонды объединены одним источником образования – оперативно-розыскной деятельностью

[273] Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998.
[274] Там же. С. 623, 628, 629.
[275] Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917-1918 гг.). Сб. док-тов. Владимир, 1957; Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сб. док-тов (март 1917-сентябрь 1918 гг.). Кострома, 1957; Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сб. док-тов и мат-лов. Ярославль, 1957.

полицейских органов министерства внутренних дел. Причем для данных материалов характерно не механическое изложение добытой информации, а ее достаточно содержательный анализ.

Большие аналитические сводки, подготовленные полицейскими органами, выявляют сложность взаимоотношений между различными оппозиционными группами к началу 1917 года и одновременно показывают их решимость добиваться отстранения правительства. В информационном обзоре за январь 1917 года прямо говорится о неизбежности конфликта оппозиционных партий с властью из-за жесткого настроя большинства депутатов Государственной думы против правительства[276]. В другом обзоре рассматривались разногласия двух главных оппозиционных группировок – образованной на основе Государственной думы, возглавлявшейся ее председателем, октябристом М.В. Родзянко и лидером кадетской партии П.Н. Милюковым, и внедумской, во главе с председателем Союза 17 октября А.И. Гучковым, готовившей дворцовый переворот в обход Думы. Обе эти группы, отмечалось в полицейской сводке, «в одинаковой степени» забыли прежние истерические выкрики на тему «блага страны», и стремились к созданию личного благополучия, «хотя бы и на костях усердно опекаемой ими родины»[277].

Фонды Государственного архива Ярославской области, наряду с материалами о местных отделениях оппозиционных и революционных партий, располагают большим числом циркуляров и распоряжений, поступавших в Ярославль из центра. Из них ярославские региональные власти и полицейские органы получали информацию о намерениях революционных партий обострить политическую обстановку в стране. Так, в 1907 году в Ярославль поступило сообщение о намерении эсеров и социал-демократов организовать восстание крестьян под предлогом защиты II Думы. Комитеты и структуры, организуемые революционными партиями, предлагалось рассматривать как преступные сообщества[278].

---

[276] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 19.
[277] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Лл. 113-113 (об.).
[278] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1244. Лл. 16, 23.

Департамент полиции сообщал провинциальным коллегам подробности внутренних конфликтов, происходивших в руководящих органах различных партий. В одном из обзоров 1908 года подробно освещалось положение в Центральном комитете партии эсеров. Имелась там и разработка, связанная с образованием в Париже группы инициативного меньшинства, требовавшей от ЦК не дожидаться начала всеобщего восстания крестьян, а вести борьбу с самодержавным режимом путем усиления террора[279].

В ГАЯО содержится документ от 1905 года, свидетельствующий о неготовности полиции в период, предшествовавший образованию Союза русского народа защитить власть. Он предписывал пресекать распространение появляющихся в различных частях Российской империи многочисленных брошюр, призывавших противодействовать революционному активизму. Органы правопорядка боялись возникновения погромов против революционной интеллигенции и стремились в зародыше предотвратить остроконфликтные ситуации[280].

Данные 116 фонда ГАРФа подтверждают тот факт, что спасение власти от революционных потрясений стало возможным благодаря стихийной самоорганизации правых монархистов, образовавших многочисленные сообщества и давших решительный отпор революционерам при явно недоброжелательном отношении к ним представителей администрации[281]. В обзоре монархических организаций за 1909 год подчеркивается, что и дальнейшие отношения Союза с властями складывались напряженно, так как раскол в Союзе дошел до критической черты: «союзники» не верят никому из руководителей. В их среде усиливалось недоверие не только к правительству. Самые преданные монархисты, видя полную слабость власти, начинают обвинять в этом уже главу государства[282].

Большое внимание со стороны спецслужб и высших должностных лиц, на уровне премьер-министра, обращалось к тем органам государственной власти или

[279] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Лл. 34-34 (об.), 35 (об.)-36.
[280] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1048. Лл. 1, 3-3 (об.).
[281] ГАЯО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 3 (об.).
[282] ГАЯО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Лл. 25 (об.), 26, 27.

общественным организациям, в которых партийные представители получали преобладание и брали их под свой контроль. Прежде всего, такими органами являлись Государственная дума, а также возникшие в ходе Первой мировой войны военно-промышленные комитеты и созданные при участии земств и городских дум структуры Земгора. Аналогичные материалы находятся в фондах ГАРФа: 601 – принадлежащего императору Николаю II, 627 – премьер-министра Б.В. Штюрмера, а также в фонде 2003 РГВИА.

В фонде 601 привлекает внимание доклад П.А. Столыпина, подготовленный на основе материалов, собранных его предшественником на посту министра внутренних дел П.Н. Дурново, призванный предупредить возможный успех оппозиционных сил на повторных выборах во II Государственную думу. Семена недовольства, отмечалось в докладе, «падали на насыщенную ожесточением почву»[283]. Министр предупреждал императора об опасности победы оппозиционных партий на повторных выборах. Правительству нельзя с безразличием относиться к ходу выборов: от него требуется активное участие в предвыборном процессе и превращение в одну из сторон политической схватки[284].

Данная идея Столыпина оказалась востребованной в 1916 году, при подготовке правительства к несостоявшимся думским выборам 1917 года. Правительственные планы раскрывает записка в ГАРФе, из 627 фонда Б.В. Штюрмера, приводящая предварительный расчет возможного расклада сил на случай готовившегося властью досрочного роспуска в начале 1917 года Государственной думы и последующих за этим выборов. Записка призывала губернаторский корпус вести борьбу с неблагонамеренными элементами, к которым, вместе с кадетами и прогрессистами, причислялись и левые октябристы. Вся территория страны делилась в ней на 9 категорий. В губерниях, относящихся к первым 6 категориям, включая четыре национальных, победа на выборах признавалась реальной. В 8 и 9 группах положение оценивалось как почти безнадежное. Наибольшее внимание чиновников МВД вызвали губернии 7

[283] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 1 (об.).
[284] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Лл. 18 (об.), 20.

категории, в которую входила и Ярославская губерния. В этих губерниях как раз и сложился упомянутый союз левых октябристов с кадетами и прогрессистами, но местные губернаторы признавались способными противостоять им[285].

Б.В. Штюрмер, будучи премьер-министром, постоянно информировал в своих докладах Николая II о положении дел в Прогрессивном блоке, делая акцент на возникавших в недрах блока противоречиях и конфликтах. Анализируя летнюю сессию Думы 1916 года, он находил серьезными разногласия, возникшие у кадетов с правой частью Прогрессивного блока – фракцией земцев-октябристов, в которую входил председатель Думы Родзянко. Родзянко рекомендовал Думе готовить законопроекты, связанные с нуждами военного времени, а кадеты требовали выдвижения политических законопроектов, касающихся коренных внутренних реформ. Штюрмер надеялся на разрушение единства и скорый распад блока[286].

В тех же фондах Штюрмера в ГАРФе и в 2003 РГВИА содержатся аналитические материалы, доклады и обзоры о деятельности Земгора и военно-промышленных комитетов. В фонде Штюрмера в 229 деле (опись 1) имеется целый комплекс документов об отношении властных органов к Земгору. Один из документов, признавая необходимость и ценность для армии и тыла громадной практической работы, проведенной Земгором, отмечает, что с самого начала ценность обоих Союзов для оппозиции заключалась не в этом, а носила чисто политический характер. К созданию центра, объединяющего земскую и городскую Россию, они стремились, начиная с 1905 года, а удалось им добиться его образования только вследствие обстоятельств военного времени. В период возникновения Союзам ставились узкие задачи, но постепенно их круг разрастался и охватил вопросы, при обсуждении которых стала возможной критика деятельности правительства[287]. Эту мысль развивала и записка об обоих съездах Земгора, состоявшихся в марте 1916 года, из 2003 фонда РГВИА. Представители земско-городской России, утверждалось в ней, ставили целью

[285]ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Лл. 1, 11, 14 (об.), 15.
[286] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 44. Лл. 2-4, 11.
[287] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Лл. 73-73 (об.).

сплотить русское общество, создав дисциплинированную организацию, призванную заставить правительство выполнить требования оппозиции, Прогрессивного блока. И это сплочение, подчеркивалось в документе, требовалось не для победы над внешним врагом, а для победы над «врагами народа вообще», то есть внутренним врагом, собственным правительством[288].

В деле 347 из фонда 102 ГАРФа (опись 247) тщательно рассматривались намерения рабочей группы ЦВПК, возникшей в результате непомерно усилившейся оппозиционности А.И. Гучкова, ставшего председателем ЦВПК. В деле содержались сведения о проведении рабочей группой внутри комитета независимой от либералов политики, ставящей целью революционизирование рабочих масс, созыв Учредительного собрания и ниспровержение существовавшего государственного строя. Деятельность данной группы «достигла пределов явной угрозы для государственного порядка»[289]. Разработка рабочей группы, подробно описанная в данном деле, привела к ее аресту 27 января, на некоторое время осложнившему положение оппозиции, в начале 1917 года планомерно ведшей осаду власти.

В четвертую группу источников входит периодическая и непериодическая печать (листовки, прокламации), обзоры периодической печати, а также публицистика, отражающие мнение различных партий о происходившем в первые два десятилетия XX века политическом противоборстве. Материалы периодической печати наилучшим образом, по сравнению с другими источниками, отражают суть той эпохи, в которую издавались. Несмотря на присущий периодическим изданиям субъективизм, они передают характер времени и доносят настроения, присущие тогдашнему обществу.

Из кадетских изданий нами использовались газеты «Речь» - орган центрального комитета кадетской партии, костромские газеты «Народная свобода» и «Поволжский вестник», формально беспартийные, но придерживающиеся кадетского направления «Голос» (Ярославль) и «Старый

[288] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 2.
[289] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Лл. 3, 4.

владимирец». Мнение левых октябристов, сторонников лидера партии А.И. Гучкова, отражало популярное издание «Голос Москвы». Газета «Русское знамя» поддерживала председателя Союза русского народа А.И. Дубровина, и оставалась с ним при последующих расколах партии. Эти периодические органы являлись частью острой борьбы в либерально-консервативном сегменте русского общества.

Отношения черносотенцев и октябристов существенно влияли на развитие политической борьбы, так как они были единственными партиями, потенциально соглашавшимися помогать власти в трудный для нее период. Непримиримость данных партий друг к другу и привела к ликвидации третьеиюньской политической системы, суть которой заключалась в предоставлении партиям места на периферии политической авансцены. Если бы черносотенцы и октябристы сумели договориться об определенном согласовании позиций, политическая система императорской России могла устоять перед разраставшимся конфликтом. Поэтому их спор был крайне важным. Так, публицист газеты «Русское знамя» А. Борк в статье «Что нас разделяет? Ответ монархиста на упреки октябристов», являющейся ответом на критику черносотенцев со стороны брата премьер-министра, известного журналиста и редактора проправительственной газеты «Россия» А.А. Столыпина, стремится показать значимость правых, консервативных сил. Отмечая, что за внешней агрессивностью Союза русского народа стоит оправданное социальное содержание: попытка предотвратить революцию в России. «Поймите, наконец, что в России на первую четверть века, пока реформы Николая II войдут в плоть и кровь народа русского, возможны только две партии: красная и черная, революционеры-грабители, убийцы и динамитчики, и монархисты-патриоты, отстаивающие Веру, Царя и Отечество…»[290]. Публицист призывал октябристов не «науськивать» правительство на черную сотню[291].

На страницах газеты «Искра» отражается не менее напряженно складывающаяся борьба на левом фланге между эсерами и расколовшимися на

[290] Русское знамя. 1907. 11 марта. № 56.
[291] Там же.

большевиков и меньшевиков социал-демократами. Патриарх российской социал-демократии Г.В. Плеханов в 1903 году гневно бичевал эсеров за причисление рабочих и крестьян к одному общественному классу. «Партия, старающаяся отождествить мелкого производителя с пролетарием, есть партия, мешающая пролетариату отделить свою “позицию” от “позиции” мелкой буржуазии. А мешать пролетариату, сделать это – значит работать на пользу мелких буржуа и во вред рабочему классу»[292].

На провинциальном уровне в 1917 году взгляды эсеров отстаивали «Воля народа» (Кострома) и «Владимирская жизнь». Большевистские взгляды излагались в газетах «Вперед», выходившей с 1905 года, и «Социал-демократ», издававшийся в Женеве в 1915 году. В 1917 году газета с одноименным названием относилась к Московскому областному бюро партии большевиков, руководившему губернскими партийными организациями Центральной России.

Рассматривались нами и газеты, выпускавшиеся непосредственно органами власти. Это «Вестник Временного правительства», «Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета», издававшегося во Владимире губернским КОБом, и «Известия Совета военных депутатов ярославского гарнизона», выходившего от имени Ярославского Совета военных депутатов до его преобразования в апреле 1917 года в Совет солдатских депутатов. И в большинстве КОБов, и в Советах превалировали социалисты, что содействовало крушению весной 1917 года более правого по партийному составу Временного правительства и формированию новых, коалиционных его составов.

На страницах уже упоминавшихся аналитических докладов Департамента полиции, губернских жандармских управлений была распространена такая форма освещения деятельности противостоявших власти партий, как обзоры оппозиционной и революционной партийной печати. Нами при подготовке диссертационной работы активно исследовались подобные формы источников. Так, из материалов ГАЯО привлекались обзоры газет и журналов, выпускавшихся в эмиграции социалистическими партиями.

---

[292] Искра. 1903. 1 марта. № 35.

Из эсеровских изданий в Департаменте полиции освещались газеты «Мысль», издававшаяся в Париже с ноября 1914 года и выражавшая точку зрения интернационалистического крыла партии, шедшего за В.М. Черновым. «За рубежом», выходившая с марта 1915 года, отражала взгляды правого крыла. Выходивший в Женеве орган «Жизнь» продолжал традиции закрытой газеты «Мысль» и отстаивал позиции противников войны.

Отношение правого крыла меньшевиков к Первой мировой войне показывалось на страницах журнала «Россия и свобода», издававшегося Г.А. Алексинским, в прошлом депутата Государственной думы, бывшего соратника В.И. Ленина, решительно разошедшегося с ним. Перед журналом ставилась задача - подчеркивать роль рабочего класса и российской демократии в справедливом деле обороны своей страны, и вести борьбу со всем, мешающим этому делу[293]. Противоположные настроения, характерные для левого крыла меньшевиков во главе с Ю.О. Мартовым, выражала газета «Наше слово». Это издание последовательно придерживалось принципа демократического мира без аннексий и контрибуций: одним из его соавторов, в частности, являлся Л. Троцкий.

Во время Первой мировой войны в эмиграции сформировались и объединенные издания, одновременно являвшиеся органами и социал-демократов, и эсеров. Таковой была газета «Призыв». Находившийся в Париже орган брал на себя высокое обязательство защищать перед социалистическим движением авторитет II Интернационала. «Призыв» объединял правые течения обеих партий, и в его редакцию входил, например, Н.Д. Авксентьев.

Архивные фонды хранят обращения высших партийных органов разных партий, предназначенных, как для информирования собственных членов, так и для распространения в широких массах народа. Так, содержащаяся в фонде 116 ГАРФа, инструкция раскрывает механизм формирования структур Союза русского народа. Хотя ее основной целью объявлялось установление связи членов организации с Главным советом, и выделение из состава партии тысячников,

[293] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 8.

сотников и десятников, требование документа добиваться, чтобы на выборах в Государственную думу никто из входящих в партию не голосовал «за кадет», свидетельствовало о стремлении партийного руководства к контролю над рядовыми членами организации[294].

Заявления второго типа происходили обычно в предвыборный период. В частности, одно из обращений кадетской партии из фонда 518 ГАРФ («Союз союзов»), выпущенное перед выборами во II Государственную думу, призывало избирателей вторично отдать голоса партии народной свободы, чтобы та снова получила большинство. Характерно, что кадеты именовали в данном обращении конкурентов, в том числе и октябристов, врагами народа, а себя определяли «друзьями народа, борющимися за народную свободу»[295].

Для понимания идеологии ведущих партий начала прошлого века крайне серьезное значение приобретают статьи и публикации, отражающие мнение партийных представителей по конкретным проблемам, волновавшим общество того времени и их отношение к другим партиям, а также по общегосударственным вопросам.

Одним из авторов, объясняющих мотивы формирования идеологии Союза 17 октября, являлся сын великого русского писателя Л.Н. Толстого, Л.Л. Толстой. В статье «Союз 17 октября и патриотизм» он подверг критике основных оппонентов октябристов, от левых партий, названных им «крайними», до правых монархистов. Правые монархисты, полагал октябрист, хотят вернуться вспять и мешают России, «рвущейся всеми силами вперед». Октябристы – единственная сила, стремящаяся избежать смуты и ослабления русского государства[296].

В архивных делах, находящихся в 5 описи 274 фонда РГАСПИ (редакция газеты «Дело народа»), содержится большое количество статей, написанных активистами умеренно-социалистических партий эсеров и меньшевиков, разбирающих такие злободневные проблемы, как отношение социалистов ко II Государственной думе, конфликт в 1911 году октябристов с П.А. Столыпиным и

[294] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[295] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.
[296] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Лл. 144-145.

последующая гибель премьер-министра в том же году, и, наконец, усилившиеся разногласия эсеров с кадетами в конце 1917 года по отношению к Учредительному собранию.

Отношения эсеров с кадетами разбираются в критической статье «О демократии справа», депутата Учредительного собрания Н.В. Святицкого. Автор негодовал на «демократов справа» за то, что те не поддерживают эсеров в борьбе за созыв Учредительного собрания. Ведь ее ведут все истинно демократические силы страны. Кадетам, пишет Святицкий, не понравилось, что победи Учредительное собрание, оно передаст все полномочия партии эсеров. С некоторых пор эсеры и меньшевики ненавистны для буржуазии в несравненно большей степени, чем большевики[297]. Неспособность самой партии эсеров действовать в условиях неограниченной свободы, к которой она стремилась, показана А. Залуцким в статье «К вопросу о наших взаимоотношениях с украинской партией социалистов-революционеров». Работавшие на Украине эсеры, вовсе не возражавшие против созыва отдельного украинского Учредительного собрания, не защитили от украинских эсеров даже общероссийские структуры собственной партии, полностью исчезнувшие в целых областях Украины, включая Киевскую[298].

В книге «Российские либералы: кадеты и октябристы, составителями которой являлись уже часто упоминавшийся нами профессор В.В. Шелохаев и кандидат исторических наук Д.Б. Павлов[299], второй раздел, либеральную публицистику, составили статьи, написанные представителями обеих партий. Выделяется в нем открытое письмо члена Союза 17 октября В.И. Герье А.И. Гучкову. Новый порядок, по его мнению, сделал много для того, чтобы «сбить с толку» не успевший просветиться народ. Ученый называл кадетскую партию властолюбивой и считал, что ее победа чревата новым самодержавием и тиранией. Всякое партийное правительство только ухудшит дело: надо отделаться

[297] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 5. Лл. 67-68, 69-70.
[298] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 2. Лл. 98, 100-101.
[299] Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

от заблуждения, будто Россия заживет, когда «портфели министров будут распределяться в кулуарах Государственной думы»[300].

Подводя общие итоги рассматриваемому сборнику, хотелось бы подчеркнуть вытекающий из него главный вывод. Хотя в предисловии подчеркивается, что оба варианта, предложенных крупнейшими либеральными партиями, служили одной цели[301], на наш взгляд, партии разделяли слишком большие разногласия, и, похоже, они могли объединиться лишь на основе отрицания власти. Подобное объединение, по сути, и произошло в начале 1917 года, но ни к чему хорошему оно не привело.

Книга кадета В.П. Обнинского «Последний самодержец», изданная в Берлине перед Первой мировой войной[302], привлекает наше внимание прозорливостью автора, предсказавшего из тихого 1912 года с большой степенью точности ряд грядущих событий. Левый кадет предвидел грядущее предательство монарха избранным кругом высших государственных лиц. Положение царя хуже, чем у чиновников, которые окажутся некоторое время необходимыми «при всяких условиях нового строя» и приспособятся к любым изменениям. Царь превращен в центральную фигуру борьбы, ведущейся с нескрываемым ожесточением и властью, и оппозицией[303]. Обнинский полагает, что ускорить падение Николая II должна именно война. Причем война победная, если таковой она станет не с самого начала боевых действий, а со второго ее этапа. «Армия, воодушевленная общим сочувствием нации, может на военном театре перейти тогда к успехам, но ими уже не воспользуется прежний царь или прежнее правительство, которые будут свергнуты восставшим народом». Прочность положения правительства обеспечат лишь победы, одерживаемые с самого начала войны[304].

---

[300] Российские либералы: кадеты и октябристы… С. 141, 142.
[301] Там же. С. 10.
[302] Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
[303] Там же. С. 4.
[304] Там же. С. 251-252.

Пятой группой источников являются материалы личного характера: письма, официальные и частные политиков, государственных и общественных деятелей, а также дневники, мемуары и воспоминания.

Из материалов официального характера следует выделить письмо А.И. Гучкова к П.А. Столыпину, датированное 12 марта 1911года, где он, еще как председатель Государственной думы, просит премьер-министра не применять к закону о западном земстве 87 статьи. Тем самым, он пусть и в лояльной форме, достаточно жестко предупредил лицо, занимавшее высокий государственный пост, о возможном разрыве с правительством крупнейшей думской фракции[305].

Из официальных писем также следует выделить два письма члена Временного правительства, министра внутренних дел А.М. Никитина с обращениями в ЦК партии меньшевиков и к министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому по поводу своей готовности выйти из рядов правительства в связи с тем, что меньшевистский ЦК выразил ему недоверие. При этом Никитин заявлял, что от партии никогда не отрекался и, напротив, предлагал однопартийцам образовать в правительстве из членов партии особую группу. Как известно, в итоге Никитин из правительства не вышел, а партия не изменила решения о разрыве с министром[306].

Особенно много личных материалов содержится в именных фондах ГАРФа. В фонде 579 П.Н. Милюкова, особенно ценным является одно из его частных писем, написанных в августе 1917 года, в котором он достаточно откровенно излагает планы либералов накануне революции. Очевидно, письмо писалось в минуты отчаяния, когда стал понятен провал замыслов генерала Л.Г. Корнилова о восстановлении порядка в России. Многие историки в последние годы часто цитировали отдельные фрагменты этого письма, где кадетский вождь признавался в том, что либералы знали о деятельной подготовке правительства к весеннему наступлению 1917 года, и возможности его успешного завершения[307]. Для нас очень важно в нем признание либералами того, что они заранее допускали

[305] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 693. лл. 1-2.
[306] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 210. Лл. 1 (об.), 4.
[307] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Лл. 1-1 (об.).

вероятность печальных последствий для страны от готовившегося либеральной оппозицией переворота. «Надо сознаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что произошло потом, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии. Что же делать, ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь опять ошиблись, но в другую. Тогда не оценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости… социалистов»[308].

Во второй фонд А.И. Гучкова, теперь уже эмигрантского периода, помимо статьи о подробностях готовившегося им дворцового переворота[309], включена обширная переписка экслидера октябристов с другими лицами, в том числе, столь известными в политическом и научном мире фигурами, как А.И. Деникин, П.А. Сорокин и будущий премьер-министр, а тогда военный министр Великобритании У. Черчилль. Материалы фонда свидетельствуют, что Гучков и пребывая в эмиграции сохранил активность, продолжая, в отличие от Милюкова, верить в возможность оказания союзниками эффективной помощи в борьбе с большевиками[310].

Ряд материалов из фонда А.И. Деникина дают возможность проследить споры внутри Белого движения о форме правления. Письма А.С. Лукомского и графа Ф.А. Келлера, обращенные к А.И. Деникину, приводят к выводу, что Белое движение в основном не разделяло монархические настроения. И сторонник самодержавия Келлер, и приверженец конституционной монархии Лукомский не представляли большинства в Белом движении. Лукомский сам писал Деникину о предопределенности вопроса о государственном строе, поскольку руководители армии предпочитали республиканский строй. Все-таки он безуспешно мечтал переубедить генерала, апеллируя к поправению политических настроений в стране. Якобы все партии, кроме социалистических, готовы увидеть в конституционной монархии приемлемую форму правления[311].

---

[308] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1.
[309] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117.
[310] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Лл. 39-40.
[311] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 46. Лл. 2-2(об.).

Республиканский характер Белого движения подтверждают дневниковые записи генерала С.Л. Маркова, обозлившегося на предъявленное ему в дни корниловского мятежа обвинение в желании восстановить на троне Николая II. Известный антимонархическими убеждениями, участник замышлявшегося против Николая II переворота, возмущался необоснованными претензиями в свой адрес[312].

Фонд 341 РГАСПИ – редакция газеты «Социал-демократ», располагает обширной перепиской между меньшевистскими деятелями по различным политическим вопросам, в том числе и об отношении к большевикам. Фигурантами переписки стали лидеры партии Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, А.С. Мартынов, П.Б. Аксельрод и Г.В. Чичерин, находившийся в 1910-1912 годах в рядах меньшевиков. В одном из писем Ф.И. Дан информировал представителя германской СДПГ К. Каутского о положении в объединенной РСДРП и о взаимоотношениях с большевиками. Меньшевик указывал, что преобладание в партии за последние годы «польско-большевистского сектантского духа», требующего борьбы с ликвидаторством, нанесло меньшевикам серьезный урон, так как все живое в русском рабочем движении, концентрируясь в легальной деятельности, проходило мимо партии[313].

Письмо Н.К. Крупской из фонда 33 РГАСПИ («Библиотека РСДРП им. Г.А. Куклина в Женеве») к В.А. Карпинскому, директору указанной библиотеки, более подробно информирует о происшедшем у большевиков расколе при формировании группы «Вперед». Оппозиция, то есть впередовцы, прежде всего, стремилась нанести по большевикам финансовый удар, вплоть до сообщения меньшевикам состояния кассы большевистского центра[314].

Из других писем данного фонда не меньший интерес вызывает более раннее письмо В.Л. Бурцева, прославившегося разоблачением провокаторов в партиях антиправительственной направленности, в котором дана политическая оценка В.И. Ленину. Еще в 1905 году Бурцев точно определяет главную черту Ленина

[312] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 7 (об.).
[313] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 132. Лл. 7-8.
[314] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 254. Лл. 8 (об.)-9.

как политика: стремление к единоличной власти и взгляд на другие оппозиционные и революционные партии, как на прямых конкурентов по борьбе за власть. Бурцев видит в Ленине противника не Николая II, а «своих ближайших единомышленников», тогда как его «положительную деятельность», то есть непосредственную борьбу с самодержавием оценивает скептически[315].

Ценнейшую информацию для исследователей предоставляют мемуары и воспоминания непосредственных участников событий (лидеров и членов политических партий, лиц, занимавших высокие государственные посты). Вместе с тем, они являются одновременно и источником дезинформации, поскольку их авторы в тех случаях, когда терпели основательное поражение, или их действия приводили к трагичным для страны последствиям, обеляли в мемуарах свои поступки и необоснованно обвиняли в различных прегрешениях своих оппонентов. Прежде всего, это касается полемики по вопросу о том, чьи действия, оппозиции или власти, стали причиной апокалипсичности революции для просвещенной прослойки общества - дворянства, буржуазии и интеллигенции.

В процессе перерастания общественно-политического кризиса в революцию ключевая роль принадлежала лидеру кадетов П.Н. Милюкову. При написании диссертационного исследования использовались две работы Милюкова: «Воспоминания», которые он писал уже в преклонном возрасте, два последних года жизни, и потому довел их лишь до июля 1917 года, и написанную им ранее, по горячим следам, впервые изданную в 1920 году «Историю второй русской революции»[316].

Об истоках борьбы либералов за трансформацию самодержавной страны в конституционное государство, Милюков писал в первом томе воспоминаний. В период назначения либерального князя Святополк-Мирского министром внутренних дел Павел Николаевич настраивал единомышленников против излишнего доверия к новому курсу. Мы не можем давать кредита правительству, доказывал Милюков, потому что сами лишимся его, если допустим это.

---

[315] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 97. Л. 15.
[316] Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). В 2. Т. М., 1990; Милюков П.Н. История второй русской революции. Мн., 2002.

Правительство может переманить на свою сторону кого-нибудь из наших рядов, но он тут же перестанет быть нашим, и станет не нужным ни нам, ни им. Он не верил в способность нового министра обеспечить возможность «легальной борьбы, защищаемой парламентскими средствами»[317]. Хотел Милюков того или нет, но избранная им тактика обостряла отношения легальной оппозиции с властью, а, стало быть, сыграла на руку крайним приверженцам революции.

Однако главным противником власти накануне свержения самодержавия становится вовсе не Милюков, а Гучков. Милюков относился к власти стабильно отрицательно, а потому его оппозиционность находилась примерно на одном уровне, тогда как А.И. Гучков, в прошлом сторонник власти, сильно разочаровавшись в ней, предпринимал решительные меры к изменению ситуации в стране, государственному перевороту. О чем и говорил в знаменитой беседе с Н.А. Базили, в 1917 году – директором дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем. Эта беседа стала основой книги «Александр Иванович Гучков рассказывает»[318].

Данную тематику продолжают воспоминания начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, опубликованные в четырех номерах журнала «Вопросы истории» за 2002 год[319]. Глобачев осуждал людей, совершивших февральский переворот, «как величайших преступников против своей Родины»[320]. Для успешного окончания войны следовало напрячь все силы. А «цвет и мозг» интеллигенции при первой военной неудаче занялся подрывом у народа доверия к правительству. Стремился уронить престиж носителя верховной власти в глазах серых масс, обвиняя его с трибуны народных представителей в государственной измене. С образованием Прогрессивного блока русскому престолу объявлялась жестокая война[321].

---

[317] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 250, 251.
[318] Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.
[319] Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7-10.
[320] Там же. № 9. С. 70-71.
[321] Там же. № 7. С. 114, 122.

О неожиданности для либералов формы, в которой произошла революция, писал Н.Н. Суханов, левый меньшевик, автор одного из самых подробных трудов о революции в России[322]. В февральские дни, замечает Суханов, ведущим лозунгом народного движения явился девиз «Долой войну»: под ним проходили все митинги февральских дней. Российский пролетариат сознательно занимал антивоенную позицию. Оборонческие группы не пользовались в массах большим авторитетом[323]. Суханов также считал себя противником войны. Но народное движение не имело достаточных для победы организационных центров и, при не использовании в своих целях антиправительственных настроений цензовой буржуазии, обрекалось на поражение. Суханов стал разработчиком комбинации, позволившей социалистам довести революцию до победы, оставив либеральным силам лишь внешнюю сторону власти[324]. Действия Суханова подтверждали, что до начала революции в России сформировалась группа, придерживающаяся более радикальных взглядов по сравнению с либералами, стремившаяся к совершению массовой революции, но в действительности ее тактика лишь подчеркивала принципиальную невозможность ликвидации самодержавия без содействия либералов.

В ходе дальнейшего развития революции крупнейшей партией стали эсеры. И в 1925 году, уже находясь в Праге, В.М. Чернов выпускает теоретическую работу «Конструктивный социализм», в которой продолжает идеологическую борьбу с победившей партией большевиков[325]. Социалисты-революционеры не одобряли марксистской идеи о положительной миссии капитализма. Даже в странах его первого эшелона, с преобладанием в нем положительных сторон, механика капиталистического развития не расчищает автоматически пути социализму[326]. Эсеры видели в трудовом крестьянстве не простой пережиток прошлого, как марксисты, а неизбежный «жизненный элемент» настоящего и будущего. Стихийное аграрное движение малоземельных крестьян всецело

---

[322] Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3. Т. М., 1991.
[323] Там же. Т. 1. Кн. 1-2. С. 53.
[324] Там же. С. 53, 54.
[325] Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997.
[326] Там же. С. 111, 114.

приняло аграрные лозунги партии эсеров, и на первых свободных выборах в Учредительное собрание дало ей абсолютное большинство – настаивал председатель данного собрания. Это беспримерный случай в истории. Социалистическая партия, всенародно заявившая о необходимости уничтожения частной собственности на землю, при применении в стране всеобщего избирательного права, крестьянскими голосами приходит к положению правящей партии. И конкурирующая с нею большевистская партия, не желая отдавать власть, вынуждена выбросить за борт собственную аграрную программу и громогласно провозгласить о проведении в жизнь аграрной программы конкурентов[327].

Книга «Октябрьский переворот», выпущенная западным историком Д. Аниным[328], содержит воспоминания наиболее крупных политиков с изложением их мнения по ключевым эпизодам 1917 года. Здесь приводятся воспоминания эсера В.М. Зензинова, меньшевиков И.Г. Церетели, Ф.И. Дана, В.Б. Станкевича и большевика Л.Д. Троцкого, возглавившего к октябрю 1917 года Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Правый вектор революции представляла в работе публикация А.И. Деникина «Неизбежность переворота». Деникин оспаривал мнение, присущее большей части социалистов, от Керенского до Церетели, объяснявших приход большевиков к власти в Октябре исключительно несвоевременным корниловским выступлением[329]. «Целые области, губернии, города,- писал Деникин,- порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно… неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках[330]. При слабой власти, полагал генерал, страна обрекалась на распад. Ситуация сложилась таким образом именно до августа[331].

---

[327] Чернов В.М. Конструктивный социализм… С. 119, 120-122.
[328] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. / Составитель Д. Анин. М., 1991.
[329] Там же. С. 261.
[330] Там же. С. 259.
[331] Там же. С. 261-262.

Подробный военно-стратегический анализ гражданской войны дает ее участник А.А. Зайцов - русский военный ученый, эмигрировавший после революции за границу[332]. Из текста его работы явствует, что в антибольшевистском движении существовала острая вражда между социалистическими и полусоциалистическими группами, сплотившимися в Союзе возрождения, с Добровольческой армией. Ни большевики, ни союзники не видели в Добрармии главную силу антибольшевистского сопротивления. С такой ее оценкой столкнулся генерал Б.И. Казанович, направленный в июне 1918 года в Москву, с целью добиться финансирования Белого движения местными военными организациями. Вместо этого, ему предложили войти в Союз возрождения для занятия одной из командных должностей[333]. До установления диктатуры Колчака Добровольческая армия оставалась локальной, по существу региональной организацией. Общероссийской силой, возобладавшей в антибольшевистском движении, белые армии стали с провозглашением А.В. Колчака Верховным правителем России[334].

Привлечение комплекса рассмотренных материалов позволило оценить сложившуюся в начале XX века политическую обстановку. Учесть многообразие представлений ведущих российских партий о современной им действительности, необходимости консервации или степени модернизации, преобразования основных устоев государственного строя России. Увидеть каким образом межпартийные противоречия и конфликты влияли на положение органов власти, как воздействовал партийный аспект на общий процесс борьбы за власть по мере разрастания общеполитического кризиса и перерастания его в масштабную революцию.

В целом, источниковая база, представленная документами, отложившимися в материалах 35 фондов из 7 государственных архивов, таких как центральные Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский

---

[332] Зайцов А.А. Очерки по истории русской Гражданской войны. Жуковский: М.. 2006.
[333] Там же. С. 174, 175.
[334] Там же. С. 232, 279-280.

государственный военно-исторический архив (РГВИА), а также в региональных архивах Костромы – Государственный архив Костромской области (ГАКО) и Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО), и Ярославля – Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) и Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО), в сборниках опубликованных документах, активно освещающих деятельность основных, базовых партий начала прошлого века, в периодических и печатных изданиях, широко представленной мемуарной литературе, дает возможность детально подойти к изучению диссертационной темы и является репрезентативной для решения поставленных в диссертации научных проблем.

ГЛАВА 2. ВЕДУЩИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1. Черносотенцы – противники партийного подхода

Прежде чем рассматривать воздействие ведущих российских партий начала XX века на процесс борьбы за власть необходимо выяснить, каким они хотели видеть политическое развитие России и какими методами намеревались достигнуть поставленных целей. Кроме того, необходимо понять, как складывались взаимоотношения между самими партиями, кого они считали противниками и союзниками, и как смотрели на взаимоотношения с другими партиями основные группировки, течения, сложившиеся внутри каждой из партий.

При рассмотрении ведущих партий вначале станут показываться политические силы, стремившиеся «защищать баррикады», самодержавие, то есть черносотенцы, а в завершении – «атаковавшие баррикады» наиболее отчаянно – меньшевики и большевики. Таким образом, хотя в России партии формировались противоположным путем, то есть первыми создавались те, кто критично относился к власти (от более радикальных к менее радикальным), рассмотрение партий станет происходить согласно традиционной схеме, справа налево[335].

В средневековой Руси «черной сотней» называлось податное посадское население, проживавшее в городах и платившее налоги. Поэтому до начала XX века данное понятие не имело негативного оттенка[336]. Уничижительный нюанс появился, когда так стали называть приверженцев самодержавных устоев. Черносотенцы не отказались от названия, данного им врагами – социалистами и

---

[335] В России формирование партийной системы происходило по иному. Вначале формировались более левые партии, претендовавшие на выражение интересов угнетенных слоев, и лишь затем свои партии создавали более состоятельные и образованные общественные группы. Первой партией в масштабе страны стала РСДРП, проведшая свой первый формальный съезд в 1898 году. Второй, в 1901-1902 годах, образовалась другая социалистическая партия, эсеровская. Либеральная буржуазия приступила к формированию собственных организаций в 1903 году, а правоконсервативные силы начали процесс партийного структурирования только в 1905 году. Но если мы станем анализировать деятельность этих партий в порядке их образования, мы не уловим оттенков в их взглядах, так как находящиеся левее партии всегда воспринимают любую партию, располагающуюся справа от них, по меньшей мере, как консервативную и не способны разглядеть в ней ее действительную политическую позицию.

[336] Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901-1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 21.

либералами, заявляя, что с гордостью носят презренную в устах демократов кличку. Поскольку черная сотня это «простой черный русский народ»[337].

Однако руководило «простым народом» дворянство, вследствие реформы 1861 года последовательно терявшее прежнее влияние. Сохранение за дворянством некоторых привилегий, оставлявших ему преимущественное право по сравнению с другими сословиями на военную и гражданскую службу[338], не отменяло главного фактора, влиявшего на самочувствие дворян: ухудшения их положения в землевладении. Каждый год к крестьянам переходил примерно 1% земель, закрепленный за помещиками после отмены крепостного права[339]. В итоге к январю 1915 года за дворянством (включая военных и чиновников, не занимавшихся сельским хозяйством) в европейской части России оставалось примерно столько же земли, сколько перешло в частное владение крестьян, то есть находилось у них сверх земель, перешедших в общинное пользование. То, что за дворянством осталось лишь 39 млн. десятин пригодных земель из общего объема в 98 млн, предвещало в будущем скорый крах помещичьего землевладения[340].

Дворяне и попытались под маркой глубокой народности создать политическое движение, позволявшее им надеяться на восстановление пошатнувшегося положения первого сословия. Одну из важнейших опор черносотенного движения составила политическая организация «объединенного дворянства», возникшая в мае 1906 года. Руководителем постоянного совета организации стал граф А.А. Бобринский[341].

Сложилось устойчивое мнение о том, что главным элементом в политической программе черносотенцев был антисемитизм[342], но сводить данную идеологию исключительно к нему неправомерно. Очевидно, что антисемитизм - важная составляющая, но все же не самая главная часть правой программы. Не

---

[337] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С. 9.
[338] Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале xx века. Кн. 2. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1911. С. 348.
[339] Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 99.
[340] Анфимов А.М. Новые данные о землевладении России // История СССР. 1974. № 1. С. 87-88.
[341] Аврех А.Я. Царизм и IV Дума (1912-1914). М., 1981. С. 247.
[342] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

черносотенцы первыми начали проповедовать в России антиеврейские настроения - они были сильны в определенной части русского общества, как минимум, со времен правления Екатерины II[343]. Черносотенцы лишь восприняли эти представления, а вовсе не стали их разработчиками.

Черносотенное движение в своей основе носило охранительный характер. Появление в начале XX века движения, направленного на сохранение уклада, имевшего глубокие исторические корни в нашей стране, глубоко закономерное явление. Надо отдать должное политической программе, предложенной русскому народу той частью дворянства, которая не собиралась перестраиваться на капиталистические рельсы. Разработанная ей в начале XX века программа получилась достаточно содержательной. Ее политический смысл заключался в создании традиционным дворянством широкой программы, позволяющей ему сохраниться в XX веке как экономически и политически господствующему классу. Но эта программа не была узко классовой и предназначалась для всего общества. Уходящее главное сословие страны предлагало всему народу видение, в каком направлении нужно развиваться России.

Дворяне видели две угрожающие им серьезные опасности – капитализм и социализм. Капитализм означал неизбежное экономическое разорение большей части дворянства, социализм предвещал его окончательный уход с политической сцены[344]. Дворянство, стремясь не допустить окончательной победы в России ни капиталистической, ни социалистической политических систем, несомненно, действовало в собственных интересах. Вместе с тем оно совершенно правильно предвидело те бедствия, которые несли с собой народу и капитализм, и социализм.

Правые стремились не допустить победы в России ни капиталистических, ни социалистических отношений, но не желали сохранения в России чисто феодальных отношений. Понимая неизбежность изменений, черносотенцы предприняли попытку соединить в одно целое элементы всех трех моделей. В

[343] Кожинов В.В. Указ.соч. С. 92, 94.
[344] Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // Полис. 1993. № 1. С. 157.

предлагавшейся ими экономической модели, будь она реализована, возникала новая эклектическая система, соединявшая элементы феодализма, капитализма и социализма. К социалистическим элементам разработанной ими программы относилось ограничение крупного частного предпринимательства. Государству, по их мнению, должна принадлежать монополия в промышленности. Но они предлагали уделять основное внимание развитию не крупного промышленного производства, а народным промыслам и ремесленным мастерским. «Для народного труда выгоднее десять мелких фабрик, чем одна большая, так как десять фабрик будут доставлять больше заработков и чернорабочим, и образованным людям»[345]. Капиталистическим элементом рассматриваемой программы являлся допуск мелкого и среднего предпринимательства. От феодализма остался взгляд на Россию как преимущественно на сельскую, аграрную страну[346].

Во всех этих предложениях просматривался ярко выраженный классовый интерес. Однако многие элементы их программы устраивали и другие слои населения (например, предложение предоставить крестьянам часть государственных, казенных земель). Такая политическая система вполне могла еще какое-то время функционировать в России, но дать согласие на ее реализацию мог только царь.

И здесь возникало главное противоречие: основная часть общества, негативно относившаяся к самодержавному режиму, видела в черносотенцах последовательных защитников царской власти, пользующихся особым расположением императорского двора. В действительности же крайне правые не отождествляли существовавшие в России порядки со своим политическим идеалом, предъявляя претензии и к царской власти. Они считали, что русские цари, хотя и продолжали, начиная с Петра I, называть себя самодержцами, сблизившись с западноевропейским абсолютизмом, утратили русско-православный характер. Царь оторвался от дворянства и окружил себя

[345] Степанов С.А. Черная сотня в России… С. 12.
[346] Там же. С. 11-13; История политических партий России. М., 1994. С. 68-69.

чиновниками, которые, будучи безбожниками, заслоняют собою светлый образ царя от народа[347]. Бюрократы мешают народу «соединиться со своим Царем и управляют государством по своей воле, а не по воле Царской»[348].

Черносотенцы, пропагандируя необходимость ослабления чиновничьего аппарата с целью усиления царской власти, на практике желали усиления не монархической власти, а укрепления положения дворянства в новых экономических условиях. Черносотенство стало политической силой, с помощью которой традиционное дворянство намеревалось вновь стать опорой царской власти. Однако император, внешне поддерживая черносотенцев, не стремился приближать их к трону[349].

Первая из черносотенных организаций - Русское собрание - появилась в 1900 году. В организацию, поставившую в качестве цели защиту русской и славянской культуры, входили исключительно высшие круги общества: титулованная знать (дворянство), высокопоставленное чиновничество[350]. Это была еще не партия, но все же единственная в то время организация правой общественности.

Импульсом к активизации правых сил стали только события 1905 года. После издания царского Манифеста 17 октября 1905 года начался быстрый рост черносотенных организаций. За несколько месяцев были зарегистрированы десятки подобных союзов и партий[351]. Но самой крупной из черносотенных партий стал Союз русского народа (СРН), созданный в ноябре 1905 года. Задуманный поначалу как локальная организация, за полтора года он значительно расширил сферу влияния. IV монархический съезд, состоявшийся в апреле 1907 года, призвал черносотенцев влиться в ряды этого союза. К весне 1907 года СРН поглотил большую часть ранее самостоятельных правых организаций[352].

---

[347] Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // Полис. 1993. № 1. С. 156.
[348] Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 350.
[349] Первая революция в России… С. 528.
[350] История политических партий России… С. 62.
[351] Там же. С. 63-64.
[352] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 (об.).

Руководил деятельностью Союза Главный Совет, состоявший из 12 действительных членов и 18 кандидатов[353].

Несмотря на продворянские позиции, черносотенцы осознавали, что невозможно рассчитывать на победу в жестокой борьбе, разворачивающейся в России начала XX века, без поддержки народа. Более того, правые партии и занялись в революционных условиях 1905 года партийным строительством, чтобы защитить народ от негативного, на их взгляд, влияния более левых партий. Они полагали, что уведут таким путем весь народ от партий, и партийная активность оппозиции заглохнет сама собой.

Активно пропагандируя свои идеи в низовых массах, «союзники» заявляли о том, что являются надклассовой партией[354]. Их агитация в народной среде оказалась вполне успешной. Руководители Союза максимально стремились привлечь на свою сторону крестьян, мелких ремесленников, рабочих. Помогало им в этом местное духовенство из тех пастырей, что поддерживали действия правых. Нередко указания священника было достаточно для присоединения к Союзу целой деревни или села[355].

Черносотенцы создали ряд организаций, предназначенных для деятельности среди рабочих (петербургское «Общество активной борьбы с революцией и анархией», киевский «Союз русских рабочих»). «Союз русского народа» пытался закрепиться на крупнейших столичных предприятиях. Путиловский отдел Союза заручился поддержкой заводской администрации. Монархисты обосновались в горячих цехах, где рабочие получали высокую зарплату. Кроме рабочей аристократии, черносотенцы ориентировались и на противоположные группы рабочего класса - чернорабочих с сезонниками[356]. В результате Союз русского

---

[353] История политических партий в России… С. 63-64.

[354] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. М., 2008. С. 404.

[355] Православие являлось основой, базисом идеологии Союза русского народа. Первейшая задача «союзника» «следовать неизменно пути, по которому идти зовет нас Святая Мать-Церковь Христова…» (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 52 (об.)). Священнослужители разделились по отношению к СРН на два непримиримых лагеря: одни поддерживали «союзников», другие считали вредным влияние Союза на церковные дела, опасаясь религиозного раскола в обществе по политическим основаниям (в церкви, как и в обществе, были сильны оппозиционные настроения). К первым принадлежал и будущий патриарх Тихон (в миру – В.И. Белавин), тогда еще архиепископ Ярославский и Ростовский (Орлова Н.В. Политические партии России. Страницы истории. М., 1994. С.15).

[356] История политических партий России… С. 67-68.

народа по численности превзошел все остальные партии. К концу 1907 года в него входило 410 000 человек[357].

Вопреки сложившемуся мнению о зависимости СРН от департамента полиции, рост его авторитета вызывался самостоятельностью действий организации. Власти часто испытывали недовольство действиями черносотенцев. Слишком велика была инициатива самодеятельных организаторов Союза: «… коль скоро выяснилось, что правительственная власть… оказалась бессильной противостоять произведенному на нее натиску, так тотчас же появилось чувство солидарности между сторонниками монархического начала. В течение нескольких месяцев монархисты без всякой внешней поддержки, а в некоторых местах при явно неодобрительном к ним отношении представителей администрации и, следовательно, безусловно, по собственному побуждению, образовали столь многочисленные сообщества… что отстояли исторические начала Русского государства»[358].

Растерянность власти в начале 1905 года и в самом деле была настолько велика, что тот же Департамент полиции в весенние месяцы давал указания на места противодействовать попыткам проправительственных сил самоорганизоваться снизу и собственными усилиями дать отпор усилившейся оппозиции. «За последнее время в разных местностях Империи появились в обращении листки агитационного характера… издаваемые от имени тайных патриотических организаций… Подобного рода агитация, поддерживая… повышенное настроение… способна при самом незначительном поводе вызвать острое столкновение… и повлечь за собою весьма печальные последствия, а потому… в целях общественного порядка и спокойствия принять все меры к прекращению в самом зародыше такой агитации…»[359].

Несмотря на то, что руководство Союза активно вербовало в свои члены людей, готовых участвовать в прямых уличных столкновениях с противниками самодержавного режима, декларация СРН, уверявшая «что эта организация

[357] Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. Ярославль, 2001. С. 89-90.
[358] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 3 (об.).
[359] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1048. Лл. 1, 3-3 (об.).

исключительно мирная»[360], в известной мере соответствовала действительности. Так как перед партией негласно ставилась задача поддерживать верховную власть и дарованный ею Манифест 17 октября. На это указывает и первый вариант предлагавшегося организации названия, в итоге не состоявшийся – Союз русского народа 17 октября[361].

Ведь более ранний замысел исходил из очень жестких установок. Задолго до 1905 года в недрах Департамента полиции появилась мысль о создании на правом фланге террористической организации, применяющей против революционеров их же методы борьбы: «подобно тому, как социалисты-революционеры совершают террористические акты в отношении неугодных… элементов, так точно… контрреволюционные союзы должны совершать акты в отношении левых элементов». Автор новаторского плана, П.И. Рачковский, заведовал агентурой Департамента полиции за границей. Поскольку левые элементы развили высокую активность, он предлагал создать политическое сообщество, способное отразить их натиск. Организация, появившаяся осенью 1905 года, официально террористической не была[362].

Возникнув при содействии Департамента полиции, Союз русского народа тщательно оберегал свою самостоятельность и сам страстно желал установить контроль над государственными структурами. «… одна из наиболее существенных задач монархических партий состоит в известном общественном надзоре за правительственной деятельностью, в обнаружении в действиях отдельных органов администрации… уклонений от национальной политики, которые способны вместо укрепления исторически сложившегося русского государственного строя расшатать его…»[363].

Создав самую крупную партию, черносотенцы не преодолели разногласий между верхушкой и рядовыми членами. 1907-1908 годы стали пиком черносотенного движения, после чего его ряды стали быстро редеть. К тому же большинство членов организации находились на юге страны. В районах со

[360] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л.1.
[361] Павлов С.Б. Указ. соч. С. 399.
[362] Там же. С. 398, 399.
[363] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Лл. 5(об.)-6.

сплошным русским населением, где происходила основная борьба, черносотенная агитация пользовалась меньшим успехом[364]. Основную часть общества национальные проблемы мало тогда волновали. А ведь угроза национальному единству России была не мнимой. Впоследствии это подтвердит 1917 год, когда многие национальные окраины России, воспользовавшись начавшейся смутой, постараются выйти из состава России[365].

Правые считали врагами все партии, выступавшие за свержение или ограничение самодержавия – от социал-демократов и эсеров до кадетов и октябристов. При этом к наиболее опасным врагам самодержавия они относили не революционеров, чьи республиканские замыслы казались им неосуществимыми, вследствие приверженности большей части крестьянства монархическим взглядам, а либералов[366]. Причем более опасными в либеральной среде им виделись не кадеты, а октябристы – по ряду позиций близкие к черносотенцам, и те деятели бюрократии, вплоть до министров, которые пытались реформировать политическую систему. «Еще большую опасность представляет деятельность тех партий, которые стремятся насадить в России парламентарный строй… не посредством переворота исторического уклада, а путем постепенного и малозаметного превращения Государственной думы из законодательного собрания в орган, руководящий всей текущей деятельностью правительства. Этот усвоенный некоторыми политическими деятелями, образ действий представляется потому в особенности опасным, что он сопровождается еще и другим приемом – выражением верноподданнической преданности Особе Монарха»[367].

Черносотенцы формировали и развивали сеть партийных организаций, чтобы защитить народ от воздействия других партий, и допускать партии в государственную сферу категорически не желали. Легализация партий через Государственную думу, а тем более через деятельность правительства, была для них абсолютно неприемлема. Поэтому сотрудничество с октябристами

[364] Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 91; Степанов С.А. Черная сотня в России… С. 108-109.
[365] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 39. Лл. 1(об.)-2.
[366] Правые партии. Документы и материалы. Т.1. М., 1998. С. 29.
[367] ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 631. Л.4.

запрещалось на официальном уровне: «ни один Отдел Союза не имеет права вступать в блок ни с какими партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия… лучше неудача при выборах, чем соглашение с октябристами…»[368]. Хотя на уровне местных организаций «союзники» нередко сотрудничали с октябристами, ведь их объединяла критика радикальных оппозиционных и революционных партий, то есть интеллигенции[369].

Главной основой идеологии черносотенства было неприятие парламентаризма, поскольку он ограничивал самодержавную власть. Черносотенцы предлагали созвать в России Земский собор - законосовещательный орган, который, предлагая царю определенные решения, не ограничивал бы его прерогатив[370]. Члены Государственной думы не могут быть народными представителями, так как исполняют скромные обязанности советчиков царя, не ответственных перед избирателями, и оттого должны быть лишены возможности вообще предъявлять какие бы то ни было требования[371].

Вначале лидеры черносотенцев были едины во мнении по данному вопросу. «Если между Царем и народом будет стоять Дума с ее болтунами… Царь из думских речей и чиновничьих докладов правды о Русском народе не узнает» - писал в 1906 году идеолог черносотенства В.А. Грингмут[372]. Испытания для правых начались в 1907 году, после того как они добились большого успеха на выборах в III Государственную думу, проведя туда третью часть ее состава - 147 депутатов[373].

Правая часть черносотенцев, во главе с председателем СРН, доктором медицины А.И. Дубровиным, пришла к парадоксальному выводу, что успех правых на парламентских выборах более вреден, поскольку консервативный состав Думы, в отличие от демократического, нельзя разогнать, и это препятствует отторжению законодательного органа от самодержавного

---

[368] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Лл. 11-11 (об.).
[369] Размолодин М.Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905-1914 гг.: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С.21.
[370] История политических партий России… С.75.
[371] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
[372] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 350.
[373] Степанов С.А. Черная сотня в России… С. 167.

механизма. Первая и вторая Дума не были нам так опасны, как третья – говорили они. Первую Думу разогнали, вторую – тоже, но не то будет с третьей Думой[374].

Не все черносотенцы сохранили эти убеждения. Обнаружились серьезные разногласия между председателем Союза Дубровиным и его заместителем В.М. Пуришкевичем, дворянином всего лишь во втором поколении. Осенью 1907 года Пуришкевич вышел из Союза. Спустя несколько месяцев, на монархическом съезде, два члена Главного совета и десять учредителей «Союза русского народа» присоединились к Пуришкевичу, образовав оппозиционную группу. Их исключили из Союза и через некоторое время они создали новую правую организацию - Русский народный Союз имени Михаила Архангела, в уставе которой подчеркивалось, что единственным ее программным отличием от СРН является признание необходимости законодательных учреждений[375].

Уход сравнительно умеренных членов Главного совета активизировал выступления сторонников жесткой линии в «Союзе русского народа» против правительственной политики сотрудничества с Государственной думой. Объектом их критики стал премьер-министр П.А. Столыпин. «Нынешняя Дума пала бы, если бы ее не поддерживала наша разноплеменная бюрократия… под главенством П.А. Столыпина»[376]. Начиная с 1909 года, СРН требовал отставки правительства и формирования его исключительно из правых сановников[377].

Но руководство Союза могло критиковать Столыпина только внепарламентскими методами, так как в конфликт с Дубровиным втянулась фракция крайне правых[378]. Полемика партии с собственной парламентской фракцией вызывала раздражение в Союзе и в конце 1909 года противники Дубровина отстранили от руководства его сторонников, как слишком злостных критиков правительства, обновив состав Главного совета. В феврале 1910 года обновленцы заключили соглашение о совместных действиях с Союзом Михаила

---

[374] Степанов С.А. Черная сотня в России... С. 170.
[375] Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. Ярославль, 2001. С. 206, 208.
[376] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 751. Л. 26.
[377] Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья… С. 207-208.
[378] ГАРФ. Ф.116. Оп. 1. Д. 631. Л. 26.

Архангела. В свою очередь соратников мобилизовал и Дубровин, предлагая свести до минимума значение законодательных учреждений[379].

Обновленцы, защищаясь, утверждали, что дубровинцы в безудержной критике существующих порядков ничем не отличаются от революционных партий. Возможно изменение состава законодательных учреждений через лишение права решающего голоса депутатов от национальных окраин, но не уничтожение российского парламента. Об этом ярко сказал депутат Н.Е. Марков на собрании курского отдела СРН: «Можно быть недовольным 3, 4 Думой, 20, разгоните их, выберите настоящую русскую, но как учреждение, Государственная дума необходима: без этого России не существовать»[380].

24 ноября – 1 декабря 1911 года 164 дубровинских отдела собрали съезд в Москве – показательно, что на столь активный шаг революционеры справа решились лишь после смерти Столыпина. Объявив упраздненным обновленческий Главный совет, делегаты съезда избрали новое руководство Союза русского народа[381]. Члены обновленческого совета не признали свое упразднение, и некоторое время существовало два главных совета, каждый из которых считал себя единственно законным (обновленцы провели ответный съезд в мае 1912 года). В августе 1912 года произошел окончательный раскол. Фактическое существование параллельных черносотенных организаций было закреплено юридически: дубровинцы обособились в самостоятельный Союз[382].

Поддержало дубровинцев и Ярославское отделение Союза, руководитель которого, глазной врач И.Н. Кацауров, являлся одним из лидеров всего движения и на декабрьском съезде 1911 года в Москве был избран кандидатом в члены Главсовета[383]. О позиции отделения в возникшем конфликте, он сообщал Дубровину. «Мнение Ярославского Союза Русского народа таково: пора покончить с недостойной игрой теперешнего так называемого “Главного Совета”.

---

[379] ГАРФ. Ф. 116 Оп. 1. Д. 1. Лл. 26 (об.)-27; Д. 631. Л. 46.
[380] Цит. по: История политических партий России. М., 1994. С. 81-82.
[381] ГАРФ. Ф. 116 Оп. 1. Д. 1. Лл. 32-32 (об.).
[382] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 19. Л. 2; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 104, 111, 120.
[383] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 (об.).

Лица, захватившие в нем власть, хотят заставить весь союз подчиниться им; но этому не бывать: кредит гг. “обновленцев” пал окончательно и не поднимется»[384].

Обновленцы опирались в основном на имущие слои населения, дубровинцы привлекали рядовых членов Союза[385]. «Плебейский» состав дубровинского Союза предопределил смещение акцентов в его пропагандистской деятельности: черносотенцы занялись резкой критикой центральной и местной администрации. Лишившись официальной поддержки, дубровинский Союз получил большую свободу действий по сравнению с конкурентами и зачастую позволял себе рискованные пропагандистские кампании, не задумываясь об их последствиях[386].

Итак, следует признать закономерным появление черносотенного движения, так как оно носило охранительный характер, и было направлено на сохранение особого уклада, имевшего глубокие исторические корни в нашей стране. Главной причиной возникновения черносотенства являлся вовсе не антисемитизм, а желание не допустить капитализации России. Руководителем черносотенного движения стала традиционная часть дворянства, понимавшая, что либеральные преобразования в государственном строе империи приведут к торжеству капиталистического или социалистического укладов, чреватых уходом первого сословия в том виде, как оно сформировалось, с политической сцены. Они предприняли попытку создания широкой программы, соединяющей элементы разных экономических моделей, от феодализма до социализма, позволяющей дворянству в потенциале не только сохраниться как социальной группировке, но и остаться руководящей группой в обществе.

Характерная особенность данной программы заключалась в том, что она не была узко классовой, и предназначалась для всего общества. А потому на первом этапе деятельности, с 1905 по 1907 годы, оказалась достаточно успешной в плане привлечения на свою сторону широких народных масс. Ведущая черносотенная организация, Союз русского народа, стала в тот период самой массовой дореволюционной партией, достигнув 410 тыс. членов. При этом рядовой состав

[384] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 30. Л.34.
[385] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 30. Л. 20 (об.).
[386] История политических партий России… С. 82-83.

партии состоял преимущественно из народных низов, включая рабочих, крестьян, мелких ремесленников. Однако отстаивание партией ярко выраженных продворянских интересов, помешало ей закрепить первоначальные достижения, и с 1908 года начался интенсивный выход из партийных рядов народного ядра.

Ослабляли авторитет организации и постоянно происходившие в ней конфликты. Результат их проявился в разрыве с властью именно возглавлявшегося А.И. Дубровиным ортодоксального крыла Союза, наиболее активно заявлявшего о преданности самодержавному режиму. Усиление критики Государственной думы и правительства со стороны дубровинцев в период премьерства П.А. Столыпина привело к расколу СРН и образованию альтернативного, более лояльного к правительству, обновленческого Главного совета Союза, вытеснившего на периферию политического процесса верных Дубровину членов партии. Оскорбленные дубровинцы перешли к систематической критике не только «обновленцев», но и представителей центрального правительства.

2.2. Кадеты и октябристы – две альтернативные модели либерализма

Представители высших кругов российского общества, придерживающиеся противоположных черносотенцам взглядов, были тем более недовольны складывающейся ситуацией. Они знали, что на Западе активно действуют парламенты, легально функционируют партии, и люди их круга существенно влияют на государственную политику. В России же накануне XX века политику государства определяла бюрократия - узкий круг людей, сосредоточенный в министерствах. Практически не было даже полноценного правительства - каждое министерство действовало изолированно и напрямую подчинялось монарху. На провинциальном уровне всесильным и полноправным хозяином был губернатор[387].

[387] Пайпс Р. Указ. соч. С. 76-78.

И все же в России существовали структуры, ставшие прототипами парламентов. Это земства и городские думы, появившиеся в результате реформ Александра II. Сложившийся в них слой людей – дворяне, буржуазия и интеллигенция – принадлежал к высшим кругам общества, и стал основой либерального вектора. Активисты этих органов боролись за ограничение полномочий царской власти и разрешение земствам и городским думам заниматься не только экономическими, но и политическими вопросами. И главное, выступали за создание на основе земств и городских дум полноценного парламента[388].

Первоначально за расширение законодательных полномочий земств и городских дум совместно выступали и умеренные элементы (часть крупного дворянства), и радикальная интеллигенция, призывавшая сразу же создать парламент по английскому образцу, с переходом руководства исполнительной властью от монарха к правительству, подконтрольному депутатам[389]. Правая часть либерального движения настаивала на постепенном продвижении к парламентаризму, считая, что основой оппозиционного либерального движения должны быть исключительно земцы[390]. Более радикальная, заявившая о создании в стране «освободительного движения», ставила главной целью провозглашение конституционной монархии, и была готова бороться за нее достаточно решительными методами, вплоть до нелегальных[391].

В 1903 году левая часть либерального спектра создала за границей первую нелегальную организацию – Союз освобождения. Лидеры данного направления полагали вначале, что им удастся объединить разнородные элементы либерального движения в единую конституционную партию. Однако не смогли преодолеть разногласий с правой частью либералов – сторонниками хотя и ограниченной, но сильной царской власти[392]. В 1905 году на базе этих двух направлений и были созданы крупнейшие либеральные партии. На базе правого

[388] Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 4, 5-6.
[389] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 232-233.
[390] Шелохаев В.В. Кадеты - главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С. 51-52.
[391] Шаховской Д.И. Союз Освобождения // Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001. С. 552.
[392] Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 45.

направления - «Союз 17 октября» (октябристы), левого – конституционно-демократическая партия (кадеты).

«Союз 17 октября», возникший в последних числах октября 1905 года, в социальном плане представлял объединение части дворянства, готовой к укреплению капиталистических отношений, с крупной буржуазией[393].

Октябристы находились в уязвимом положении по сравнению с остальными партиями. Из всех политических партий России рассчитывать на успех им было труднее всего. Так как, с одной стороны, будучи дворянами по социальному происхождению, они воспринимались людьми своего сословия как предатели, и в правых кругах за ними закрепилась репутация якобинцев[394]. С другой стороны, им нельзя было ожидать и сочувствия социалистов. В.И. Ленин писал: «Типичный октябрист – не буржуазный интеллигент, а типичный буржуа. Он не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он… плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на “демократизм”. Это буржуа-делец»[395]. На деле, образ октябристов как буржуа, заинтересованных в эксплуатации народа, был далек от действительности. Октябристы являлись более последовательными либералами, чем кадеты.

Октябристы, сторонники гражданских и политических свобод, назвали свою организацию «Союз 17 октября» по дате издания Николаем II Манифеста, сделавшего большой шаг по пути продвижения России к свободе и демократии. Появление этого документа октябристы расценили как «величайший переворот в судьбах нашего Отечества», вводящий в государственный строй новое начало конституционной монархии[396]. Но полностью конституционная монархия будет построена, когда народ и власть перестанут глядеть друг на друга как на врагов. Добиться этого можно только путем компромисса.

---

[393] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. М., 1996. С. 5-6, 9.
[394] Там же. С.251.
[395] Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 25.
[396] Павлов Д.Б. Союз 17 октября в 1905-1907 годах: численность и социальный состав // Отечественная история. 1993. № 6. С. 183; История политических партий России… С. 88.

И октябристы такой компромисс предлагали. Во-первых, выступая за упразднение неограниченной царской власти. Народное представительство, конечно, ограничит права монарха, но «в самом единении с народом, в союзе с землей», он получит более высокую задачу - быть верховным вождем свободного народа. Новая историческая миссия монархии проявится в том, что она, возвышаясь над односторонними целями разных классов и партий, превратится в арбитра, «умиротворяющее начало в той резкой борьбе», для которой провозглашение политической и гражданской свободы открывает широкий простор[397]. Во-вторых - октябристы считали, что в России желательно сохранение за царской властью ключевых прерогатив. Без императорской санкции не должен вступать в силу ни один закон. За императором необходимо оставить право назначения и смещения министров. Октябристы полагали возможным предоставить парламенту право отстранения неугодного министра лишь при возбуждении против него судебного преследования.

В схеме, предлагавшейся октябристами, было три центра власти: царь, Государственная дума и Государственный совет – две палаты российского парламента[398]. Октябристы предлагали царю вариант, сохранявший за ним значительную власть, но одновременно усиливавший и полномочия парламента.

Идеологически октябристы позиционировали себя как национальную и прогрессивную партию. Еще в 1905 году ими был провозглашен лозунг, ставший впоследствии основным для Белого движения в ходе гражданской войны: единой и неделимой России. Все подданные Российской империи, без различия национальностей, должны считаться русскими и пользоваться одинаковыми политическими и гражданскими правами, чтобы исчез «всякий смысл ко взаимной вражде и недоверию»[399]. Они были против заимствования западных рецептов при проведении реформ, так как считали, что это может привести к распаду страны. Октябрист Л.Л. Толстой, сын великого русского писателя Л.Н. Толстого, в статье «Союз 17 октября и патриотизм» писал: «… прогресс возможен

[397] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 71 (об.).
[398] Пайпс Р. Указ. соч. С. 205-206; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК… С. 10-11.
[399] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 234 (об.).

только при сохранении бытия самой России… Если люди этого не понимают, то горе им и горе России. И они, и она погибнут под развалинами и новое здание на русской равнине будет выстроено иноземцами»[400].

В социальной сфере октябристы-дворяне находили требования крестьян об увеличении наделов справедливыми, признавая аграрный вопрос «самым больным вопросом на пространстве почти всей великой России». Удовлетворить их просьбу октябристы собирались раздачей через особые земельные комитеты пустующих государственных земель, а также поощрением покупки крестьянами земель у частных владельцев при посредстве Крестьянского банка. В крайнем случае, были готовы согласиться на принудительное отчуждение части земель у дворянского сословия с обязательным вознаграждением владельцев, фактически поддержав одно из главных требований более радикальной кадетской партии[401].

При этом октябристы всячески подчеркивали, что при наделении крестьян землей нельзя делать основную ставку на сокращение помещичьего землевладения. Дворянское землевладение и так тает на глазах, а требование крестьян о передаче им всей помещичьей земли не решит крестьянского вопроса – «не количество земли, а ее производительность разрешает вопрос народного благосостояния»[402]. «Наша беда с аграрным вопросом состоит в том, что мы не можем всего этого объяснить народу… он нам не верит… Крестьянина у нас перехватили социалисты»[403].

На самом деле социалисты здесь были не при чем. Мечта об отъеме всей земли у помещиков завладела крестьянами как минимум при Екатерине II, в далеком XVIII веке, когда она освободила дворян от обязательной государственной службы, но сохранила за ними все их привилегии в отношении владения крестьянами. Стихийно возникшее тогда мировоззрение крестьян предопределит их действия в 1917 году, когда авторитет революционной власти (Временного правительства) рухнет окончательно. Социалисты же, как носители

[400] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 146-147.
[401] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
[402] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 27, 33.
[403] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 36 (об.).

представлений интеллигенции о народе, были к крестьянам ничуть не ближе либералов.

Проблему крестьянского малоземелья, по мнению октябристов, частично решало переселение крестьян за счет государства в другие регионы страны, прежде всего в Сибирь, и переход от общинного землевладения к частному, разрушение общины. Эти мероприятия позднее легли в основу столыпинских аграрных преобразований, содействуя сближению позиций Союза 17 октября со Столыпиным[404].

Октябристы уделяли немало внимания защите классовых интересов российской буржуазии, что не мешало их социальной программе и по рабочему вопросу быть достаточно насыщенной. Они считали интересы рабочих и буржуазии вполне соединимыми. «Союз думает, что рабочий вопрос не может быть решен удовлетворительно в интересах самих же рабочих без поддержки промышленности вообще…»[405]. Среди многочисленных мер, предлагавшихся октябристами по рабочему вопросу, выделялось предложение определить законодательным путем максимальное время рабочего дня (не восьмичасового, но все же ограниченного) на основании всестороннего парламентского обследования рабочего вопроса. Также они выступали за запрещение ночной работы для женщин и детей, с полным запретом работы для беременных женщин в последние 6 предродовых недель – без лишения их зарплаты. Предусматривалось ими государственное страхование рабочих при потере трудоспособности или старости, и введение прогрессивной шкалы подоходного налога[406].

Следовательно, октябристы предлагали наиболее реалистичную программу развития России в спектре консервативных и либеральных партий, составляя при этом меньшинство в либеральном лагере. Большинство приверженцев либеральных идей отдавало симпатии другой партии – кадетской.

Конституционно-демократическая партия была радикальнее октябристов. Если черносотенцы и октябристы постоянно думали о национальных

[404] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 (об.).
[405] Голос Москвы. 1907. 21 июля.
[406] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 (об.).

особенностях России, для кадетов идеалом являлись политические системы ведущих развитых стран. Они, однако, не являлись простыми подражателями, а стремились создать в России более передовую политическую систему, даже по сравнению с западными государствами, основанную на сочетании преобладающего капиталистического уклада и элементов социализма. В начале XX века кадетская партия являлась самой левой из всех либеральных партий Европы. Будущий лидер кадетов П.Н. Милюков, выступая в мае 1905 года с лекцией в Ярославле, объяснял это тем, что в Западной Европе либеральное движение возникло раньше социалистического, а в России они возникли одновременно[407].

Более позднее образование либеральной партии кадетов, по сравнению с ведущими либеральными партиями Европы, оказало существенное влияние на терпимое отношение формирующейся партии к социалистическим настроениям. В кадетской среде имелось немало людей, увлекавшихся в ранней молодости социализмом (как видный представитель правого крыла партии П.Б. Струве – автор первого социал-демократического Манифеста, вышедшего в 1898 году). Позицию кадетов в целом можно охарактеризовать как социальных либералов[408].

Тем не менее, принадлежность многих кадетов к высшим слоям общества сказывалась и здесь. Социалисты, подозревая кадетов в обмане, утверждали, что с помощью них власть в очередной раз пытается обмануть народ. Так, В.И. Ленин оценивал кадетов как полупомещичью партию, мечтающую откупиться от революции[409].

Ленинский вывод был крайне субъективен. Кадеты в начальный период деятельности и не помышляли о том, что революция может представлять для них хоть сколько-нибудь серьезную опасность. Их главным врагом признавались силы, пытавшиеся не допустить проведения реформ в России. «Закон и суд всех должны признавать равными… Пока сохраняется неравенство, пока отсутствует

[407] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 438. Л. 2.
[408] Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 32; Иллюзии и действительность: кадеты – кто они (по материалам круглого стола) // Вестник высшей школы. 1990. № 2. С. 57.
[409] Ленин В.И. Кадеты, трудовики и рабочая партия // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144; Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 6.

гражданская свобода, до тех пор будет существовать недовольство, а спокойствие не может считаться обеспеченным. Угнетение отдельных сословий, угнетение целых наций… создали у нас взаимную вражду разных групп населения, воспитали у притесняемых горькую обиду против притеснителей… гораздо благоразумнее и для государства выгоднее – уничтожить гражданское неравенство и тиранию чиновничества, провозгласить право народа самому распоряжаться своей судьбой»[410].

В отличие от более правых партий основой кадетской партии была интеллигенция, выражавшая интересы не узкого круга дворян или буржуазии, а более широких слоев общества. В частности, одним из левейших членов партии был князь Д.И. Шаховской[411]. Кадеты, считая себя надклассовой партией, утвердили в 1906 году, на втором съезде, для нее еще одно название, ставшее параллельным - партия народной свободы[412].

Относительно левых считалось, что это их союзники по борьбе с самодержавием, хотя и не понимающие особенностей политического развития. Проявлением такого отношения кадетов к левым стала формула партийного лидера, историка П.Н. Милюкова: у кадетов нет врагов слева[413].

Кадеты в первые месяцы образования партии активно сотрудничали с социалистами и, как ни странно, прежде всего, с большевиками. В этот период их контакты напоминали шефство старшего брата над младшим. Либералы помогали большевикам, собирая для них деньги и разрешая устраивать партийные собрания на своих квартирах. Некоторые из большевиков, подобно Я.М. Свердлову, вместе с кадетами выступали на различных митингах. Правда, Ленин был решительным противником сотрудничества большевиков с кадетами, однако все же и он был вынужден признать, что кадетская партия не связана исключительно ни с одним классом буржуазного общества[414].

---

[410] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 1.
[411] Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 28.
[412] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-1 (об.).
[413] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 312-313.
[414] Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. С. 60-61.

Кадеты были убеждены, что при возглавлении правительства сумеют мирным путем радикально реформировать страну, защитив интересы слоев, прежде руководивших ею (дворянства). В противном случае власть сметет волна народного гнева[415]. Кадеты предлагали целый ряд мер, направленных на улучшение жизни народа[416]. Они провозглашали необходимость серьезных уступок крестьянам, допуская возможность насильственного отчуждения государством части помещичьих земель[417]. «… без отчуждения нельзя обойтись… иначе не удастся в должной мере трудовое крестьянство обеспечить необходимой землей…»[418]. Кадеты обещали крестьянам изымать в каждой местности у частных землевладельцев необходимое количество земли, требующееся для расширения крестьянских хозяйств[419]. Конституционно-демократическая партия выступала за решительную чистку аграрного строя от полукрепостной эксплуатации.

Уверенные в том, что народ поддержит их радикальную программу, кадеты намеревались говорить с властями языком не соглашений, а требований. И это была их крупная ошибка. Перспектива значительного сокращения полномочий царя вызывала раздражение в правительственных кругах, и приход кадетов к власти был возможен только в период острого кризиса.

Общая численность членов Союза 17 октября была довольно велика - 75-77 тысяч человек[420]. Реальное влияние октябристов на политическую жизнь страны не соответствовало внушительным размерам их организации. Организационно Союз 17 октября был рыхлым образованием, члены организации могли даже состоять в других партиях[421].

Союз 17 октября привлекал просвещенную часть чиновничества, недовольную порядками, сложившимися в России. Осенью 1906 года, когда на членство во многих партиях госслужащим стал налагаться запрет, Центральный

---

[415] Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 10-11.
[416] Октябристы упрекали кадетов в том, что социальная часть их программы не уступает социал-демократической программе (Голос Москвы. 1907. 21 июля.).
[417] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.
[418] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 1 (об.).
[419] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 1 (об.).
[420] Павлов Д.Б. «Союз 17 октября» в 1905-1907 годах: численность и социальный состав // Отечественная история. 1993. № 6. С. 181-182.
[421] История политических партий России… С. 89, 90, 91.

комитет Союза подчеркивал, что лицам, состоящим на государственной службе, разрешено оставаться в рядах Союза 17 октября[422]. Но все попытки привлечь в Союз рабочих и крестьян оказались безуспешными. Понадобились две избирательные кампании, чтобы октябристы поняли бесперспективность надежд обрести поддержку в широких массах. «Мы господская партия», - констатировалось в феврале 1907 года на одном из заседаний октябристского ЦК[423].

Хотя общая численность партии кадетов в 1905-1907 годах колебалась в пределах 50-60 тысяч человек, значительно меньших, чем у октябристов, их организационная деятельность была намного удачливее, так как в партию входили более широкие слои. В ней было немало представителей «низов» (рабочих, ремесленников, крестьян) и средних слоев общества (учителей, врачей, служащих и приказчиков)[424].

Особенно активно партия кадетов работала среди крестьян. И в начальный период эта работа была успешной. Значительная часть крестьян в тот момент поверила, что партия выполнит обещание о предоставлении им помещичьих земель. Среди лиц, проведенных в I и II Государственную думу под эгидой кадетской партии, было немало крестьян. Так, от Ярославской губернии в депутаты I Государственной думы был проведен крестьянин А.М. Костров, а во II Думу - крестьяне И.Г. Лавров и Д.П. Пуговишников[425].

Кадеты считали главными противниками черносотенцев. Партийный лидер П.Н. Милюков активно критиковал их. «Когда-нибудь, наконец, наступит же время, когда поймут… что лечить серьезную болезнь и производить серьезные операции над живым человеческим телом должны не коновалы, а опытные врачи (*таковыми кадеты, конечно, считали себя - С.Х.*). Когда наступит это время, тогда и борьба перейдет, наконец, окончательно с улицы в парламент…» [426]. Черносотенцы не оставались перед кадетами в долгу и доказывали, что планы

[422] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 85.
[423] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК… С. 9.
[424] Там же. С. 113-114.
[425] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 415. Л. 4; Бойович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв. М., 1906. С. 409.
[426] Милюков П.Н. Вторая Дума. СПб., 1907. С. 24.

кадетов обречены на неудачу. Пусть народ и недоволен существующим порядком вещей, но если произойдет переворот, и кадеты придут к власти, революция не ограничится кадетским этапом и через короткое время перешагнет через них[427].

Длительное время кадеты недооценивали опасность, исходившую от социалистических партий. На начальном этапе единственная опасность, исходящая от левых, представлялась им в распылении голосов радикального электората на выборах в Государственные думы. Избиратели, голосующие, вместо кадетов, за социалистов, увеличивают шансы на успех правых сил – черносотенцев и октябристов. «Не разбивайте же голосов… не губите дела Народной свободы» - обращались кадеты к избирателям[428].

В свою очередь, октябристы прекрасно видели левую опасность. Левые партии, утверждали они, боятся конституции и добиваются осуществления своих целей бомбами и преступлениями. Их невежество приведет Россию к духовному и нравственному разложению[429]. Октябристы полагали, что либеральным преобразованиям мешает излишний радикализм кадетов. Кадеты ввергают Россию в междоусобную войну, намереваясь отделить от нее окраины. «Мы не можем сойтись со всеми теми, кто… соглашается предоставить автономное управление (со своим сеймом и со своими законами) Польше, Литве, Украине и т.д.»[430]. В планы кадетов расчленение России, конечно, не входило, но в отдельные моменты противоборства с самодержавием, они активно сотрудничали с представителями Финляндии и Польши, добивавшимися отделения своих территорий от России[431]. Октябристы, признавая самой большой угрозой опасность анархии, стремились взаимодействовать с более правыми силами, надеясь через союз с черносотенцами стабилизировать политическую обстановку и подготовить русское общество к либеральным переменам[432].

---

[427] Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1912. С. 95.
[428] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 5-5 (об.).
[429] ГАРФ. Ф.115. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.
[430] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 144; Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября // Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 168.
[431] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 408. Л. 37-37 (об.).
[432] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 116-118.

Интересы октябристов и кадетов вошли в прямое противоречие. Кадеты развернули критику октябристов, называя их скрытыми, но несомненными единомышленниками черносотенцев[433]. Еще более жесткие обвинения раздавались на провинциальном уровне. Так, член Ярославского отдела кадетской партии М.П. Бобин, публично обвинил «партию 17 октября», что за ней стоит капитал, порабощающий трудящийся класс. «Мы желали бы быть в Думе, чтобы мешать октябристам хозяйничать на Руси»[434]. В октябристскую партию, по словам Бобина, входили люди знатные, сановные и богатые, высшее чиновничество и дворянство[435]. Разногласия двух либеральных партий проявились в призывах Бобина, обращавшегося к слушателям «колебаться только между конституционно-демократической партией и партиями, которые стоят левее[436].

Различия кадетов и октябристов были наиболее заметны в сфере взаимоотношений труда и капитала. Бобин подчеркивал в ходе приведенного выступления, что интеллигентский характер кадетской партии связывает ее с интересами наемных работников. И обращал внимание на бесправие приказчиков, находящихся в полном подчинении хозяев[437].

Предприниматели, напротив, видели защитников в октябристах, неоднократно обращаясь в структуры Союза с записками, в которых информировали его руководство о сложном положении российской промышленности. «Мы до сих пор не смотрим на наше отечество как на промышленную страну. У нас до сих пор думают, что в России, как стране земледельческой, все заботы должны быть отданы земледелию…» - жаловались саратовские купцы[438]. Особенно огорчал их успех кадетов на выборах в I Думу. Ведь теперь Дума будет состоять из крестьян, конституционных демократов и сторонников левых партий, «при незначительной примеси крупных землевладельцев и при совершенном отсутствии представителей торговли и

[433] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.
[434] Северная речь (Ярославль). 1907. 28 января.
[435] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 273. Л. 2 (об.)-3.
[436] Северная речь. 1907. 28 января.
[437] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 273. Л. 2 (об.).
[438] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15. Л. 26.

торговых домов»[439]. Что даст промышленности такая Дума - спрашивали купцы, и отвечали: ненавистной буржуазии все пути будут преграждены. «Мы заброшены, мы отстранены… отданы на произвол частью противоположных, частью враждебных нам элементов»[440].

Между двумя партиями проходила граница интеллигентской части общества и внешней к ней среды. Кадеты являлись либеральными революционерами, и развивали присущие интеллигенции негативные настроения по отношению к правительству. Октябристы желали модернизации политической системы, расширения возможностей парламентаризма, но связывали будущее с существовавшей властью. Два фланга русского либерализма - левый и правый (кадетская партия и Союз 17 октября) - предлагали обществу принципиально разные модели либеральных реформ. Кадеты требовали радикальных преобразований, октябристы настаивали на необходимости постепенного проведения реформ[441]. Первые обращались к власти языком категоричных требований, вторые рассчитывали на соглашение с властью.

Кадетская партия состояла из очень разнообразных элементов. Сюда входили и представители дворянства, и представители низов – рабочие и крестьяне. Поэтому в ее рядах шла острая внутрипартийная борьба.

В партии кадетов сложилось три течения. В ней действовало достаточно сильное левое крыло, настаивавшее на необходимости союза со всеми силами, противостоявшими самодержавию. Оно подталкивало кадетов к союзу с социалистическими партиями. На первом этапе деятельности партии сюда включались и большевики[442]. Данное направление активно подпитывалось настроениями с мест, занимая в провинциальных отделах партии доминирующие позиции[443]. Лидером этого направления являлся Н.В. Некрасов, профессор Томского университета. К левому крылу принадлежали также такие политические фигуры, как князь Д.И. Шаховской (секретарь I Государственной думы, долгое

[439] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15. Л. 26.
[440] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15. Л. 26, 27 (об.).
[441] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.
[442] Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 83.
[443] Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917). Нижний Новгород, 2001. С. 82.

время возглавлявший ярославских кадетов), адвокат М.М. Винавер и многие другие[444].

Вторым течением в партии кадетов было правое крыло, напротив, неизменно находившееся в меньшинстве и потому слабо влиявшее на политику партии[445]. Непререкаемым лидером правого крыла был адвокат В.А. Маклаков. Из других партийных лидеров в правое крыло входили П.Б. Струве и известный экономист, журналист А.С. Изгоев[446]. Это течение в партии, на наш взгляд, было самым реалистичным. Находись оно в большинстве, кадетская партия имела бы гораздо больше оснований рассчитывать на успех. Правые кадеты, как и октябристы, считали, что России серьезно угрожает левый радикализм. Социалистов нельзя допускать к власти, и либералы должны сотрудничать с правительством. Правое крыло кадетов настаивало на союзе с октябристами[447].

Реально всю политику партии определял центр, старавшийся по возможности согласовывать противоречия между правым и левым партийными крыльями в целях недопущения раскола партии. В действительности центр чаще сотрудничал с левым крылом. Идеологических противоречий между ними не наблюдалось, центр в основном разделял установки левого крыла. Правда, с 1907 года он критичнее оценивал деятельность революционных партий, но при необходимости всегда шел на сотрудничество с социалистами, под которыми теперь понимались только эсеры и меньшевики. И если конфликты между центром и левыми кадетами периодически возникали, то лишь в силу нескладывающихся личных отношений лидера левых кадетов Н.В. Некрасова и руководителя партии П.Н. Милюкова. Некрасов также претендовал на лидерство в партии[448].

Остававшийся истинным лидером кадетской партии Милюков, отношение к социалистам выразил следующим образом. Вместе с левыми - мы «находимся на

---

[444] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 72-73.
[445] Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005. С. 80-81, 87.
[446] Будницкий О.В. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917-1939 // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 358.
[447] Костюченко И. Реформизм и революционаризм в российском либеральном движении // Кентавр. 1994. № 1. С. 155-156.
[448] Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 69-70.

одном крыле русского политического движения. Мы не присоединяемся к ним в их требованиях демократической республики и национализации средств производства… Несмотря на это, есть возможность вместе идти к общей цели»[449].

Объясняя непримиримость к власти Милюкова, нельзя забывать, что его духовным учителем был И.И. Петрункевич. Милюков в молодости примкнул к левой части земского движения, одним из лидеров которой как раз и был Иван Ильич. И.И. Петрункевич тоже стал одним из создателей кадетской партии: в ней он почитался патриархом. Одно время являлся официальным лидером партии – председателем ЦК, а позднее, когда лидерство в партии перешло к Милюкову - почетным председателем ЦК[450].

Петрункевич так обосновывал кадетскую левизну. «Бесспорно, самодержавное правительство с необыкновенной последовательностью и слепотой противодействовало всякой тени легальной борьбы против власти и ее произвола и создавало убеждение, что с русским правительством легальная борьба невозможна и… единственным выходом из этого исторического тупика,- может быть путь революционной борьбы, противодействие которой… может быть полезно только застою и усилению власти»[451]. Кадеты должны любой ценой добиваться конституции, Россия не может больше оставаться под властью самодержавного произвола[452].

Милюков всегда прислушивался к мнению Петрункевича. Несомненно, что в кризисах и бедах, обрушившихся впоследствии на кадетскую партию, большую долю вины несут эти два человека – Милюков и Петрункевич.

Среди октябристов было меньше глубинных противоречий. Тем не менее, и у них были определенные конфликты. Наиболее существенный из них связан с именами двух лидеров «Союза 17 октября» – Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова.

Первоначальный лидер Союза Д.Н. Шипов, дворянин и крупный землевладелец, возглавлял левое крыло октябристов, и длительное время боролся

---

[449] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. С. 21.
[450] Костюченко И. Реформизм и революционаризм в российском либеральном движении // Кентавр. 1994. № 1. С. 155; Пайпс Р. Указ. соч. С. 169-170.
[451] ГАРФ. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 9. Л. 149.
[452] ГАРФ. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 9. Л. 649.

за единство всего либерального движения, представляя земскую часть русского либерализма. Но, столкнувшись с радикальными настроениями либеральной интеллигенции, Шипов вынужден был пойти на разрыв с ней и начал создание собственной организации – «Союза 17 октября»[453]. Правое крыло Союза возглавил А.И. Гучков, принимавший участие в деятельности партии с ноября 1905 года. Как политический деятель отличался националистическими взглядами. Критерием политической «вражды» для него являлся вопрос об автономии Польши – он был принципиальным противником ее самостоятельности[454].

Осенью 1906 года в Союзе произошел конфликт. Заявление А.И. Гучкова о необходимости поддержки октябристами правительства Столыпина и о правильности роспуска I Государственной думы вызвало несогласие лидера партии Д.Н. Шипова. Он заявил о выходе из партии и переходе в партию мирного обновления, которая выполняла роль буфера, связующего звена, между кадетами и октябристами. Ее образовали, с одной стороны, члены Союза 17 октября П.А. Гейден и М.А. Стахович, продолжавшие оставаться в его рядах вплоть до самого завершения рассматриваемого конфликта, и бывший кадет Н.Н. Львов, вышедший из прежней партии сразу же после роспуска I Государственной думы. В первом воззвании мирнообновленцы торжественно заявляли: «Мы отстаивали в Государственной думе увеличение площади крестьянского землевладения, уравнение всех в свободах и перед законом»[455]. Таким образом, основу программы новой партии составили кадетские положения.

Ранее, летом 1906 года, во время председательства Шипова, в Союзе намечался некоторый сдвиг влево. Октябристы были готовы пойти на сближение с кадетами и, как шаг в этом направлении, предполагали объединиться с партией мирного обновления. Такое развитие событий казалось тогда неизбежным. 24 августа кадетская газета «Речь» сообщила, что вскоре состоится общеимперский съезд партий мирного обновления и Союза 17 октября. Причем прекратить существование после их слияния должен был Союз 17 октября: члены Союза

[453] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 477-478.
[454] История политических партий России… С. 96-97.
[455] Цит. по: Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября… С. 196.

намеревались перейти в партию мирного обновления. История одной из крупнейших дореволюционных партий могла закончиться, едва начавшись. На воззвании об объединении стояла подпись и Гучкова[456].

Однако отмеченное выше заявление Гучкова вызвало кризис в октябристской среде. Центральный комитет Союза, рассмотрев в трех заседаниях, 14, 15 и 18 сентября, спор Гучкова и Шипова, почти единодушно высказался в пользу Александра Ивановича. Поскольку правительство Столыпина приступило к решительному подавлению революционного движения, Союз 17 октября не может примкнуть к неистовой травле этого правительства, которую развернули крайне левые партии[457]. Огульные нападки на правительство, подчеркнул ЦК, способны поколебать в народном сознании государственное начало и этим надолго задержать конституционное развитие России[458].

С уходом Шипова планы слияния отпали, и октябристы взяли твердый курс на совместную работу с правительством. 29 октября 1906 года, олицетворяя этот курс, Гучков стал председателем Союза. Уход Шипова не изменил либеральной природы партии. Наоборот, с этого времени появилась надежда на сотрудничество правительства с либеральной партией, а у либералов появился шанс на приобщение к власти. Большинство партии поддержало курс Гучкова. Лишь несколько человек ушли вместе с Шиповым[459].

Несмотря на то, что кадеты и октябристы принадлежали к одному лагерю, либеральному, обе партии разделяли существенные противоречия. Между партиями проходила граница интеллигентского сообщества. Кадеты являлись активной частью интеллигенции, либеральными революционерами, и постоянно стремились критиковать сложившийся порядок управления. Октябристы старались наладить взаимодействие общества с властью. В отношениях между двумя крупнейшими либеральными партиями превалировали разногласия. Основным вопросом, раскалывающим правый и левый фланги либерального лагеря, становились прерогативы Государственной думы и вообще место

[456] Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября… С. 197-198.
[457] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 83, 84.
[458] Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября… С. 203.
[459] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 71-72.

парламента в структуре органов власти. Хотя ретроспективно октябристов следует признать партией, наиболее активно проявившей себя впоследствии в Государственной думе, их партийная программа отдавала предпочтение исполнительной власти и признавала необходимым сохранение максимально возможных полномочий за императором. Тогда как конституционно-демократическая партия в своих программных положениях отводила первенствующее место парламентским институтам, задачей которых признавалось взятие под контроль правительства по английскому образцу. Следовательно, острие споров кадетов и октябристов выражалось в дискуссии о роли монарха в политической системе. Кадеты отводили царю (императору) настолько слабые полномочия, что октябристы в принципе отказывались признавать кадетскую партию монархической, а кадеты, в свою очередь, полагали, что октябристы почти ничем отличаются от черносотенцев.

Внешняя близость социального состава обеих партий, относящегося к типу «господских партий», и состоявшего примерно из схожих социальных слоев: дворянства, буржуазии, интеллигенции, также не сближала их деятельности. В кадетской партии более заметную роль играли представители интеллигенции, которые, даже относясь к высшим слоям, объективно выходили за типичные для тех требования. Это обстоятельство приводило к большей радикализации партии «народной свободы», и более успешной ее деятельности в среде широких народных масс, в частности крестьян. Октябристы, в большей мере, чем кадеты, соответствовали статусу либеральной партии, но их значительная внедренность в более консервативную дворянскую среду приводила к ослаблению реальных способностей партии, воспринимавшейся справа излишне революционной. Консерваторы постоянно критиковали октябристов за якобинство.

2.3. Эсеры – партия революционной интеллигенции

В борьбе за власть, развернувшейся в России в начале XX века, большую популярность приобрели социалистические партии. Социалистическая идея была достаточно притягательной и в Европе, но все же там она не получила такого

размаха как в России. Ведь на Западе существовал довольно многочисленный средний класс, заинтересованный в развитии капиталистических отношений. Тогда как в России во всех слоях общества, от низших до высших, имелись противники развития страны по пути капитализма. Это объяснялось тем, что в Европе к концу XIX века уже не было такого понятия как сословие. Социального слоя общества, принадлежность к которому определялась рождением. Сословия существовали и в Европе, но с развитием капиталистических отношений начали разрушаться. К моменту появления в Европе социалистических идей общество там состояло уже в основном из различных социальных и профессиональных групп. Между тем в России в конце XIX – начале XX веков, когда ее официально признавали страной со средним уровнем развития капитализма, оставалось немало феодальных пережитков, и главным из них было сохранение сословий[460].

Наиболее дальновидные представители правящих верхов пытались сломать сословную систему. Но их было меньшинство. Главное сословие России, дворянство, в целом стремилось сохранить сословное деление. Более того, некоторые из дворян, ориентировавшиеся на черносотенный Союз русского народа, пытались натравить народные «низы», сословия крестьян и мещан, на интеллигенцию, боровшуюся за демократизацию политической системы[461]. И вызов, предложенный обществу консервативной частью дворянства, был принят. Среди интеллигентов появилось немало людей, вышедших из народной толщи, в основном, из крестьянской и мещанской среды. Да и в дворянских и буржуазных кругах нашлись те, кто полностью порвал со своими узкими социальными интересами[462].

При этом тяжелое материальное положение народных масс позволяло социалистам рекрутировать в России столько сторонников, сколько не могло быть в Европе. В начале XX века социализм становится крупной общественной силой. В России мысль о возможности прихода к власти угнетенных классов была воспринята буквально. Идеологи социалистического движения еще не понимали,

---

[460] Первая революция в России… С. 57.
[461] Петров Р., Черный А. Черная сотня // Огонек. 1990. № 20. С. 14.
[462] Пайпс Р. Указ. соч. С. 164, 165, 166, 168.

какие страсти они разжигают в народе, и к каким последствиям ведут их призывы. Впереди неминуем был раскол социалистических сил, так как перед социалистами остро вставал вопрос о том, какой из общественных классов должен вести страну к победе социализма: самый многочисленный – крестьянство, или самый организованный - пролетариат? Значительная часть интеллигенции, образовавшая партию эсеров, вступая в борьбу с властью, решила опереться на самый многочисленный класс крестьян. Она и образовала партию социалистов-революционеров (эсеров) – ПСР.

Прежде всего, социалисты-революционеры были противниками капитализма, что, несомненно, сближало их с черносотенцами. Но именно данное сходство делало их непримиримыми противниками. Черносотенцы, стремясь не допустить окончательной победы капитализма, делали ставку на сохранение дворянского землевладения. Эсеры выступали за полную ликвидацию дворянского землевладения и передачу всей помещичьей земли крестьянам[463]. Они считали, что передача земли крестьянам ослабит развитие капитализма. Если будет упразднена частная собственность на землю и осуществлена социализация земли - земля станет передаваться крестьянам не в собственность, а в пользование на уравнительных началах (всем крестьянским хозяйствам равное ее количество) - социализм начнет развиваться в деревне[464]. Рост популярности эсеров в крестьянстве объяснялся тем, что эсеровский подход совпадал с его стихийным мировоззрением, отрицавшим куплю-продажу земли, о чем мы писали выше.

Но лидеры партии эсеров, наряду с крестьянством, уделяли внимание и остальным массовым слоям общества. Они полагали, что их партия выражает интересы всего угнетенного народа и делили российское общество на две непримиримые группы. Первая группа – это народ, куда они включали крестьянство и рабочих, а также интеллигенцию, к которой принадлежали сами.

---

[463] Леонтьев Я. Великолепная идея (о партии социалистов-революционеров) // Учительская газета. 1990. № 37. С. 11.
[464] Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 29.

Во вторую группу, враждебную народу, с которой надо бороться, включались дворянство, буржуазия и высшая бюрократия[465].

По их мнению, буржуазия относилась враждебно к народу. Эсеры не отрицали определенной прогрессивности буржуазии на Западе. Однако в России она союзник самодержавия, так как ее империалистические аппетиты удовлетворяла военная мощь государства[466]. Социалисты-революционеры признавали непримиримыми противоречия между интеллигенцией, как духовным вождем народа, и правящей верхушкой общества.

В области национально-государственных отношений эсеры выступали за децентрализацию страны, но не в обычном смысле, когда происходит некоторое расширение прав территорий по отношению к центру, а в более широком плане. Основные властные полномочия, в разработанной эсерами программе, передавались не центральной власти, а различным структурам на местах. В деревне основным центром администрирования должна была стать община, а в городе – органы местного самоуправления[467]. В области национальных отношений эсеры намеревались закрепить максимальные полномочия за национальными регионами, вплоть до права их выхода из состава России[468]. В политической модели эсеров кардинально ослаблялась центральная власть.

Социалисты-революционеры верили, что широкий демократизм их программы позволит перейти к социализму мирным путем и избежать социалистической революции в марксистском варианте. Согласно мнению эсеров, социал-демократы, сосредоточившие внимание на устранении «необыкновенно сложного антагонизма между капиталом и трудом», не ценили первенствующего значения политической свободы народа[469]. Себя они характеризовали сторонниками социальной революции - революции всего народа против верхушки общества, и потому надеялись на возможность ее победы мирным путем. Ведь их партия, полагали социалисты-революционеры, вызывает симпатии во всех

---

[465] Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Полис. 1993. № 6. С. 159.
[466] Пайпс Р. Указ.соч. С. 167.
[467] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 70.
[468] Маслов В.Н. Эсеровская программа национально-государственного устройства России (1905-1907 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литература. 1993. Вып. 1. С. 84.
[469] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 8. Л. 5.

прогрессивных слоях общества и выражает затаенные желания широких народных масс[470].

Но так как в момент возникновения партия эсеров была еще слаба, представляя малочисленные, чисто интеллигентские по составу, и оттого глубоко замкнутые и законспирированные кружки, было решено обратить на себя внимание народа при помощи террора. Эсеры хотели настроить общество против власти. Данная тактика оказалась успешной. Им стали сочувствовать многие обыватели из образованных слоев. Социалисты-революционеры в начале XX века начинают превращаться в серьезную политическую силу.

Накануне 1905 года численность партии составляла не более 2-2,5 тыс. человек. Доля интеллигенции на тот момент в социальном составе партии приближалась к 70%. Здесь было также много рабочих (26%), а вот крестьян насчитывалось не более 1,5%[471]. После официального, учредительного съезда, проведенного на рубеже 1905-1906 годов, численность партии резко выросла. В 1906-1907 годах в эсеровских рядах насчитывалось уже 62609 человек. Увеличилось в партии и крестьянское представительство, хотя она продолжала оставаться преимущественно городской[472].

О том, какое направление работы партия считала наиболее важным, и о периоде наивысшей активности ее партийной деятельности наглядно свидетельствует статистика изданных ею листовок. Так, от Центрального Комитета наибольшее количество листовок было выпущено в 1906 и 1907 годах – соответственно 12 и 16. В тоже время эта активность возникла не случайно и ее нельзя объяснить исключительно размахом активности общества в целом, то есть лишь тем, что в данный период бурлило все общество. Эсеры шли к своим успехам 1906-1907 годов самостоятельно, поскольку на предыдущем этапе развили значительную активность, выпустив за 1904 год 5 листовок, а в 1905 году 3 (для сравнения: до 1904 года от имени ЦК были изданы всего 2 листовки)[473].

---

[470] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 8. Л. 4.
[471] Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Полис. 1993. № 6. С. 160.
[472] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 53, 66.
[473] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

Из других отделов, выделенных партией, максимальную активность развили Центральная крестьянская комиссия (6 листовок) и Всероссийский Союз солдат и матросов (21 листовка), находившиеся на острие партийной работы. Они нацеливались на проникновение в толщу крестьянской и армейской жизни, что являлось крайне важным при подготовке партией вооруженного восстания крестьян. Для организации восстания было необходимо сочувствие хотя бы части армии и флота – влияние ПСР распространилось на крупнейшие центры Балтийского флота – Кронштадт и Свеаборг[474]. Активность эсеров заметила и полиция, признав их «одной из наиболее активных русских политических партий, стремящихся к насильственному ниспровержению государственного и общественного строя в России»[475].

Эсеры действовали в очень сложных условиях. В партии были слабы вертикальные и горизонтальные связи: между местными организациями и центром, и между самими местными организациями. Партийные организации создавались не снизу, силами местных активистов, а сверху. Вначале возникал комитет, а затем его члены организовывали разветвленную партийную сеть. С.Н. Слетов, совершая поездку по России в 1902 году, не нашел никакой организации, похожей на партию, обнаружив на местах «просто группы работавших людей»[476]. Положение партии оставалось приемлемым только потому, что в нее входили люди энергичные, готовые к активным, решительным действиям.

На особом положении в партии находилась Боевая организация (БО), занимавшаяся проведением террористических актов. ЦК не вмешивался в ее внутренние дела - эта структура была законспирированной частью партии – и лишь давал ей задание, указывая желательный срок его исполнения. Руководили Боевой организацией Г.А. Гершуни (1901-1903 гг.) и Е.Ф. Азеф (1903-1908 гг.) - самые влиятельные члены ЦК[477]. При Гершуни организация была «рассеянной»: каждый из ее членов проживал отдельно, в своем регионе, ожидая вызова от

[474] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
[475] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 9. Л. 3.
[476] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 36-37.
[477] Джанибекян В.Г. Азеф: король провокаторов. М., 2005. С. 52-53.

главы организации. Азеф ее централизовал, полностью обновив состав структуры. За весь период существования БО в ней работали свыше 80 человек[478].

Устав партии предусматривал и такой институт, как Совет, решавший вопросы тактики и организационной работы, и созывавшийся при надобности по инициативе ЦК или половины областных организаций (областные организации составляли в партии промежуточное звено между ЦК и губкомами). Первый Совет партии состоялся в мае 1906 года, а последний – десятый – в августе 1921 года[479].

Хотя популярность эсеров возрастала, и противоречия между эсерами и дворянством приобретали антагонистический характер[480], консервативная часть дворянства - черносотенцы – все еще недооценивала влияние эсеров на крестьянство, веря в природный монархизм крестьян. Они иллюзорно надеялись на равнодушие крестьян к эсеровской программе. Таких иллюзий не испытывала более умеренная, октябристская часть дворянства, видевшая в эсерах серьезную опасность для всей правящей элиты. Выдвиженец этого слоя, самый известный премьер-министр дореволюционной России П.А. Столыпин[481] считал их опасной партией не просто для России монархической, но России как страны и государства в целом.

На наш взгляд, это была совершенно рациональная точка зрения. Реализация политической программы эсеров грозила распадом страны. Достаточно вспомнить их пункт о децентрализации страны. Фактически это была полуанархическая программа, направленная против российской государственности. Эсеровская программа практически полностью уничтожала государство. «Социалистическое общество, - писали эсеры, - прежде всего не государство, а самоуправляющийся союз производительных ассоциаций, сельскохозяйственных общин-коммун и синдикатов индустриальных рабочих…»,

---

[478] История политических партий России… С. 151.
[479] Спиридович А.И. Указ. соч. С. 239-240.
[480] Салтык Г.А. Эсеры центрального Черноземья в 1905-1907 годы // Отечественная история. 2004. № 1. С. 55.
[481] П.А. Столыпина, конечно, нельзя считать октябристом. Он не был членом Союза 17 октября, разделял далеко не все программные положения партии, но он активно сотрудничал с октябристами (октябристом был его младший брат А.А. Столыпин), и потому его все-таки можно считать выдвиженцем именно того слоя, к которому принадлежали октябристы (Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 16, 17.).

которые связываются между собой исключительно на добровольных началах (по сговору) в целях обмена производимой ими продукции и услуг[482].

Нетрудно понять, что произошло бы в России, окажись у власти в одиночестве эсеровская партия и постарайся она реализовать свою программу в полном виде. Страна, привыкшая к централизации управления, получила бы слабую центральную власть. Многомиллионные крестьянские массы, полагая себя полными хозяевами положения, вскоре перестали бы считаться и с партией, сделавшей их господствующим привилегированным классом общества - эсерами. Частичные проявления этого беспорядка наблюдались в февральской России, с февраля по октябрь 1917 года - с той разницей, что эсеры в Феврале действовали не одни, а совместно с другими силами и не находились во главе центрального правительства[483]. И, следовательно, не могли до конца реализовать свою программу. А потому общая картина в Феврале была даже мягче той, какая могла быть при других обстоятельствах. Но и этого хватило, чтобы понять насколько слабо представляли эсеры действительные настроения народа. Они не осознавали какой опасности подвергают страну, разжигая в народе революционные настроения, и натравливая его на борьбу с прежней элитой.

Наиболее дальновидная часть правящей элиты серьезно отнеслась к опасности, угрожавшей стране при победе эсеровской партии[484]. Так, Столыпин полагал, что предотвратить приход эсеров к власти можно лишь путем проведения специальных внутренних преобразований. Именно для того чтобы не допустить эсеров к власти и проводил Столыпин знаменитые аграрные реформы. Опасность для России эсеровской угрозы подтверждает и страстное желание Столыпина не допустить ее участия во внешнеполитических конфликтах - в случае войны эсеры могут захватить власть на волне народного недовольства[485].

Таким образом, октябристы и наиболее дальновидные представители правительственного лагеря, высоко оценивая перспективы эсеров в

---

[482] Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 48-49.
[483] Глава Временного правительства А.Ф. Керенский лишь формально входил в эсеровскую партию и никогда не был организационно с ней связан.
[484] Штурман Д. О вождях российского коммунизма. Кн. 1. Париж-М., 1993. С. 283.
[485] Там же. С. 288, 290-291.

разворачивающемся противостоянии начала XX века, серьезно относились к этой партии. Не оставались в долгу перед ними и эсеры, постоянно разоблачавшие октябристов, как силу, представлявшую наибольшую опасность для торжества революции. «Октябристов, как официальную, правительственную партию, рассматривать как самую вредную и вероломную партию, не делая никакого различия между ними и откровенными черносотенцами»[486].

Итак, у эсеров имелись сильные противники, но кто был их союзником? Эсеры были настолько опасными конкурентами для других оппозиционных и революционных партий, что на первом этапе деятельности у них не было стабильных союзников. Однако в целях борьбы с самодержавием они соглашались на совместные действия не только с большевиками и меньшевиками, но и с кадетами. Эсеры полагали, что сотрудничество социалистов с либералами не противоречит ни интересам страны, ни интересам рабочих масс. «Боязнь, как бы либералы и кадеты не приобрели исключительного влияния на рабочие массы – чистая нелепость»[487].

После 1907 года они сблизились с правыми социал-демократами (меньшевиками). Этот союз вызывался, одной стороны, конфликтом с большевиками. Эсеры и меньшевики чувствовали возрастающую с каждым годом конкуренцию со стороны большевиков. Острая критика большевиками этих двух политических структур сближала их. С другой стороны, проведение, с 1907 года кадетами более осторожной политики заставляло умеренных социалистов также резко отделить себя от либеральных оппозиционеров. Именно после 1907 года формируется союз эсеров и меньшевиков, столь активно проявивший себя в 1917 году и фактически захвативший тогда власть в стране[488]. Данный союз станет главной политической силой в Феврале и антитезой как радикально-социалистическим силам (большевикам), так и умеренным либеральным партиям (кадетам и октябристам).

---

[486] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 9. Л. 1 (об.).
[487] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 9. Л. 1 (об.).
[488] Кононенко А.А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 157; Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С. 80, 81.

Неоднородность эсеровской партии была неудивительна, учитывая ее стремление руководить не только крестьянством, но и всем народом, включая рабочих. Поэтому в партии сложилось несколько течений, по-разному представлявших себе основы партийной тактики.

Прежде всего, на крайне правом и крайне левом флангах партии выделились два течения, которые, разочаровавшись в политике центрального партийного руководства, стали самостоятельными партиями.

Под опекой «бабушки русской революции», Е.К. Брешко-Брешковской, сыгравшей активную роль в основании партии эсеров, в эмиграции сформировалось течение аграрных террористов. Представители этого течения, в основном молодежь, настаивали на том, что необходимо воспользоваться сложившейся обстановкой, двинуться в деревню и призвать крестьян к немедленному разрешению земельного вопроса, «снизу». Самим крестьянам захватывать помещичьи земли, применяя те приемы и средства, которые использовали крестьяне в своей многовековой борьбе с помещиками[489].

В руководстве партии в это время возобладала противоположная тенденция сближения с активизировавшимися тогда либералами. Эсеровские руководители (В.М. Чернов и Е.Ф. Азеф) приняли участие в конференции российских оппозиционных и революционных партий, состоявшейся осенью 1904 года в Париже, и выработали соглашение о координации действий в борьбе за политическое освобождение страны от самодержавия. В 1906 году аграрные террористы, недовольные осторожной, по их мнению, тактикой эсеровской партии, вышли из нее и создали организацию эсеров-максималистов[490].

Крупнейшей акцией, проведенной организацией, оказался взрыв дачи П.А. Столыпина 25 августа 1906 года, с многочисленными жертвами среди мирного населения. Погибли посетители премьер-министра, всего было убито 17 человек[491].

---

[489] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 45-46.
[490] Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002. С. 5-6, 38; Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мн., 2004. С. 209-210.
[491] Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. М., 2008. С. 557.

В том же году из партии вышла и ее крайне правая часть. Уверенные в том, что после 17 октября 1905 года Россия превратилась в конституционную страну, они настаивали на создании влиятельной легальной партии, отстаивающей интересы крестьянства. Группа публицистов во главе с А.В. Пешехоновым, В.А. Мякотиным и Н.Ф. Анненским, издававшая легальный журнал «Русское богатство», попыталась убедить I съезд партии эсеров в необходимости образования такой партии, но, потерпев неудачу, покинула съезд[492]. Данная группа создала народно-социалистическую партию. Отколовшаяся от эсеров партия отстаивала принцип не социализации, а национализации земли, намереваясь передать ее в собственность государству. Энесы не стали такой мощной партией, как эсеры, но в отличие от эсеров-максималистов были более успешны в партийном строительстве. В 1917 году ее несколько членов даже вошли во Временное правительство[493].

Внутри самой партии сложилось три основных течения: левые, центр и правые.

Левые считали утопичной саму идею организации всенародного восстания крестьян против самодержавия - единственным средством политического освобождения России полагая систематический террор, проводимый инициативным меньшинством. Причем террор децентрализованный, осуществляемый рядом автономных боевых отрядов. В подобной организации ими усматривалась гарантия, что предательство одного лица, вроде Азефа, не погубит всего дела[494].

К этому течению в партии принадлежала группа «инициативного меньшинства», образованная в Париже Я.Л. Делевским (Юдичевским, Волиным), и В.К. Агафоновым (Сиверским). С апреля 1908 по декабрь 1909 года группа выпустила шесть номеров газеты «Революционная мысль». Ее участники считали, что эсеровская официальная теория засорена марксистскими догматами о первенствующем значении объективных факторов и классовой борьбы, а

[492] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 2.
[493] Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 82-84, 85; Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76, 79.
[494] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Л. 35-36 (об.).

традиционные для эсеров принципы о роли личности и инициативного меньшинства в истории в ней подавлены. Ошибкой они признавали и стремление революционных партий, ведя борьбу с самодержавием, одновременно с политическими вопросами решать и социальные. Надо сосредоточиться на политических вопросах: вначале эсерам необходимо захватить власть в стране, а социальные проблемы должны решаться самими массами демократии[495].

Эсеры-центристы, активно работающие в широких массах, в отличие от левых, верили в готовность крестьян подняться против помещиков, и проводили систематическую работу среди них. При выработке тактики акцент делался на дефицит людских и материальных ресурсов у партии для подготовки восстания собственными силами. Выход виделся в активизации крестьян, требовалось «заразить» крестьянские массы страстным стремлением к самовооружению. Крестьяне призывались к самоорганизации боевых дружин[496]. Пока большая часть народа пассивна, не следует настаивать на форсированной подготовке вооруженного восстания. Партия должна настраиваться на вмешательство «во всякое стихийно возникающее широкое народное выступление против современного строя с целью внесения в него организованности и планомерности»[497].

Эсеры в 1905-1907 годах участвовали в различных восстаниях в деревне, армии и на флоте. Им удалось организовать не одно крестьянское выступление, но, как правило, они носили локальный характер. Попытки организовать массовые выступления крестьян летом 1905 года и сразу же после разгона правительством I и II Государственных дум не увенчались успехом[498].

Хотя эсеры, организуя крестьянские бунты в 1905-1907 годах, не добились результатов на которые рассчитывали, им удалось, наконец, серьезно проникнуть в деревню. Вследствие активной тактики эсеров существенно изменился социальный состав партии: он стал рабоче-крестьянским. Крестьяне и рабочие

---

[495] История политических партий России… С. 174-175.
[496] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[497] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Л. 18.
[498] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 21-22; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 699а. Л. 245-245 (об.).

составляли теперь около 90% ее членов[499]. Тактика эсеров-центристов, лидером которых являлся В.М. Чернов, приносила плоды. По сравнению с начальным периодом численность партии увеличилась в несколько раз. Численность некоторых местных организаций впервые достигла уровня нескольких тысяч человек (в частности, в Москве – 3000, а в Петербурге – 6000)[500].

Имелось в партии и правое крыло. Одним из его лидеров стал Н.Д. Авксентьев – член ЦК и соредактор центрального органа партии газеты «Знамя труда», доктор философии. Для него революция была «отчаянным средством», «варварской формой прогресса»: прибегать к революции допустимо лишь при трагическом стечении обстоятельств[501]. Авксентьев – один из основателей группы «Почин». В нее входили и другие представители правого крыла – И.И. Бунаков (Фондаминский), С. Нечетный (С.Н. Слетов) и другие. В июне 1912 года группа выпустила единственный номер журнала «Почин», в котором подчеркивалось, что починовцы, верные солдаты партии, и не думают о ее расколе, оставаясь литературной группой, ведущей пропаганду своих идей внутри партии[502].

Починовцы предлагали сосредоточить внимание партии на легальной деятельности[503]. Перед партией стоит целый ряд важных задач в социальной и просветительской областях, вытекающих из открытого массового действия. Главным в деятельности Государственной думы виделось налаживание связи избранных депутатов с рабочей массой. В социальной области - расширение легальной работы профсоюзов и усиление влияния кооперации на крестьян. Эти задачи должны стать для партии основным делом, «центром и базой ее работы». На этих задачах она сольется с массовым потоком и станет органической силой[504].

Правое течение существовало в партии с момента ее образования, но набрало силу только с 1907 года, когда в ней начался острый кризис, усугубляемый столыпинской аграрной реформой. Однако, несмотря на внешне

---

[499] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 3-4; Первая революция в России: взгляд через столетие … С. 540.
[500] История политических партий России… С. 167.
[501] Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Полис. 1993. № 6. С. 161.
[502] Морозов К.Н. Указ. соч. С. 585, 587-588.
[503] ГАЯО.Ф. 73. Оп. 4. Д. 4514. Л. 37.
[504] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 200. Л. 6 (об.).

благоприятные обстоятельства, «починовцам» не удалось получить большинства в партии. Правые, как и у кадетов, так и остались в партии меньшинством[505].

Эсеровская партийная парадигма сохранялась неизменной. По мнению лидеров партии, столыпинская реформа оснований для пересмотра партийной программы дать не могла, поскольку ее основные положения основывались не на юридическом положении общины, а на комплексе чувств и навыков, характерных для российского крестьянства[506]. Эсеры были настроены на продолжение предыдущей политики («звать Русь к топору») и полагали, что деревня не преодолеет мирным путем противоречий между крестьянами и помещиками. Столыпинская реформа эти противоречия лишь откладывает: с современным политическим строем предстоит длительная, тяжелая борьба. Будущему предстояло подтвердить или опровергнуть эти надежды эсеровской партии.

А пока партия входила в глубокий внутренний кризис. В 1908 году, выступая на лондонской партийной конференции, «центрист» Чернов заявил, что многие члены партии уходят от работы, и их внутренняя эмиграция достигла «ужасающих размеров»[507].

В 1907 году в реальную эмиграцию перебрался и Центральный комитет партии. Центром партийной жизни социалистов-революционеров стал Париж[508]. Эсеровский ЦК несколько лет относительно спокойно пребывал в столице Франции по причине того, что один из его членов, И.А. Рубанович, от имени партии входивший в Международное социалистическое бюро (II Интернационал), имел двойное гражданство, и, будучи французским гражданином, был знаком с членами французского правительства[509]. Репрессивные меры французского правительства против русских революционеров последовали лишь в ходе Первой мировой войны и проявились в том, что лидер партии В.М. Чернов вынужден был переехать из Парижа в Женеву[510], так как во время войны занял резко выраженную антивоенную позицию. «Оценка всякой войны с социалистической

[505] Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 290.
[506] Морозов К.Н. Указ. соч. С. 502-503, 505; Непролетарские партии России: Урок истории… С. 167.
[507] История политических партий России… С. 173-174.
[508] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 9. Л. 1.
[509] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Л. 34-34 (об.).
[510] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 3 (об.)-4.

точки зрения предполагает, что критерием оценки является не частный интерес той или другой страны, а общий интерес развития мирового социалистического движения, вырабатывающего новую культуру и новое общество и государство…» - писал он в статье «Социалистическая оценка войны»[511].

На заграничную жизнь эсеровского ЦК семи предвоенных лет существенно повлиял кризис, связанный с разоблачением провокаторства Е.Ф. Азефа. Положению, создавшемуся в партии после разоблачения Азефа, был посвящен пятый Совет партии, собравшийся в 1909 году. В извещении о V Совете подчеркивалось, что хотя участие Азефа в ряде терактов не помешало отдельным крупным победам в этой области, оно обессилило террор в самую критическую для революции эпоху и вызвало серьезное разочарование в терроризме, как форме борьбы[512]. «Общее политическое затишье в стране заставило все революционные партии былую наступательную тактику заменить тактикой оборонительной и свести программы действия на программы перемогания». Организационный кризис грозил партии тяжелыми испытаниями в области тактики[513].

Партия эсеров заняла ведущее положение в спектре социалистических партий. Для той межпартийной борьбы, которая развернулась в начале XX века, она находилась на очень важном месте, так как именно на ней происходил разрыв с консервативно-либеральными партиями, бесспорно, желавшими значительных модернизационных изменений существовавшей политической системы, но все-таки готовыми, в той или иной степени, работать с официальными властными структурами. Тогда как эсеры принципиально отвергали малейшую возможность компромисса с самодержавным режимом, и заявляли о непримиримости интересов народа и правящей верхушки. Возглавить народное сопротивление, по их мнению, могла только интеллигенция. В руководстве партии среди лиц, принадлежавших к данной социальной прослойке, имелись как выходцы из крестьянско-мещанской среды, так и лица дворянско-буржуазного происхождения, считавшие необходимым отменить сословное

[511] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 2.
[512] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Л. 50, 51 (об.)-52.
[513] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1039. Л. 52-52 (об.).

деление общества, и, следовательно, отрицавшие интересы элитных групп дореволюционного общества.

При этом эсеровские идеологи полагали, что, если их партия хочет объединить в борьбе с властью все народные силы, она должна контролировать действия не только крестьян, выразителями интересов которых они себя полагали, но и другие народные слои, и, прежде всего, рабочих. А поскольку поднять крестьян на всенародное восстание было сложно, так как они жили интересами отдельных местностей (общин), наиболее эффективными путями активизации протеста лидерам партии представлялись террор и организация локальных вооруженных восстаний. Реализация эсерами их планов ликвидации самодержавия представляла серьезную угрозу не только политическому режиму в России, но и угрожала государству в целом опасностью его территориального распада. Впоследствии это подтвердит частичная реализация замыслов данной партии в условиях революции 1917 года.

2.4. Большевики и меньшевики – раскол внутри РСДРП

Эсеры совершили крупнейший политический водораздел в российском обществе, заявив о непримиримости интересов народа и правящей элиты, включая либералов, противопоставив, таким образом, народ и власть. Но и сами они в результате этого попали в определенную ловушку. Нашлась другая сила, поставившая под сомнение способность эсеров выражать интересы всего народа. Этой силой стали социал-демократы, полагавшие, что интересы рабочих должна представлять отдельная партия.

Положение социал-демократии в России было не простым. Подавляющее большинство российского населения (около 80%) составляли крестьяне, тогда как рабочих в стране было немного. В 1913 году, в период наивысшего расцвета капитализма в России, их удельный вес не превышал 12% от общей массы

населения[514]. И потому претензии социалистов-революционеров на политическое лидерство были достаточно обоснованы. Но в таком случае в политическом спектре страны не находилось места для социал-демократической партии. Поэтому социал-демократы были обречены на конфликт с эсерами, если хотели сохраниться как самостоятельная сила.

Поскольку эсеры объявили об особых интересах трудового народа, отличных от высших классов, социал-демократы провозгласили, что и у рабочих имеются не менее серьезные основания для отделения от партии, защищающей интересы многомиллионного крестьянства. И они единственные должны представлять интересы рабочих. А попытки остальных политических сил взять попечительство над рабочим классом объясняются единственным желанием: помешать рабочему классу сформировать внутренние пролетарские интересы[515].

Социал-демократы с большой долей ревности наблюдали за достаточно успешной деятельностью партии эсеров в рабочей среде. Эсерам было глубоко небезразлично развитие рабочего движения. Рабочий класс характеризовался ими «наиболее подвижным, активным и агрессивным общественным классом». Эсеры полагали, что русские рабочие, связанные с деревней, создают основу рабоче-крестьянского единства. При этом рабочие представляют основную массу населения в городах, а окончательная победа любой партии возможна только в случае ее поддержки городским населением[516].

Социал-демократы, стремясь доказать особые права на рабочих, отказывали эсерам в самом праве называться социалистами. Эсеры, утверждали они, всего лишь буржуазные радикалы, мелкая буржуазия[517]. Всячески стимулируя борьбу крестьян с существующим порядком, социал-демократы решительно отмежевывались от какого бы то ни было «крестьянского

[514] Трукан Г.А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. С. 24.
[515] Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 61.
[516] История политических партий России… С. 56.
[517] Искра. 1903. 1 марта.

социализма», подчеркивая, что настоящим остается только социализм «рабочий»[518].

Но и само социал-демократическое движение оказалось расколотым. Причиной раскола стал вопрос о том, может ли самый передовой класс общества самостоятельно определить свои интересы? Одни социал-демократы говорили, что рабочий класс достаточно развит для того чтобы понять, что соответствует его интересам, и надо лишь немножечко просветить его. Другие - уверяли, что рабочие под гнетом повседневной нужды способны определять лишь ближайшие цели, а самостоятельно выработать стратегические интересы не в состоянии, и за них это должна сделать особая группа людей – интеллигенция, не являющаяся пролетарской по происхождению[519].

Разногласия между двумя этими течениями настолько обострились, что они не смогли существовать вместе длительный период. Первый съезд РСДРП, прошедший в 1898 году, не привел к окончательному формированию партии, и в течение пяти лет, пока велась подготовка ко второму съезду, сторонники обоих течений существовали вместе[520]. Происшедшее на II съезде явилось полной неожиданностью - внутри единой партии выделились два течения. Первые, ратовавшие за максимальную самостоятельность рабочих, стали называться меньшевиками, вторые, говорившие о необходимости подчинения интересов рабочих интересам партии, – большевиками. Фактически каждое из этих течений стало самостоятельной партией. Как заявил один из лидеров меньшевиков, П.Б. Аксельрод, между меньшевизмом и большевизмом был принципиальный антагонизм, они представляли две непримиримо враждебные тенденции[521]. Меньшевики составляли умеренную часть в российском социал-демократическом движении, а большевики – радикальную.

---

[518] Касаров Г.Г. Критика В.И. Лениным антимарксистских концепций истории революции 1905-1907 гг. в России. М., 1985. С. 22.
[519] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 241. Л. 1; Денисова Г.С., Самыгин С.И. Рабочие, большевики, меньшевики и другие // Полис. 1991. № 6. С. 169.
[520] Федорин И.М. К вопросу создания Российской социал-демократической партии // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 86, 89.
[521] Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 70-71, 173.

Тем не менее, внутри каждого из течений оставались силы, старавшиеся преодолеть внутрипартийный раскол, и оттого юридическое разделение партии состоялось только в 1917 году. А до этого официально и меньшевики, и большевики продолжали входить в состав общей партии – РСДРП[522]. И все же политические интересы у них слишком различались - лидеры обоих направлений действовали исключительно в собственных интересах, и не считались с мнением другой стороны.

Обострили до максимальной степени конфликтности их отношения споры, связанные с проведением III съезда, которого добивался Ленин, рассчитывая, что его сторону на нем займет большинство местных социал-демократических организаций. Меньшевики выступали против созыва нового съезда, утверждая, что он только обострит межфракционные страсти[523].

Внутри большевистской части общего ЦК нашлись сторонники примирения с меньшевиками, подвергшие Ленина критике за непримиримость к инакомыслию, и в июле 1904 года давшие согласие на включение в ЦК дополнительно трех меньшевиков[524]. К части большевиков, пытавшихся восстановить единство РСДРП через ограничение влияния Ленина, принадлежал и один из первых пропагандистов марксизма в Ярославской губернии В.А. Носков, входивший в круг создателей Северного рабочего Союза, образованного в 1901 году, включавшего Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский комитеты и Владимирскую группу[525].

По существу это был внутрипартийный переворот. В.И. Ленин предпринял попытку в Совете партии, высшем ее органе, оспорить изменение состава ЦК, переход большинства в нем к меньшевикам, но Совет признал изменение состава в нем законным[526]. По мнению меньшевиков, усиление их веса там позволяло сохранить партию, не давая ей распасться. «… пресловутая кооптация трех…

---

[522] Урилов И.Х. Из истории раскола РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 15.
[523] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
[524] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Л. 2.
[525] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Л. 2; ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 299. Л. 2.
[526] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 (об.).

Слишком мягкое решение, если опасность (*раскола* – С.Х.) так велика… Эта смута уже теперь губит партию…»[527].

После того, как 7 февраля 1905 года Ленина вывели из состава всех руководящих органов партии, и официальные структуры РСДРП, ЦК и Совет, перешли под контроль меньшевиков, он организовал альтернативный ЦК, так называемое Бюро комитетов партийного большинства. Это уже была работа, направленная на создание самостоятельной большевистской партии[528]. После ареста большинства членов официального ЦК, оставшиеся на свободе большевики-примиренцы Л.Б. Красин и А.И. Любимов дали согласие на проведение III съезда партии и вступили в переговоры с Бюро комитетов партийного большинства.

Меньшевики не согласились на контакты с большевиками. П.Г. Смидович (в будущем большевик) писал в Совет о мерах, с помощью которых стремился сорвать готовившийся съезд. Задерживать едущих на ленинский съезд удается только указанием на то, что ЦК приступает к организации партийного съезда и Совет в ближайшем будущем обратится к комитетам с приглашением присылать делегатов. «Делегаты комитетов съезжаются на ленинский съезд. Положение становится невыносимым… Число голосов за съезд растет… Съезд неизбежен…» - признавал меньшевик невозможность предотвратить съезд[529].

На III съезде партии большевики изменили структуру руководящих партийных органов, упразднив стоявший выше ЦК Совет партии[530]. В итоге меньшевикам пришлось провести в мае 1905 года собственную конференцию, реально имевшую статус альтернативного съезда. В результате большевики и меньшевики официально стали независимыми партиями[531]. Правда, организационный разрыв сохранялся недолго. Уже в апреле 1906 года в Стокгольме собрался IV (Объединительный) съезд партии[532]. Хотя объединение скорее получилось формальным: большевики и меньшевики сохраняли отдельные

[527] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 35. Л. 1-1 (об.).
[528] История политических партий России… С. 267-268; Каррер д' Анкосс Э. Ленин. М., 2002. С. 74.
[529] РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.
[530] Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 214-215.
[531] Логунов А.П. Указ. соч. С. 119.
[532] Каррер д' Анкосс Э. Указ. соч. С. 92-93.

газеты и журналы, продолжили деятельность чисто большевистские партийные школы[533].

Раскол ослаблял позиции РСДРП в межпартийной борьбе. А между тем они были не так уж и слабы. На момент IV съезда в партию входило до 144 тысяч человек (70 тысяч большевиков и меньшевиков, Бунд -33 тысячи, польские социал-демократы – 28 тысяч, и латышские – 13 тысяч)[534]. Объединенная РСДРП представляла бы серьезную силу, с которой обязаны были считаться остальные партии.

Оба фланга российских социал-демократов по силам были примерно равны. Большинство крупных имен русских социал-демократов, его ветеранов, уже давно участвующих в революционном движении, пошли за меньшевиками. Большевиков поддержали начинающие деятельность молодые революционеры[535]. Ленин не скрывал силы меньшевиков: «У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше “имен”, больше сотрудников: было бы непростительным ребячеством не видеть этого»[536].

Программа меньшевиков строилась на том, что социал-демократам не нужно форсировать революции и надо отстаивать, наряду с политическими, и экономические интересы рабочих. Необходимо развивать самодеятельность рабочих, использовать легальные формы борьбы[537]. Перед меньшевиками не ставилась задача достижения максимально быстрой победы. Не сомневаясь в необходимости революции, они были противниками подталкивания исторического процесса и строго следовали принципу Маркса: ни один новый общественный строй не родится раньше, чем старый исчерпает до конца все свои возможности. Это заставляло их делать главный вывод: страна еще не готова к захвату власти рабочим классом. В ней недостаточно развиты для этого капиталистические отношения. Г.В. Плеханов, как лидер меньшевизма,

---

[533] Работяжев Н.В., Яшлавский А.Э. Полвека исканий: очерк эволюции идейных воззрений меньшевистской социал-демократии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2002. № 1. С. 6.
[534] История политических партий России… С. 272.
[535] Там же С. 220, 266.
[536] Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву от 11. 02. 1905 // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 246.
[537] Макаров Н.В., Савельев П.Ю. Российская социал-демократия в 1905-1907 годах: заметки о новейшей историографии // Отечественная история. 2005. № 5. С. 96-97.

акцентировал внимание на незавершенности в России капиталистической эволюции народного хозяйства и больших нереализованных потенциях буржуазного строя. Слишком велика во всех сферах российского общества была роль государства и бюрократии. Меньшевики выступали за всяческую поддержку оппозиционных действий буржуазии. Многие из них признавали лидерство в политическом процессе главной ее партии – кадетов[538].

Наиболее безболезненным им виделось свержение самодержавия, достигнутое рабочими в союзе с буржуазией. Правое течение социал-демократии в целом соглашалось с концепцией радикальных либералов (кадетов), что в России существует не три лагеря, а два: власть и широкий оппозиционный блок от кадетов до социал-демократов, то есть интеллигентское объединение. Часть меньшевиков была готова к временному занижению социал-демократических требований, если буржуазия добьется созыва Учредительного собрания и введения всеобщего избирательного права. В таком случае, говорили меньшевики, социал-демократия готова остаться партией крайней революционной оппозиции[539]. Однако это не означало, что меньшевики собирались долго мириться с подобной ролью. По их мнению, то был только первый этап революции. Меньшевики предполагали начать подготовку к социалистической революции вскоре после прихода буржуазии к власти[540].

Таким образом, меньшевики, наравне с большевиками, признавали необходимость прихода пролетариата к власти. Разница заключалась в том, что меньшевики не хотели брать власть на этапе свержения самодержавия. Ранний захват власти рабочей партией, по мысли меньшевиков, вел к столкновению рабочего класса с более массовыми слоями общества (прежде всего, с крестьянством), буржуазия же доводила до конца буржуазный этап революции с гораздо меньшими потрясениями[541].

---

[538] Розенталь И.С. РСДРП: «Использование парламентаризма» // Полис. 1993. № 6. С. 150.
[539] Касаров Г.Г. Указ. соч. С. 23, 55-56.
[540] Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов-на-Дону, 1992. С. 119.
[541] Масликова Т.Н. Критика В.И. Лениным взглядов меньшевиков по вопросу о власти в период революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 204.

По вопросу о гегемонии пролетариата меньшевики также придерживались взглядов, сходных с большевиками. Так, в начальный период политической деятельности, критичнее к ближайшим конкурентам относилась как раз будущая правая часть социал-демократии. А.Н. Потресов, ставший вскоре непримиримым противником Ленина в социал-демократических рядах, категорически критиковал тогда политику эсеров: «идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освободительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место»[542].

В 1909 году, в эпоху политического затишья, когда у социалистического лагеря казалось отсутствовали малейшие перспективы, представитель левого меньшевистского крыла А.С. Мартынов подчеркивал, что борьба за гегемонию пролетариата в освободительном движении не была для меньшевиков временной тактической директивой. Пролетариат в России занял место, аналогичное революционной буржуазии во Франции – революционная инициатива сейчас исходит от «низов». «Что касается будущего, то об этом теперь рано гадать. Во всяком случае, необходимо иметь в виду, что из памяти демократии и особенно самого пролетариата не так уж легко будет вытравить сознание того, какую роль пролетариат уже играл в революции в прошлом»[543].

Меньшевики настороженно относились к стихийному крестьянскому движению, но считали необходимым поддерживать правильные, с их точки зрения, требования крестьян о ликвидации помещичьего землевладения[544]. Желая сохранить в процессе передачи земли контроль умеренных слоев общества над радикальным крестьянством, меньшевики разработали проект ее муниципализации. Это означало, что конфискованная у помещиков земля должна была передаваться крестьянам не земельными комитетами, куда в основном вошли бы сами крестьяне, а органами местного самоуправления, земствами, носившими всесословный характер, состоявшими, в том числе, из рабочих и

[542] Искра. 1903. 1 марта.
[543] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 108. Л. 1 (об.).
[544] Касаров Г.Г. Указ. соч. С. 31-32.

интеллигенции[545]. В то же время в меньшевистской программе муниципализации земли имелись антибюрократические тенденции, так как предполагалось, что отвечать за наделение крестьян землей будет местная, а не центральная власть.

Общую умеренность их взглядов следует объяснить тем, что меньшевики были слишком ортодоксальными марксистами, и видели в марксизме не просто научную теорию в сфере социальных вопросов, а высшую истину, которой нельзя противоречить. Они относились к марксизму как к новой вере[546]. Позиция меньшевиков сыграла ключевую роль в острой борьбе начала XX века: именно их концепция ляжет в основу революции, начавшейся в феврале 1917 года.

Большевики, в отличие от меньшевиков не останавливались перед пересмотром тех положений марксизма, которые не действовали в России. Занимая место на крайне левом фланге партийного спектра, в период нахождения у власти крайне правых и правых политических сил, большевики хорошо понимали, что успех может принести только решительная и продуманная тактика.

И главной для большевиков стала идея особой роли партии. Если меньшевики полагали, что социал-демократия должна быть партией рабочих, то Ленин, большевики считали, что социал-демократия должна стать партией профессиональных революционеров - людей, готовых бороться за победу революции, независимо от их социального происхождения. «… организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности… Перед этим общим признаком должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов…»[547].

Однако без рабочих борьба застрянет на полпути и завершится каким-нибудь компромиссом в «верхах», за счет интересов народа. Участие пролетариата позволит довести революцию до решительной победы над старым порядком. Широкая легальная рабочая партия, с системой выборов и регулярных отчетов, в условиях России окажется на руку самодержавию. При деспотическом

[545] Касаров Г.Г. Указ. соч. С. 86.
[546] Тютюкин С.В. Большевизм и меньшевизм: взгляд через столетие // Преподавание истории в школе. 2003. № 6. С. 38.
[547] Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 112.

строе успеха добьется узкая, дисциплинированная организация, так как сложно выследить и арестовать ее членов. Члены же данной партии обязаны смело проникать в массы рабочих, в различные легальные организации, вербовать там своих сторонников, готовя их к всенародному восстанию[548]. Сильная, централизованная партия, подчиненная вождям, есть важнейший двигатель революционного процесса в России, призванный обеспечить победу над самодержавием[549].

Большевики всегда считали, что придут к власти на этапе свержения самодержавия. В ходе свергающего его народного восстания возникнет так называемое Временное революционное правительство, в котором у них окажется ведущая роль. Вместе с тем, на том этапе они еще были готовы заключить союз с другими революционными партиями, и, прежде всего, с эсерами, как одной из самых радикальных партий. Возможный союз с эсерами они характеризовали как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Своим острием этот союз предполагалось направить не в сторону самодержавия, чью судьбу должно было решить всенародное восстание, а против кадетов. Затем в повестку дня, очевидно, должен был войти конфликт с эсерами[550].

Реализация этого сценария вела к трагичной развязке, к кровавой схватке между двумя самыми сильными революционными партиями. Но большевики несколько переоценили собственные возможности. На стадии свержения самодержавия в стране оставалось еще немало других партий, и их приход к власти на данной стадии был маловероятен. Большевикам в определенной мере повезло, что в феврале 1917 года не был реализован их сценарий, потому что тогда они обрекались на поражение. Умеренные элементы русского общества (от октябристов до части социалистов) сплотились бы против них, и так же жестоко подавили большевистское восстание, как и в декабре 1905 года.

Относительная умеренность меньшевиков вызывала сочувствие к ним леволиберальных кругов, кадетской партии. В 1906-1907 годах лидер кадетов

---

[548] Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 219-220.
[549] Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.
[550] Первая революция в России: взгляд через столетие… С. 228.

П.Н. Милюков неоднократно хвалил Г.В. Плеханова за «мягкость» и «мудрость»[551].

Другим потенциальным союзником меньшевиков была партия эсеров. В 1905-1907 годах отношения между ними складывались непросто, они были конкурентами[552]. После 1907 года между партиями наметилось существенное сближение. Меньшевики и эсеры почувствовали возможность выработки срединной, промежуточной тактики: более активной по сравнению с либералами и более осторожной по сравнению с большевиками[553].

Впрочем, еще в период работы II Государственной думы, где почти половина депутатов, более 40 %, принадлежала к социалистическим партиям, меньшевики совместно с эсерами разрабатывали планы действий, которые, на наш взгляд, трудно определить иначе, как экстремистскими – «на случай возможного роспуска Государственной думы ответить боевым выступлением, то есть всеобщей забастовкой и вооруженным восстанием»[554]. По сведениям Департамента полиции при Центральном комитете социал-демократической партии образовался военный секретариат. Расследование, по всей вероятности, данного дела и стало формальной основой роспуска II Государственной думы и обвинения социал-демократической фракции в государственной измене с последующим арестом ее депутатов во главе с кн. И.Г. Церетели[555].

Схема действий революционеров заключалась в следующем. Если правительство потребует роспуска Думы, левая часть депутатов, возможно даже в союзе с кадетами, объявит себя Учредительным собранием, а существующее правительство вне закона. «Выступление начнется с аграрных беспорядков, чтобы таким путем отвлечь войска в уезды, оставить города беззащитными и дать возможность городскому пролетариату во главе с рабочей массой начать восстание. Одновременно начнется всеобщая железнодорожная и почтово-

[551] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С. 65-66.
[552] Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории… С. 61.
[553] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 78-79.
[554] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1244. Л. 23.
[555] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1244. Л. 21.

телеграфная забастовка»[556]. Сегодня этот план воспринимается как утопичный, но не надо забывать, что данная схема во многом повторяла программу, апробированную в 1905 году. Повториться через два года она не могла, но не от принципиальной невозможности, а от усталости населения, которому в 1907 году больше хотелось спокойствия, нежели продолжения смуты. Тем не менее, столь резкая активность меньшевиков позволила в том же 1907 году Ф.И. Дану гордо заявить в подготовленном им докладе, что «наша политическая деятельность не исчерпывается думской ареной и деятельность на этой арене, безусловно, далека от мелкого политиканства, оперирующего… лишь парламентскими группировками и игнорирующего соотношение сил в стране»[557].

Положение большевиков в межпартийной борьбе было сложнее, чем у меньшевиков. Меньшевики находили точки соприкосновения с ведущими оппозиционными и революционными партиями (кадетами и эсерами). Большевики добивались лишь своей единоличной победы[558]. Между тем Ленин видел, что большинство русского общества отрицательно относится к действующей власти. В спектре крупнейших партий с разной степенью интенсивности в оппозиции к власти находилось пять из шести основных партий, за исключением черносотенцев, да и у тех возрастала конфронтационность (вспомним конфликт А.И. Дубровина с правительством). А при таком раскладе сил приход большевиков к власти как партии, находившейся на левом краю спектра, был невероятно сложен. Поэтому неудивительно, что большевики уделяли большее внимание разоблачению не столько правящей власти, сколько сил, потенциально способных перехватить у нее победу. Ленин откровенно писал: «Партии парламентской оппозиции… могут быть опаснее и вреднее, чем партии откровенно и вполне реакционные»[559].

Немалую опасность представляла для большевиков партия кадетов, имевшая возможность, по крайней мере, теоретически, провести реформы по преобразованию самодержавия в конституционную монархию при сохранении

[556] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1244. Л. 15 (об.).
[557] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 241. Л. 5.
[558] Денисова Г.С., Самыгин С.И. Рабочие, большевики, меньшевики и другие // Полис. 1991. № 6. С. 169, 170.
[559] Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 306.

царской администрации, тем самым, исключив возможность победы большевиков. «Поддержка кадетской партии… не может быть задачей социал-демократии. Поддерживать кадетскую Думу мы не можем. Соглашатели и перебежчики во время войны могут быть даже опаснее неприятеля»[560].

Но главную угрозу видели большевики в эсерах, за которыми стояло крестьянство, численно во много раз превышающее рабочих, еще и расколотых между меньшевиками и большевиками. Бороться с влиянием эсеров было сложнее, чем с кадетами. Одним из методов ведения информационной войны с ними со стороны большевиков являлся отказ признавать социалистический характер эсеровской партии. В резолюции, принятой на совещании ЦК, проходившем в 1913 году на территории современной Западной Украины, эсеры назывались «интеллигентской организацией», и обвинялись в неспособности «к планомерному воздействию на ход общественного развития» из-за увлеченности террористическими методами борьбы[561]. Критика эсеров занимала в полемике большевиков с другими партиями первое место. «Сознание особенностей своих классовых интересов от интересов революционной демократии (*то есть эсеров – С.Х.*) заставляет пролетариат организоваться в строго самостоятельную классовую партию»[562].

Считая себя единственной последовательно революционной партией, большевики относились к остальным партиям как к отсталым, и представляли в ряду революционеров особую группу, неохотно вступающую в контакт с другими партиями. «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! – а когда их начинают стыдить,

[560] Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии… С. 310.
[561] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1053. Л. 10-10 (об.).
[562] Ленин В.И. Кадеты, трудовики и рабочая партия // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 145.

они возражают: какие вы отсталые люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти, куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны, бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»[563].

Эта особенность В.И. Ленина не ускользнула от внимания В.Л. Бурцева, прославившегося в социалистических кругах разоблачением провокаторства Е.Ф. Азефа. «… Ленин и его товарищи прежде чем являться борцами против Ник (олая) II и его орды, являются врагами и своих ближайших единомышленников, врагами с.-р., врагами освобо (ж/д/е/н/ц/е/в) и т. д. А для меня все (и с.-р., и с.-д., и освобожденцы) – товарищи, пока не хватают за горло других революционеров»[564].

Вместе с тем нахождение большевиков на крайне левом фланге давало им и определенное преимущество. Длительное время власть недооценивала их, воспринимая в качестве основных противников кадетов в оппозиционном движении, и эсеров – в революционном. Лишь примерно с 1912 года у власти несколько изменилось отношение к большевикам[565]. Те тогда начали выдвигаться на заметные позиции, в то время как эсеры переживали колоссальнейший идеологический и организационный кризис.

Меньшевизм как политическое течение не был однороден. Внутри него выявилось несколько течений.

На правом фланге меньшевизма находились ликвидаторы, выступавшие против сохранения РСДРП в старом виде и предлагавшие отстаивать узко профессиональные интересы пролетариата. Они начинали пропагандировать отказ от идеи гегемонии рабочего класса в антиправительственном движении, и стремились к интеграции пролетариата в официальную систему, созданию

---

[563] Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9-10.
[564] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 97. Л. 15.
[565] История политических партий России… С. 283-284.

легальной рабочей партии, готовой к планомерной защите интересов пролетариата во всех сферах жизни. По их убеждению, России нужны социальные реформы, наподобие проводившихся в Пруссии, а сама партия обязана стремиться к легальному статусу, аналогичному германской социал-демократической партии[566]. При этом правые социал-демократы понимали, что полная легализация социалистической партии пока невозможна, и призывали готовить создание такой партии усилением активности в действующих открыто организациях, и, прежде всего, в профсоюзах[567]. Ликвидаторские идеи проповедовали А.Н. Потресов, П.А. Гарви, В.О. и С.О. Цедербаумы (братья Мартова) и другие. Однако ликвидаторство не взяло верх даже в чисто меньшевистской среде[568].

С 1908 года вокруг Г.В. Плеханова собирались сторонники так называемого партийного меньшевизма, требовавшие сохранения нелегальных социал-демократических организаций и революционного подполья, восстановления гегемонии пролетариата, усиления борьбы с либералами[569]. С мая 1909 года Плеханов выпускал «Дневник социал-демократа», стержнем которого была острая критика ликвидаторства[570]. Намечающееся сближение Плеханова с большевиками вызывало максимальное раздражение на ближайшем, левом фланге меньшевизма. Угроза возрождению единого партийного центра в России, замечал А.С. Мартынов, исходила теперь не от большевиков, а «со стороны наших же товарищей лицемеров». С их помощью большевики в силах создать свой ЦК, провести сепаратную конференцию и организовать работу на местах[571]. Его предвидение сбылось. В 1912 году, когда в Праге пройдет конференция большевистского крыла РСДРП, в ней примут участие меньшевики-партийцы. С того времени большевистский ЦК будет функционировать самостоятельно, вплоть до 1917 года, окончательно разделившего меньшевиков и большевиков.

---

[566] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4514. Л. 36-36 (об.).
[567] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4514. Л. 36 (об.).
[568] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 120.
[569] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
[570] Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста… С. 280-281.
[571] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 126. Л. 2-3.

Внутри меньшевистского движения партийный меньшевизм не сумел стать крупной силой. С переходом Плеханова на сторону большевиков его позиция утрачивает доверие у меньшевистской верхушки. Многие из них утвердились во мнении, что причиной расхождения патриарха марксизма с прежними соратниками стала личная обида, связанная с публикацией в знаменитом пятитомнике «Общественное движение» статьи А.Н. Потресова[572]. Плеханов, «начав с недовольства исторической статьей т. Потресова и с расхождений по этому исключительно поводу… постепенно и стихийно пришел к поддержке всей большевистской внутрипартийной политики… повторив, таким образом, великую ошибку, которую он уже раз сделал в 1903г. на лондонском съезде, попавши на буксир к Ленину и К°…»[573].

Меньшевики, несомненно, могли бы и расколоться, если бы не стабилизирующая роль заграничного меньшевистского центра (Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, А.С. Мартынов), сложившегося вокруг газеты «Голос социал-демократа» (1908-1911, Женева – Париж). «Голосовцы» стремились сгладить внутрименьшевистские противоречия, беря «ликвидаторов» под защиту от критики плехановцев. «Ликвидаторы относятся к числу таких элементов рабочего движения, к которым социал-демократы никогда не должны становиться во вражеские отношения…»[574]. При этом меньшевистские центристы не доходили до мысли о полном отказе от нелегальной социал-демократической партии. Разговоры Плеханова о революционном подполье, по их мнению, являлись пустопорожними, ведь для настоящего революционного подполья еще не возникло почвы. А когда будет, «мы лучше, а не хуже его, сумеем сделать подпольное дело»[575].

В организационной сфере сторонники Мартова и Аксельрода, наряду с ликвидаторами, задумывались о создании новой, более демократической рабочей партии или, по крайней мере, о коренном реформировании структур в старой. По Дану, суть спора с плехановцами состояла не в необходимости сохранения

[572] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.
[573] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 138. Л. 5.
[574] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.
[575] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

партии, а в вопросе о методе построения партии. Это «тот самый вопрос, который – в другой плоскости – разделил нас на 2 съезда»[576]. В чем обвиняют «Голос»? – спрашивал меньшевик Н.В. Рамишвили. В том, что он якобы не хочет РСДРП, а приглашает строить новую партию. Большевики не хотят новой партии и не желают никаких реформ в старой. Мы же, восклицал меньшевик, и за старую, и за новую. «Прежде всего, за старую, при этом употребляя все усилия для ее реформы. А что она приобретет новый дух, не подлежит сомнению»[577].

А.С. Мартынов в направленном в Россию для группы меньшевиков письме делал вывод о важности соединения партией нелегальной и легальной работы. Постепенно выясняется, что главные очаги социал-демократического движения формируются вокруг открытых и полуоткрытых организаций пролетариата (думская фракция, профессиональные союзы, клубы), в которых преимущественно работают меньшевики, и эта работа страдает бедностью политического содержания в значительной мере потому, что не поддерживается подпольной партией[578].

Ф.И. Дан в письме К. Каутскому подчеркивал, что партия, вступив на путь борьбы с ликвидаторами, совершила серьезную ошибку, так как «все, что в русском рабочем движении представляет из себя живого и – что еще важнее – является носителем будущего, все это проходит мимо нашей партии и концентрируется в “легальной деятельности»[579].

Это была реакция на большевистский сверхцентрализм, тяготение большевиков к культу профессиональных революционеров как к некоему иезуитскому ордену, состоявшему из облеченных особым доверием «агентов». «Голосовцы», в том числе Мартов, подвергали большевиков жесткой критике за сохранение внутри внешне единой партии особой, фракционной дисциплины[580].

Но и в рядах большевиков, несмотря на жесткую дисциплину, также возникали свои разногласия.

---

[576] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 103. Л. 2-2 (об.).
[577] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 149. Л. 3-3 (об.).
[578] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.
[579] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 132. Л. 7-8.
[580] Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 154-155.

Из большевистской организации выделились две группы: отзовисты и большевики-партийцы.

Отзовисты, находясь на левом фланге большевизма, выражали недовольство тем, что большевики, начиная со II созыва, принимают участие в работе Государственной думы. Они потребовали отозвать большевиков из Государственной думы, прекратив всякую работу в легальных организациях, и перенести ее исключительно в нелегальную сферу.

К отзовистам примкнули и более умеренные (А.А. Богданов, М.Н. Лядов, А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский), предложившие поставить перед думской фракцией ультиматум о радикализации тактики, и если она не станет революционной отозвать фракцию из Думы. Отзовисты и ультиматисты объединились в группу «Вперед» и стали выпускать газету с одноименным названием. Впередовцы отстаивали курс на подготовку вооруженного восстания, укрепления нелегальных парторганизаций, развертывания пропаганды в войсках. Впередовцы считали вредным само наличие социал-демократической фракции в «реакционной» Думе[581].

Этой группе противостояло партийное большинство во главе с Лениным. В.И. Ленин и его ближайшие соратники (Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев) доказывали, что поскольку до революции еще далеко, надо сочетать нелегальную работу с легальной, в частности, используя думские возможности[582]. В.И. Ленин, критично относившийся и к консервативным, и к либеральным партиям, настаивал, что не видит особых различий между двумя первыми Думами и III. Провозглашать бойкот Думы на основании того, что благоприятный для кадетов избирательный закон заменен благоприятным для октябристов, значит «не только заменять выдержанную революционную работу революционной нервозностью, но и обнаруживать господство над самими социал-демократами худших иллюзий насчет кадетской Думы и кадетской конституции»[583].

---

[581] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 75. Л. 1; Пономарева И.А. Теоретические разногласия в РСДРП (1907-1910). М., 1991. С. 53, 61.
[582] Никонов В.А. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 89.
[583] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

Между впередовцами и ленинцами, еще недавно вместе боровшимися с меньшевиками, разгорелась настолько острая вражда, что в 1909 году вслед за реальным расколом произошел и формальный. «Впередовцы» выделились в самостоятельную фракцию внутри РСДРП[584].

Позднее, в 1910 году, от большевиков откололась еще одна небольшая группа, принявшая название большевиков-партийцев (примиренцев): С.А. Лозовский, А.И. Рыков, В.П. Ногин, Я.Ф. Дубровинский и другие. Большевики-партийцы стояли за тесный блок с плехановскими меньшевиками-партийцами и терпимо относились к ликвидаторам. В 1910-1911 годах меньшевики-партийцы, не без влияния большевиков-партийцев тесно сблизились (несмотря на организационные разногласия) с ленинцами[585].

Из ведущих российских партий начала XX века самым тяжелым было положение РСДРП, находившейся на периферии политического процесса. Социал-демократы официально выступали от имени рабочего класса, провозглашая себя пролетарской партией. Однако пролетариат составлял незначительную часть населения, не более 12 %, и потому рассчитывать на победу в общей межпартийной борьбе при опоре на него было сложнее всего. Еще более осложнил взаимодействие партии с рабочими раскол, происшедший на II съезде, в ходе которого образовались две фракции – большевики и меньшевики. Тем ревностнее обе фракции РСДРП относились к попыткам других партий покровительствовать рабочему классу. А к таким партиям, по меньшей мере, принадлежали эсеры и кадеты, полагавшие, что в условиях обострения политической обстановки в России роль пролетариата окажется, если не самой главной, то все же достаточно значимой. Это способствовало некоторой конфронтационности социал-демократов по отношению к указанным выше партиям. Характерно, что на этапе возникновения РСДРП, критичнее всего к эсерам были настроены вовсе не большевики, а правая часть социал-демократии во главе с А.Н. Потресовым, их будущие союзники.

---

[584] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 254. Л. 8 (об.)-9, 9 (об.); ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1053. Л. 5, 5 (об.), 6 (об.).
[585] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 145. Л. 1 (об.), 2; История политических партий России… С. 277.

Перед объединенной РСДРП предельно конкретно вставал вопрос: каким образом возможно усиление влияния социал-демократической партии на общеполитические процессы? Меньшевики предпочли в этой ситуации налаживать отношения со смежными партиями, особенно с теми же эсерами и кадетами. С эсерами меньшевики вступили в долгосрочный союз. С кадетами отношения были сложнее, но в целом определенные точки соприкосновения находились и с ними. В сотрудничестве с другими партиями меньшевики надеялись повысить удельный вес партии в борьбе за власть. При этом они были готовы предоставить рабочему классу большую долю самостоятельности, и наиболее активно защищать экономические интересы рабочих. Большевики избрали в сложившихся условиях противоположную стратегию. Партия должна была бороться за взятие власти на этапе свержения самодержавия, а для этого требовалось максимальное ограничение контактов с другими партиями, особенно конкурентными, и в переподчинении рабочего движения виделся существенный ресурс для усиления партийного влияния. От рабочих требовали отказа от борьбы за узко профессиональные интересы, и полного подчинения большевикам, как политическому авангарду. Обе эти стратегии были радикальными и носили революционный характер, но настолько разительно отличались друг от друга, что, в конечном счете, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки сохранить единство партии, неминуемо обрекали РСДРП на раскол, и на образование на базе обеих фракций отдельных, самостоятельных партий – большевиков и меньшевиков, что произошло окончательно только в 1917 году.

Развернувшаяся в начале XX века борьба получилась такой острой вследствие глубоких разногласий между всеми участниками политического процесса. Партийная карта России была очень пестрой, напоминая лоскутное одеяло. Все шесть ведущих партий страны, разделенных на три политических лагеря – монархический (правый), либеральный и революционный, являлись самостоятельными силами. Имелись и другие линии разделений: кадеты и более левые партии социалистической направленности, входили в интеллигентское сообщество, разжигавшее революционные настроения, а партии, находившиеся

правее, надеялись предотвратить революцию в России. Эта граница проходила внутри либерального лагеря, между кадетами и октябристами.

Каждая из основных партий, представляла своеобразный, особый мир и, имея собственное видение ситуации, надеялась реализовать исключительно свою доктрину. Проведенный нами анализ взаимоотношений между ними показывает, что, несмотря на отдельные тактические союзы между ними, в целом у них преобладало негативное отношение друг к другу. Особенно это было характерно для партий, находящихся в соседних лагерях. Входящие в революционный лагерь партии видели не только в консерваторах, но и в либералах, включая кадетов, представителей отживающего мира, подлежащего устранению. Аналогично складывались взаимоотношения между силами, призванными защитить от социалистов политическую систему дореволюционной России. Критика консерваторов и либералов чаще распространялась соответственно на ближайшие к ним центристские и правые партии, чем на левый фланг партийного спектра. Более того, конфликтность возникала и у партий, относящихся к одному лагерю, как это было у либералов (кадетов и октябристов) или социалистов (эсеров и социал-демократов, дополнительно расколовшихся на большевиков и меньшевиков).

Причем, как правило, отношения между партиями, располагавшимися по соседству, отличались самой непримиримой враждой. Исключением стали только эсеры и меньшевики, сумевшие договориться о совместных действиях. При этом нельзя игнорировать еще более сложные фракционные отношения внутри каждой из партий (включая большевиков), создававшие дополнительные сложности для выработки ими эффективной стратегии и тактики. Эта особенность межпартийных взаимоотношений в России затрудняла возможность мирного разрешения глобального политического конфликта.

Другим важным фактором, повлиявшим на характер политической борьбы в начале XX века, следует признать то обстоятельство, что подавляющее большинство из рассмотренных нами партий, хотя и с разной степенью интенсивности, было настроено критично по отношению к власти. Лишь две

политические силы, черносотенцы и октябристы, вопреки оппозиционным настроениям, преобладавшим в обществе, были готовы предложить свои услуги престолу, но ни одна из них не оценивала политическую обстановку в стране приблизительно так, как императорская власть. С одной стороны, царь был гораздо прогрессивнее черносотенцев, уверявших, что они стремятся оказать ему наиболее последовательную поддержку. Николай II был реалистичнее их и не мог пойти на реализацию программы, предлагавшейся ими, полностью отказавшись от курса на капитализацию страны. С другой стороны, октябристы превосходили в радикализме самого Николая II. В такой ситуации сильно затруднялось проведение октябристской программы в полном, неурезанном виде.

В этих условиях, при наличии у царской власти большого числа противников, межпартийная борьба в России принимала не бутафорский, а самый реальный характер. Непримиримость партий к власти накалила политическую обстановку, и это притом, что почти все партии были максимум полулегальны (кадеты и отчасти даже октябристы), и у них не было реальных рычагов для легального воздействия на власть, за исключением деятельности в Государственной думе и местных земских органах. В создавшейся ситуации исход борьбы был совершенно непредсказуем. Победить могла любая политическая сила, пытавшаяся заключить союз с самодержавием, или противостоявшая ему (от черносотенцев, и кадетов с октябристами, до большевиков).

Каждая из рассмотренных нами партий, так или иначе, имела, по выражению С. Цвейга, свой «звездный час», когда могла подчинить себе органы государственной власти, либо добиться более успешной, согласованной их деятельности. Таким образом, в ходе рассмотрения политических событий, происходивших во временном интервале с 1905 по начало 1920-х годов, нами будут исследованы попытки ведущих российских партий начала XX века повлиять на деятельность государственной власти, изменить ситуацию в ней, и последствия для нее взаимоотношений, сложившихся между основными партиями того периода.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ МЕЖПАРТИЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (1905 - ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДОВ)

3.1. Борьба интеллигентских партий против правительства в условиях революционного кризиса 1905-1907 годов

В 1905-1907 годах противоречия между властью и обществом впервые после подавления восстания декабристов переросли в открытый конфликт. Выход на политическую арену широких народных масс, казалось, выдвигал на передний план социалистов, но они оказались к этому не готовы, и первоначально возглавили борьбу с самодержавием либералы[586].

Активизацию либералов вызвало убийство эсерами министра внутренних дел В.К. Плеве, деятельность которого показала, что управлять страной методами самодержавия становится все сложнее. Самую большую угрозу для власти представляли не террористы - проблема заключалась в том, что им сочувствовало большинство общества. У вступившего в августе 1904 года на пост министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского и появилось стремление сблизить позиции государства и образованных слоев. Он предложил царю расширить полномочия органов местного самоуправления и привлечь земских представителей к участию в государственных делах, пусть и на основе ограниченных, совещательных прав.

Начало этого процесса выглядело обнадеживающе. Идею проведения легального земского съезда, возникшую при назначении Мирского, одобрили оба фланга российского либерализма: и будущие кадеты, и будущие октябристы. Первоначальная повестка съезда содержала сугубо внутренние земские вопросы. Сорвало намечающийся компромисс желание земцев закрепить перемены в

[586] Конечно, наиболее действенно проявили себя в 1905-1907 годах черносотенцы, но в этом параграфе события будут рассматриваться через призму сил, противостоявших самодержавию. На наш взгляд, гораздо более важными для данной работы представляются стремления правых предотвратить революцию 1917 года, освещаемые в дальнейшем. Что касается показа действий правых в 1905-1907 годах, то они рассмотрены во второй главе.

правительственной политике. По словам Д.Н. Шипова, одного из самых умеренных земцев, «доверие к обществу провозглашено пока только лицом, поставленным во главе министерства внутренних дел», но «это чувство» необходимо усвоить всей государственной власти[587]. Либеральные высказывания Мирского внушили земцам надежду, что правительство не откажется от обсуждения на съезде политических вопросов. Консервативное меньшинство считало подобные ожидания слишком революционными, однако более радикальное большинство уверило их, что правительство выслушает весь спектр мнений, и они согласились на включение конституционных вопросов в повестку будущего съезда, назначенного на начало ноября[588].

Мирский получил от Николая II согласие на проведение съезда, еще не зная об изменении повестки мероприятия. Узнав об этом, он обратился к Шипову, организатору съезда с земской стороны, с требованием отложить его на несколько месяцев. В ответ на заявление Шипова о невозможности перенести съезд, Мирский разрешил провести его под видом частного совещания[589]. Данное решение и предопределило неудачу начинания министра: частный статус означал, что на съезде будут присутствовать не две стороны (власть и земцы), как ожидалось, а только одна. Предоставленные сами себе земцы приняли максимально радикальный из возможных вариантов. Резолюция съезда требовала создания законодательного народного представительства, способного контролировать исполнительную власть бюрократии. Впервые в истории России законно созванное собрание, хотя и под видом частного совещания, призывало к введению конституции и парламента, правда, не применяя в самой резолюции этих запрещенных слов[590]. Состоявшийся съезд имел исключительно негативные последствия, ухудшив отношения интеллигенции с умеренным крылом власти.

Парадокс ситуации осени 1904 года заключался в том, что конфликт разворачивался между прогрессистскими силами, желавшими изменений в государственном строе. Радикальные общественные силы, не соглашаясь на

[587] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 27.
[588] Там же. С. 27-28.
[589] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 375-376.
[590] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.. 1992. С. 235.

меньший вариант, чем тот, который они приняли, начали борьбу за принятие собственной программы и вступили в спор с Мирским. Левые либералы из «Союза Освобождения» для распространения информации о принятом ими проекте начали кампанию банкетов, на которых поднимались тосты за свободу и конституцию[591]. Святополк-Мирский рассылал местным властям секретные циркуляры с требованием не допускать банкетных собраний либералов и разгонять их[592].

Одновременно он подготовил совместно с ближайшими помощниками (ректором Московского университета кн. С.Н. Трубецким, чиновником министерства внутренних дел С.Е. Крыжановским и директором Департамента полиции А.А. Лопухиным) альтернативный проект реформ, имевший для 1904 года не менее революционное значение. Министерский вариант предлагал ввести в Государственный совет выборных представителей от губернских земских собраний 34 губерний, наделенных правами земского самоуправления, и городских дум наиболее крупных городов в стране[593]. Предполагалось создать для них специальную парламентскую палату в виде Особого совещания, отделенную от Государственного совета, для того чтобы она первой рассматривала вносимые в Госсовет предложения (так мог появиться прообраз двухпалатного парламента)[594].

Но эти разработки уже не несли никаких перспектив. Основной причиной неудачи Святополк-Мирского, стремившегося к гражданскому миру, явилось вовсе не своекорыстие властей, как принято считать, а непримиримость оппозиции, не удовлетворившейся замыслами министра, мечтавшего о соглашении власти с обществом[595]. Ведь предложения министра, обсуждавшиеся на совещании 2 декабря 1904 года под руководством Николая II, при любом исходе не удовлетворяли радикальную либеральную общественность. И, следовательно, то, что из текста итогового документа совещания в последний

[591] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов. М., 1985. С. 295-297.
[592] Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006. Л. 61.
[593] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 872. Л. 51 (об.), 55.
[594] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 872. Л. 53.
[595] ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 233. Л. 25-25 (об.).

момент был исключен пункт о создании выборной палаты, лишь способствовало охлаждению отношений власти и общества, но не было первопричиной их распрей. А оттого возможное сохранение исключенного положения, и попытки его реализации, будь они предприняты, никак не влияли на уже определившийся характер взаимоотношений радикальной общественности с государственным руководством.

Обострение ситуации, вызванное банкетной кампанией, виделось выгодным либералам, так как соединяло их с мощнейшим народным движением. Через Г.А. Гапона, руководившего легальной рабочей организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», либералы проникали в рабочую среду. Это общество изначально создавалось полицией в целях борьбы с революционным движением. Инициатор его создания, С.В. Зубатов, полагал, что предложенное рабочим легальное обсуждение экономических проблем отвлечет их от революционного движения. Отстранение Зубатова с поста заведующего особым отделом Департамента полиции оставило священника без куратора[596]. Полиция с большой тревогой следила за деятельностью нового бесконтрольного руководителя: к концу 1904 года численность возглавляемого им Собрания возросла до 11 тысяч членов и 8 тысяч кандидатов[597].

Ощущая поддержку рабочих, Гапон решил присоединиться к либералам[598]. Удобный случай представился с увольнением в начале января 1905 года четырех рабочих Путиловского завода – членов Собрания. Рабочие увидели в этом гонение на организацию и объявили забастовку. По примеру банкетной кампании либералов Гапон намеревался вручить царю петицию от рабочих в ходе демонстрации, назначенной на 9 января.

Таким образом, кровавое воскресенье оказалось звеном в цепи борьбы либералов с правительством, начатой в ноябре 1904 года. Хотя социалисты, включая большевиков, пытались радикализировать требования рабочих, основные

---

[596] Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма» // Вопросы истории. 1998. № 11/12. С. 96-97, 104.
[597] Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 39, 44-45.
[598] Гапон Г.А. История моей жизни. Л., 1925. С. 72.

положения петиции оставались либеральными[599]. В конце ноября Гапон распространял в руководимом им Собрании резолюции земского съезда и публикации «Союза Освобождения»[600].

Власть пыталась приостановить натиск оппозиционной общественности, продолжавший стремительно нарастать после расстрела рабочих. По мнению министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, высказанному в январские дни в личной беседе с императором, наибольшую угрозу для самодержавного режима продолжала представлять интеллигенция. Наиболее надежный способ ее изоляции Ермолов видел в созыве совещательного Земского собора из представителей всех подданных, без различия социального положения. Он был убежден, что подавляющее большинство простого народа заглушит в этом собрании голоса, требующие конституции[601].

Через месяц, 18 февраля, Николай II последовал совету министра, сообщив о намерении создать новый орган, представительную Государственную думу[602]. Однако указ, вместо успокоения, стал катализатором недовольства. Контроль над разработкой полномочий данного парламентского учреждения с общественной стороны перешел к левому, интеллигентскому крылу либералов[603].

Председатель I Думы С.А. Муромцев видел в ноябрьском земском съезде истоки формирования кадетской партии[604]. Радикальные либералы из Союза Освобождения, ставшие позднее, осенью 1905 года, основой партии кадетов, тогдашней активностью инициировали процесс партогенеза, и тот вышел из-под контроля правительства. Формирование в 1905 году партийной системы стало возможно вследствие возникшего конфликта радикальной части либерального лагеря с властями. Идея создания партий принципиально исходила от оппозиции, и все правительственные действия в этом направлении являлись лишь ответом, реакцией на нее.

---

[599] Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе. Свободное размышление строго по документам. СПб., 1992. С. 340-341.
[600] Там же. С. 336-337.
[601] Пайпс Р. Указ. соч. С. 37-38.
[602] Леонтович В.В. Указ. соч. С. 404.
[603] Там же. С. 402, 403-404, 405-406.
[604] ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Политическое лидерство либералов в антиправительственной среде проявилось в создании ими такой мощной организации, как Союз Союзов[605]. Перед данной структурой стояла задача установить контакты с левыми партиями и совместно с ними разработать общую политическую платформу[606]. 8 мая 1905 года председателем Союза Союзов избрали будущего лидера кадетов П.Н. Милюкова, готового во имя свержения существующего строя взаимодействовать с социалистами[607].

До осени социалисты боролись за демократизацию государственного строя совместно с либералами. Обе оппозиционные силы объединяло неприятие правительства. Неудачно складывающаяся война с Японией благоприятствовала усилению популярности социалистов[608]. В.А. Поссе утверждал, что в России вообще нет «думающих революционеров», не желавших поражения России и не радующихся падению Порт-Артура[609]. Либералы, вовлеченные во внутреннюю борьбу, также были готовы зайти достаточно далеко в противоборстве с государственным режимом. Кадетская партия действовала не менее жестко, чем социалисты, и апеллировала к общественному мнению Европы с критикой российского правительства, обращаясь, в том числе, к будущему противнику по Первой мировой войне - Германии[610]. Широкую известность приобрел эпизод с получением русским правительством кредита в Лондоне и Париже в 1906 году. Члены кадетской партии, находившиеся в Париже, убеждали правительство Франции отказать России в предоставлении кредита[611].

Правительство опасалось сохранения союза либералов и социалистов. Но политические программы у них кардинально различались и неизбежен был «момент расхождения по разным путям» бывших союзников[612]. Их союз действовал некоторое время исключительно потому, что политический вес социалистов намного уступал либеральному. В.И. Ленин признавал, что до

[605] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 347.
[606] Дмитриев С.Н. Союз Союзов и профессионально-политические союзы в России. 1905-1906. М., 1992. С. 6.
[607] Дмитриев С.Н. Союз Союзов в годы первой российской революции // История СССР. 1990. № 1. С. 44, 45.
[608] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 299. Л. 4.
[609] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 109. Л. 33 (об.)-34.
[610] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 286. Л. 4-4 (об.).
[611] ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 (об.); Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М., 1986. С. 72.
[612] ГАРФ. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 9. Л. 615.

октября 1905 года полное и безраздельное господство в антиправительственной борьбе принадлежало либералам. «Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад»[613].

Максимум, чего удалось социалистам добиться за период весны-лета 1905 года собственными усилиями, – организовать сугубо локальные забастовки и восстания. Социал-демократы провели мощную забастовку в Иваново-Вознесенске, где впервые появился такой институт, как Совет рабочих депутатов. Руководивший забастовкой орган просуществовал 72 дня и стал прообразом других подобных организаций, возникших вскоре по всей России[614].

Шанс на увеличение влияния социалистам давало лишь объединение усилий. И такую попытку предпринял все тот же Г.А. Гапон, выехавший после 9 января за границу, где он вошел в контакт с В.И. Лениным и Г.В. Плехановым. Ленин проявил явный интерес к человеку, воспринимавшемуся «живым куском нараставшей в России революции», и «тесно связанным с рабочими массами, которые верили ему»[615]. Параллельное сближение с эсерами позволило Гапону опубликовать «Открытое письмо к социалистическим партиям России» с призывом объединить все наличные силы для проведения совместного вооруженного восстания, и созыва конференции социалистических партий и организаций России. Данное письмо, направленное на объединение действий эсеров и большевиков, встретило широкую поддержку социалистической прессы[616].

На конференцию не приехали лишь меньшевики. Ведь они тяготели к либералам, а социалисты собирались организовать восстание во многом против них. Зато большевиков представлял сам Ленин. Проходила встреча в Женеве со 2 по 8 апреля (нового стиля) 1905 года. Однако, поняв, что здесь доминируют

---

[613] Ленин В.И. Первая победа революции // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.
[614] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 105-106.
[615] Головков Г.З. Указ. соч. С. 35-36.
[616] Максимова Л.М. Георгий Гапон и русская политическая эмиграция в Европе // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 2. С. 59-60.

эсеры, Ленин покинул собрание. Остальные участники конференции приняли две декларации, и тем закончилась попытка объединения социалистических сил[617].

С принятием Манифеста 17 октября 1905 года, узаконившего деятельность партий, С.Ю. Витте достиг поставленной цели - относительное единство прежних союзников по антиправительственной борьбе переросло в открытую враждебность[618]. Первыми из социалистов открыто против либералов выступили большевики. В.И. Ленин полагал, что если кадеты закрепят лидерство над народными массами, договорившись с властями о либерализации системы, планы большевиков никогда не осуществятся. Нельзя предоставить либералам возможность закрепить успех. Ведь «манифест царя содержит одни обещания… Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделывающихся одними словами да обещаниями?»[619].

Большевики на тот момент были свободны в своих действиях: в течение года (между III и IV съездами РСДРП) они фактически являлись самостоятельной партией, независимой от меньшевиков. В декабре 1905 года большевики попытались осуществить решения III съезда о вооруженном восстании[620]. Им удалось организовать восстания в целом ряде городов: Новороссийске, Чите, Ростове-на-Дону и других[621].

Но особое значение приобрело Московское восстание. Это была первая, по-настоящему крупная акция, в принципе удавшаяся какой-либо из социалистических партий. Несмотря на то, что данное восстание закончилось закономерным поражением, оно приобрело характер военных действий. Три завершающих дня, с 17 по 19 декабря 1905 года, восставшие, сосредоточившись в районе Пресни, вели упорную борьбу с известным соединением русской императорской армии – Лейб-гвардии Семеновским полком, прибывшим из Петербурга. «Во многих местах полк встретил со стороны революционеров

---

[617] Усыскин Г. Поп Гапон // Родина. 1993. № 12. С. 26-27.
[618] Волобуев О.В., Шелохаев В.В. «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль-XXI. 2005. № 1. С. 187-188.
[619] Ленин В.И. Первая победа революции //Полн. собр. соч. Т. 12. С. 30.
[620] Первый штурм царизма, 1905-1907. М., 1986. С. 122.
[621] Шацилло К.Ф. 1905 год. М., 1980. С. 171.

упорное вооруженное сопротивление, и некоторые дома приходилось брать с боя»[622].

Сложившаяся в Москве сильная большевистская организация страстно стремилась выполнить решение партийного съезда. В воззвании Московского Совета рабочих депутатов, помещенном в первом номере большевистской газеты «Вперед», содержался призыв к рабочим начать подготовку к восстанию. «Из октябрьской забастовки рабочий класс вынес драгоценную уверенность, что его мощь и стойкость зависят от его организации и сплоченности»[623]. Но Москва не была столицей и рассчитывать, что московские большевики, даже при самых благоприятных обстоятельствах, способны организовать всероссийское правительство, и хоть на какое-то время стать опасным противником для государственной власти, не приходилось. Отсутствие восстания в Петербурге было серьезной неудачей - в составе столичного Совета у большевиков было не более 10% депутатских мест. Вместе с тем нельзя сказать, что эти восстания были сугубо большевистскими. В них участвовали члены и других социалистических партий. Так, в Московском восстании участвовало около 300 эсеров и 250 меньшевиков[624].

Декабрьские восстания показали рост самостоятельности социалистического движения. Решительный настрой, проявляемый либералами в 1904-1905 годах, не спасал их от общей критики социалистов. Так, социал-демократ Г.А. Куклин упрекал легальных оппозиционеров в том, что, устроив в ноябре «полу-тайный съезд», они якобы довольствовались на нем «скромной ролью просителей» и больше не говорили об открытом съезде[625]. Хотя в реальности они были там не просителями, а требователями, ради реализации своего утопичного плана поднявшими на дыбы всю страну. Однако кадеты, не сделав никаких практических выводов из Московского восстания, продолжали считать себя выразителями интересов всего народа, поднявшегося на борьбу с самодержавием. «Если все против власти, значит власть против всех» -

[622] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1053. Л. 1, 1 (об.).
[623] Вперед. 1905. 2 декабря.
[624] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 95.
[625] РГАСПИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 222. Л. 3, 4.

легкомысленно писал Милюков в статье, анализирующей Московское восстание[626].

Тем не менее, в ходе революционного кризиса 1905-1907 годов кадеты оставались единственной партией, имевшей возможность добиться вхождения оппозиционной общественности во властные структуры. Они были тогда осевой партией. От их способности правильно оценивать происходящее зависело, удастся ли России совершить шаг вперед в политическом развитии. Кадетская партия могла, используя условия первой революции, заключить союз между троном и подавляющим большинством интеллигенции, предотвратив этим дальнейшие потрясения в стране, приведшие к 1917 году.

Кадеты полагали оптимальным результатом своей деятельности - принятие конституции независимым от царя Учредительным собранием через народных депутатов, избранных на основе всеобщего избирательного права. Ее центральным положением они хотели видеть вопрос о взаимоотношениях парламента с правительством. Правительству, по замыслу кадетов, следовало выбираться из депутатской среды (парламентского большинства), и монарх при таком подходе лишался возможности руководить его работой. При согласии Николая II защищать новый строй от давления на него и крайне правых (черносотенцев), и крайне левых (социалистов), кадеты не возражали против сохранения за императором до созыва Учредительного собрания контроля над армией и силовыми министерствами.[627].

Власть, конечно, не была готова к принятию мер, предусматривавшихся кадетской программой-максимум, однако партия не настаивала на обязательности созыва Учредительного собрания, и ее вполне устраивало некоторое расширение прав Государственной думы. Сотрудничество с кадетами на почве второго варианта не исключалось, но принятие решения об этом зависело от Николая II, и условием такого союза являлась готовность кадетов на контакты с правительством. Затрудняла эти взаимоотношения, прежде всего, психология

[626] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 351.
[627] Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 10-11.

самих либеральных радикалов, настроенных на революционное разжигание конфликта с властями. Партия, причислявшая себя к освободительному движению, придерживалась радикальных полусоциалистических взглядов.

Между тем, занимай кадеты более взвешенную позицию, как ни странно, потенциально их готов был поддержать даже В.И. Ленин, видевший функциональных противников в умеренных социалистах. Столкновение большевиков с кадетами не выглядело обязательным: партии могли играть на разных политических полях. Ленин допускал вероятность того, что если кадеты, ограничившись буржуазными требованиями, добьются установления парламентского строя, при котором парламент станет реальной ареной борьбы социально-политических интересов, а революционное движение в этот момент будет отсутствовать, «поддержка партии кадетов в парламенте против всех правее стоящих партий» станет «безусловной нашей обязанностью»[628]. В то время как полусоциал-демократическая программа кадетов ставила перед большевиками много проблем. Максималистские планы ведущей либеральной партии осложняли положение большевиков, поскольку реализация кадетской программы потенциально удовлетворяла многих рабочих.

Радикальные настроения мешали и самим кадетам. За бравыми партийными декларациями просматривалось серьезное опасение, что народные массы вовсе не готовы идти безоговорочно за ними. «Но для того, чтобы предстоящая борьба с реакциею и предлагаемыми правыми партиями полумерами была действительно успешна и плодотворна, необходимо, чтобы представители наши имели постоянно полную уверенность в том, что требования их предъявляются от большинства сознательного населения…»[629]. Кадеты обращались к избирателям с призывом образумиться и, поддержав народное представительство, связать с Думой все помыслы на улучшение ситуации в стране. Человек «не имеет права браться за оружие, пока не исчерпаны все другие средства борьбы»[630].

---

[628] Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 308.
[629] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 241. Л. 1.
[630] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 6 (об.).

Массовая террористическая кампания, развернутая в 1906 году эсерами, все же вынудила правительство заняться поисками возможностей привлечения кадетов к власти. Получив известия о том, что конституционные демократы на выборах в I Государственную думу стали крупнейшей парламентской фракцией, заняв 184 из 477 депутатских мест, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов считал, что восстановить положение в России под силу только им. Он выразился так: «Когда дом горит, приходится прыгать и из пятого этажа»[631]. Власть, по крайней мере, на правительственном уровне, соглашалась с необходимостью привлечения кадетов в правительство. Споры вызывал только вопрос: правительство должно полностью состоять из кадетов, или ему лучше быть коалиционным, включая, кроме них, и более правые группы, например, октябристов.

Один из проектов исходил от министра внутренних дел П.А. Столыпина, который, критически относясь к кадетам, подготовил специальный доклад, тщательно анализировавший причины их успеха на первых думских выборах. Там отмечалось, что партия выработала программу настолько широкую, что «в ее рамки вмещались стремления и надежды всех избирателей»[632]. Крестьянину обещалось увеличение земельного надела, помещик успокаивался обещанием «справедливой» оценки, подлежащей в будущем отчуждению земли[633].

Обращает на себя внимание такое наблюдение Столыпина. В большинстве случаев «проходили в члены Думы не кандидаты партии, а уважаемые… лица, которые были бы, несомненно, избраны и в том случае, если бы оставались внепартийными»[634]. Вместе с тем, ярко проявилась и противоположная тенденция: «степенность выборов» (необходимость прохождения кандидатов через ряд этапов) «помогла избранию таких неизвестных избирателям, но усердно проводимых конституционно-демократической партией, лиц, которые никогда не были бы избраны в случае прямого голосования по отдельным округам»[635].

---

[631] Цит. по: Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977. С. 82.
[632] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 3 (об.).
[633] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 4.
[634] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 5 (об.).
[635] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 7 (об.).

П.А. Столыпин полагал, что поскольку правительство без кадетов работать не сможет, туда целесообразно ввести их лидера П.Н. Милюкова. Но председателем правительства следует назначить другое лицо: или октябриста Д.Н. Шипова, или более умеренного кадета С.А. Муромцева – председателя I Думы[636]. Замысел Столыпина был сорван, поскольку те лица (не кадеты), которых он планировал пригласить в правительство, отказались войти в него, заявив, что единственно возможный выход из создавшегося положения - доверить всецело правительство партии, имеющей большинство в Думе[637].

Другой проект принадлежал Д.Ф. Трепову, полагавшему, что правительство должно стать полностью кадетским, за исключением нескольких постов, назначение на которые всегда было прерогативой императора (министры двора, военный и морской)[638].

Кадеты считали, что вопрос об их вхождении во власть уже решен. Позднее, в беседе с Н.А. Базили, хорошо информированный о настроениях высших сфер 1905-1906 годов, А.И. Гучков подтвердил, что это представление Милюкова было недалеко от истины. Кадетов собирались призывать во власть[639].

Однако внутри кадетской фракции сложилась группа непримиримо настроенных депутатов, считавших, что лучше оставаться по-прежнему в оппозиции. 5 июля 1906 года, когда назначение кадетского правительства казалось близким к осуществлению, они спровоцировали в Думе конфликт, поводом к которому стало заявление правительства о неосуществимости аграрной реформы, предлагаемой партией. Большинство Думы, по инициативе левых кадетов, решило принять ответное прямое обращение к стране, где депутаты собирались заявить о решимости добиться принятия разработанной ими аграрной программы. Партийные лидеры П.Н. Милюков и И.И. Петрункевич безуспешно пытались уговорить кадетских депутатов отказаться от обращения, но потерпели поражение в собственной фракции. П.А. Столыпин сообщил Николаю II о

---

[636] ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-2.
[637] Шелохаев С.В. Дмитрий Николаевич Шипов (Штрихи к портрету русского либерала) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 41-42.
[638] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 56-58.
[639] Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993. С. 15.

неспособности лиц, претендующих на руководство правительством, справиться даже с недовольством однопартийцев. К тому же ближайшие соседи кадетов справа, октябристы, солидаризировавшись с министром внутренних дел, расценили предлагавшийся кадетами проект обращения к народу как антиконституционный акт и призыв к аграрной революции[640]. В тот же день было решено не призывать кадетов во власть, распустив I Государственную думу[641].

С тех пор Столыпин стал для кадетов непримиримым врагом – кадеты обвиняли в разгоне Думы и своих последующих неудачах Николая II и П.А. Столыпина[642]. А.П. Извольский, министр иностранных дел, считал, что и роспуск Думы не имел для кадетов фатальных последствий, лишь добавляя им популярности. Кадетская партия была способна получить власть позднее, отнесись к создавшемуся положению с должным спокойствием. Вместо этого кадеты повели себя как доктринеры, лишенные здравого смысла: 120 членов партии переехали в Финляндию и подписали там антиправительственный документ – «Выборгское воззвание»[643]. За принятый поспешно акт партия заплатила большую цену: ее членам, подписавшим воззвание, запретили пожизненно занимать любые государственные должности, в том числе депутатские[644]. Кадетская партия потеряла для II Думы 120 лучших представителей[645].

Часть правящих кругов опасалась, что роспуск Думы вызовет возмущение в народе. Генерал Трепов, пытавшийся создать кадетское правительство, ожидал, что из-за опрометчивости Столыпина «вся Россия загорится»[646]. Через несколько дней вспыхнули организованные социалистами восстания в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле, но всенародного возмущения не произошло. С влиянием

---

[640] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С. 222, 224.
[641] Кобзаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907. М., 1996. С. 148-149.
[642] Милюков П.Н. Три попытки. Париж, 1921. С. 86-87; Сидоровнин Г.П. Слепые поводыри: кадеты против Столыпина // Правда Столыпина. Саратов, 1999. С. 290.
[643] Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 255.
[644] Егоров А.Н. Выборгское воззвание 1906 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 108-109.
[645] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 11, 345.
[646] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 257.

Трепова во властных структурах было покончено, Столыпин утвердился в должности премьер-министра[647].

Период функционирования I Государственной думы являлся этапом наивысшего влияния кадетской партии. Проиграв в момент максимальной популярности, она была обречена. Больше никогда кадеты не имели столь реальных шансов на формирование чисто партийного правительства. Перед 1917 годом, когда кадетская партия формировала политику Прогрессивного блока, она находилась в окружении многочисленных сил, пребывавших вместе с ней в оппозиционных рядах, и оттого закономерно получила всего несколько мест во Временном правительстве. Как пишет К.А. Соловьев, летом 1906 года кадеты полагали, что все двери во власть для них настежь открыты, не ощутив, что судьба приоткрывала им лишь «щелочку» наверх, чем нужно было в тот момент воспользоваться[648].

В открывшейся 20 февраля 1907 года II Государственной думе кадеты получили всего четвертую часть депутатских мест (123 места из 461)[649]. Теперь им самим предстояло не столько атаковать правительство, сколько отбиваться от атак социалистов.

Кадетам не удалось перебросить мостик через ров, разделяющий народ и власть. Еще в I Думе кадеты столкнулись с прямым противодействием трудовой группы, напрямую выражавшей интересы крестьянства[650]. Во II Думу сторонников левых партий и вовсе пробилось почти в два раза больше, чем кадетов – 222 депутата (104 трудовика, 65 социал-демократов, 37 эсеров и 16 народных социалистов)[651]. Всякое взаимодействие с кадетами отвергалось большевиками, требовавшими тесного сближения единой социал-демократической фракции с другими революционными партиями. Настаивая на создании общего левого блока, они требовали предоставить комитету объединенных левых полномочия выносить обязательные для всех левых групп

[647] Шацилло К.Ф. Первая Государственная дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 69-70.
[648] Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Ч. 1. СПб., 2017. С. 138.
[649] Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1908. С. 15.
[650] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 11; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 699а. Л. 128-128 (об.), 133.
[651] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л.11 (об.).

решения[652]. Составлявшие костяк социал-демократической фракции во II Думе меньшевики, хотя и отвергли большевистскую идею левого блока, одобрили предложение эсеров об общефракционных совещаниях всех социалистических групп[653].

Работа новой Думы показала, что главный козырь кадетов, их аграрная программа, больше не пользуется популярностью у крестьянства: крестьяне требуют полной ликвидации помещичьего землевладения. Депутаты левых фракций, воспользовавшись этим, захватили большинство мест в думской аграрной комиссии, и, вопреки мнению кадетов, приняли от имени Думы официальный законопроект, настаивавший на необходимости обязательного отчуждения помещичьих земель для расширения крестьянского землепользования[654].

Партия народной свободы стремительно отходила на второй план. Более умеренная тактика «бережения Думы», предложенная кадетами во II Думе, выражавшаяся в желании наладить сотрудничество с правительством, и призывавшая депутатов не выходить за рамки существующих законов, проявилась только на спаде партийной популярности и была решительно отвергнута новым думским большинством из социалистов, в частности вторым (экстренным) съездом партии эсеров[655].

В результате правительству становилось очевидным ослабление авторитета кадетской партии. П.А. Столыпин предложил в тяжелой для кадетов ситуации легализовать партию, сделав ее работу в стране официально разрешенной, при согласии кадетов осудить революционный террор. В связи с тем, что влияние кадетов в 1907 году резко ослабло, им предлагалась уже только легализация партии, а не места в структурах исполнительной власти[656]. Но Милюков и теперь отказался пойти на контакт с правительством, гордо заявив, что в момент борьбы

---

[652] Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1907 гг.). М., 2000. С. 64.
[653] Там же. С. 63-64.
[654] Леонов М.И. Эсеры и II Дума // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 28-29; Кобзаненко В.А. Указ. соч. С. 221, 222, 224-225.
[655] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[656] Первая революция в России… С. 495.

его партия не может становиться на позицию противников (имея в виду правительство). Милюков по-прежнему, несмотря на обострение взаимоотношений с левыми партиями, единственным противником считал правительство[657].

Роспуск такой Думы становился неизбежен. На передний план выходили октябристы, поддержавшие правительство Столыпина и решительно выступавшие против насилия со стороны революционных партий[658]. Новый союз между правительством и октябристами проявлялся все более заметно.

Революционное насилие постепенно спадало. Каким же был итог двух лет противостояния? Кто проиграл? Проиграло радикальное большинство, но вследствие не интриг правительства, а из-за собственного догматизма. Победа кадетов была возможна при некоторой уступчивости партии. Однако вместо компромисса между бюрократией и обществом, партия разжигала в стране революционные настроения, и, в конечном счете, пала жертвой собственного радикализма. В результате вместо союза со значительной частью общества, его либеральным большинством, кадетами, у власти установился контакт с узким слоем правых либералов - октябристами, которым теперь отводилась та роль, какую раньше играли кадеты. Закрепившаяся с того времени за кадетами репутация революционной партии заметно осложнила и ее последующую легальную деятельность.

Итак, события 1905-1907 годов показали принципиальную невозможность долгосрочного сотрудничества двух политических лагерей, либерального и революционного, противостоявших самодержавию. Позднее, находясь в эмиграции, это вынужденно признал и сам Милюков. Кадеты, полагал он (хотя во многом это был его личный выбор), слишком поздно осознали опасность радикализма. К 1904 году, когда закладывались основы партийной системы, и ядро кадетской партии сделало выбор в пользу жесткого противостояния с властью в ответ на мирные инициативы правительства, другие партии, признавал

[657] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 424.

[658] По мнению Гучкова, еще на первых земских съездах 1904-1905 годов стало понятно, что течение, образовывавшее кадетскую партию, вело к ослаблению центральной власти. «Это меня отшатнуло» (ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 10).

лидер конституционных демократов, также уже определились с тактической линией. Социалисты предпочли враждебный кадетам курс. И «вместо сотрудничества началась непримиримая взаимная борьба» либералов и социалистов[659].

На первоначальном этапе политического кризиса, весной-летом 1905 года, доминирование либеральных оппозиционеров происходило лишь потому, что социалисты в то время еще не успели стать влиятельной силой. Их нахождение на периферии политического процесса, укрепило радикальную часть либерального лагеря, учредившую в октябре 1905 года партию конституционных демократов, в ложном мнении, что они способны возглавить общеоппозиционное движение против режима самодержавия. Высшим проявлением данного курса явилось создание Союза Союзов, объединившего, наряду с радикальной частью либералов, тогда еще не образовавшей партии кадетов, активистов крупнейших социалистических партий – социал-демократов (меньшевиков и большевиков) и социал-революционеров. Вследствие чего либеральные радикалы, борясь за реализацию принятого ими на ноябрьском земском съезде конституционного проекта, проигнорировали возникавшую тогда возможность добиться компромиссного соглашения с умеренным крылом властных органов, возглавлявшимся министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским.

Дальнейшее развитие событий показало самонадеянность стратегии кадетской партии, стремившейся вовлечь социалистов в единый оппозиционный блок. Ни одна из социалистических партий не согласилась в период развертывания революционного кризиса подчиниться ведущей либеральной партии, что было наглядно подтверждено тактикой II Государственной думы, где социалистические партии получили почти половину депутатских мест, и Московским восстанием, организованным большевиками в декабре 1905 года. В итоге конституционно-демократическая партия, по причине занятия слишком радикальной позиции, упустила предоставлявшийся ей в 1906 году шанс

[659] Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 года. Идеи лидеров Прогрессивного блока //Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 309.

возглавить исполнительную власть (правительство) и уступила лидирующие позиции Союзу 17 октября.

3.2. 1907-1914 годы. Столыпинские реформы – попытка преобразования режима самодержавия сверху

Роспуск 3 июня 1907 года II Государственной думы означал поражение интеллигентских партий - кадетов и социалистических сил, стремившихся ликвидировать самодержавие штурмом. Но задача ликвидации самодержавия не потерпела краха. Именно теперь начиналась одна из самых серьезных попыток мирного преобразования самодержавия в конституционную систему. Попытка эта исходила уже не от оппозиционных партий (общественности), а сверху от самого правительства, и вошла в историю как столыпинские реформы, а политической силой, стремившейся стать двигателем преобразований, были октябристы.

В условиях противоборства за власть трех лагерей, при непримиримости социалистов, стремившихся на месте монархической создать новую республиканскую государственность, успех мог быть достигнут только при согласии двух остальных. Перед угрозой крушения идеалов консервативной и либеральной России желательным было единство монархического и либерального лагерей. Однако такое соглашение было невозможно. Потому, что они все еще недооценивали влияние социалистов, и к тому же созданию такого союза мешали глубокие противоречия, разделявшие консерваторов и либералов.

И, значит, необходимо было добиваться хотя бы согласия с одним из лагерей части другого лагеря. На такой основе и был достигнут союз между правым меньшинством либералов (октябристами) и правыми монархистами, поддержавшими Столыпина. Следовательно, дальнейший успех необходимых России преобразований уже в меньшей степени зависел от либералов: социальная база реформ со стороны общества, вследствие радикализма настроенной революционно интеллигенции, придерживающейся прокадетских взглядов, получалась незначительной и ограничивалась умеренной ее частью. Вместе с тем близость октябристов к бюрократии позволяла рассчитывать, что правые силы

черносотенной ориентации наладят сотрудничество хотя бы с верхами общественности, также выступавшими против интеллигентского максимализма.

Сотрудничать эти силы начали в III Государственной думе, где им впервые удалось добиться большинства в связи с изменением закона о выборах. Цель изменений заключалась в привлечении в парламент высших слоев общества и ограничении представительства народных «низов»: рабочих и крестьян. Особенно последних, начавших слишком активно требовать передачи им дворянской земли[660]. Крестьяне отныне теряли возможность продолжать через Думу борьбу за землю: их численность в ней снизилась вдвое, с 42% до 22,5%. Раньше они имели настолько серьезное представительство, что, становись принятые Государственной думой решения реальным законом, крестьяне, вступив в союз с любой группировкой, поддержавшей их требования, могли рассчитывать на достижение своих целей. Это было серьезным соблазном для крестьянства, и потому I и II Думы привлекали такое большое его внимание[661]. Теперь обо всем этом следовало забыть. Больше половины голосов в Думе, 50,5 %,переходило к прямым противникам крестьян – помещикам, и около 15% к буржуазии[662].

Переход подавляющего большинства депутатских мест от «низов» к «верхам» выглядел оправданно. Любая Дума при крестьянском большинстве превращалась в «Думу народного гнева». Поэтому имело смысл, перегруппировав силы, стабилизировать общеполитическое положение и лишь после этого вновь предоставить право голоса народным массам.

Столыпин оказался единственным руководителем правительства, способным на выстраивание долговременных самостоятельных отношений с Государственной думой. Он предоставил партиям, пробившимся в Думу и получившим там депутатские места, властный институт, где они могли действовать легально. При этом ему удалось обуздать левую и леволиберальную оппозицию. Несомненным достижением премьера являлось то, что его действия поддерживались теперь 301 депутатом из 442. Прежняя оппозиция переходила на

---

[660] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 336-337.
[661] Там же. С. 339.
[662] Там же. С. 339.

положение явного меньшинства. У кадетов, еще совсем недавно представлявших мощнейшую политическую силу и едва не возглавивших правительство, было всего 54 депутата. Социалистов было еще меньше – 13 трудовиков и 20 социал-демократов[663].

Хотя октябристам в новой Думе досталось на несколько мест больше, чем правым - 154 против 147, а ее председателем избрали октябриста Н.А. Хомякова, правые традиционно сохраняли более высокое влияние на императорский двор, чем их соседи по партийному спектру, и для октябристов возможность нахождения в данном органе была важней в гораздо большей степени [664]. По остроумному замечанию В.М. Пуришкевича, Государственная дума была единственным местом, где существовала такая политическая разновидность, как октябристы[665].

Столыпин выделил три задачи, нацеленных, по его мнению, на предотвращение новых потрясений:

1) Ликвидацию остатков левого террора и ослабление авторитета социалистических партий.

2) Проведение аграрной реформы, направленной на коренное изменение уклада жизни самого многочисленного и недовольного своим положением класса общества - российского крестьянства.

3) При успешном решении двух первых задач появлялась возможность приступить к постепенному усилению конституционных и снижению самодержавных начал в российской политической системе.

Реформатор видел в октябристах силу, обеспечивающую продвижение вперед, а в правых - закрепление пройденного пути. Разделив правых на две части, он полагал, что умеренно-правые, обретшие 97 депутатских мест, укрепят его позиции в правом спектре[666].

---

[663] Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 29-30
[664] Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 95; Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 174.
[665] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 42.
[666] Бородин А.П. Указ. соч. С. 161-162.

Первоначально реализм планов Столыпина не подлежал сомнению. И правые, и октябристы сплотились вокруг решения первой задачи, поддержав правительственные мероприятия по решительному подавлению революционного террора[667]. 27 июня 1907 года был принят закон о военно-окружных судах. В них рассматривались только дела, связанные с террористической деятельностью. Судебные процессы там шли по упрощенной процедуре. Подсудимых преимущественно приговаривали к смертной казни. Военно-окружными судами было приговорено к смертной казни 6193 человека, но казнили меньше половины – 2694 человека. К каторжным работам за 5 лет, с 1906 по 1911 годы, приговорили 66638 человек[668].

Октябристы полностью одобряли репрессивные мероприятия П.А. Столыпина. А.И. Гучков говорил: «Наши политические группировки определяются в настоящий момент… фактом того или другого отношения к революции, к революционному способу борьбы. Революция, а не правительство является помехой к обновлению нашего отечества. Я не только считаю политику репрессий по отношению к революционному террору совместимой с вполне либеральной, даже радикальной общей политикой, но я держусь того мнения, что они тесно между собой связаны»[669].

Высказывание Гучкова явно направлялось против кадетов, критиковавших жесткие методы подавления социалистических партий, применяемые Столыпиным. «Передав выражение народной воли в руки одного класса… избирательный закон 3 июня посеял новые семена классовой и национальной вражды, усилив этим элементы смуты и государственного разложения»[670]. Новый избирательный закон кадеты назвали дворянской конституцией, ведь «государство наше помогает сильным помещикам, да крупным магнатам

---

[667] Шульгин В. Хранитель. Традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина // Родина. 2009. № 1. С. 75.
[668] Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С. 27.
[669] Цит. по: Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987. С. 112.
[670] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

капитала». А крестьяне и рабочие от непосредственного участия в законодательстве теперь устранены – «государство о них не заботится»[671].

Октябристы, напротив, настаивали на том, что бывают моменты, когда умеренные элементы общества должны сплачиваться вокруг верховной власти. В тяжелый для страны час либералы обязаны поддержать императора. Такая тактика повысит вес и влияние Государственной думы в политической системе. Ведь «обычные средства, коими доселе располагала монархическая власть в России, исчерпаны. Сила и благосостояние России зависят теперь от того, удастся или не удастся монарху создать около себя организованную поддержку народа в виде Государственной думы». Октябристы надеялись, что политика поддержки власти в ее борьбе с левыми партиями, лояльность Думы к правительству, усилят влияние партии на политическую жизнь страны[672].

Если задача подавления непосредственных проявлений революционного насилия представлялась Столыпину важной в качестве начальной меры, то вторая задача была намного значимее. Нужно было вырвать саму основу существования левого радикализма. Глубинная суть потрясений 1905-1907 годов состояла в недовольстве крестьян: основным революционным классом были не рабочие, а крестьяне, стремившиеся к присвоению помещичьей земли. Для успешности политических реформ требовалось расколоть крестьянство как единый класс.

Основная крестьянская проблема – малоземелье – связывалась П.А. Столыпиным не с тем, что много земли принадлежит помещикам, так как количество помещичьих земель с каждым годом сокращалось, но с тем, что в стране слишком много крестьян. Столыпинская аграрная реформа, начатая еще в 1906 году, но проводимая в основном после июня 1907 года, носила ярко выраженный антикрестьянский характер[673], так как правительство намеревалось решать проблему крестьянского малоземелья путем сокращения численности

---

[671] Казанина Л.Ю. Кадеты о социальной политике правительства П.А. Столыпина (по материалам газеты «Речь» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 6.
[672] Дякин В.С. Указ. соч. С. 49.
[673] Парамонов В.Н., Калягин А.В., Коротаева Т.В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX-XX веков. Самара, 1992. С. 32-33.

крестьянского населения, занятого в сельском хозяйстве, и перенаправления большей части лиц, утративших право на землю, в промышленную сферу[674].

Крестьяне, верно уловив подоплеку столыпинской реформы, в своем большинстве стали ее решительными противниками. Крестьянские настроения отражались и в программных документах революционно-социалистических партий, особенно народнического толка. Одним из них являлся циркуляр руководящего органа народно-социалистической партии (организационного комитета энесов), освещавшего для местных партийных групп вопросы тактики. В нем говорилось о важности организации в деревне борьбы с классом помещиков «и направление усилий сельского населения на парализование закона 9 ноября… направленного к разрушению общины и расхищению ее земель»[675].

Реальное проведение столыпинской земельной реформы было осуществимо только при поддержке помещиков. Однако и здесь в поддержке было отказано: уже на втором этапе столыпинских преобразований у правых, выражавших помещичьи интересы, наметился серьезный раскол со Столыпиным.

Первоначально, в период подавления революционного террора, они были готовы согласиться на аграрную реформу по-столыпински. Учредительный съезд Всероссийского союза землевладельцев соглашался предоставить крестьянам «широкое право свободного выхода из общины, с землею»[676]. По мере снижения крестьянского террора дворяне отворачиваются от Столыпина. Непоследовательность благородного сословия, еще вчера расточавшего дифирамбы Столыпину, а после успокоения обрушившегося на него с критикой, раздражала даже «первого помещика», императора Николая II. Весной 1908 года он писал матери: «Теперь, как стало спокойнее, дворянство начинает жаловаться на разные нововведения и реформы, - но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем. Все попрятались и присмирели, думая, что настал конец»[677].

---

[674] Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 66-67.
[675] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1048. Л. 6.
[676] Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 37.
[677] Цит. по: Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа... С. 35.

Правые разочаровывались в Столыпине. Они считали премьера защитником самодержавия, а он оказался либералом[678]. «Объединенное дворянство» забеспокоил «октябризм» Столыпина. Кн. Н.Д. Цертелев на одном из заседаний постоянного Совета объединенного дворянства утверждал, что «дворянству предстоит борьба не с левым крылом Думы, а с правительством… Судя по декларации, реформы министерства даже левее кадетских проектов, они совершенно упраздняют сословия и вводят в местную жизнь бюрократические порядки»[679].

Консервативные круги противились расширению мелкой крестьянской собственности, поскольку считали невозможным мирное сосуществование привычного помещичьего уклада с усиливающимся крестьянским частным землевладением. В рупоре правых, «Московских ведомостях», писалось: «Образование властного имущественного класса, сплоченного одним интересом, могущего постоять за свои права и против демоса, и против монарха – таков план действий, последовательно проводимый конституционными политиками». «Закон 9 ноября» (указ) подрывает «исторические корни русской государственности»[680].

Ухудшение отношений с правыми на второй стадии преобразований затрудняло проведение третьего этапа реформ. Стремясь избавиться от их настойчивого желания опекать его деятельность, П.А. Столыпин добился принятия весной 1911 года закона о западном земстве вопреки мнению большинства в Государственном совете. Правые не утвердили в Государственном совете законопроект о введении земских учреждений в западных губерниях России, принятый Думой еще в 1910 году, будучи недовольными тем, что, понижая избирательный ценз для избрания в земские учреждения, тот разрешал вхождение в состав земств крестьянам-столыпинцам, ставшим собственниками земель в результате реформы[681]. Столыпин был уверен в прохождении законопроекта, однако его противники проголосовали против. На следующий день, 5 марта, председатель правительства написал прошение об отставке, во

[678]Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа… С. 38.
[679] Цит. по: Бородин А.П.. Объединенное дворянство и аграрная реформа… С. 36.
[680] Цит. по: Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа… С. 40, 44.
[681] Дякин В.С. Указ. соч. С. 213.

время аудиенции убеждая Николая II, что черносотенцы, выступающие против минимальной модернизации политического строя, ведут страну к гибели[682].

Внутренне Николай II был готов отправить Столыпина в отставку. Под влиянием массированного воздействия на него правых он начинал во многом соглашаться с их доводами. Но за Столыпина заступилась мать Николая II, Мария Федоровна, и премьер согласился остаться на посту при условии исключения лидеров правых П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова из Государственного совета, и роспуска на несколько дней обеих палат парламента, чтобы в этот временной промежуток правительство приняло спорный закон[683]. Он хотел показать октябристам, что еще способен противостоять правым, но неожиданно для него они возмутились тем, что Столыпин, борясь за принятие закона, нанес оскорбление депутатскому корпусу[684].

А.И. Гучков 15 марта 1911 года ушел с поста председателя Думы, объяснив Петру Аркадьевичу мотивы своего поведения в письме от 12 марта. В нем действия Столыпина по применению статьи 87 оценивались как тяжкий удар по самостоятельности законодательных учреждений[685]. После ухода Гучкова судьба Столыпина была решена.

Незадолго до ухода из жизни, П.А. Столыпин еще раз попытался объяснить российским депутатам смысл и цель проводимой им политики. Выступая в Думе, Столыпин апеллировал преимущественно к октябристам, доказывая необходимость недавно предпринятого им роспуска палат: «Припомним, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен… почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание здесь их обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А, в конце концов, в результате

[682] Аврех А.Я. Указ. соч. С. 194, 195-196.
[683] Хотулев В.В. Петр Столыпин: трагедия России. М., 1998. С. 311-312, 313-314, 317-318.
[684] Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина. Т. 1. СПб., 2002. С. 524-525; Кирьянов И.К., Лукьянов Н.М. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. Пермь, 1995. С. 90.
[685] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 693. Л. 1.

царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах»[686]. Столыпин связывал причины неудач правительственного курса с тем, что в Думе не нашлось большинства, готового поддержать законопроекты в их чистом виде, а главное у Думы не было сил провести принятые ею законопроекты дальше своих стен. Думское законодательство было «дорогой», «не приводящей никуда», ибо на пути реформ стояли не желающие их силы[687].

Но была ли в этом вина самого Столыпина? Лидер кадетов П.Н. Милюков уверял, что провал октябристов доказывает его правоту в 1906-1907 годах, когда он не пошел на сотрудничество с властями. «Ближайшая к нам в то время партия справа была партией “октябрьского манифеста”. Она поставила именно ту задачу – сговориться с властью и оказать ей “поддержку”, выполнения которой требовали от нас. Что же смогла она выполнить эту задачу? И если нет, то каковы были препятствия? Не те же ли самые, которые стояли – или встали бы – перед нами. Нам отвечают: но ведь именно вы имели авторитет в общественном мнении и должны были повлиять на него в требуемом смысле. Наш ответ ясен: наш авторитет был производным фактом от нашей политической позиции; он упал бы тотчас до уровня октябристов, если бы мы согласились делать их политику»[688].

Мнение Милюкова не разделялось правым крылом его партии, одобрявшим стремление октябристов наладить взаимодействие с властью, и считавшим что для проведения данного курса у кадетов было больше возможностей[689]. В 1909 году правые кадеты выпустили сборник статей «Вехи», в котором пытались доказать ошибочность тактики кадетского большинства в 1905-1907 годах. Русское общество, говорили они, своим нежеланием сотрудничать с правительством, само дало перевес правым. В поражении дела свободы, писал правый кадет А.С. Изгоев, виноваты исключительно либералы, не доказавшие власти, что могут быть помехой для революционеров. «Когда на другой день после 17 октября в России не оказалось достаточно сильных и влиятельных в населении лиц, чтобы крепкой рукой сдержать революцию и немедленно

[686] Цит. по: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С. 233-234.
[687] Там же. С. 234.
[688] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 319.
[689] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 377-378.

приступить к реформам, для проницательных людей стало ясно, что дело свободы временно проиграно, и пройдет много лет упорной борьбы, пока начала этого манифеста воплотятся в жизни»[690].

Между тем, милюковский курс подвергался критике в партии не только со стороны «Вех». Пик споров пришелся на 1907 год, когда принятие нового избирательного закона обострило внутрипартийную дискуссию о тактике дальнейших действий, и среди различных вариантов рассматривался поворот на сближение с октябристами. 10 июня, всего через неделю после роспуска II Думы, в газете «Речь» появилась статья, написанная с большой симпатией к октябристам. Октябристы, утверждалось в ней, проявили во II Государственной думе приверженность конституционным началам, в отличие от трудовиков и социал-демократов, показавших «безнадежную неспособность здравого политического понимания». В статье торжественно заявлялось: «вопрос о сближении кадетов с октябристами на будущих выборах возникает естественно, в виду нового избирательного закона»[691]. Немалое место в статье уделялось самокритике прежней кадетской тактики. Доктринерская тактика «бывших друзей слева» сыграла в руку «заговорщикам справа» - опыт II Думы полностью подтвердил бесперспективность союза с революционерами. «При этих условиях, идея союзного выступления на выборах “конституционного блока”, во имя борьбы за сохранение конституции и народного представительства, напрашивается сама собою»[692].

И хотя «Речь» писала, что говорить о соглашении между партиями еще рано, это было воспринято октябристами неформальным предложением союза. Через месяц, 18 июля, они в своем органе «Голос Москвы» дали предварительное согласие на сближение с кадетами[693]. Октябристы предложили кадетам предвыборное соглашение, цель которого заключалась в том, чтобы «не допускать в Думу ни реакционных сил крайней правой, ни революционных

[690] Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 123.
[691] Речь. 1907. 10 июня.
[692] Там же.
[693] Дякин В.С. Указ. соч. С. 72.

элементов крайней левой»[694]. Центральной в статье стала следующая мысль: «пора бы бросить губящую Россию рознь двух этих партий *(«кадетов и октябристов – С.Х.)* и войти перед предстоящими выборами хотя бы в техническое соглашение между собою»[695]. Кадетам рекомендовалось в ходе выборов не поддерживать партии, находившиеся левее их, а октябристы брали обязательство вести предвыборную борьбу с правыми силами[696]. Показательно, что октябристы были готовы в предлагаемом соглашении пойти намного дальше, вплоть до образования в будущем на базе трех либеральных партий (кадетов, октябристов и мирнообновленцев) единой партии и, чтобы все из сливающихся партий были равноправны, дать ей нейтральное название – Всероссийской русской национал-либеральной партии[697].

Следовательно, в 1907 году кадетами прорабатывался вариант перехода на центристские позиции[698]. Но теперь вопрос сближения либеральных партий зависел не только от них. Правые партнеры Столыпина соглашались сотрудничать с правительством лишь при условии, что другая сторона складывающейся коалиции (октябристы) не будет вступать в союз с кадетами. И Столыпин, рассчитывая тогда на продолжение сотрудничества с правыми, сорвал малейшую возможность соглашения октябристов с кадетами. Октябристов предупредили, что коалиционные действия с партией народной свободы будут рассматриваться правительством как переход границы, отделяющей «III Думу от позорной памяти первых двух Дум», подтверждение правоты критиков укрепления народного представительства в России[699]. Столыпин полагал, что проправительственное большинство в Думе нужно строить на базе союза октябристов с правыми, и включение в формирующуюся коалицию кадетов, после кризиса в их личных взаимоотношениях в 1906-1907 годах, считал нецелесообразным. Поэтому в ноябре 1907 года он не допустил избрания

---

[694] Голос Москвы. 1907. 18 июля.
[695] Там же.
[696] Там же.
[697] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15. Л. 33.
[698] Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Указ. соч. С. 56.
[699] Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907-1917 годы. М.: СПб., 2009. С. 92.

заместителем председателя III Думы правого кадета В.А. Маклакова, кандидатуру которого были готовы поддержать многие октябристы[700].

Впрочем, сильно расстраиваться октябристам не приходилось. В ходе одного из публичных выступлений Гучков отмечал, что у кадетов в начальный период работы III Думы действительно имелся определенный расчет на соглашение с октябристами, но интерес к этому шагу проявляло заведомое меньшинство кадетской партии. И потому реальность данной меры в целом вызывала у лидера октябристов большие сомнения[701]. А линия партийного большинства у кадетов восторжествовала уже 11 июня, на следующий день после статьи в «Речи», допустившей вероятность сближения с октябристами, когда кадетский ЦК, отказавшись вступать в предвыборные соглашения с другими партиями, решил идти на выборы самостоятельно. «Не мирясь с положением дел… резко отграничивая себя от тех, кто подобно Союзу 17 октября, признает его *(принятие нового избирательного закона* – С.*Х.)* государственной необходимостью, партия не может лишить избирателей, разделяющих ее взгляды, наиболее действительного способа выразить отношение населения к совершившимся событиям»[702]. Кадетские руководители подчеркивали, что лишь такая победа принесет моральное удовлетворение, в реальности же подобное доктринерство обрекало партию на поражение[703].

Сложившийся характер взаимоотношений с правыми и кадетами оставлял октябристам мало рычагов для давления на Столыпина. Выступая 22 февраля 1910 года в Государственной думе, А.И. Гучков впервые в публичной форме предъявил претензии правительству, медлящему с проведением реформ. Эта речь стала апогеем критики правительства со стороны октябристов в период премьерства Столыпина. Гучков заявил: «При наступивших современных условиях я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод, тех свобод,

---

[700] Демин В.А. П.А. Столыпин и законодательные палаты // Российская история. 2012. № 2. С. 55.
[701] Гайда Ф.А. Эволюция внутриполитического курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910-1911 годах // Российская история. 2012. № 2. С. 78.
[702] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 10 (об.).
[703] ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 10 (об.).

которые манифестом 17 октября, как вы помните, поставлены рядом с политической свободой. Мы не видим препятствий к более быстрому водворению у нас прочного правопорядка на всех ступенях нашей государственной и общественной жизни»[704]. Гучков обвинил правительство в том, что провинциальные госучреждения остаются под контролем правых, мешающих укреплению в России конституционных начал. Закончилась речь Гучков знаменательными словами: «Мы, господа, ждем», что выражало его крайнее недовольство положением дел в стране[705].

Поэтому происшедшее в марте 1911 года стало полной неожиданностью для Столыпина. К завершению правительственной деятельности Петра Аркадьевича привели не усилия черносотенцев, а демарш октябристов[706]. Когда позднее, в 1913 году, Гучков будет стремиться к официальному разрыву отношений с правительством, он, выступая на ноябрьской партийной конференции, назовет Столыпина исполином и признает, что заметным фактором общественной жизни октябризм стал, прежде всего, благодаря ушедшему премьер-министру[707]. Но все это произойдет в тот момент, когда исправить что-либо будет уже нельзя. Выбор А.И. Гучкова, сделанный в 1911 году, нельзя считать частным решением. В той ситуации это был стратегический выбор, во многом предопределявший последующее развитие событий – революцию в России.

К марту 1911 года премьер-министр вплотную подошел к реализации той цели, к которой так давно стремился: демократизации государственного строя России[708]. Опора на фракцию националистов, окончательно сформировавшуюся при содействии Столыпина осенью 1909 года, на базе слияния фракции Всероссийского национального союза (ВНС), отделившейся от крайне правых еще в начале 1908 года, с умеренно-правыми, при объединении усилий с

---

[704] Российские либералы: кадеты и октябристы… С. 159-160.
[705] Там же. С. 161, 162.
[706] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 112.
[707] Российские либералы: кадеты и октябристы… С. 164, 167.
[708] В 1911 году П.А. Столыпин подготовил план обширных реформ. В разговоре с дочерью, М.П. Бок, он признавал, что для подавления революции Россию пришлось сжать в кулаке. Предполагалось учреждение семи новых министерств: труда, местного самоуправления, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, обследования и эксплуатации природных богатств. Расходы по их созданию требовали увеличения бюджета в 3 раза. Предусматривалось введение бессословного земства и для допуска в них владельцев небольшой недвижимости снижение в 10 раз имущественного ценза (Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 381).

октябристами создавала условия для возникновения нового правоцентристского большинства в Думе, объединяя примерно 230 депутатов из 442[709]. Выход русской национальной фракции на ведущие позиции означал не сворачивание, а развертывание столыпинского курса. В одном из заявлений русской национальной фракции прямо утверждалось, что в большинстве вопросов они идут вместе с октябристами[710].

Критическое отношение октябристов и Гучкова к роспуску Думы объяснять исключительно одними придирками к чисто процедурному вопросу было бы не совсем правильным. Решение Гучкова прекратить сотрудничество с властью объяснялось грузом накопившихся у него претензий. Примерно в 1910 году у него резко ухудшились отношения с Николаем II. Начало раздоров с императором следует отнести к 1908 году, когда А.И. Гучков выступил с открытой критикой порядка управления, сложившегося с 1905 года в военном ведомстве, где с созданием нового органа – Совета государственной обороны – из-под контроля военного министра вышли генерал-инспекторы родов войск и начальник Генерального штаба. Все они, будучи великими князьями, принадлежали к императорскому Дому. И позиция Гучкова явно направлялась против не только великих князей, но и порядка управления вооруженными силами, принятого монархом-самодержцем[711].

А еще была борьба с морской программой правительства, против строительства новых дредноутов, где его противником был уже лично П.А. Столыпин[712]. Окончательно сформировалось у Гучкова отрицательное отношение к государственному руководству империи после того, как он, став председателем Государственной думы, получил право прямого доступа к монарху, но его доклады не произвели серьезного впечатления на Николая II[713].

---

[709] Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908-1917). Орел, 2006. С. 49, 50-51, 116.
[710] Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010. С. 152.
[711] Афанасьев Г.Ю. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и ее общественно-политический резонанс: выигрыши и просчеты // Таврические чтения-2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. Сборник научных статей. СПб., 2011. С. 183-184, 189, 190, 191.
[712]Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 141.
[713] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 51.

В марте 1911 года А.И. Гучков не хотел вступать в долгосрочные соглашения с националистами. Его раздражало подозрение кадетов, что инициатором возможного блока октябристов с националистами является он сам, как председатель Думы. Конституционные демократы были уверены, что октябристы станут на сторону правеющего, по их мнению, правительственного курса и поддержат русскую национальную фракцию[714].

Гучков и его партия отказались от поддержки Столыпина в тот момент, когда сложилась уникальная ситуация: Николай II, удалив из Государственного совета двух противников главы правительства, не мешал ему продолжать реформаторскую деятельность. Становилось возможным проведение конституционных преобразований против воли радикалов слева и справа, кадетов и черносотенцев.

Разумеется, согласие октябристов поддержать курс премьера не гарантировало успеха. Задуманная Столыпиным программа широкой демократизации местного самоуправления могла завершиться неудачей. О сложностях положения Столыпина при дворе говорил позднее сам А.И. Гучков в знаменитой речи на партийной конференции в ноябре 1913 года. «Столыпин понимал, что реальная власть находится не в правительстве. Однажды в беседе с одним журналистом он признался: “Ошибочно думать, что русский кабинет даже в его современной форме есть власть. Он только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему приходится работать»[715].

И все же Столыпин постарался обеспечить максимально благоприятные условия для реализации проводимой им политики. Действуя, как сильный тактик, он отвоевал у Союза русского народа правый фланг в Государственной думе. Образование партии националистов и отделение от СРН обновленческого крыла обеспечивали ему достаточную поддержку, по крайней мере, у правых депутатов Думы, для радикализации правительственного курса. Правильность его

[714] Санькова С.М. Указ. соч. С. 116, 117.
[715] Цит по: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 165.

тактического предвидения подтвердило то, что в кризисной ситуации с роспуском Думы его действия были поддержаны, наряду с фракцией Всероссийского национального союза, и одним из лидеров обновленческого крыла СРН Н.Е. Марковым[716].

Октябристы никогда не имели полного контроля над Думой, и, по словам Гучкова, были всего лишь сильным меньшинством[717]. Решительные действия Столыпина по принятию закона о земствах в западных губерниях давали им последнюю надежду на продолжение реформ и вхождение в новый проправительственный думский блок. Каких-либо других возможностей для усиления партийных позиций в парламенте на тот момент у них не было. Да и в дальнейшем, до самого конца в феврале 1917 года, никаких призывов во власть к ним больше не поступит. Впереди оставалось только скатывание в оппозицию.

К тому же отрицательно относились к октябристам и левые партии. Господство октябристов, полагали они, привело страну к полной общественной придавленности и политическому застою при продолжении социально-экономических процессов, мощно двинутых вперед «недолгими днями первых вспышек открытой революции»[718]. Социал-демократы полагали, что борьба Столыпина с Дурново за влияние на Николая II, и даже борьба Гучкова с Дубровиным «будет не борьбой классов… а лишь борьбой клик… внутри правящей шайки»[719]. По мнению меньшевика Ф.И. Дана, правящий блок в III Думе сложился в целях борьбы с рабочим классом, стремившимся в ходе политической революции обрести «экономические завоевания»[720].

Социалистические партии в конфликте Гучкова со Столыпиным видели перспективы усиления собственного влияния[721]. Необходимо грамотно использовать «могущую начаться борьбу “купчишек” с “барчуками”, ведь если результатом их борьбы явится роспуск Думы и новые выборы, это будет

[716] Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 40; Омельянчук И.В. Правые партии и П.А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 73.
[717] Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 78.
[718] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.
[719] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 319. Л. 13.
[720] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.
[721] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 344. Л. 5.

содействовать “оживлению застоявшейся политической атмосферы»[722]. При таком отношении к себе различных оппозиционных и революционных партий, включая кадетов, октябристам в случае открытого разрыва с властью, было невозможно рассчитывать на обретение лидерства в разгорающемся противостоянии.

Решение марта 1911 года, принимавшееся Гучковым в состоянии озлобления, привело не только к поражению П.А. Столыпина, но и имело серьезные последствия для всех либеральных сил. 1911 год проводит определенную черту под попытками либеральных партий мирным путем получить власть. Данный год становится важным рубежом, бифуркационной точкой, знаменующей начало постепенного перехода всего либерального лагеря в оппозицию. С уходом П.А. Столыпина остается мало легальных оснований для равноправного сотрудничества либералов с властью: правительство в последующий период недооценило влияния либеральных партий, и отношения между ними постепенно приобретают враждебный характер. Позднее в оппозицию к самодержавному режиму перейдут не только октябристы, но и националисты[723].

Большинство представителей российского либерализма были не способны к созидательной государственной деятельности. Единственным политиком в их рядах, обладавшим потенциалом крупного государственного деятеля, являлся А.И. Гучков. В 1906 году Александр Иванович совершил мужественный поступок, поддержав власть в критический для нее момент. Союз Гучкова с Николаем II объективно укреплял режим. В том, что в дальнейшем этот союз прекратился, есть доля вины и Николая II[724]. Но это не снимает ответственности с Гучкова, личные обиды для которого оказались выше государственных идей.

Со смертью Столыпина, в октябристских рядах преобладало разочарование от незавершенности реформ, которые намеревался осуществить Столыпин. Один из партийных лидеров, С.И. Шидловский, от имени октябристской фракции

[722] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 319. Л. 12.
[723] Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 153.
[724] Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917. М., 2007. С. 311-312.

заявил, что «за истекшие пять лет деятельности в этой Думе мы кроме разочарования ничего не получили»[725]. Однако октябристы сами во многом виноваты в своей участи, так как отказавшись от сотрудничества, предложенного главой правительства, заблокировали малейшую возможность последующих изменений в государственном строе Российской империи. Отрицательное отношение к октябристам, сложившееся у кадетов и черносотенцев, делало объективно невозможными как радикально-либеральные преобразования союзом кадетов и октябристов, так и правую коалицию октябристов с Союзом русского народа. Поэтому альянс октябристов с националистической партией ВНС, тщательно готовившийся Столыпиным, в реалиях 1911 года являлся практически единственным способом проведения серьезных преобразований. Отвергнув его, октябристы упускали последний шанс овладения государственной властью, и скатывались в периферийную часть оппозиции.

Правда, с другой стороны, для сохранения дореволюционной системы еще оставалась надежда на укрепление отношений черносотенцев и октябристов. Ведь это были единственные партии, изначально намеревавшиеся поддерживать Николая II. При их терпимом отношении друг к другу сохранялась вероятность постепенного приспособления самодержавного режима к запросам элитарной общественности.

Успешнее всего отношения двух партий складывались с осени 1906 по весну 1907 годов. Примечательно, что 13 октября 1906 года блокироваться с октябристами на выборах во II Думу предложил именно их главный противник А.И. Дубровин, признавший крайне желательным соединение их усилий. Объяснялось это обстоятельствами его личного знакомства со Столыпиным, когда 25 августа он оказал первую врачебную помощь пострадавшим во время упоминавшегося взрыва дачи премьер-министра. Но к концу существования II Думы взаимоотношения черносотенцев и Столыпина превратились в

[725] Цит. по: Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917. М., 2006. С. 97.

неприкрытую вражду. Ухудшение их отношений повлияло и на отношение к октябристам[726].

Черносотенцы упрямо признавали в Союзе 17 октября не меньших революционеров, чем в кадетах, и призывали октябристов отказаться от надежд на либерализацию режима[727]. Октябристы обвинялись ими в том, что, занимая значительные позиции в бюрократическом аппарате, всячески ограничивали деятельность Союза русского народа и мешали ему свободно развиваться. «Октябристов не мало среди чиновников… И каждый из этих чиновников… готов допустить или запретить все, что угодно, только бы не прослыть покровителем черной сотни… Русский народ уже понял это, и потому… каждое упущение правительства, приносящее пользу революционерам, увеличивает недоверие народа к интеллигенции, к которой принадлежите и вы, гг. октябристы…»[728]. Правые принципиально не хотели видеть Государственную думу площадкой, где взаимодействуют разные партии, хотя бы и черносотенцы с октябристами.

Справедливости ради следует признать, что действия черносотенцев носили преимущественно оборонительный характер, так как стратегия П.А. Столыпина также строилась на раскалывании правого фланга политического спектра и маргинализации основной, ортодоксальной части Союза русского народа[729]. Главным объектом критики со стороны дубровинцев стала созданная Столыпиным партия ВНС, которую черносотенцы, и не без оснований, рассматривали как средство ослабления истинно правых сил в Думе. Русские националисты признали изменения в государственном строе России, состоявшиеся 3 июня 1907 года, и выступали в качестве ситуативных консерваторов постманифестной монархии, тогда как черносотенцы находили ущербной занятую ими позицию[730].

Наладить связи с правыми кругами через эту партию Столыпину не удалось, поскольку национальная партия и в самом деле оказалась слишком радикальной

---

[726] Павлов С.Б. Опыт первой революции… С. 558, 590-591, 602.
[727] Русское знамя. 1907. 11 марта.
[728] Там же.
[729] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 4.
[730] Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 150.

для консерваторов. Н.Е. Марков, уважительно относившийся к Столыпину, характеризовал идеологию русских националистов как «национализм без веры и царя», обвиняя их в полном равнодушии к православной вере и непризнании царского самодержавия. Поэтому правительству пришлось дополнительно прибегнуть к такой мере, как расколу СРН, образованию обновленческого Главного совета. Предпринимая данный шаг, премьер рассчитывал, что «союзники» утратят способность противостоять в Думе новой проправительственной коалиции[731].

Не бездействовали и черносотенцы, подобно Столыпину, пытавшиеся внести раскол во взаимоотношения партий, находящихся на противоположном, левом думском фланге, чтобы помешать сотрудничеству октябристов с кадетами. Один из поднятых ими скандалов пришелся на начальный период работы III Думы. Правые фракции вознамерились тогда дать правовую оценку поездке П.Н. Милюкова в США, преследовавшей задачу затруднить российскому правительству получение кредита на Западе в связи с роспуском I Государственной думы. Конечно, это было уже эхо прошедших событий, связанных с деятельностью первых двух Дум «народного гнева», тем не менее, правые депутаты нашли закономерный повод для критики октябристов. От них потребовали жестко осудить кадетов за подрывные действия против российского государства.

Октябристы попали в непростую ситуацию: поддержать приверженцев «народной свободы» они никак не могли, а против принципиального осуждения последних возражало левое крыло фракции. В ночь на 25 января 1908 года у октябристов произошли бурные прения, затянувшиеся до 2 часов ночи. По итогам споров 70 % фракции высказалось за осуждение непатриотичных действий кадетов. На принятие данного решения повлияло обширное письмо, полученное из Берлина от больного члена партии, адвоката Ф.Н. Плевако, советовавшего не оставлять Милюкова безнаказанным. На состоявшемся на следующий день пленарном заседании октябристы выразили протест на действия кадетской

[731] Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171, 174.

партии. Но «союзные» депутаты не были до конца удовлетворены октябристским демаршем, требуя от тех полного разрыва с думскими радикалами[732].

Однако отказ от сотрудничества октябристов с кадетами требовался правым вовсе не для того чтобы предложить умеренным либералам альтернативный курс охранительной коалиции, защищающей устои государства. Черносотенцы полагали себя охранителями, препятствующими сговору ненадежных, нелояльных к государственному порядку элементов. Пренебрежение к соседям слева вызывало раздражение у наиболее разумной части правых, выражавшей несогласие с упрямством правого большинства, не желавшего понимать неизбежность принятия хотя бы минимальных изменений. В знак протеста из группы правых в Государственном совете вышел граф Д.А.Олсуфьев. Против «политики авантюр и раздражения» и стремления повернуть историю вспять высказался бывший заместитель министра внутренних дел при Плеве Н.А. Зиновьев. На съезде по народному образованию с критикой правительства выступил В.И. Гурко[733].

После смерти Столыпина отношения черносотенцев и октябристов определялись спорами по вопросу о перераспределении полномочий между Государственной думой и Государственным советом. Октябристы обвиняли Государственный совет, в том, что он является оплотом правых сил, и настаивали на реформе Госсовета в виде передачи Думе права представлять законы на утверждение царя без согласия верхней палаты, если там при их утверждении не удалось получить большинства[734]. Правые заговорили о надобности полного уничтожения представительного строя. В прессе ходил слух, что главный противник Столыпина, П.Н. Дурново, доказывал наверху, что Государственный совет, тратящий столько времени на исправление думских законопроектов, работал бы гораздо продуктивнее, если бы Думы вообще не существовало[735].

---

[732] ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 (об.).
[733] Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 54.
[734] Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917. М., 2006. С. 103.
[735] Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг…. С. 53.

Таким образом, позиции октябристов и черносотенцев полностью разошлись: первые настаивали на передаче ключевых политических прав Думе, а вторые требовали полного упразднения нижней палаты, считая, что парламентские функции способна выполнять и одна верхняя палата. Нежелание правых идти на компромиссы нанесло окончательный урон авторитету октябристов и привело их к поражению на выборах в IV Государственную думу. Партийное представительство крупнейшей фракции в Думе сократилось в полтора раза - со 154 до 98 депутатских мест, а лидер Союза А.И. Гучков и вовсе был забаллотирован, не попав в состав IV Думы[736].

Стратегический курс Союза 17 октября в послестолыпинский период определялся на упоминавшейся конференции 8 ноября 1913 года. Главной фигурой на совещании явился, конечно, официальный лидер Союза А.И. Гучков, потребовавший на нем от партии объявления об открытом переходе в оппозицию к правительству. «Государственная дума и в частности, Союз 17 октября самим ходом вещей вынуждены перейти к оппозиционной тактике в отношении данного правительства и данного правительственного состава…»[737].

Настроения в партии были не столь однозначными. Правой позиции, жестко осуждающей линию Гучкова, придерживалась резолюция Тверского отдела, направленная перед конференцией в ЦК. «… всякая борьба “центра с кабинетом” не соответствовала бы… уставу Союза, учрежденного для борьбы и с революцией и с реакцией, ибо совместная работа с правительством и после смерти Столыпина вполне возможна и необходима…»[738].

На самом совещании с критикой радикалов в октябристских рядах выступил представитель центра Н.И. Антонов, заметивший в своем выступлении: «Парламентская фракция многочисленна – правое и левое крыло не так велики, но о них много говорили, а о многочисленном, более спокойном и уравновешенном центре, умалчивали…»[739]. Детальный анализ итогового постановления конференции показывает, что мнение А.И. Гучкова здесь было учтено, но принят

[736] История политических партий России… С. 106.
[737] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 18.
[738] ГАРФ, Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 4 (об.).
[739] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 21.

более взвешенный вариант резолюции. Признавалось, что правительство не стремится к реализации положений Манифеста 17 октября и, более того, противодействует его выполнению, а потому октябристской фракции в Думе надо противостоять законными средствами вредным проявлениям правительственной деятельности. Вместе с тем в постановлении указывалось, что нельзя ограничиваться «борьбою с надвигающейся реакциею» и надлежит продолжать регулярную законодательную деятельность, нацеленную на внесение в Думу законопроектов, обеспечивающих проведение в жизнь Манифеста 17 октября[740].

Гучков потерпел на конференции крупное поражение, не убедив в своей правоте большинство партии. Это окончательно определилось на заседании ЦК 6 декабря 1913 года, когда выяснилось, что во фракции произошел раскол. На заседание прибыли председатели новых фракций М.В. Родзянко и М.М. Алексеенко, сообщившие Гучкову, что он, как председатель ЦК, не правомочен руководить октябристской фракцией, поскольку не является членом Думы[741].

Раскол фракции наглядно подтвердил, что радикализм Гучкова партией пока не одобрялся. Его сторону в конфликте заняли всего 22 депутата, образовавшие фракцию Союза 17 октября. Депутатское большинство, стоявшее на центристских позициях, составило фракцию земцев-октябристов из 65 человек во главе с М.В. Родзянко, сменившим А.И. Гучкова на посту председателя Думы. Противоречия между двумя возникшими фракциями были бесспорны. Земцы-октябристы категорически не соглашались на союз с кадетами, но больше не хотели оставаться в одной фракции и с правыми октябристами. Правые октябристы, выделившиеся в группу беспартийных, по-прежнему тяготели к сотрудничеству с консервативными силами. Их группа проявляла готовность, как и ранее, быть проводником правительственных предначертаний в Думе[742].

Партия переживала глубокий идейный кризис. Позиции октябристов в Государственной думе и политической жизни страны вследствие раскола сильно

[740] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 32.
[741] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. С. 161.
[742] Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг.… С. 152; Октябристы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 125.

ослабли. Но партия, в своей основе, продолжала сопротивляться намерениям Гучкова превратить ее из проправительственной в оппозиционную[743]. Октябристское большинство еще не было готово к союзническим отношениям с фракциями, находившимися в Думе левее их[744]. В этом были и отрицательные стороны, так как союз с правыми кадетами мог улучшить ситуацию.

Обстановка 1913 года неумолимо развивалась в направлении радикализации тактики ведущих российских партий. Союз правых кадетов с левыми октябристами, становясь все более реальным, отныне не являлся перспективным для налаживания сотрудничества с властью. Ведь если правые кадеты во главе с В.А. Маклаковым и войдут в союз с ними, они вступят в коалицию с непримиримо настроенным по отношению к правительству А.И. Гучковым. В то время он уже жестко настаивал на необходимости создания блока с другими либеральными партиями. Незадолго до начала войны, в 1914 году, выступая на заседании ЦК, Гучков призывал однопартийцев быть готовыми к тому, чтобы на выборах в следующую, V Думу, октябристы шли вместе с кадетами и прогрессистами. По его убеждению, передовые элементы России обязаны встать на путь согласованных действий против правительства[745].

Продуктивнее для правых кадетов теперь выглядел бы союз с основной частью октябристов. Блок Маклакова и Родзянко потенциально был способен объединить конструктивные силы обеих партий. Ведь октябристам в целом была свойственна осторожная позиция, нацеленная на взаимодействие с правительством, что подтверждали выводы ноябрьской конференции 1913 года. «Работа оппозиции в Государственной думе и около Думы ничего кроме вреда стране не приносила… оппозиция продолжает свою прежнюю тактику… причиняющую неисчислимые ущербы делу проведения в жизнь основ, провозглашенных в манифесте 17 октября»[746]. Но стороны возможность данного альянса даже не рассматривали.

---

[743] Вишневски Э Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Дисс… д-ра ист. наук. М., 1992. Л. 476.
[744] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны… С. 126, 129.
[745] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 147. Л. 4.
[746] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

В условиях, когда крупные партии занимают враждебные позиции, возрастает роль более мелких, по современной политологической терминологии половинных партий. Если между черносотенцами и октябристами идея половинной партии, вынашиваемая П.А. Столыпиным, в лице ВНС, не сработала, может быть успешнее окажется взаимодействие между кадетами и октябристами? Такая структура существовала. Партия прогрессистов образовалась в 1909-1910 годах, ее основой стала фракция III Государственной думы[747].

Инициативу образования прогрессивной партии взяли на себя московские капиталисты А.И. Коновалов и П.П. Рябушинский. Прогрессисты располагались между кадетами и октябристами: октябристы казались им слишком умеренными, а кадеты - радикальными. Центральная задача прогрессистов заключалась в преодолении разногласий крупнейших либеральных партий. В отличие от кадетов, слывших всесословной партией, прогрессисты идеологически позиционировали себя сугубо буржуазной партией, утверждая, что у капиталистов должна быть собственная, защищающая их интересы организация[748].

На практике через них происходил процесс, обратный желаемому: буржуазия стремительно левела. Вследствие кризиса в самой многочисленной думской фракции, октябристской, политическая инициатива в либеральном спектре IV Государственной думы все очевиднее переходила к кадетам (58 человек) и прогрессистам (47 человек). Перед выборами в Думу 1912 года обе партии действовали как союзники. Кадетский ЦК признал обязательным для своих провинциальных комитетов проводить предвыборную кампанию согласованно с прогрессистами, «во избежание раздробления сил оппозиции»[749]. А из октябристов на контакт с прогрессистами решилось преимущественно все то же левое крыло, усиливая позиции в Думе непримиримых милюковцев[750].

---

[747] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 45.
[748] Петров Ю.А. Рябушинский П.П. // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 312.
[749] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 408. Л. 33 (об.).
[750] Хеймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия-XXI. 1998. № 9/10. С. 148-149.

Вследствие деятельности «половинных» прогрессистов, Государственная дума стремительно превращалась во враждебную к правительству силу.

На фоне возраставшей активности либералов заметнее проявлялись и позиции социалистов. В частности, внутри РСДРП происходил рост большевистского влияния. В январе 1912 года в Праге состоялась VI конференция РСДРП. В советской историографии утверждалось, что на этой конференции произошел новый и окончательный организационный разрыв большевиков с меньшевиками. На самом деле там произошел разрыв большевиков с основной частью меньшевиков, все-таки полностью не совпадавший с демаркационной линией большевики – меньшевики. На конференции, наряду с большевиками, присутствовали и меньшевики-партийцы. Это был союз революционеров, полагавших, что борьбу с властью нужно вести нелегальными методами, и противопоставлялся он другому революционному союзу, утверждавшему, что борьба с властью возможна и легальными средствами, при опоре на буржуазию[751].

В работе конференции участвовало два меньшевика-партийца. И хотя вскоре пути с большевиками у них разошлись (они вновь вернулись в меньшевистскую среду)[752], о закономерности их союза говорит то обстоятельство, что в 1917 году многие из меньшевиков-партийцев перешли к большевикам[753]. В общем, разрыв большевиков с меньшевиками на конференции все же произошел. Выступая на конференции, Ленин говорил: «Две партии у нас – это факт. Наличность их вытекает из всей совокупности русской действительности»[754].

Меньшевики не признали ЦК РСДРП, избранный большевиками на пражской конференции[755]. Редакция газеты «Голос социал-демократа», как орган меньшевистской части социал-демократии, настаивала на проведении отдельной, в противовес большевикам, меньшевистской конференции. Обосновывая ее необходимость тем, что в противном случае меньшевизм рискует «потерпеть

[751] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 175. Л. 8 (об.); Д. 220. Л. 1, 2-2 (об.).
[752] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 190. Л. 3.
[753] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 160-162.
[754] Цит. по: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 161.
[755] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 201. Л. 3.

политическое и моральное банкротство на предстоящих выборах в Думу»[756]. Меньшевики обращали внимание на серьезность создавшегося положения. По их мнению, вследствие слабости меньшевизма русская часть социал-демократии находится в состоянии полного политического бессилия, что усиливает влияние на партию лучше организованных окраинных частей социал-демократии, «способствуя, между прочим, возникновению в них центробежных и узко-национальных тенденций»[757].

Контрконференция состоялась в Вене в августе 1912 года. Участие в ней принял и Л.Д. Троцкий, в то время активный сторонник сохранения единства РСДРП, выступавший против ее раскола. Созданное на венской конференции объединение получило название «августовского блока». Однако этот блок оказался непрочным, а его руководящий орган в России – Организационный комитет - малодееспособным[758]. Мартов отмечал, что меньшевикам мешает «отвычка к коллективному действию и коллективному мышлению», вследствие чего они распались на ряд групп и группок, течений и настроений. Признавая энергию большевиков, Мартов с грустью писал летом 1912 года: «Чего-то все-таки не хватает в нашем меньшевистском хозяйстве»[759].

Тогда как превращение большевиков во все более серьезную силу признавалось даже Департаментом полиции. В оперативке, сообщавшей о конференции, проведенной большевистским ЦК в Галиции в 1913 году, он особо отмечал их успехи, достигнутые в легальной среде. Ликвидаторы-меньшевики только «говорили», а большевики действовали. Большевики сильны именно тем, что работают в легальных структурах – всюду в рабочих легальных организациях у них есть нелегальные ячейки. Работа в легальных организациях крайне важна для постройки нелегальной организации по профессиональному признаку. «Совещание приняло постановление, рекомендующее направлять все силы на

[756] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.
[757] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.
[758] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 156-157.
[759] Цит. по: История политических партий России. М., 1994. С. 243

работу в легальных организациях, причем – решено приглашать лиц, работающих в легальных организациях на все партийные совещания и конференции»[760].

Острейшая борьба большевиков и меньшевиков складывалась в пользу первых. Большевизм отличался большей (в сравнении с меньшевиками) тактической гибкостью. Приоритетными для него являлись массово-революционные действия. Сила большевиков заключалась в идентификации рабочего движения с революционной борьбой, а революционной борьбы – с борьбой за власть. О перевесе большевиков над меньшевиками говорят показатели денежных сборов в Петербурге, которые проводили рабочие с целью поддержания печати: в Петербурге большевистскую газету «Правда» предпочитало 86% читающих рабочих, а меньшевистский «Луч» только 14%. В профессиональном движении из 13 московских союзов не было ни одного меньшевистского, в Петербурге за меньшевиками шло лишь 4 профсоюза из 20[761].

Таким образом, к лету 1914 года произошла значительная перегруппировка политических сил. В социалистическом лагере весомее становились позиции большевиков, сумевших существенно укрепить влияние на рабочее движение[762]. Значительный сдвиг влево произошел и в либеральном лагере, где лидерство от проправительственных октябристов перешло к оппозиционным партиям кадетов и прогрессистов. Октябристы пока формально не разорвали соглашение с правительством, но их лидер Гучков жестко настаивал на этом, сместившись с правого на левый фланг своей партии. Все заметнее становилась антиправительственная риторика октябристских речей. С правительством сохранять прежние отношения были готовы не более десятка правых октябристов[763].

Следовательно, власть теряла доверие всего либерального лагеря. С нею оставалась лишь правая, черносотенная часть политических сил. Все более умеренные слои общества переходили на сторону оппозиции. Ситуацию временно спасали сохранявшиеся противоречия внутри оппозиционного лагеря. Например,

[760] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1053. Л. 5-5 (об.).
[761] История политических партий России… С. 283.
[762] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-1 (об.).
[763] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 465-466.

постоянно конфликтовали между собой кадеты и прогрессисты (причем большую настойчивость к оформлению союзнических отношений проявляли вторые)[764].

Несмотря на это, положение власти стремительно ухудшалось, она становилась все более одинокой[765]. И здесь важно выделить главную ошибку Николая II, сделанную им лично после смерти П.А. Столыпина. Перестав обращать сколько-нибудь серьезное внимание на Думу, он сохранил все ее полномочия в полном объеме. Император был уверен, что «спокойно-внепартийное» отношение к Думе окажет благотворное влияние на внутреннюю жизнь, приведя к уменьшению интереса к ее «политиканству»[766]. На практике же три года, с 1911 по 1914, Дума копила ненависть к главе верховной власти, видя в нем источник своего законодательного бессилия. Эти настроения не остались без последствий, максимально обострив критическое отношение к власти оппозиционных сил. В крайне сложный для страны, и лично для императора, момент Россия вступила в Первую мировую войну[767].

Таким образом, причина неудач столыпинских реформ заключалась в том, что обе политических силы, правые монархисты и октябристы, первоначально поддержавшие Петра Аркадьевича, на различных этапах реформистской деятельности премьера отказали ему в доверии. Существенно ослабило реформистский потенциал П.А. Столыпина быстро проявившееся негативное отношение к нему консервативного лагеря, увидевшего в ускоренном формировании класса крестьян-собственников угрозу для привычного уклада помещичьей жизни. Не помогло Столыпину и разделение в III Государственной Думе правого сектора депутатского корпуса на умеренно и крайне правых, так как против него консолидировалось правое большинство в верхней палате – Государственном совете.

---

[764] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны… С. 128.
[765] Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 12-13.
[766] Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917).. М., 2016. С. 145.
[767] Во время Первой мировой войны Николай II будет проводить достаточно взвешенную, и в целом разумную политику в отношении оппозиции, но нейтралитет, проявленный к Думе в предвоенный период, воспринимался депутатами как полное безразличие, окончательно сформировав у либералов негативное отношение к императорской власти. И наладить за годы войны необходимое взаимодействие с депутатским корпусом для стабилизации внутреннего положения в стране императору так и не удастся (Смирнов А.Ф. Ук. соч. С. 440).

Однако не этот фактор стал решающим в его поражении, ведь с правым лагерем удалось достичь определенного компромисса в связи с формированием партии Всероссийского национального союза, и произведенным под давлением правительства расколом в самой главной партии правого партийного спектра - Союзе русского народа. Выделении из него обновленческого крыла, готового работать совместно с правительством, что было рассмотрено нами во второй главе. При жизни Столыпина, до осени 1911 года, непримиримые противники реформатора, возглавлявшиеся А.И. Дубровиным, вели борьбу с обновленческим Главным Советом внутри данной структуры, и решились на образование враждебной к либералам дубровинской организации только после его смерти.

Основной причиной поражения П.А. Столыпина все же стал демарш весной 1911 года той партии, в которой он видел главную опору проводимого им курса – октябристов. В решающий для Столыпина момент, когда он был готов начать третий, наиболее важный, конституционный этап реформ, они заявили о невозможности дальнейшего сотрудничества с ним, так как роспуском на несколько дней обеих палат российского парламента, включая Государственную думу, якобы был нанесен ущерб самостоятельности законодательных учреждений. В действительности уход А.И. Гучкова, считавшегося в Думе главным проводником столыпинской политики, с поста ее председателя в марте 1911 года объяснялся не только институциональными причинами, но и возникшим у него комплексом обид, прежде всего, по отношению к Николаю II. Поступок лидера октябристов негативно отразился на судьбе Столыпина. Николай II не препятствовал продолжению реформаторской деятельности премьера, и фактически сделали невозможным его дальнейшее нахождение во главе правительства именно октябристы.

Но отказ продолжать совместную работу со Столыпиным лишал октябристов последней возможности реализовать либеральный курс в государственном строительстве. Столыпин был единственным политиком в правительстве, готовым работать с либералами, и включить их в официальную политическую систему, сделать их частью правительства. После гибели П.А.

Столыпина никаких призывов во власть к октябристам больше не поступало. В октябристских рядах далеко не все разделяли фундаменталистских настроений А.И. Гучкова, и вследствие этого в думской фракции Союза 17 октября произошел раскол, приведший к образованию трех октябристских фракций. Причем линию Гучкова разделило лишь меньшинство - 22 депутата из 98, образовавших фракцию Союза 17 октября. Но выбранный Гучковым курс, не мог остаться без последствий: воля Гучкова вела партию в оппозицию. Однако при этом было важно, что стать лидерами всей оппозиции октябристы никак не могли, поскольку даже в либеральном лагере имелись настроенные более радикально партии. На ведущие позиции в нем постепенно возвращалась партия кадетов, и ее новый союзник - партия прогрессистов. Усиливали влияние на процессы в стране и социалисты, включая большевиков.

3.3. Столкновения партий вокруг вопроса о власти в период Первой мировой войны (1914 – 22 февраля 1917 года)

В русском обществе, от высших представителей власти до оппозиции (кадетов), преобладали антивоенные настроения. Многие русские политики, начиная с П.А. Столыпина, осознавали, что война для России будет слишком опасна. Закономерно, что в 1896 году именно Николай II обратился к мировому сообществу с предложением прекратить еще только разворачивавшуюся тогда гонку вооружений. Но это предложение не нашло понимания у многих государств Европы и мира, и, в первую очередь, у стран, начинавших входить в силу, так называемых «молодых хищников» (Германия)[768]. Когда в июне 1914 года произошло убийство Франца-Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, Россия до последнего момента пыталась избежать войны, даже

[768] Истягин Л. Звездный час российского пацифизма. Роль миротворческой инициативы России на рубеже XIX-XX вв. // Россия-XXI. 2004. № 1. С. 63-64, 65-66, 67-68, 71, 73, 78, 85-86.

уговорив Сербию пойти на определенные уступки австрийцам. Однако 19 июля Германия все-таки объявила войну России[769].

Основной линией противоречий, приведшей к мировой войне, были англо-германские отношения[770]. Антибританские настроения в Германии опирались на мощную идеологическую основу: решительным противником Британской империи являлся первый канцлер объединившейся Германии О. Бисмарк, завещавший соотечественникам не забывать, что Англия «всегда и во всем» противостояла немецким интересам[771]. Россия не могла остаться в стороне от этого мощного мирового потока: Германия претендовала на захват части российских территорий и установление экономического господства над прилегающими к ней регионами. Поэтому России пришлось в развертывающемся мировом конфликте поддерживать Англию и Францию[772].

Еще за пять лет до войны, в 1909 году, кадеты на одном из заседаний ЦК детально проанализировали последствия ее вхождения в военно-политический блок Антанты. Было признано, что англо-германский конфликт «ложится в основу всех мировых отношений»[773]. Вместе с тем, партией, решительно преданной идее сотрудничества России с западными демократиями, признавалось, что союз России с Англией полезнее для англичан, чем для русских. «… без поддержки континентальной армии Англия не могла бы победить Германию, а такую континентальную армию мы могли бы ей дать, и, напротив, в случае нашего столкновения с Германией, английский флот не принес бы нам большой пользы»[774].

С Францией, представлялось кадетам, отношения складывались более прочно – Россия и Франция «обречены на союз, чтобы парализовать армию Германии»[775]. Но и в этом союзе Франция может рассчитывать на Россию в большей степени. По мнению П.Н. Милюкова, высказанному на данном

---

[769] Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 3-4.
[770] Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 38-39, 42.
[771] ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 46. Л. 1-1 (об.).
[772] Пайпс. Р. Указ. соч. С. 220-221.
[773] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
[774] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
[775] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

заседании, не исключена ситуация, при которой Россия вступает в конфликт с третьей стороной, а Франция легко уклоняется от поддержки[776]. Исходя из этого Милюков делал очень важный, объясняющий дальнейшее поведение либералов, вывод: с узко военной точки зрения расчет России на поддержку Англии и Франции «не может быть слишком велик». Тесное общение с Англией выгоднее нам не в военном, а «во многих других отношениях»[777].

Выход в день объявления войны на Дворцовую площадь многотысячной демонстрации народа, демонстрирующей патриотические настроения, вынудил оппозиционные партии временно отказаться от борьбы с властью. 26 июля 1914 года на однодневном чрезвычайном заседании обеих палат либеральные партии выразили полное единение с политическим руководством государства. Особенно значимо в данном плане было выступление П.Н. Милюкова, как лидера ведущей оппозиционной партии. «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства – наш первый долг – сохранить нашу страну единой и неразделенной. Отложим внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»[778].

Действия кадетов в начальные дни войны резко контрастировали с их недавним поведением во время австрийского нажима на Сербию. Тогда у них преобладали антивоенные настроения. Центральная кадетская газета «Речь», выражая официальное мнение партии, после ультиматума, предъявленного Сербии Австрией, призывала российские власти не вмешиваться в данный конфликт. «Речь» была даже закрыта на несколько дней из-за антивоенной позиции[779]. Повлияла на изменение отношения кадетов к войне возможность сближения России с передовыми странами Европы. Война давала удобный повод для сближения во «многих других отношениях». Кадеты полагали, что теперь власть для привлечения на свою сторону общественного мнения Запада

[776] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3 (об.).
[777] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 3 (об.).
[778] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 16; История политических партий России… С. 127.
[779] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 12-13.

вынуждена будет пойти на внутренние реформы[780]. Это и было причиной изменения партийной позиции.

Николай II оценил взвешенное поведение либералов в начале войны, сделав им ряд важных уступок. Он разрешил[781], наконец, создать организации, объединяющие деятельность разрозненных прежде органов местного самоуправления – земств и городских дум. Впервые создавались общероссийские структуры для координации их деятельности: Всероссийский земский союз объединил деятельность земств, а Всероссийский союз городов – городских дум. Этим организациям по-прежнему запрещалось официально заниматься политикой: они должны были лишь оказывать материальную помощь армии. В ведение Земского и Городского союзов, образовавших в 1915 году объединенный комитет, Земгор, переходило устройство госпиталей, снаряжение эвакуационных поездов, помощь раненым и семьям призванных на фронт, а впоследствии участие в продовольственном снабжении армии. К концу 1916 года произошел их качественный рост: число земских учреждений выросло до 8 тысяч, в них работали сотни тысяч людей[782].

В 1915 году правительство приблизило либералов к управлению государством, допустив общественных деятелей, в том числе членов Государственной думы, в правительственные органы управления экономической деятельностью – Особые совещания, по обороне, продовольствию, топливу, перевозкам (так, членом совещания по обороне стал А.И. Гучков)[783]. А основная часть либералов получила возможность оказывать содействие государству в мобилизации промышленности на военные нужды через создание военно-промышленных комитетов, деятельность которых распространялась на частные предприятия, принадлежащие самим либералам. Центральный военно-промышленный комитет возглавил октябрист Гучков, его заместителем стал

[780] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 гг.). М., 2003. С. 57-58.
[781] Кстати, по ходатайству министра внутренних дел Н.А. Маклакова – выразителя интересов консервативных, правых сил, прежде неизменно противостоявшего либералам, и одновременно родного брата кадета В.А. Маклакова (ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 1, 3).
[782] Шевырин В.М. Земский и Городской Союзы: 1914-1917 гг. Аналитический обзор. М., 2000. С. 16, 17-18.
[783] Пайпс Р. Указ. соч. С. 258-259.

лидер прогрессистов А.И. Коновалов. Эта структура оказалась самой влиятельной во всей иерархии созданных либералами организаций[784].

Создание сети организаций, в которых оппозиционеры могли работать на оборону страны, свидетельствовало о намерении царя создать механизм постепенного привлечения партийных активистов к управлению страной[785]. Но либералы ожидали большего, надеясь, что их довольно скоро призовут и в саму власть. Впоследствии левый кадет Н.И. Астров вспоминал: «Большинство московских кадетов полагало, что не через думскую “говорильню”, а именно через практическую общегородскую организацию, посредством живого дела произойдет приближение общественных сил к сфере государственного управления»[786]. 8 декабря 1915 года газета «Утро России» - орган московских прогрессистов – писала, что совместная энергичная работа промышленной городской буржуазии и интеллигентных сил в деле обороны «выдвигает наше “третье сословие” на авансцену русской жизни», способствует завершению «чрезвычайно сложного процесса политического самоопределения класса, на который русская общественность смотрит как на законного преемника бюрократии в деле руководства русской государственностью»[787].

Между тем, правительство и многие руководители армии задолго до вызревания конфликта с тревогой наблюдали за действиями лиц, входящих в общественные организации, и, прежде всего, в Земгор. В апреле 1915 года был поставлен вопрос о необходимости ограничить доступ в действующую армию общественных деятелей, получавших командировки от всероссийских Земского и Городского Союзов, так как на фронт от их имени часто приезжали кадеты и даже члены более левых партий (меньшевики), «скомпрометированные в политическом отношении, как видные деятели революционного движения», внося «известную долю разложения и недовольства правительством в ряды войск»[788].

---

[784] Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 78-79.
[785] Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998. С. 78.
[786] Цит по: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 40.
[787] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.С. 45.
[788] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 791. Л. 23-23 (об.).

У власти не случайно возникали опасения относительно Земгора. В представлениях людей, далеких от политики, но регулярно читающих оппозиционные газеты, создавалось впечатление, что данная организация самое здоровое учреждение. Земский союз воспринимался значительной частью общества как организация, выполняющая громадную практическую работу для фронта и тыла. Умеренные элементы, мечтавшие о победе над врагом, но неудовлетворенные тем, что делалось в тылу, связывали ожидания на благоприятный исход войны именно с Земгором. В действительности под руководством либералов Земгор выполнял преимущественно политические функции. Пропагандисты Земгора, регулярно говоря о необходимости шире привлекать народ к работе для войны, стремились подвести общество к политическим выводам о невозможности успешного продолжения властью дальнейших боевых действий[789].

Столкновение между властью и обществом назревало, и страна оказалась на грани схватки между ними, еще более непримиримой, чем прежде. Правда, это противостояние не сразу стало антагонистическим. Линия противостояния первоначально проходила не между обществом и властью, а по линии объединения общества с определенной частью власти против остальной власти. 6 августа 1915 года шесть фракций Государственной думы образовали блок, получивший название Прогрессивного, с целью смены правительства. Идею поддержала и значительная часть Государственного совета (три фракции: центра, академической группы и внепартийных)[790].

Инициаторы объединения – кадеты, настроенные более радикально, чем основная часть блока, учтя некоторые промахи из своего прошлого, понимали, что объединение либеральных и правительственных сил возможно только на умеренной основе. На начальном этапе кадеты были готовы к переговорам и уступкам, отказавшись от базового лозунга – ответственного правительства, и соглашались на правительство доверия. В случае создания их правительство

[789] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 14.
[790] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 112.

намеревалось по-прежнему подчиняться Николаю II, но предполагалось, что его основу составят либеральные бюрократы (А.В. Кривошеин, С.Д. Сазонов, А.А. Поливанов)[791]. В этот кабинет намечалось также вхождение трех октябристов (М.В. Родзянко, А.И. Гучкова, Н.В. Савича), трех кадетов (П.Н. Милюкова, А.И. Шингарева, Н.В. Некрасова), центровика из группы центра (В.Н. Львова) и двух прогрессистов (И.Н. Ефремова и А.И. Коновалова). Влияние прогрессистов в предполагаемом правительстве было бы невелико в связи с тем, что они к тому времени по степени радикализма уже превзошли даже кадетов. Все «общественники» являлись парламентариями, так как А.И. Гучков являлся членом Госсовета, верхней палаты, а остальные депутатами Государственной думы, и главным кандидатом в премьер-министры назывался Родзянко, Думу возглавлявший[792].

В середине августа 1915 года шансы на создание такого правительства казались огромными. Вечером 21 августа все правительство, за исключением премьера И.Л. Горемыкина, близкого к нему министра юстиции А.А. Хвостова и заболевшего министра путей сообщения С.В. Рухлова, собралось в квартире министра иностранных дел С.Д. Сазонова и составило коллективное письмо царю, в котором единодушно высказалось за отставку Горемыкина, по существу солидаризировавшись с Прогрессивным блоком[793]. Впервые в истории России произошел правительственный кризис, заключавшийся в конфликте большинства министров с председателем правительства.

Возникала видимость момента высшего согласия ключевого властного органа с российским обществом - на сторону оппозиции было готово перейти и правительство. Мог ли в таких условиях Николай II пойти навстречу либералам? Скорее нет, поскольку считал либерализацию политической системы возможной только по окончании войны. В результате Горемыкин в отставку не ушел, а поплатилось за чрезмерную активность большинство министров,

[791] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 59.
[792] Шелохаев В.В. Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 55-56, 57, 58; Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 512, 515.
[793] Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг.… С. 161.

солидаризировавшихся с либералами. Вскоре были уволены 8 из 10 министров, выступивших против Горемыкина[794].

25 августа Милюков, поняв, что намечавшееся вроде бы соглашение с правительством откладывается, в ходе заседания Думы начал прямую атаку на власть: «Власть не имеет доверия в народе, и она должна быть немедленно заменена такой властью, которая это доверие имеет». «Прогрессивный блок, - заявил Милюков, - на плечах русской общественности вынесет Россию из трудного момента, из кризиса, который мы теперь переживаем» - Дума ответила рукоплесканиями. Милюков вновь превращался в лидера всей оппозиции[795].

Усилило злобу либералов и другое важнейшее решение, параллельно принятое Николаем II в те августовские дни 1915 года. Сместив дядю Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, он сам занял этот пост. Данная мера вызывалась не политическими, а сугубо военными причинами – ухудшением ситуации на фронте[796]. Однако оппозиция восприняла данный шаг императора как вызов. С августа 1915 года, вместо компромисса, начинается беспощадная война либералов с властью.

Внешней причиной последовавшего вскоре открытого перехода либералов в оппозицию стали серьезные поражения на фронтах. Но «великое отступление» было лишь фоном, а не причиной кризиса[797]. Возвращение либеральных партий в оппозицию летом-осенью 1915 года объяснялось разочарованием оттого, что возникшему в данный период в Государственной думе Прогрессивному блоку было отказано в праве формирования правительства. Попытка сближения двух непримиримых прежде сил всегда является самым опасным периодом в их взаимоотношениях: ее неудача чревата полным разрывом отношений. Обе стороны, вступая в соглашение, хотели слишком много выиграть от этого союза. Николай II надеялся, что либералы отложат вопрос о вхождении во власть до конца войны. Либералы же рассчитывали, что правительственные институты,

[794] Пайпс Р. Указ. соч. С. 256-257.
[795] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 515.
[796] Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 140, 141.
[797] Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 93.

вынужденные во время войны сотрудничать с Англией и Францией, согласятся на коренные реформы.

Либеральная оппозиция развернула против императорской власти гигантскую информационную войну, уверяя общество, что ведет борьбу за смену власти в России лишь потому, что правительство не хочет продолжать войну и стремится к заключению сепаратного мира с Германией. Свою личную заинтересованность в смене власти либералы обосновывали военными нуждами. Так, в записке председателя Земгора кн. Г.Е. Львова, направленной 29 октября 1916 года председателю Государственной думы М.В. Родзянко, отражались претензии к правительству, выдвинутые председателями губернских земских управ, собравшимися в Москве. В тексте документа утверждалось, что, пребывая во вражде с народным представительством и организованными общественными силами, правительство не в силах успешно закончить войну[798].

Утверждения оппозиционеров о неспособности власти продолжать войну не соответствовали действительности. За год, прошедший с лета 1915 года, когда император лично возглавил армию, ситуация на фронте существенно улучшилась, и в конце 1916- начале 1917 годов, вопреки утверждениям либералов, Россия вплотную подошла к возможности завершения войны. В декабре 1916 года началась подготовка к весеннему наступлению, предполагавшемуся во второй половине апреля 1917 года. Ожидалось, что оно совпадет с наступлением союзников. В декабре 1916-январе 1917 годов Николай II вместе с генералами тщательно готовили наступательную операцию[799]. На совещании в Ставке, обсуждавшем план грядущего наступления, генерал А.А. Брусилов, командовавший Юго-Западным фронтом, закономерно резюмировал итоги совещания: «Войну надо кончить в 1917 году…»[800].

За полтора года нахождения Николая II на посту Верховного главнокомандующего были достигнуты большие успехи, ставшие возможными благодаря многократному увеличению снабжения армии (по различным видам

[798] ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 67. Л. 1-2.
[799] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 34 (об.), 36 (об.).
[800] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 167 (об.).

вооружений превышение доходило от 2 до 16 раз). Если на первом этапе войны наблюдался дефицит снарядов, и русские войска на несколько выстрелов отвечали одним (и оттого основным методом ведения войны на том этапе были мощные штыковые атаки[801]), теперь недостатка в них не наблюдалось. В 1915-1916 годах на вооружение армии поступило более 37,5 млн 76-миллиметровых снарядов и 6,8 млн снарядов среднего калибра – из них 27,5 и 5,1 млн снарядов соответствующих видов были произведены в России, а более 9 и 1,7 млн получены от западных союзников[802]. Один из крупнейших деятелей Великобритании У. Черчилль писал: «Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году. Это был последний славный вклад царя и русского народа в дело победы…»[803].

В реальности возвращение либералов к оппозиционной тактике происходило потому, что, по их мнению, только война давала им шанс на приближение к власти. Им представлялось, что в случае победы России их мечты на получение правительственной власти так и останутся невоплощенными. Поняв, что Николай II не намерен им доверять сейчас власть, они начали решительную схватку за нее. Уже в августе 1917 года (в момент отчаяния, вызванного провалом корниловского выступления), в частном письме, Милюков откровенничал: «Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая (*1917 года – С.Х.*) наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет… пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю»[804].

---

[801] Еременко А.И. В начале войны: Воспоминания Маршала Советского Союза. М., 2006. С. 84.
[802] Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 581-582; Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М., 2003. С. 589-590.
[803] Цит. по: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 582.
[804] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1-1 (об.).

Депутатам Государственной думы было хорошо известно, что война приближалась к победному для России завершению, и происходило это, не благодаря усилиям либералов, а вопреки им. Они откровенно писали об этом внутри своего круга. Верный соратник Милюкова, член кадетского ЦК А.И. Шингарев, в письме коллеге по Прогрессивному блоку В.В. Шульгину писал о многократно выросшем техническом росте военного могущества России. Что касается Шульгина, входившего в Особое совещание по обороне, его оценка подготовленности армии к наступлению была даже категоричнее. «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным. Если это так, то тогда вообще все спасено, можно хоть прогнать Государственную думу»[805].

Важно понять: в 1915 году либералы перешли грань допустимой оппозиционной деятельности, встав в ходе войны на путь жесткого противостояния с императором и его правительством. Избранная ими антиправительственная тактика лишь ухудшала военное положение страны. Личные интересы, приход к власти любой ценой, для них стали выше государственных. Отказываться от власти либеральное общество не хотело, но как действовать дальше не знало, и потому не было единым. В нем сложились три основные группировки.

Самой умеренной была центральная часть оппозиции, возглавляемая Милюковым, ведшая борьбу сугубо парламентскими средствами: публичной критикой правительства с думской трибуны. Но при этом именно эта группа внесла наибольший вклад в свержение монархии. Остро критикуя власть, она подготавливала народ к мысли о неизбежности революционных потрясений. Вследствие думских речей народ склонялся к мнению, что во главе государства находятся предатели и только их устранение прекратит народные бедствия. Либералы готовили почву для будущих успехов социалистов.

[805] Цит. по: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916-февраль 1917 г. М., 1989. С. 283.

Апогеем антиправительственных речей либералов стало выступление Милюкова в Думе 1 ноября 1916 года, где он прямо объявил о войне с правительством: «Мы говорим правительству… мы будем бороться с вами, будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете». «… все частные причины сводятся к… одной общей – к неспособности и злонамеренности данного состава правительства. Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании»[806]. Вскоре Февраль докажет ошибочность этой формулы. Правительство будет устранено, а дальнейшее ведение войны станет просто невозможно в силу утраты новой властью в лице Временного правительства контроля над страной.

После речи Милюкова, где он обличал уже ближайшее окружение императрицы Александры Федоровны и даже ее саму, популярность кадетов в стране резко выросла. Но сами кадеты стояли перед проблемой: что же делать дальше[807]? Милюкову становилось все труднее удерживать от неповиновения собственную фракцию. Так, депутат А.М. Александров утверждал: «Мы пришли к революции». Блок должен немедленно заявить о решимости бороться с правительством до конца. А при отказе блока, фракция обязана выступить самостоятельно[808]. Милюков не решался на такую активную меру и начинал понимать безнадежность положения. Его политика зашла в тупик. Оппозиционеры уже не могут примириться с правительством, а правительство не согласится на принятие программы Прогрессивного блока, считая ее революционной[809]. Поведение Милюкова в ходе кризиса соответствовало оценке, какую дал ему ранее его учитель, знаменитый русский историк В.О. Ключевский: «О самом Милюкове скажу… он… наивный тяжеловесный (академический) либерал, в действиях своих даже глупый, а не вояка искушенный»[810]

---

[806] Цит. по: Российские либералы: кадеты и октябристы… С. 185-186.
[807] Гайда Ф.А. Либералы на внутреннем фронте. Вопрос о революции в постановке парламентской оппозиции (1914-февраль 1917 года) // Свободная мысль-XXI. 2001. № 5. С. 86.
[808] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 18 (об.).
[809] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 19.
[810] Цит. по: Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 582.

Путь прямой конфронтации с властями предлагали левые кадеты и прогрессисты, настаивая на активизации деятельности вне Думы и на сближении с умеренными социалистами. Прогрессисты, ставшие самой левой из партий в Прогрессивном блоке, формально вышли из него еще в ноябре 1916 года. Мотивацию выхода прогрессистов пояснил И.Н. Ефремов. «Если уже применять военные термины, то про нас можно сказать, что мы не подчинились дисциплине, не дождались приказа слишком осторожного вождя (*Милюкова – С.Х.*), а составили партизанский отряд и вышли на передовые позиции, надеясь увлечь за собою всю армию»[811].

Прогрессисты, не отягченные ответственностью за выбор стратегического курса, выступали с думской трибуны предельно жестко. «Мы должны сказать, что пришло время выбора; или мы, или правительство; интересы страны или сохранение у них их портфелей»[812]. Категорично был настроен и лидер фракции А.И. Коновалов. «Долг Государственной думы неуклонно, настойчиво продолжать борьбу с действующим режимом. Пусть будет доведена эта борьба до конца, пусть ведется она неустанно и пусть не будет никаких уступок, никаких компромиссов на этом пути. Задача страны облегчить Государственной думе эту ее борьбу»[813].

У союза левых сил имелась и организационная основа - их основные представители входили в псевдомасонскую структуру «Великий Восток народов России», возникшую в далеком 1909 году. Псевдомасонскую потому, что никакого отношения к мировому масонству они не имели. Это была чисто русская политическая организация, включавшая в себя преимущественно, хотя и не только, депутатов Государственной думы. Ее базой в свое время виделась как раз партия прогрессистов, поскольку занимала центральное положение в либеральном лагере, и потому была единственной, чье руководство непосредственно входя в организацию, было осведомлено обо всех ее секретах. А секрет союза заключался в намерении, действуя в тайне от лидеров главных

[811] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1742. Л. 4 (об.).
[812] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1742. Л. 4 (об.).
[813] РГВИА. Ф. 2003. оп. 1. Д. 1744. Л. 7.

либеральных партий, кадетов и октябристов, объединить их на общей политической платформе. Однако прогрессисты, уйдя влево от кадетов, утратили возможность консолидации всех либералов. Более того, они значительно усилили распри в ведущей на тот момент кадетской партии, поскольку «масон» Н.В. Некрасов, ставший в 1916 году заместителем председателя Государственной думы, желая возглавить партию, усилил прямые интриги против Милюкова.

Но и на левом фланге внутри «масонской» организации, во взаимоотношениях с социалистами, сложностей хватало. Ключевой задачей ВВНР было подчинение социалистов либералам. Возможности для решения такой задачи имелись. Членами Великого Востока стали меньшевики А.Я. Гальперн, в 1916 году даже занимавший место его секретаря, и лидер социал-демократической фракции в Думе Н.С. Чхеидзе. И все же предлагаемый левыми либералами вектор был малоперспективен, ведь путь влево был не менее тупиковым. Меньшевики, более лояльно относившиеся к либералам, теряли доверие рабочих, а большевики, контролировавшие петроградских рабочих накануне Февраля, были противниками сближения с либералами. К тому же применение наступательных мер, на которых настаивали левые, вело к разрыву с правой частью Прогрессивного блока, а именно она еще оставляла какие-то надежды на мирное соглашение с имперским правительством[814].

Но главное, что приобрели левые либералы в связи с организационной деятельностью ВВНР, стало вхождение в их ряды А.Ф. Керенского, лидера маловлиятельной в Думе трудовой фракции, состоявшей всего из 10 человек, воспринимавшейся одновременно и союзником, и конкурентом крупнейшей социалистической партии эсеров. С одной стороны, благодаря Великому Востоку, Керенский получил возможность вхождения в узкое руководство Государственной думы, а с другой стороны, вследствие активности Керенского на рубеже 1916-1917 годов, слабейшая либеральная группировка (промасонская) обрела шанс на усиление позиций в дни февральского передела власти.

[814] Гайда Ф.А. Либералы на внутреннем фронте // Свободная мысль-XXI. 2001. № 5. С. 81-82.

Наибольшую активность перед Февралем как раз развили праволиберальные силы, ранее настаивавшие на соглашении с властью – правые кадеты и октябристы. Центром их был А.И. Гучков, пожалуй, единственный российский политик, желавший войны в период Сараевского кризиса. В те дни в письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову А.И. Гучков писал: «мы предадим Сербию … ибо мы раньше и, прежде всего, предали Россию»[815].

С первых дней войны, когда большинство политиков, по крайней мере публично, всячески поддерживало иллюзию «национального единения», Гучков, находившийся до летнего кризиса 1915 года не у дел, был настроен непримиримо. Кризис вернул его в политику: в июле 1915 года он возглавляет собственную организацию - ЦВПК, превращенный им в главный очаг интриг против царя, а вскоре избирается «вопреки давлению царской семьи» членом Государственного совета[816]. За год бездействия в нем накапливалась та злость, которой он не скрывал еще в июльском письме 1914 года от Сазонова. «В самые тяжелые минуты наших поражений… не испытывали мы того жгучего чувства стыда за Россию, какие испытываем теперь»[817].

Содержалась в июльском письме и личная программа Гучкова по отношению к российской власти, ярко проявившаяся позднее в предреволюционном конфликте. Программа заключалась в признании необходимости свержения существовавшей власти – видимо октябрист видел тогда в министре иностранных дел ее типичного представителя. «Теперь одна моя надежда на то, что… (*переполнится – С.Х.*) чаша терпения русского народа и опрокинет он вас с себя, сколько вас ни есть»[818]. Гучков не ожидал, что среди тех, кого скинет революция с постамента, окажется и он сам.

Силы, сплотившиеся вокруг Гучкова, были настроены враждебно против лично императора[819]. Вследствие чего Гучков намного превзошел Милюкова по степени непримиримости. Ранее Гучков рассматривал Милюкова, как

[815] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 696. Л. 1 (об.).
[816] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 51.
[817] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 696. Л. 1 (об.).
[818] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 696. Л. 1 (об.)-2.
[819] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.

революционера, желавшего совершить в России бунт, а себя воспринимал защитником устоев. Теперь все изменилось. По замечанию Гучкова, предреволюционный Милюков хотел всего лишь «потрясти основы», чтобы наверху сменилась группа лиц. Это была борьба за исполнительную власть, и, как пишет Гучков, «какая-нибудь комбинация с Кривошеиным» вполне удовлетворила бы оппозиционеров из Думы[820].

А.В. Кривошеин, в прошлом соратник Столыпина, стремясь консолидировать Государственную думу и правительство, добивался в ходе войны у Николая II права сформировать правительство с участием думских деятелей. При стремлении к созданию нового правительства он ориентировался на Милюкова и полагал, что правительство с ним останется лояльным к монарху[821]. Александр Иванович признавался в подготовленных им воспоминаниях, что Кривошеин намеревался и ему доверить в этом кабинете место военного министра. Отказываться от вхождения в данное правительство он не собирался, но включение в него не изменило бы его планов, нацеленных на персональное отстранение от власти Николая II[822].

Жажда мести делала Гучкова более радикальным. Гучковцы критически оценивали действия депутатов. Депутатская фронда, по их мнению, имела мало шансов на воплощение своих замыслов. Ведь думцы, наравне с левыми либералами, беззаботно надеялись на приход к власти через открытые акты народного неповиновения[823]. Гучков подверг жесткой критике представления, господствовавшие на одном из тайных совещаний, проводившемся в октябре 1916 года, где присутствовали в основном думцы. Участники собрания полагали, что все сделает улица, события произойдут стихийно, но затем власть непременно перейдет к ним, депутатам. И они, как элементы нового порядка, упорядочат стихийное движение, остановят «поток разложения» и организуют власть[824].

---

[820] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 16.
[821] Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 90, 93.
[822] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 9-10.
[823] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 116.
[824] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 1-2.

Шедшая за Гучковым группа видела себя главным наследником власти в случае ее падения, так как за ней стояли могущественный класс промышленников, и симпатии значительной части офицерско-генеральского корпуса действующей армии. «Группа все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности в самом ближайшем будущем дворцового переворота…»[825]. Единственный выход им виделся в отстранении Николая II от власти. Его сын, наследник престола Алексей Николаевич, в силу малолетнего возраста является самой подходящей фигурой для преобразования самодержавия в конституционную монархию[826].

В той сложной ситуации, в какой находилась оппозиция, присоединение к ней Гучкова было особенно важно, так как он являлся одним из немногих лиц, способных на решительные действия. Так оценивала Гучкова и противоположная сторона. Защитники власти из охранительных структур осознавали, что благодаря Гучкову оппозиция готова вступить на путь реальной борьбы за власть. «Во всяком случае… самый факт попыток и замыслов… определенно свидетельствует о неуклонно назревшем решении оппозиции поставить точки над “I” и выступить на путь открытой борьбы с ныне существующим Правительством и установленным законами образом правления»[827].

Непримиримость праволиберальных кругов говорила о восстановлении положения, сложившегося перед войной: сплочения против власти всех либеральных сил, но теперь на основе еще большей ненависти лично к императору.

Углубление конфликта изменило ситуацию и внутри Думы. Если в начале войны ее председатель, умеренный октябрист М.В. Родзянко, вел себя очень сдержанно, предлагая в частной беседе министру финансов П.Л. Барку распустить Думу до конца войны[828], то позднее с большим азартом включился в борьбу с правительством. По остроумной характеристике, данной в Петроградском охранном отделении, «дельцы» Прогрессивного блока возглавлялись

[825] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 116.
[826] Гибель монархии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. М., 2000. С. 481.
[827] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 115 (об.).
[828] Гайда Ф. «Начинается расплата»… С. 92.

«перешедшим в оппозицию и упорно стремящимся к “премьерству” председателем Государственной думы - шталмейстером Родзянко»[829]. Переход Родзянко в оппозицию кардинально менял обстановку в России: вместе с Родзянко переходила в оппозицию и основная часть Союза 17 октября. На позициях поддержки правительства оставались лишь правые октябристы[830].

Но ведь у царя еще должны были оставаться естественные союзники – правые. Но и здесь нашлись лица, подвергшие его критике за то, что Г.Е. Распутин дискредитирует монархию постоянным пьянством[831]. Не желая давать либералам повод для дискредитации монархии, так как с помощью создаваемого оппозиционной пропагандой образа Распутина либеральная оппозиция постоянно атакует власть, они вначале пытались уговорить Николая II мирно расстаться с ним. Но, по мере возрастания в обществе ненависти к «старцу», начали поиск средств для устранения объекта народной критики[832]. А в дальнейшем в правой среде усилились негативные настроения уже по отношению и к самому монарху.

Внутри высшей бюрократии происходил раскол, в результате которого значительная часть элиты от единения с монархом переходила к неформальному союзу с Государственной думой. Все большая часть общества воспринимала Государственную думу как символ сопротивления, и вокруг нее происходило объединение многочисленных сил, недовольных властью, включая титулованную знать во главе с великими князьями. Последствием такой ее роли стал паралич высшей власти, делавший невозможным проведение репрессий против взбунтовавшегося большинства Думы[833]. Высшим кругам российского общества казалось, что массовая поддержка законодательного учреждения удержит страну на краю пропасти: внутриполитический кризис остановится на стадии трансформации самодержавия в конституционную монархию[834].

---

[829] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 113 (об.).
[830] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
[831] Иоффе Г.З. «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 109.
[832] Там же. С. 111.
[833] Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917 гг.). Дисс… канд. ист. наук. СПб., 1999. Л. 580.
[834] Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне февральской революции… С 83.

Из правых радикалов, решившихся в 1916 году на открытое сближение с либералами и вошедших в антиправительственную коалицию, наибольшей известностью обладал В.М. Пуришкевич[835]. Вмешательство Пуришкевича в тяжбу Думы с правительством по поводу назначения ее члена, октябриста А.Д. Протопопова, министром внутренних дел, еще более усугубило ситуацию[836]. Правый депутат наиболее резко атаковал нового министра. «Симбирский дворянин, от коего почти целиком отвернулось его дворянство, мстит всему благородному сословию за то, что сделали дома ему»[837]. Пуришкевич имел в виду исключение симбирским дворянским собранием Протопопова из своих рядов, несмотря на то, что тот занимал должность губернского предводителя дворянства[838].

Возглавлявшийся В.М. Пуришкевичем «Русский народный союз имени Михаила Архангела, оказался, однако, единственной правой партией, присоединившейся к либералам. Остальные, в том числе обе части Союза русского народа, обновленческая и дубровинская, теперь вновь объединились для совместной поддержки правительства. Наиболее яркий оратор правого меньшинства в Думе, обновленец Н.Е. Марков-2 обвинил депутатский корпус в разжигании гражданской войны. Государственное учреждение (Дума) занято взаимными распрями, «натравливанием одних на других». У армии отбирается последнее оружие, которое еще оберегает Россию от германцев – «это уверенность там (*на фронте – С.Х.*), что сзади (*в тылу – С.Х.*) нас не предают». Тот день, когда в народе будет окончательно посеяна уверенность в предательстве тыла, станет последним в жизни русского народа, «ибо его расхватают на клочки». Но первыми погибнут депутаты, «маленькие люди» - пророчески вещал Марков-2[839].

Представителям Прогрессивного блока приходилось выслушивать в Думе и другие разумные выступления правых депутатов, из которых самым

---

[835] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С. 262-263.
[836] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
[837] Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 244.
[838] Бибин М.А. Указ. соч. С. 247.
[839] Государственная Дума. 1906-1917. Стенографические отчеты… С. 75, 76.

запоминающимся было выступление Г.Г. Замысловского, представлявшего русское население Виленской губернии. «Вы ведете вашу борьбу с правительством во имя законности, вы говорите, что правительство попирает закон. Но если под этим лозунгом ведется ваша борьба, то вы сами должны прежде всего закон соблюдать. А что же вы делаете?... Вы прямо попираете закон. У вас, конечно, готтентотская мораль; вам все возможно, а другим ничего нельзя;… ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, потому что вы их постоянно перебиваете»[840].

Сторонники правительства привлекали общественное внимание к недостаткам либералов через критику Земгора. В сентябре 1916 года газеты «Биржевые ведомости» и «Голос Руси» опубликовали размеры финансовых средств, затраченных государством в лице ненавистного либералам правительства на материальное содержание обоих Союзов – более полумиллиарда рублей[841]. Эти организации осуждались за то, что, называясь общественными, реально жили за счет казенных средств: критикуя правительство, осуществляли антиправительственную деятельность за его средства. С этой позицией вынужден был солидаризироваться и все тот же министр иностранных дел Сазонов, в реальности являвшийся сторонником либерального лагеря. «Большинство этих организаций существовало за счет государственного казначейства, само не располагая никакими средствами, и забывало о своем назначении помогать деятельности правительства»[842].

Г.Г. Замысловский расценивал Земский и Городской союзы, как второе правительство, находящееся в руках Прогрессивного блока[843]. Скорее все обстояло наоборот. Настроенные непримиримо силы концентрировались вокруг Земгора, и подталкивали князя Г.Е. Львова именем Государственной думы и Прогрессивного блока к более решительным действиям. Активность земцев привела к глубочайшему конфликту в декабре, окончательно превратившему во

[840] Государственная Дума. 1906-1917. Стенографические отчеты… С. 221.
[841] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 153, 157.
[842] Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 360.
[843] Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 418.

врагов власть и оппозицию. В то время как Дума и Прогрессивный блок сохраняли определенную пассивность вплоть до самого Февраля.

Подробности декабрьских съездов Земгора, расшатавших последние остатки стабильности в стране, анализирует письмо Н.Н. Тихановича-Савицкого, направленное Николаю II 30 декабря 1916 года. Отправитель письма – ярый монархист, председатель Астраханской народно-монархической партии (в прошлом председатель астраханского отдела Союза русского народа), и один из немногих остававшихся энтузиастов на правом фланге политического спектра. В жандармском управлении ему дали показательную характеристику. «В дело партии ушел весь, в ущерб своим торговым делам»[844].

В письме на примере астраханской губернии прослежен механизм взаимодействия столичных членов общественных организаций с их сторонниками, занимающими влиятельные позиции на региональном уровне. «В Астрахани, например, губернатор заявил городскому голове, что в Москве съезд (*Земгора, в декабре 1916 года – С.Х.*) не разрешен,- Львов телеграфировал всем – “приехать во что бы то ни стало”. И приказ этого второго правительства был исполнен. Вернувшись со съезда, городской голова, собрав гласных на незаконное частное собрание, сообщил им, что, несмотря на разгон съезда полицией, они всю ночь совещались… на совещании говорили о необходимости заранее наметить временное правительство, а также власти на местах»[845].

Письмо Тихановича-Савицкого интересно, прежде всего, тем, что в нем прослежено взаимодействие центральных и местных оппозиционных структур в том «штурме власти», который проводился либеральной общественностью с ноября 1916 года. «Главный комитет Союза земств и городов… открыто готовит государственный переворот. Городские головы, председатели земских управ и другие лица… для того подобранные, получают на московских съездах, явных и тайных, указания, как возбуждать местных гласных, а через них и население». Для изменения положения астраханский купец просил императора потребовать от

[844] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. д. 249. Л. 194.
[845] Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998. С. 605.

местных властей, чтобы они запрещали возбуждать население против правительства, а лиц, обостряющих недовольство, привлекали за это к ответу по закону[846].

Декабрь 1916 года вывел отношения власти и оппозиции на новый уровень противостояния. Съезды Земгора показали готовность оппозиции перейти к внепарламентским действиям. Каждая из сторон конфликта, власть и оппозиция, накапливала основания для непримиримой враждебности. Оппозиционеры настаивали на несправедливости запрета легального проведения съездов.

Лидер прогрессистской фракции А.И. Коновалов, в ходе выступления на специальном заседании Государственной думы 16 декабря 1916 года, посвященном съездам Земгора, стремился представить действия полиции как произвол. «Я был свидетелем в Москве тех деяний, которые творила власть в декабрьские дни, 9, 10 и 11 числа… я припоминаю тот момент, когда, прибыв к зданию городского Союза, где должен был собраться съезд, я увидел отдельные группы городских голов, съехавшихся со всех концов России, тысячи верст, быть может, проехавших, чтобы прибыть на это совещание, они толпились на тротуаре, и полиция не допускала их войти в самое помещение»[847].

Однако как следует из приведенного выше письма Тихановича-Савицкого, многие участники земгоровских съездов еще до приезда знали о наложенном властью запрете, и оттого в реальности их действия выглядят как сознательная провокация. Дополняемая к тому же враждебной, по отношению к правительству, повесткой мероприятия – обсуждением перспектив создания альтернативной власти. Поэтому, на наш взгляд, более логичной выглядит противоположная позиция, высказанная уже упоминавшимся депутатом Г.Г. Замысловским в том же заседании. «Со стороны формальной разгон съезда правительственной властью есть, безусловно, деяние законное, потому что раз в Москве военное положение, то…власть имела право это сделать. Что касается существа вопроса, то власть, если она мало-мальски себя уважает, не может допустить, чтобы

[846] Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы… Т. 2. С. 604-605, 606.
[847] Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 203.

собирались съезды, которые прямо заявляют, что цель собрания – борьба с этой властью. Понятно, что власть такой съезд должна немедленно распустить. Это логика вещей»[848].

В такой сложной обстановке радикалы из правого лагеря и решились на убийство Распутина[849]. Характерно, что союзниками правых в этом деле оказались правые либералы: в частности, В.А. Маклаков. Незадолго до убийства он несколько раз лично консультировал того же Пуришкевича[850].

Но вместо ожидавшегося облегчения произошло предельное обострение ситуации. Убийство Распутина привело к усилению влияния кадетской партии: теперь ее лидирующую роль признавали даже великие князья. Отныне все разговоры в обществе велись не о Распутине, а о самой императрице, что было гораздо опаснее. Круг людей, готовых защищать императора, сужался. Оппозиционное движение теперь направлялось против императорской четы.[851].

В сложившихся обстоятельствах у Николая II оставался один выход: составить правительство из лиц, преданных ему лично. Правительство, созданное в декабре 1916 года, возглавил кн. Н.Д. Голицын[852]. На рубеже 1916-1917 годов решался вопрос о государственном суверенитете России. Николай II являлся единственным человеком, способным обеспечить успешное проведение планировавшегося весеннего наступления. Силы, поддерживающие императора, проявляли себя защитниками независимости и территориальной целостности страны. Правительство, в случае смены главы государства, независимо от того, кто бы им ни был, попадало в полную зависимость от Запада, а Россия становилась страной с ограниченным суверенитетом. Из признания П.Н. Милюкова во все том же письме 1917 года следовало, что либералы хорошо понимали неизбежное ухудшение состояния армии в случае смены верховной власти в России. Но это их не останавливало, так как союзники все равно добьются победы. Это значило, что для либералов задача свержения собственного

---

[848] Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты… С. 221.
[849] Оно произошло именно в тот же день, точнее в ночь с 16 на 17 декабря.
[850] Ватала Э. Григорий Распутин без мифов и легенд. М., 2000. С. 664-665.
[851] Захарова О., Ячменихин Н. «Госпиталь открыт, приезжайте!». Князь Львов и «кавказский вариант» переворота //Родина. 2009. № 8. С. 15.
[852] Дякин В.С. Указ. соч. С. 266.

правительства становилась насущнее достижения победы в войне. А патриотизм у них ассоциировался не со страной, Россией, а с блоком Антанты - победой англичан и французов. О том, какое место займет в этом случае Россия, они даже не задумывались[853].

Н.Н. Тиханович-Савицкий в телеграмме, предназначенной Главному совету СРН, указывал единомышленникам на несоответствие публичных заявлений либералов, громогласно провозглашавших себя патриотами, их реальной политике, ослаблявшей военное могущество страны. «Если правительство плохо, а левые были бы действительно патриотами, маску которых они на себя надели, то сказали бы: “Будем с плохим правительством работать”, не трясли бы страну 2 года в тяжкое для нее время…»[854].

К началу 1917 года у кадетов, как ведущей оппозиционной партии, неожиданно появился опасный противник, настроенный жестко против либералов. Это были большевики: война позволила им окончательно получить всероссийскую известность. Они остались единственной партией среди социалистов, сосредоточившейся с самого начала войны на отстаивании антивоенной программы. Кроме них антивоенной позиции придерживались и многие эсеры, но все же далеко не вся партия[855]. Антивоенная пропаганда стала для большевиков теми дрожжами, на которых их влияние начало резко возрастать. Они почти полностью взяли под контроль рабочее движение в Петрограде. В октябре 1916 года большевикам удалась грандиозная акция: под их руководством в Петрограде прошла политическая забастовка, в которой участвовало 250 тысяч человек[856].

Наглядно доказали превосходство большевиков над меньшевиками в Петрограде выборы рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Военно-промышленные комитеты под руководством Гучкова и Коновалова превращались в авангардные центры борьбы либералов с

---

[853] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1.
[854] Правые партии. Документы и материалы… Т. 2. С. 628.
[855] Никонов В.А. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 147-148.
[856] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 224.

самодержавием, активные опорные пункты той части либералов, которая вела наиболее яростную борьбу с властью.

О том, насколько политизировала ВПК тактика Гучкова, свидетельствует эпизод 19 сентября 1916 года. Перед самым «штурмом власти», на заседании бюро ЦВПК выступил заместитель председателя организации, пока что депутат Государственной думы, а в скором времени герой Февраля и комиссар Временного правительства А.А. Бубликов. Признав, что армия может теперь считаться обеспеченной, и актуальный для 1915 года лозунг «все для войны и армии» устарел, он предложил общественным силам принять в 1916 году новый лозунг: «Все для тыла, для организации общественных сил, для борьбы с внутренним врагом, все для замены нынешней безответственной власти властью ответственной». Член ЦВПК, по сути, призвал коллег признать неактуальной борьбу с внешним врагом и направить освободившуюся энергию на борьбу с внутренним противником. ЦВПК было важнее не помогать правительству, возглавляющему страну во время мировой войны, а вести с ним упорную борьбу, создавая ему дополнительные сложности[857].

Ведя столь отчаянную борьбу, либералы хотели привлечь на свою сторону и представителей рабочего класса. К сотрудничеству с наиболее агрессивной частью либералов в общеоппозиционной борьбе с самодержавием, и были готовы меньшевики. Такая позиция меньшевиков означала не «хвостизм», предательство интересов рабочих, а смычку рабочих с более активной либеральной группировкой. Такое сотрудничество было естественным для силы, считавшей первоочередной задачу свержения самодержавия[858].

Но большевики уже в 1915-1916 годах думали не только о свержении самодержавия, а о том, к кому перейдет власть после ликвидации царизма. И поэтому вопрос об обособленности рабочего движения от оппозиционного движения либералов для них был не менее принципиален. Выборы рабочей

[857] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 8 (об.)-9.
[858] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 23.

группы приобретали характер своеобразного референдума между большевиками и меньшевиками по вопросу о том, за кем идет рабочий класс столицы.

На общегородском собрании 27 сентября 1915 года, где решался вопрос об отношении рабочих к сотрудничеству с легальными оппозиционными организациями либералов, большинством голосов была принята резолюция большевиков о принципиальной недопустимости участия пролетариата в таких организациях, призванных помогать либералам[859]. На следующем собрании, состоявшемся 29 ноября уже для непосредственного избрания рабочей группы ЦВПК, большевики вместе с эсерами-интернационалистами и межрайонцами демонстративно отказались от участия в голосовании и покинули зал. На собрании осталось менее половины выбранных предприятиями уполномоченных, которые избрали рабочую группу ЦВПК во главе с меньшевиком К.А. Гвоздевым. По формальным общедемократическим принципам избрание это было незаконно, и поэтому соблюдайся в те дни реальная демократическая процедура никакой рабочей группы в ЦВПК так бы и не появилось[860].

Итак, рабочее движение Петрограда уже не шло за либералами, и было настроено критично по отношению к ним. Милюков за время участия в политической деятельности научился извлекать определенные выводы из прошлых неудач и в преддверии революции яснее других в либеральном лагере, в том числе и Гучкова, осознал, что все большую роль в оппозиционном движении приобретают противостоящие либералам социалистические силы. О днях, предшествовавших Февралю 1917 года, он вспоминал: «В эти дни главная роль принадлежала не Думе. Перешла ли она к общественным организациям? Земская организация кн. Львова была в том же положении, что и мы. Она свое последнее слово сказала»[861]. В февральские дни он писал, что для настоящего времени характерны два вида борьбы: «борьба всей оппозиции против правых и правительства, и борьба революционной оппозиции против парламентской». По

[859] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 11.
[860] Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 301; ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 22 (об.)-23.
[861] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 243.

мнению Милюкова, левые партии сосредотачивают все больше внимания на второй задаче[862].

В Петрограде большевики стремились первыми захватить власть. Но для этого у них было слишком много проблем, главная из которых – недостаток сил. Партия контролировала рабочие настроения, пока еще вела за собой рабочих, но собственно большевиков в Петрограде было немного (всего 2 тысячи), тогда как рабочих в столице было намного больше – 392 тысячи. Таким образом, даже здесь прочно охватить своим влиянием рабочих большевики не могли. На многих петроградских предприятиях элементарно отсутствовали большевистские ячейки[863].

Большевики не опасались конкуренции со стороны либералов, поскольку были уверены в обособленности рабочего движения от либералов, но опасались, на первый взгляд, более слабой, чем большевики, политической группы меньшевиков и эсеров. Они признавались единственной силой, способной передать либералам власть после свержения самодержавия. Поэтому в период, предшествовавший Февралю, основная критика большевиков направлялась против умеренных социалистов, а не либералов.

Примером подобного отношения была статья В.И. Ленина «Есть ли своя линия у ОК и фракции Чхеидзе», написанная в 1916 году. В этой статье Ленин предъявляет претензии меньшевикам: «Вы обещаете быть революционерами, а сейчас помогаете шовинистам, буржуазии, царизму… Поэтому на деле они (*меньшевики и либералы – С.Х.*) и идут все вместе, за буржуазную политику участия рабочих в военно-промышленных комитетах, вместе с беспартийными рабочими и народниками»[864].

Опасения большевиков не были напрасными. Эсеры и меньшевики представляли реальную силу, что и докажут впоследствии февральские события. Основными центрами их сосредоточения были различные легальные структуры, прежде всего земства и городские думы. Эсеры и меньшевики не имели

---

[862] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 431. Л. 1.
[863] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 156.
[864] Ленин В.И. Есть ли своя линия у ОК и фракции Чхеидзе? // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 245.

возможности проходить в них на выборные депутатские должности, но устраивались в аппарат. Подавляющее большинство технических должностей в земствах и городских думах накануне Февраля принадлежало им. Например, в Ярославле работали меньшевики Б.П. Вологдин и Б.Н. Надеждин, а высокий пост секретаря занимал эсер Ф.Ф. Бакакин[865]. Работа в земствах давала революционерам легальный статус и приносила неплохой доход (средняя зарплата служащего в земстве даже превышала среднюю зарплату гласного)[866].

В техническом аппарате земств и городских дум и концентрировались накануне Февраля эсеры и меньшевики. Вокруг них формировались более радикальные по сравнению с оппозиционными гласными настроения. Аппаратных работников – земских учителей, страховых работников, статистиков - называли «третьим земским элементом». Именно «третий элемент» вскоре и даст меньшевикам и эсерам нужное количество работников. А накануне грозных событий Февраля они вели себя тихо, политических настроений открыто не выражая, и держались в рамках общеоппозиционных, прокадетских настроений, хотя заранее знали партийный «уклон» почти каждого специалиста[867].

Незадолго до Февраля большевики в очередной раз доказали свое превосходство над меньшевиками и эсерами. Меньшевики попытались организовать 14 февраля 1917 года, в день открытия последней сессии IV Думы, в ходе которой и произойдут февральские события, мощную демонстрацию у Думы, чтобы подтолкнуть либералов к более решительным действиям. Ими были подготовлены ораторы для выступления перед рабочими и текст воззвания «Режим самовластия душит страну» с требованием создания правительства, способного вывести страну из тупика. Но меньшевистской демонстрации не получилось. У Государственной думы собралось всего несколько сотен человек. В то же время у Казанского Собора состоялась мощная демонстрация, организованная большевиками[868].

---

[865] ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Л. 44а, 44а (об.); Ф. 137. Оп. 1. Д. 5258. Л. 4.
[866] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 51.
[867] ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Л. 44а (об.).
[868] Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 230.

Однако акция меньшевиков изначально должна была произвести большее впечатление. К ее неудаче привел произведенный за две недели до готовящегося мероприятия арест организаторов – рабочей группы ЦВПК. Арест, состоявшийся 27 января, стал неожиданным для Гучкова, готового в борьбе с властью идти на применение самых крайних мер. В сложившейся вокруг него среде ЦВПК, высказывались демагогические взгляды, требующие «ущемить хвост Правительству и поднести кулак к его носу», в виде уличных выступлений масс[869]. Союз Гучкова с рабочими полиция считала противоестественным, ведь капитал и пролетариат два противоположных полюса. «Но… у фабрикантов новейшей формации нет иной надежды добиться власти, как только через посредство рабочих… Рабочим помогают в их борьбе против государственного порядка, чтобы при их помощи вырвать власть из рук правительства[870].

О причинах ареста рабочей группы позднее, на допросе в следственной комиссии Временного правительства, рассказал сам автор приказа об аресте А.Д. Протопопов. «Из полученных докладов и других случайных сведений у меня сложилось убеждение, что петроградские рабочие готовы решиться на забастовку и на шествие к Государственной думе 14. II., только еще не организованы»[871]. Арестом рабочей группы Протопопов хотел разорвать связь между революционно настроенными рабочими и оппозицией.

На характер деятельности данной группы указывал начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев, подчиненные которого проводили арест рабочих представителей. Он указывал на одновременное наличие в деятельности группы двух противоположных тенденций. С одной стороны, у рабочей группы сохранялась связь с либералами, входившими в ЦВПК, а с другой стороны – деятельность группы сильно радикализировалась. Рабочая группа, придерживающаяся вначале оборонческого направления, с конца 1916 года или начала 1917 «стала слишком ярко выражать стремление стать во главе всего рабочего движения в Петрограде и принимать резолюции с призывами

[869] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 6.
[870] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 15 (об.)-16.
[871] Цит. по: Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998. С. 118.

к ниспровержению существовавшего государственного строя». Материалов, изъятых при обыске у членов группы, было достаточно для предъявления обвинения по 102 статье Уголовного Уложения[872].

В правительственных кругах преобладала версия, что инициаторами шествия рабочих к Таврическому дворцу были сами депутаты, якобы хотевшие доказать, что пользуются реальной поддержкой народа[873]. В действительности ни депутаты, ни даже Гучков, к этому движению отношения не имели. Рабочая группа уже давно оторвалась от гучковской организации и приступила к открытой пропаганде социалистических идей, воспользовавшись зазором между двумя главными либеральными группировками: думской во главе с Родзянко и Милюковым, и внедумской, возглавляемой Гучковым и Коноваловым. Желая активизировать внедумские выступления народных масс с одновременным содействием окончательному разрыву Думы с правительством, группа К.А. Гвоздева начала некоторый дрейф в сторону Думы.

Идея вывести рабочих в день открытия думской сессии, и потребовать от Думы разрыва с правительством, принадлежала исключительно Гвоздеву. Члены рабочей группы после долгого обсуждения решили, что пришла пора рабочим выступить независимо от либералов, с чисто социалистическими лозунгами, но при видимости поддержки оппозиционного движения либералов. Гвоздевцы решили через специальную пропагандистскую комиссию обратиться к рабочим с предложением прекратить работу 14 февраля и под видом мирно настроенной манифестации проникнуть ко входу в Таврический дворец, вызвать на улицу председателя Думы и депутатов, а затем предложить им огласить публично от своего имени резолюции, принятые до этого рабочими предварительно на своих фабриках и заводах. В резолюциях должна была содержаться решительная поддержка Думы в ее борьбе с правительством[874].

Достаточно ознакомиться с текстом готовившихся резолюций, чтобы понять, что данное движение исходить от депутатов не могло, поскольку

[872] Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7. С.109-110; № 8. С. 86.
[873] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л.114.
[874] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 114 (об.).

выступление рабочих было скорее направлено против них, предъявляя требования к Думе, а не власти. «От Государственной думы мы требуем отказа от ее нерешительной и половинчатой политики по отношению к власти. Или Дума пойдет на встречу назревшим требованиям момента, и превратится в центр общенационального движения, или народ перешагнет через нее по пути к своему раскрепощению»[875]. Вообще данный сценарий напоминает тот, который будет происходить через полгода, в июле 1917 года, когда рабочие также придут к парламенту, правда другому – Совету рабочих и солдатских депутатов, пусть и находящемуся в том же Таврическом дворце, и столь же яростно, как предполагалось и в феврале, потребуют от депутатов Совета брать власть, пока ее дают. При этом никто из исследователей не объявляет инициаторами данного рабочего движения самих депутатов от советского большинства - эсеров и меньшевиков.

Сложно сказать, чем закончилась бы провокация, исходящая от левого лагеря, но правительство арестом рабочей группы эту акцию практически предотвратило.

Через день после ареста группы, 29 января, представители основных группировок и организаций, поддерживающих намерения либералов свергнуть власть, собрались в помещении ЦВПК выработать план дальнейших действий. В совещании, помимо ЦВПК, были представлены такие организации, как Земский и Городской союзы, думские оппозиционные и левые фракции, члены верхней законодательной палаты - Государственного совета, а также представители рабочих групп, от петроградской – Абросимов, оставшийся на свободе, поскольку являлся провокатором, и двое, Царегородцев и Девяткин, от московской. Председательствовал на собрании Гучков, его помощником был Коновалов[876].

Состав собрания носил не случайный характер. Собрание в таком составе Гучков планировал уже давно, но намечал провести при лучших обстоятельствах. Оно ожидалось в начале февраля с целью установления контакта «между всеми

[875] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 3.
[876] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 57-57 (об.).

представителями оппозиционной общественности» для выработки «тактики ближайшего будущего в борьбе с Правительственной властью». Гучков планировал такое «пленарное собрание» как последний «смотр» перед приближающимся генеральным сражением. Он рассчитывал объединить против власти все силы интеллигенции: и либералов, и социалистов. Предполагалось, что данное собрание разработает план дальнейшего «штурма власти», теперь же приходилось рассматривать план «оборонительных действий». Предстояло решить, как лучше организовать оборону, на случай натиска со стороны верховной власти, ставшего возможным в изменившихся обстоятельствах[877].

Хуже всех из присутствующих настроение было у Милюкова, ближе остальных либералов подошедшего к пониманию сути происходивших событий. Рабочие не были союзниками ни лично его, ни кого из либералов вообще. У них были самостоятельные задачи, шедшие намного дальше замыслов либеральных оппозиционеров. Выступая на заседании, Милюков настаивал, чтобы Государственная дума оставалась лидером всей оппозиции. Государственная дума должна диктовать стране условия борьбы с властью – лишь она имеет право выдвигать лозунги и объединять всю борьбу. «Помимо Государственной думы никто, ни один класс населения, ни одна общественная группа, не в праве выставлять своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу»[878].

Собравшиеся не поняли сути заявления Милюкова. Его подвергла резкой критике социалистическая часть собрания. В частности, председатель социал-демократической фракции в Думе Н.С. Чхеидзе заметил, что Милюков рискует «в один прекрасный день» оказаться в хвосте событий. Если все будет продолжаться таким порядком, во главе политических выступлений неожиданно окажутся сами рабочие[879].

Но и либеральные участники, не предвидя скорого расхождения с социалистами, были удивлены выступлением Милюкова. «Популярного оратора и

[877] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 116 (об.)-117.
[878] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 57 (об.).
[879] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 59-59 (об.).

вождя общественности», по их мнению, просто устрашила проявленная властью решительность, и по этой причине «история с рабочей группой» низведена им до банального юридического казуса. Из либеральной среды Милюкову оппонировал член его собственной партии, депутат М.С. Аджемов, советовавший не выделять из истории с рабочей группой уголовную сторону. Поскольку тогда пришлось бы привлекать к уголовному преследованию всех здесь присутствующих, и всех, кто хоть однажды подписывал политические резолюции на земских и городских совещаниях и съездах. «Как юрист,- восклицал оратор,- я определенно заявляю, что в резолюциях этих имеются все признаки 102 статьи, почему переносить подобного рода вопросы в плоскость юридического их разрешения нам не выгодно»[880].

Аджемов подчеркивал важность роли, которую отводили рабочей группе оппозиционеры в готовившихся антиправительственных выступлениях. Удар по рабочей группе является фактическим ударом по всей русской общественности, это ослабление всего строя общественных сил страны[881]. Общие выводы получались неутешительными. Ликвидацию рабочей группы ЦВПК собрание признало исключительным по неожиданности ударом для оппозиционной, «настроенной на боевой лад общественности»[882].

Арест рабочей группы сильно расстроил Гучкова. Он потерял самообладание и, наряду с логично принятыми им мерами ходатайства по освобождению арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа генералом С.С. Хабаловым, рискнул обратиться с открытым призывом к петроградским рабочим к протесту против якобы незаконного ареста рабочей группы как выразителей их интересов. По заводам и фабрикам рассылались циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А.И. Гучкова[883].

Но и в официальном прошении Гучков отмечал несправедливость ареста формально подчиненных ему арестантов. «Правительственное сообщение причисляет всех членов Рабочей группы к членам революционных партий. Такая

[880] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 58.
[881] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 58 (об.)-59.
[882] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. Л. 60.
[883] Глобачев К.И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 61-62.

характеристика политических воззрений Группы является, однако, совершенно неверной»[884].

При чтении этого документа видны две черты характера Гучкова, которые сделали его сильной и волевой личностью. Это личная смелость и способность выдавать за правду, противоречащие действительности факты. Смелость Гучкова проявилась в том, что, защищая рабочую группу, он не побоялся открыто признаться властвующим лицам в категорическом неприятии им действовавшей власти. «Расходясь подчас с Рабочей группой в ее политических и социальных воззрениях, Комитет (*ЦВПК – С.Х.*) в то же время согласен с этой Группой в оценке нынешнего политического режима и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом»[885].

Что касается фактов, не соответствующих действительности, они проявились в двух моментах. Во-первых, ложным являлось утверждение Гучкова о победе, одержанной уполномоченными, согласившимися войти в рабочую группу возглавляемого им комитета, в ходе выборов в данные группы, проводившихся среди рабочих, над противостоящим ему большевистским направлением[886]. Так, распространение данной информации в нелегальной газете «Призыв» - объединенном органе умеренно-социалистических партий меньшевиков и эсеров, возмутило даже Департамент полиции. «Согласно с имеющимися в Департаменте полиции данными на собрании 27 сентября (*о котором мы уже упоминали – С.Х.*) в Петрограде выборщиков для избрания уполномоченных в Центральный Военно-промышленный комитет вопрос об участии в Комитете отклонен большинством 9 голосов большевиков»[887].

А во-вторых, руководитель Союза 17 октября, и одновременно председатель ЦВПК, сильно приуменьшал радикализм подведомственной себе группы. «Члены Рабочей группы… ближе всего примыкали… к так называемым “меньшевикам”, то есть к одному из более умеренных политических течений среди русских рабочих. Деятельность Рабочей группы протекала открыто и была далека от

[884] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 7.
[885] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 8 (об.).
[886] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 7-7 (об.).
[887] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1168. Л. 11.

методов борьбы, обычно применяемых революционными партиями для достижения своих целей»[888].

Меньшевики, наблюдая борьбу либералов с властью, заняли на самом деле сверхрадикальную позицию по отношению к основным участникам конфликта. «Не борьба с определенными представителями власти, ведущими страну к гибели, и не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны – вот очередная задача, которую должен выдвинуть в настоящий момент рабочий класс России в противовес зыбкой и туманной формуле борьбы с “темными силами» - вещали незадолго до ареста, вскормленные Гучковым радикалы крупной рабочей организации[889]. Если бы либеральная оппозиция внимательно отнеслась к предостережению будущих противников, они бы поняли, что их судьба уже предрешена. Цензовики должны уступить будущим хозяевам жизни - рабочему классу, «истинной демократии».

Итак, непосредственно перед Февралем оппозиционное движение было разделено на три обособленных лагеря. Либералы и большевики являлись откровенными противниками, посередине находились умеренные социалисты. Большевики также видели в них конкурентов, причем гораздо более опасных для себя и потому старались не допустить сближения рабочих с эсерами и меньшевиками. Борьба между двумя течениями социал-демократии, большевиками и меньшевиками, приобретала острый характер вследствие того, что это были два радикальных движения.

Эсеры и меньшевики, будучи гораздо радикальнее, чем это утверждали большевики, также не собирались следовать в русле либеральной оппозиции, но были готовы на проведение совместных с либералами акций против власти. Меньшевики, и находившиеся в союзе с ними эсеры, хотели максимально обострить конфликт, принудив либералов свергнуть самодержавный режим.

Если суммировать общественные настроения того времени, подавляющее большинство политически организованного русского общества (от большевиков

[888] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 7 (об.).
[889] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 3.

до части правых) было настроено оппозиционно против власти. У нее оставалось все меньше сторонников. Впрочем, 21 февраля 1917 года едва не произошло событие, опрокинувшее расчеты оппозиционеров. Николай II принял решение все-таки создать либеральное правительство, причем сразу же ответственное, подчиняющееся непосредственно Государственной думе[890].

Об этом, в частности, сообщал М.В. Родзянко: «Дума уже заседала около недели. Стороной я узнал, что государь созывал некоторых министров во главе с Голицыным и пожелал обсудить с ними вопрос об ответственном министерстве. Совещание это закончилось решением государя явиться на следующий день в Думу и объявить о своей воле – о даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен и радостный вернулся домой». Но вечером Голицына вновь потребовали во дворец. Николай II объявил ему, что передумал, и завтра, 22 февраля, отправляется на фронт, в Ставку. «Как же, Ваше величество, - изумился Голицын, - ответственное министерство? Ведь Вы хотели завтра быть в Думе?» - «Да… Но я изменил свое решение… Я сегодня же вечером еду в Ставку»[891].

Так это историческое решение, едва не передавшее власть либералам, не состоялось. Произойди оно, история могла пойти по другому пути - 21-22 февраля внутриполитическое положение в стране было еще относительно стабильным. Но либералы, ведя себя накануне Февраля безответственно, не заслужили такого успеха. Они лишили народ последних остатков доверия к власти и потому закономерно стали свидетелями ослабления России[892].

Проведенный нами анализ деятельности партий в годы Первой мировой войны приводит к выводу об их негативной роли в общем процессе организации сопротивления внешнему врагу - Германии и стоявшему за ней Четверному союзу. То «национальное единение» начального периода войны, на которое часто ссылаются как на доказательство патриотического служения либеральной оппозиции, объясняется принятым ими тактическим курсом, направленным на

---

[890] Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 254.

[891] Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 222.

[892] Напомним: А.И. Гучков писал о чаше терпения русского народа в июле 1914 года, но он, конечно, не ожидал, что окажется среди тех, кого народ изгонит.

использование войны в целях быстрейшего получения власти. Либеральная доктрина, определявшая практические действия легальной оппозиции, исходила из того, что правительство, вынужденное в ходе войны сотрудничать с союзными государствами западных демократий (Великобританией и Францией), согласится на коренные реформы и привлечет либералов к управлению страной. Тогда как победа в войне, достигнутая при опоре на самодержавный аппарат, на долгие годы отсрочит приход либералов к власти. Подобная парадигма и предопределила тактику либералов в военный период. Возвращение либеральных партий в оппозицию в 1915 году объяснялось не поражениями на фронтах, а разочарованием оттого, что возникшему в данный период в Государственной думе Прогрессивному блоку было отказано в праве формирования правительства.

Для партий, вошедших в блок, более естественным было не сотрудничество с властью, длившееся ровно год, а возвращение в знакомое им оппозиционное состояние. Процесс консолидации либеральных партий, завершившийся в 1915 году образованием блока, был начат еще перед войной. Летом 1915 года на фронте сложилась критическая ситуация, потенциально чреватая итоговым поражением в войне, но антиправительственный курс Прогрессивного блока ни в чем не способствовал возрождению военного могущества России и лишь ухудшал ее положение. В том переломе, который произошел в ходе войны после 1915 года, и предопределил возможность организации мощнейшего наступления, запланированного на весну 1917 года, призванного ускорить победное завершение войны, не было никаких заслуг либеральных партий. Это были достижения исполнительной власти – правительства и Николая II, как Верховного главнокомандующего. При понимании оппозиционными партиями, сколь неблагоприятно для реализации их планов развивается ситуация, у них возрастало стремление к насильственной смене власти и отстранению от престола Николая II.

У либеральной оппозиции имелись только тактические разногласия, каким образом лучше произвести данные действия. Основная часть либеральной оппозиции, концентрировавшаяся вокруг кадетской партии и ее лидера П.Н.

Милюкова, возлагала главные надежды на оппозиционную деятельность самой Думы. Ее левая часть, в которую входили левые кадеты и партия прогрессистов, объединенные псевдомасонской организацией ВВНР, рассчитывала на организацию внедумских народных волнений и совместные мероприятия с умеренно-социалистическими партиями - меньшевиками и эсерами. А правый вектор блока, возглавлявшийся лидером Союза 17 октября А.И. Гучковым, ранее искавший компромисса с властью, являлся наиболее деятельной частью оппозиции, предпринимавшей практические меры по организации дворцового переворота лично против императора. В правом сегменте Государственной думы, несмотря на откол некоторых правых депутатов, подобных В.М. Пуришкевичу, преобладали здравомыслящие депутаты, стремившиеся образумить агрессивное депутатское большинство, такие как Г.Г. Замысловский или один из лидеров обновленческого Союза русского народа Н.Е. Марков (2), но противостоять общему напору радикальных сил внутри Думы и вне ее им было сложно.

Начиная с лета 1915 года, главные усилия оппозиции направлялись не на помощь структурам исполнительной власти в ведении войны, а на внутреннюю борьбу. Критика собственного правительства, и даже лично императора, привлекали гораздо большее внимание либералов. Но все это происходило на фоне усиления еще более радикальных социалистических партий. И умеренные социалисты, и большевики были настроены не только против самодержавного режима, но и негативно относились к либеральным партиям, собиравшимся управлять страной после отстранения от власти Николая II.

3.4. Февральский переворот 1917 года – начало революции в России

В нашем общественном сознании, под воздействием гигантского объема литературы, опубликованной в эмиграции «героями» Февраля, и многочисленных материалов предреволюционной печати, возникает впечатление, что царский режим безнадежно проигрывал войну. Тем самым происходит путаница в описании двух периодов. Реалии разложившейся, ни на что не способной страны, каковой стала Февральская Россия, переносятся на предшествующий период, когда императорская Россия, доживавшая последние дни, несмотря на многочисленные сложности была готова выдержать предстоявшие военные испытания. Царский режим войны не проигрывал, и был готов вести ее дальше.

В среде защитников государственной власти все чаще возникала мысль, что в условиях готовившегося наступления полный роспуск Думы отвечал интересам страны. На это указывал в письме Николаю II, датированном декабрем 1916 года, Н.А. Маклаков. «Изо дня в день Государственная дума глумится над Вами поставленным правительством и зовет население к перевороту»[893]. Маклаков подчеркивал: «оставление без крутого воздействия печати, оставление без строгого отчета глумящихся над законом общественных организаций и дальнейшее отмалчивание правительственной власти перед разразившейся политической бурей, готовой уничтожить перед собой все - … будет равносильно смертному приговору и над Нашей историей и над нашей государственностью»[894].

Идея того, что один из путей спасения России в создавшихся условиях есть роспуск Думы, была близка и Николаю II. 9 февраля он поручил бывшему министру подготовить проект Манифеста о роспуске Думы. Главными в проекте Манифеста, составленного Маклаковым, явились следующие слова: «победа над врагом уже надломленным, но еще могучим, требует общего и спокойного напряжения всех сил России»[895]. Между тем, вызванные войной основные и

[893] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 12.
[894] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 13.
[895] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1-2.

неотложные задачи «попечения о благе народном», не привлекли к себе творческого внимания Государственной думы.

Практические меры по роспуску Думы начали готовиться летом 1916 года. В конце июня Николаю II поступила докладная записка, итог совещания у премьер-министра Б.В. Штюрмера. «Создание в будущей Государственной думе работоспособного и патриотически настроенного большинства приобретает особую важность при вызванном войной серьезном положении» - формулировали участники совещания стратегию правительства на предполагаемых выборах в новую, V Думу[896]. Практические меры по организации роспуска Думы взял на себя министр внутренних дел А.Д. Протопопов. В декабре 1916 года он разослал губернаторам циркуляр, где содержался анализ возможных результатов выборов в каждой губернии и состава в них основных групп избирателей[897]. Авторы данной записки А.А. Бобринский и И.Я. Гурлянд обобщили все данные, имевшиеся в МВД о каждой отдельной губернии[898].

Записка наглядно подтверждала, каким сложным было положение правых к 1917 году, но ситуация на тот момент складывалась так, что лишь они поддерживали правительство на завершающем отрезке войны. «Рассматривая вопрос о возможности проведения выборной кампании, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросе: представители каких партий могли бы быть желательны для правительства… надлежит признать, что допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы». Категорически отвергались правительством левые октябристы: вследствие активности Гучкова, они к тому времени «настолько переплелись с прогрессистами и кадетами, что найти… грань, отделяющую их друг от друга, почти невозможно»[899].

По плану перед выборами намечался выпуск массовыми тиражами политических памфлетов, изобличавших оппозиционных лидеров и их партии. Планировалось издать брошюры «Правда о кадетах», «Желтый блок», чтобы донести до избирателей информацию об антигосударственной деятельности

[896] Цит. по: Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. М., 2008. С. 32.
[897] Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С. 269.
[898] Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 243.
[899] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

думских либеральных партий[900]. Готовилось перенесение даты выборов на конец года, 1 декабря 1917 года: предполагалось, что война к тому времени закончится[901].

Проведение выборов в V Думу после завершения войны, конечно, при ее победном исходе, грозило либеральной оппозиции уходом с политической сцены. Угроза ликвидации нависала не только над ведущими либеральными партиями, кадетами и октябристами, но завершить политическую деятельность могли и их лидеры, П.Н. Милюков и А.И. Гучков. И допустить роспуск Думы думским политикам было поэтому никак нельзя. Для либеральной оппозиции это означало окончательное поражение.

В действительности, поскольку изначально Николай II вовсе не собирался ликвидировать оппозиционные партии, общее направление взаимоотношений власти и оппозиции всецело зависело от либералов. При добросовестной работе на оборону страны созданных ими общественных организаций, Земгора и ЦВПК, оппозиционеров ждало постепенное привлечение к власти, и реформирование политического режима императорской России по завершении войны[902]. Такой вывод вытекал из реального контекста встречи Николая II с Родзянко, состоявшейся 10 февраля 1917 года. Царь не возражал против необходимости реформирования политической системы, и обещал после войны сделать «все необходимое» для перестройки самодержавного строя и изменения образа правления[903].

Однако оппозиция была настроена непримиримо, и компромиссы в начале 1917 года, если и были возможны, исходили только от власти. Политика Николая II в те дни заключалась в сведении к минимуму вероятности конфликтов внутри страны и сосредоточении усилий на подготовке к весеннему наступлению. Поэтому, когда 11 февраля Маклаков привез проект о роспуске Думы, Николай II

[900] Стариков Н.В. Указ. соч. С. 33.
[901] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1003. Л. 2.
[902] Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998. С. 254.
[903] Хереш Э. Указ. соч. С. 254.

решил, что спешить с роспуском Думы не следует. Срок ее полномочий и так истекает в этом году[904].

Данное решение свидетельствовало не о слабости, а о тактической гибкости императора. Время, когда можно было без неприятных последствий распустить Думу, прошло. Ее роспуск теперь ничего не решал, более того - он был полезен только оппозиции. Было кому продолжать борьбу и без Думы, во имя ее якобы попранных прав. По словам видного кадета Ф.И. Родичева, невозможно, чтобы правительство добилось прекращения деятельности Земгора. При роспуске Думы земгоровцы намеревались выводить народ на улицы, к ним должна была перейти роль руководителей революционных действий [905]. На совещании, проходившем в квартире прогрессиста П.П. Рябушинского, преобладали воинственные настроения. Если Думу распустят, будет даже лучше. «Молодая Россия» не имеет права поступаться своими требованиями. Пора перестать считаться с ныне существующей властью[906].

Не менее значимую работу для сохранения Думы проводил ее председатель М.В. Родзянко. Он вступил в контакт с руководством самой мощной общественной организации – постоянным советом объединенного дворянства. Еще в январе 1917 года, когда роспуск Думы казался неизбежным, он пригласил к себе группу руководящих лиц дворянской корпоративной организации во главе с ее председателем А.Д. Самариным. Родзянко предложил Совету объединенного дворянства продолжить думское дело, если Думу распустят. Общее решение участников встречи заключалось в одобрении действий депутатского корпуса. При роспуске Думы дворяне обязаны встать во главе оппозиционного движения. Необходимо создать ядро независимых людей, способных встать на защиту интересов и достоинства России для борьбы с ее предателями. Так воспринимали дворяне официальное правительство[907]. Деятельность Родзянко была даже опаснее для власти, чем действия околокадетских кругов.

---

[904] Дякин В.С. Указ. соч. С. 287.
[905] ГАРФ. Ф 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 19-19 (об.).
[906] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 91-91 (об.).
[907] Бибин М.А. Указ. соч. С. 232-234

Между тем, по сведениям начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева отъезд государя в Ставку, состоявшийся в 2 часа дня 22 февраля[908], не отменял принятого накануне решения о формировании ответственного либерального правительства, а лишь откладывал его реализацию. «Уже после переворота (*февральского – С.Х.*), когда я встретился с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху». В 1917 году пасха приходилась на 2 апреля[909]. Следует признать, формирование либерального правительства 21-22 февраля 1917 года давало императору более реальные шансы удержаться на российском престоле до начала генерального наступления армии, чем роспуск Думы.

Трагические последствия имело лишь откладывание принципиально принятого решения. Если бы даже в 1917 году не произошел февральский разлом, до 2 апреля Гучков намечал провести дворцовый переворот. Николаю II не собирались предоставлять возможности завершить начатую им организацию весеннего наступления. Либералы слишком громко разоблачали военно-техническую беспомощность правительства, и потому при проведении наступления неизбежно было выявление их обмана. Допускать этого они не собирались. Им требовалось отстранить высшее политическое руководство накануне возобновления операций на фронте, чтобы приписать плоды победы себе.

Тем более что к концу февраля подготовка к наступлению вступила уже в этап практического осуществления. 24 января 1917 года Верховный главнокомандующий Николай II утвердил план боевых действий на 1917 год[910]. В.И. Мамантов, возглавлявший Канцелярию по принятию прошений, поступавших на имя императора, вспоминал его слова, сказанные в тот день: «Я много работаю и, будучи в курсе всех наших военных действий, вполне убежден,

---

[908] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 62.
[909] Глобачев К.И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 60.
[910] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 363.

что победа нам обеспечена»[911]. В декабре 1916 года вышло распоряжение о прекращении увольнений в отпуска и командировок нижним чинам до 1 апреля и обязательном возвращении к 1 февраля всех, успевших выехать в командировки и отпуска. Эти меры предпринимались «в целях изыскания источников укомплектования строевого состава армии для дальнейшего ведения войны»[912]. Армия тщательно готовилась к наступлению, и самый злостный критик правительства П.Н. Милюков признавал, что ни о каком поражении в начале 1917 года речи не шло: в самом худшем случае война могла завершиться «вничью» - «миром без победы»[913].

В силу указанных обстоятельств к началу 1917 года конфликт либералов с властью достиг апогея. На завершающем этапе войны оппозиция стремилась вовлечь во внутрироссийский спор официальных представителей союзных государств, мотивируя это большей зрелостью их политических систем, умением союзных правительств ладить со своей общественностью. Так объясняла намерения либералов прогрессистская газета «Утро России». В номере от 17 января, она восклицала: когда «раздается доброжелательный предупреждающий голос друга и союзника, ничего обидного и унижающего не может быть услышано в этом голосе»[914].

Зачем либералы вовлекали во внутренние дела союзников было понятно, но почему союзники вмешались в конфликт, происходивший внутри союзной страны? Реализация либеральной мечты – формирование в России либерального правительства – не была целью союзной политики. Иначе в апреле 1917 года Запад не стал бы в столь активной форме добиваться отставки из Временного правительства двух столпов российского либерализма – П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова[915].

Сотрудничество с оппозицией, как минимум, послов обоих союзных государств (Великобритании и Франции) было неоспоримо. Сами послы

---

[911] Цит. по: Мультатули П.В. Николай II: Имя Россия. М., 2008. С. 248.
[912] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 15.
[913] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2214. Л. 3.
[914] Дякин В.С. Указ. соч. С. 306.
[915] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти… С. 289.

объясняли сотрудничество с оппозицией предельно просто: они гасили конфликт, грозивший перерасти в революцию. «Мистер Ллойд Джордж (*премьер-министр Великобритании – С.Х.*)… никогда не поручил бы мне содействовать революции в России в разгар мировой войны» - писал посол Великобритании в России[916]. Д. Бьюкенен отмечал, что действительно встречался в посольстве с либеральными деятелями, «поскольку мой долг как посла состоял в том, чтобы поддерживать связи со всеми партиями». По утверждениям Бьюкенена, никакой угрозы для государственного строя Дума не представляла, ее депутаты проявляли редкостное терпение[917].

И все же Бьюкенен соглашался, что его сотрудничество с оппозицией выходило за рамки обязанностей посла встречаться с лидерами всех партий, и объяснялось симпатией к либералам. Более того, позиция, занятая им в споре либералов с императором, не была только его личной позицией. Британское правительство в своих действиях руководствовалось его советами, и он полностью ответственен за отношение Англии к революции[918]. Посол поощрял приходивших в посольство людей на беседы об отношении к высшей власти, и этим как раз обострял конфликт. «Революция витала в воздухе… на обеде в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, заявил, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя»[919].

Оппозиционные деятели не скрывали от союзных дипломатов своих планов, заключавшихся в отстранении правительства. Но союзные дипломаты одним молчанием не ограничивались, и публично демонстрировали сочувствие оппозиционерам. В конце сентября 1916 года Бьюкенен стал почетным председателем Русско-английского общества, возникшего на основе общества Английского флага, возглавлявшегося председателем Думы М.В. Родзянко. 27 октября торжественно прошло заседание нового общества. Либеральные деятели

[916]Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910-1918. М., 2006. С. 271.
[917] Там же. С. 271, 230.
[918] Там же. С. 271.
[919] Там же. С. 229.

стремились продемонстрировать верность русского общества союзу с Англией, желая опереться на ее авторитет в своих выступлениях против правительства[920].

В патриотических кругах наблюдался рост недовольства позицией Англии и Франции. 6 февраля 1917 года на заседании еще одной правой партии - Отечественного патриотического Союза, были составлены телеграммы в адрес премьер-министра Голицына и министров иностранных и внутренних дел. В частности, в них писалось. «Россия все тяготы настоящей войны вынесла на своих плечах при небольшой поддержке со стороны Англии и Италии; Россия их спасала и теперь спасает, между тем послы этих государств дерзают вмешиваться во внутреннюю жизнь нашей родины»[921].

Предметом споров между союзными государствами являлись черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, и город Стамбул, прежний Константинополь – ранее один из крупнейших центров христианского мира, обещанные Великобританией и Францией в 1915 году России, при победном завершении войны. Гарантом перехода проливов к России являлся Николай II, отказать ему англичане не могли. Вместе с тем, в британской прессе с первых дней войны преобладало мнение, что передавать России проливы не следует. Россия, добившись усиления по итогам войны, разрушит систему европейского равновесия и займет доминирующее положение в Европе. Влиятельный британский еженедельник The Economist писал, что участие Англии в войне может «послужить лишь помощи России в деле расширения ее империи в Европе и Азии»[922]. И теперь накануне, как тогда казалось, решающего наступления, выход из сложившегося тупика виделся в обязательном смещении Николая II до окончания войны.

После 19 ноября 1916 года актуальность данной проблемы возросла многократно. В этот день новый глава российского правительства А.Ф. Трепов, сменивший прежнего председателя Б.В. Штюрмера, прибыл в Государственную думу с целью призвать депутатов к совместной работе с правительством. В ходе

---

[920] Дякин В.С. Указ. соч. С. 305.
[921] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 15. Л. 12.
[922] The Economist. 1914. 1 Aug. P. 218

выступления с парламентской трибуны Таврического дворца он официально, в присутствии союзных послов Д. Бьюкенена и М. Палеолога, огласил содержание тайного договора с союзниками, заключенного в марте 1915 года, открыто провозгласив согласие союзников на передачу проливов России[923]. Это означало, что заключенный договор переставал быть тайным, и требовал соответствующей реакции от союзников. Вопрос об отстранении Николая II приобретал отныне принципиальный характер – только свержение старой власти могло дезавуировать ставший теперь публичным официальный договор с Россией.

Решить вопрос, что делать дальше в отношениях с Россией, должны были союзные делегаты, прибывшие на межсоюзническую конференцию, проходившую в Петрограде в январе-феврале 1917 года. По сообщениям полиции, он связывался не только с вопросом об окончании войны (официальная повестка форума), но и с выяснением возможности проведения в скором времени важных перемен в области внутренней политики России[924]. Английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж указывает в своих воспоминаниях, что в некоторой части английского общества присутствовало ожидание, что итогом конференции станет высылка Николая II и его жены из России[925]. В Англии после Февраля муссировался слух об особых полномочиях, данных главе британской делегации на конференции лорду А. Мильнеру[926].

На внешнем уровне отношения России и Великобритании ухудшились из-за отставки в июле 1916 года Сазонова с должности министра иностранных дел. В ходе поездки Милюкова в Лондон кадетский вождь встретился с послом России А.К. Бенкендорфом и узнал ряд фактов, свидетельствующих об ухудшении отношений двух стран. Милюков искренне полагал, что препятствием для передачи проливов России после завершения войны является пресловутая «германская партия». Приехав в Россию, Милюков развернул в Думе яростную кампанию против власти, и был уверен, что «штурм власти» приближает Россию

[923] Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции (1916-февраль 1917 г.). М., 1989. С. 276.
[924] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 87.
[925] Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907-1917 годы. СПб.-М., 2009. С. 242.
[926] Там же. С. 243-244.

к обладанию проливами и Константинополем[927]. Милюков в то время поддерживал активные отношения с английским посольством. «Милюков – в данный момент – persona grata» - писал о Милюкове и его связях с союзными посольствами сотрудник Петроградского охранного отделения[928].

В реальности все обстояло наоборот – радикализм Милюкова отдалял Россию от проливов. К «германской партии» причислялись те, кто обладал способностью отстоять интересы России в случае конфликта с Великобританией по поводу проливов на послевоенной мирной конференции. И вообще выдвижение Милюкова на передний план для борьбы с российским правительством было выгодно для англичан тактически. Видя содействие с их стороны продвижению к вершинам власти самого яростного сторонника получения проливов в российском либеральном лагере, сложно было заподозрить истинные цели британского правительства.

Уже в апреле 1917 года секретная записка французского министерства иностранных дел объявила легендой кадетскую версию о том, что главная цель революции заключалась в предотвращении сепаратного мира России с Германией[929]. Обвинение российской императорской власти в измене общесоюзному делу было лишь предлогом для вмешательства союзников во внутренние российские дела.

Ненормальность сложившегося положения констатировал Л.К. Куманин, заведовавший Министерским павильоном Государственной думы. «Из светских кругов передают, что в последнее время английский посол Д. Бьюкенен принимал активное участие в тактике русских оппозиционных групп (так называемой «умеренной оппозиции»)…»[930].

Начальник Петроградского охранного отделения Глобачев отрицал факт вмешательства Англии в русские дела: «Русская революция была созданием

---

[927] Грушина В.Ю. Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период первой мировой войны (август 1914-декабрь 1916 г.). Дисс… канд. ист. наук. Томск, 2002. Л. 193-194.
[928] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 83.
[929] Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916-февраль 1917 г. М., 1989. С. 287.
[930] Цит. по: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 418.

русских рук»[931]. Он утверждал, что Бьюкенен и другие англичане лишь сочувствовали революционным настроениям в России. Но для того, чтобы продвигать дело борьбы с Николаем II в России ничего более и не требовалось. Было достаточно разжигания в оппозиционной среде антиправительственных настроений. При поощрении на словах русские «актеры» были готовы делать все так, как хотели западные «режиссеры». От последних требовалось только одно – не помогать российским властям бороться с антиправительственными выступлениями, и держать в секрете их планы.

В.И. Ленин, анализируя предреволюционную ситуацию в России, в оценке действий дипломатов был категоричен. Положение, при котором дипломаты, прибыв во время войны в союзное государство, поддерживают не правительство той страны, при которой аккредитованы, а оппозицию, называется заговором. И, следовательно, действия дипломатов Антанты правомерно расценивать, как «организацию заговора против Николая II»[932].

В период конференции союзные делегаты на словах призывали либералов отложить активную борьбу с правительством и хранить «терпение и благоразумие в ходе войны»[933]. Но одновременно давали понять, что их симпатии всецело на стороне оппозиции и при условии сохранения стабильности в стране, способности России и дальше быть надежной союзницей в войне, смена власти и смещение Николая II вполне возможны[934].

Уезжая из России, лорд А. Мильнер оставил письмо, по которому мы можем предположить, каким он видел политическое будущее России. Письмо для посторонних глаз не предназначалось, а потому английский дипломат в нем немного раскрылся в своих намерениях. Оно так и осталось бы неизвестным, если бы не его адресат – генерал Д. Хенбюри-Вильямс, находившийся в России как британский представитель. Он, не поняв до конца скрытого смысла, содержащегося в письме, решил, что главное в послании лорда заключалось в восхвалении военного министра генерала М.А. Беляева, и показал письмо

[931] Глобачев К.И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 70.
[932] Ленин В.И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 15.
[933] Дякин В.С. Указ. соч. С. 308.
[934] Алексеева И.В. Указ. соч. С. 248.

Николаю II на одном из приемов[935]. Но суть письма заключалась в другом. Мильнер писал о вероятности того, что генерал Беляев в скором времени может покинуть пост, и связывалась она с политическими событиями. «Чего я боюсь,- это, что политические перемены, происходящие в каждом государстве, могут повлечь за собою нарушение этих хороших личных отношений, установившихся между нами и Военным министром, которые имеют такое важное значение»[936]. Политические перемены, могущие сместить Беляева, не были связаны с деятельностью Николая II.

Затем в письме следовал важный поворот. В начальной его части «политические перемены» рассматривались как вероятность, но следовавшая далее просьба показывала, что смещение Беляева больше походило на реальность, причем ближайшего времени. Лорд Мильнер просил генерала добиться сохранения Беляева на своем посту. «Я знаю как высоко Вы цените генерала Беляева и как сердечно он работал с нами и с французами… Если бы Вам представился случай, то я уверен, что Вы не откажете нам в Вашем содействии в этом важном деле»[937].

Следовательно, лорд Мильнер, покидая Россию, считал «важным делом» сохранение генерала в должности военного министра. Он писал о связи возможной отставки Беляева с политическими причинами. Важность сохранения Беляева объяснялась готовящимися Западом военными поставками в Россию[938]. Ожидавшиеся в России политические перемены вели к тому, что военным министром должно было стать другое лицо (А.И. Гучков?). Из всего этого напрашивается следующий вывод: союзники, как минимум, знали о подготовке в России дворцового переворота. В целом против него они не возражали, но для них важное значение приобретал участок работы российского правительства,

---

[935] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 114.
[936] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 115-115 (об.).
[937] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 115 (об.).
[938] В записке, составленной А. Мильнером, в период нахождения его на петроградской конференции и предназначавшейся лично Николаю II, фактически императору предъявлялся в скрытой, завуалированной форме ультиматум: Россия не получит от союзников ничего из того, что способна производить сама. Видимо, в значительной мере подготовленная на конференции программа союзной помощи разрабатывалась Западом исходя из идеи отстранения от власти Николая II (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 672. Л. 6.).

связанный с получением военных поставок из-за рубежа. Значит, союзники считали, что победа в войне возможна и при смене власти в России.

Исходя из этого, следует признать, что значительной частью политико-дипломатических союзных сил предпринимались меры к политическим переменам в стране-союзнице. В марте 1917 года, в самом начале революционных событий в России, Бьюкенен заоткровенничал: «… при императорском правительстве Россия сделалась союзницей Англии… Но этот режим произвола и реакции никогда не был нам симпатичным, и мы были связаны с Россией только общностью интересов и братством оружия»[939].

Конечно, организовывать революцию англичане не собирались. Англичане, совместно с русской либеральной оппозицией, подготавливали не революцию, а дворцовый переворот. Бьюкенен сожалел, что революция опередила их замыслы. «… готовился военный переворот… К несчастью, тех, кто вынашивал эти планы, опередило народное восстание… было бы лучше, если бы революция произошла сверху, а не снизу»[940]. Все лица, вовлеченные в организацию переворота, изначально не желали того развития событий, которое произошло 23-27 февраля 1917 года, то есть перерастания кризиса в народную революцию.

22 февраля, в тот день, когда Николай II уезжал из Петрограда, произошла одна, на первый взгляд, малозначительная встреча. Депутата Государственной думы А.Ф. Керенского посетила группа путиловских рабочих и сообщила, что на заводе затевается событие, могущее иметь далеко идущие последствия: путиловцы-большевики готовятся начать политическую забастовку[941]. 22 февраля на несколько дней была приостановлена работа на Путиловском заводе, из-за начавшейся там несколько дней назад экономической забастовки, поводом к которой стало увольнение нескольких рабочих.

Большевистская организация предприятия, воспользовавшись закрытием завода, объявила о переводе экономической забастовки в политическую. В тот же

---

[939] Цит. по: Колотовкина С.С. Англо-российские общественные связи в годы первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.). Дисс… канд. ист. наук. М., 2001. Л. 281.
[940] Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 237.
[941] Зензинов В.М. Февральские дни // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей… С. 105-106; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 133.

день стачком Путиловского завода, состоявший в основном из большевиков, присутствовал на заседании в Нарвском райкоме. Там было принято решение: прекратить на один день работу на всех предприятиях двух районов города – Нарвском и Выборгском, где наибольшее политическое влияние принадлежало большевикам. Распоряжение Нарвского райкома одобрили Выборгский районный и Петербургский городской комитеты большевиков, предложившие провести митинги солидарности всех рабочих этих двух районов с путиловцами. Наконец, на специальном заседании в Выборгском районном комитете был разработан план перевода митингов в уличные шествия[942].

Таким образом, 22 февраля большевики приняли решение о выводе на следующий день рабочих на улицы Петрограда. Никто не предполагал серьезных последствий намеченных акций. Вместо однодневных митингов началась бессрочная стачка, размах которой превзошел все ожидания[943]. Большевики оказались главными инициаторами февральских событий: их партийные комитеты (Петербургский городской, Выборгский районный комитеты и Русское бюро ЦК) взяли на себя руководство забастовочной борьбой рабочих.

В первые дни, однако, и сами большевики находились в некоторой растерянности. 23 февраля они поставили целью разжигать начавшееся движение «до крайних пределов», но еще 24 февраля под «крайними пределами» понимались простые «схватки вооруженных рабочих с полицейскими и верными трону войсками»[944].

Только 25 февраля, на третий день, Петербургский комитет разработал конкретный план действий – перевести общегородскую стачку в вооруженное восстание и на его волне захватить власть. Большевики намеревались создать на каждом петроградском заводе заводские комитеты (естественно, стремясь захватить в них ведущие позиции), а в дальнейшем уже исключительно из среды завкомов члены этих комитетов должны были выделить представителей в так называемое Информационное бюро, в задачи которого входило обеспечение связи

[942] Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1977. С. 420-421; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 116-117; Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 138.
[943] Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 100-101.
[944] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. Кн. 1-2. М., 1992. С. 78-79.

между ПК (Петербургским горкомом партии большевиков) и предприятиями. То есть Информационное бюро обязано было информировать рабочих о распоряжениях, отдаваемых большевистской партией. Этот всецело подчиненный большевикам орган и хотели они объявить на определенном этапе восстания Советом рабочих депутатов. При таком методе формирования этого органа на конечной стадии восстания Совет намеревался сформировать пробольшевистское Временное революционное правительство[945].

Подробности заседания Петербургского комитета, разработавшего этот план, стали известны охранке из донесения осведомителя, подчеркнувшего руководящую роль партии: «Петроградская организация РСДРП… в течение двух дней, происходивших в Петрограде волнений, решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководительство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему явное революционное направление»[946].

В этот план пришлось вносить некоторые коррективы, так как в ночь с 25 на 26 февраля было арестовано несколько видных большевиков. Арест трех членов ПК и двух членов ЦК, целого ряда других большевистских активистов внес замешательство в ряды большевиков[947]. Только к середине дня 26 февраля это замешательство удалось преодолеть. Общее руководство борьбой рабочих в Петрограде перешло от Петербургского комитета к Русскому бюро ЦК. Русское бюро ЦК восстановило взаимодействие между всеми остальными партийными структурами. Функции непосредственного контакта с рабочими были переданы Выборгскому районному комитету. В целях организационного укрепления ему придали всех оставшихся на свободе 8 членов ПК[948]. Таким образом, 26 февраля был восстановлен порядок в руководящих партийных структурах большевиков, но было упущено время для проведения выборов в завкомы на предприятиях города.

---

[945] Минц И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 445-446; Ганелин Р.Ш. 25 февраля 1917 года в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 98.
[946] Цит по: Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. С. 446.
[947] Шляпников А.Г. Указ. соч. С. 78-79.
[948] Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 135.

И все же план большевиков стал реализовываться. Вечером 26 февраля совместное заседание бюро ЦК, ПК и Выборгского райкома объявило о начале вооруженного восстания 27 февраля силами рабочих[949]. Рабочее восстание сначала развивалось на редкость успешно. Группы боевиков без большого сопротивления занимали различные объекты в городе, полностью захватив Нарвский район. Одна из таких групп, под руководством М.И. Калинина, будущего «всесоюзного старосты», заняла в Выборгском районе Финляндский вокзал, и Выборгский комитет превратил его в опорный пункт для распространения восстания «во всем городе».

Здесь и решили большевики разместить Совет, подконтрольный их партийным структурам, и Временное революционное правительство, образованное из членов Совета. Но в связи с тем, что пробольшевистские заводские комитеты еще не были созданы, ближайшей задачей большевиков становились выборы уже непосредственно в Совет рабочих депутатов, минуя промежуточную стадию. Это осложняло задачу, поскольку в Совет могли войти и рабочие, независимые от большевиков, но выбора не было. Нужно было торопиться, и большевики объявили о выборах в Совет в выпущенной в тот же день листовке: «Революция началась… Создавайте сегодня же Временное революционное правительство... Выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между собой. Пусть под защитой войска создастся Совет депутатов… Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб»[950].

Итак, днем 27 февраля большевики планировали создавать свое революционное правительство[951]. Сегодня часто утверждается, что ничего этого не было: большевики совсем не причастны к Февралю. И для обоснования данного подхода выдвигается железный аргумент: в февральские дни у большевиков в столице не было значимых в партийной иерархии руководителей. Февраль оказался для Ленина неожиданным, он говорил за два месяца до

---

[949] Минц И.И. Указ. соч. С. 456; Старцев В.И. 27 февраля 1917… С. 135.
[950] Минц И.И. Указ. соч. С. 461-462; Старцев В.И. 27 февраля 1917… С. 144, 152; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 188, 202.
[951] Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля-3 марта 1917 г. Дисс… д-ра ист. наук. СПб., 2005. Л. 240.

Февраля, что может не дожить до грядущих битв революции[952]. Большинство исследователей, утверждающих, что большевики не причастны к Февралю, почти не рассматривают в своих работах дней, предшествующих 27 февраля. И это не случайно. Ведь если начать анализировать февральские события с самого начала, станет очевидно, что движущей силой всех событий первых пяти дней были петроградские рабочие. А непосредственными руководителями и организаторами действий рабочих были партийные структуры большевиков. Невозможно отрицать, что утром 27 февраля, когда восставшие солдаты Волынского, Преображенского и Литовского полков направились на Выборгскую сторону, там уже происходило и активно развивалось рабочее восстание[953], а первым революционным центром власти стал Финляндский вокзал, где находились большевики.

Меньшевики и эсеры, будущие герои Февраля, организаторы Совета рабочих и солдатских депутатов, к этому движению рабочих и солдатских масс в те дни, 23-27 февраля, не были причастны. Необходимо признать: так происходило не потому, что они пытались ослабить революционный порыв масс (как это утверждала советская историография[954]), а потому, что их к бастовавшим рабочим не подпускали большевики, видевшие в руководителях эсеров и меньшевиков не союзников по борьбе с самодержавием, а конкурентов по борьбе за власть.

Активисты эсеров и меньшевиков пытались прорваться к массовому рабочему движению и возглавить его. Для этого в те дни они организовали четыре встречи между собой. Три – на квартире писателя М. Горького и одну – на квартире депутата А.Ф. Керенского. Это были встречи людей, жаждущих действий, но изолированных от масс, не способных повлиять на происходящие

[952] Седова Я.А. Великий магистр революции. М., 2006. С. 77.
[953] Следовательно, рабочее восстание, инициированное большевиками, началось раньше солдатского.
[954] «Меньшевики и эсеры пытались сдерживать развитие событий, называя вооруженную борьбу безумием». Такой была в советское время официальная точка зрения (История СССР. XIX-начало XX в. М., 1987. С. 450.

события. Все эти люди верили, что рабочие демонстрации выльются в нечто большее и были готовы довести массовое рабочее движение до революции[955].

На последнюю встречу, в квартиру Керенского, вечером 26 февраля прибыли и представители большевиков, правда, не принадлежавшие к самой партии (межрайонец К.К. Юренев и левый эсер П.А. Александрович, в будущем заместитель Ф.Э. Дзержинского по ВЧК) но действовавшие «в полном контакте и согласии с большевиками»[956]. Показательно, что сами большевики даже не хотели встречаться с эсерами и меньшевиками и посылали к ним лишь ближайших союзников[957].

Межрайонец Юренев во время этой встречи откровенно противопоставил «представителей нелегальных организаций», то есть себя и Александровича, остальным представителям «общественности». На этой встрече они чувствовали себя единственными подлинными представителями «пролетариата». Эти местоблюстители большевиков отбивали все попытки конкурентов подобраться поближе к революционному движению, уверяя тех, что данные волнения бесперспективны. Эсеры и меньшевики недоумевали по поводу непонятной позиции большевиков: как же так, разворачивается мощнейшее народное движение, а кумиры масс, всегда призывавшие к самым решительным действиям, занимают странную позицию, и выдвинули скудоумную версию. «Сейчас эту странную позицию большевиков я могу объяснить только одним: начавшееся движение они не считали своим, движением “пролетариата”, - в лучшем случае это было, по их мнению, начало “буржуазной” революции, которой они чурались. Только это может объяснить их странное поведение – это презрение к “буржуазной революции” многое определило в их позициях и в последующие дни»[958].

---

[955] Зензинов В.М. Февральские дни // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С. 112.

[956] Напомним, что межрайонцы и левые эсеры стали союзниками большевиков еще до февраля. В ноябре 1915 года они отказались от участия в выборах в рабочие группы ЦВПК, составляя более половины уполномоченных выборщиков. Если бы при взаимоотношениях разных сил тогда действовали реальные законы демократии, избрание данной группы следовало признать незаконным. Все три организации объединяло неприятие войны. Это был союз антивоенных сил.

[957] Зензинов В.М. Февральские дни… С. 112, 113.

[958] Там же. С. 114.

Эсеры и меньшевики так ничего и не поняли. Между тем, как раз в это время большевики на своем совещании принимали решение о начале вооруженного восстания силами рабочих и, естественно, хотели сохранить монополию на руководство восстанием. С целью не подпустить к нему эсеров и меньшевиков, они и направили сюда своих представителей. И те честно отрабатывали свой хлеб, убеждая собеседников в бесперспективности происходящих событий. «Мы утверждали, что волна идет вверх, что мы должны готовиться к решительным событиям; Юренев, считавший себя на более левом фланге, усиленно старался обливать нас холодной водой. Для нас было ясно, что такова была позиция в тот момент не только его лично, но и большевистской петербургской организации. Юренев высказывался против форсирования событий, утверждал, что начавшееся движение не может иметь успеха, настаивал даже на необходимости успокоить взволнованные рабочие массы»[959].

Но при этом поразительно, что большевики просили материальной помощи у своих конкурентов. «Единственно, на что он соглашался, это на то, чтобы Керенский использовал свои общественные связи и раздобыл денег для издания… информационного бюллетеня (цитирую его фразу буквально)»[960]. Эсера В.М. Зензинова, писавшего о подробностях данной встречи, удивило намерение большевиков издавать информационный бюллетень! Это еще одно, пусть и косвенное, свидетельство намерения большевиков организовать восстание. Если бы большевики желали остановить начавшееся рабочее движение, как декларировалось на встрече, им достаточно было простой листовки. Но большевики готовили восстание, в результате которого собирались захватить власть, и для распространения своих идей им был необходим информационный бюллетень.

Но как же быть с утверждением, что в дни Февраля в Петрограде не было партийных лидеров? Во-первых, в Петрограде действовали партийные структуры (Русское бюро ЦК, Петербургский городской комитет, Выборгский районный

[959] Зензинов В.М. Февральские дни… С. 114.
[960] Там же. С. 114.

комитет). Во-вторых, партия, прежде всего, механизм. Какой бы важной ни была роль лидеров, партия не сводима к личностям одного или нескольких человек. У большевиков, кроме Ленина, было немало других заметных личностей. Например, в Петрограде в тот момент находились руководитель Русского бюро ЦК А.Г. Шляпников и В.М. Молотов, ставший вскоре верным соратником И.В. Сталина[961].

В-третьих, партийные лидеры заранее готовились к любому повороту событий и, несомненно, понимали, что революция в любом случае начнется без Ленина. Другой вариант просто не был возможен! Сначала революция, а потом возвращение Ленина. Поэтому большевики досконально изучали предшествующие эпизоды с попытками социалистов захватить власть. Такими, как Парижская Коммуна и Московское декабрьское восстание 1905 года. Согласно их стратегии с самого начала революции власть должна была перейти к большевистской партии[962].

Итак, в феврале 1917 года большевики стремились захватить власть, но их попытка успехом не увенчалась. И неудачу большевиков предопределили действия вовсе не эсеров и меньшевиков, а солдат. Накануне Февраля большевики контролировали рабочее движение в Петрограде, и, естественно, главное средство борьбы за власть для них состояло в организации рабочего восстания. Это предопределяло двойственное отношение большевиков к армии. С одной стороны, большевики выдвигали антивоенные лозунги, дававшие им серьезные основания рассчитывать на сочувствие солдат. С другой стороны, в целом до Февраля армия оставалась довольно прочным государственным институтом, и, разрабатывая план захвата власти, большевики настороженно относились к солдатам, добиваясь не присоединения их к восстанию, а всего лишь нейтралитета, отказа стрелять в народ. Большевики надеялись, что в общей массе восставших будут преобладать рабочие[963].

---

[961] Никонов В.А. Указ. соч. С. 176.
[962] Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 48.
[963] Партия большевиков в Февральской революции 1917 года… С. 177-178; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 202.

27 февраля большевики начали рабочее восстание в непредсказуемой для себя обстановке, не успев создать подчиненные партии заводские комитеты. Когда к рабочему восстанию неожиданно присоединились солдаты, их положение заметно усложнилось, поскольку в общей массе восставших более весомое значение приобретала сторона, имевшая оружие. Первоначально, солдаты действовали совместно с рабочими и большевиками. Но солдаты не могли не задумываться о последствиях своих действий. Поражение восстания влекло для них неминуемую расправу, так как они вышли из повиновения властям в военное время. Поэтому солдаты были склонны перейти под контроль умеренных сил, способных не допустить расправы над ними[964].

Решающим в изменении хода восстания и неудаче большевиков стало освобождение из тюрьмы «Кресты» членов пресловутой рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Освобожденные и предложили рабочим и солдатам отправиться в Думу, создав там Совет рабочих депутатов. Солдаты сразу же охотно согласились и уговорили присоединиться к ним колеблющихся рабочих. С того момента большевики и потеряли руководство восстанием, а центр силы переместился от Финляндского вокзала в Таврический дворец, где заседала Государственная дума[965].

К этому времени там уже находились основные лидеры эсеров и меньшевиков, которые явились туда сразу после того, как узнали, что в городе произошло рабочее восстание и к нему присоединились солдаты. Несколько часов они находились в здании одни, не причастные к развертывающимся в городе событиям[966].

27 февраля 1917 года подлинным хозяином в городе были восставшие рабочие и солдаты. Именно они и определяли, кто станет руководить восстанием. На первом этапе народ шел за большевиками только потому, что они выдвигали более радикальную программу, но в случае изменения ситуации был готов

---

[964] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 253.
[965] Старцев В.И. 27 февраля 1917… С. 145-147; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 210-212.
[966] Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 40.

перейти на другую сторону. И первыми изменение ситуации уловили солдаты[967]. Действительно, большевики имели шанс получить власть в Петрограде, сформировав здесь правительство. Однако в целом страна тогда еще не была подготовлена к их приходу во власть. Поэтому останься почти накануне завершения войны восстание большевистским, оно было бы неминуемо раздавлено, и никакого Февраля так бы и не состоялось.

Большевики понимали свою жертвенность, и подобно парижским коммунарам однажды, в декабре 1905 года в Москве, уже «штурмовали небо». Но февральский Петроград был не декабрьской Москвой, и здесь можно было формировать центральное правительство. К 1917 году у власти накопилось немало врагов, и антивоенной акцией, организованной большевиками, воспользовались другие силы, настроенные не менее непримиримо по отношению к власти. Большевики «дотащили» Февраль до максимально критической точки, дальше которой «тащить» его было уже нельзя (иначе Февраль ждала расправа), и здесь знамя антиправительственного протеста у них перехватили эсеры и меньшевики.

Переход лидерства к умеренным социалистам обеспечила меньшевистская рабочая группа ЦВПК во главе с Гвоздевым, взявшая реванш у большевиков за злоключения 1915 года. Возглавив восстание, эсеры и меньшевики спасли Февраль от поражения, а большевиков от неминуемой расправы[968]. 27 февраля в Таврическом дворце эсеры и меньшевики образовали свой Совет. Это был момент наивысшего влияния, подлинно звездный час меньшевиков. Руководящий орган Совета – Исполком - в основном составили их выдвиженцы: Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, К.А. Гвоздев, Б.О. Богданов, К.С. Гриневич, Н.Ю. Капелинский, а также внефракционный (не принадлежавший ни к большевикам, ни к меньшевикам) социал-демократ Н.Д. Соколов[969].

---

[967] Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров Прогрессивного блока //Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 311.
[968] Холяев С.В. Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 31.
[969] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей… С. 96-97.

Эсеров в руководящем органе Совета первоначально представлял один А.Ф. Керенский[970]. Впрочем, его нельзя считать полноценным эсером, так как он не представлял организационные структуры партии. Он был лидером группы трудовиков, которые хотя и придерживались близких к эсерам взглядов, но были их конкурентами, также стремясь подчинить себе крестьян, и от этого отношения между эсерами и трудовиками складывались всегда напряженно.

Большевики в этом Совете оказались в меньшинстве. Советские историки объясняли слабые позиции большевиков в нем тем, что их не оказалось в то время в Таврическом дворце, поскольку они руководили уличными действиями рабочих и не учли важности организационного момента в оформлении новой власти (в общем, руководили борьбой рабочих, а не выбирали новую власть)[971]. Это объяснение просто нелепо. Образование власти большевики всегда признавали важнейшим вопросом. Этим они и занимались днем 27 февраля на Выборгской стороне. Большевики до последнего предпринимали усилия по созданию своей власти. Лишь вечером, оставшись у опустевшего Финляндского вокзала, после ухода почти всех рабочих и солдат к Таврическому дворцу, им пришлось присоединиться к общему Совету рабочих депутатов, уже без всякой надежды на успех там[972].

Хотя вечером 27 февраля 1917 года роль лидера революционных народных масс взяли на себя правые социалисты, положение восставших мало в чем изменилось. Они по-прежнему были бунтовщиками. В это время в городе происходили беспорядки: настоящие хозяева столицы избивали полицейских, городовых, офицеров. Остановить этот произвол меньшевикам и эсерам не удавалось.

Власть имела не меньшие основания, чем днем 27 февраля, жестоко подавить народное восстание. В Петрограде уже не было правительства (премьер-министр Голицын объявил о сложении полномочий), были разбиты многие полицейские участки. Но в провинции еще функционировал аппарат управления:

---

[970] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей… С. 96-97.
[971] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. С. 252.
[972] Старцев В.И. 27 февраля 1917… С. 152.

27-28 февраля остальная страна ничего не знала о событиях в Петрограде, за исключением Москвы, где 27 февраля также начались волнения. И главное, еще не была затронута беспорядками армия на фронте и в провинциальных тыловых гарнизонах. Вечером 27 февраля в Петрограде стало известно об отправке с фронта карательной экспедиции генерала Н.И. Иванова[973]. В этой ситуации у эсеров и меньшевиков оставалась надежда лишь на либералов: только они были способны, возглавив народное движение, легализовать успехи социалистов.

Перед Прогрессивным блоком в тот момент встала дилемма: допустить разгром восстания или воспользоваться им для захвата власти? Важную роль в этой ситуации вновь сыграли меньшевики, чей левый представитель Н.Н. Суханов возглавил переговоры с либералами. Объектом для начала переговоров им был выбран Милюков.

Первым пунктом стала мысль о силе и размахе народного движения в Петрограде. Суханов пытался убедить Милюкова, что у социалистов достаточно сил, чтобы самостоятельно, без помощи либералов, отразить атаки царизма. Но социалисты не хотят кровопролития, и потому готовы передать власть либералам. Одни либералы имеют возможность предотвратить кровопролитие в Петрограде, а для царских властей передача власти либералам и вовсе самый удачный выход из сложившейся ситуации. У царя нет иного выхода, в противном случае его ожидает мощное народное восстание[974].

Однако социалисты, по словам Суханова, не могут просто передать власть. Сначала придется ограничить размах народного движения, сделать его более умеренным и осторожным, чем сейчас: «… попытка удержать народные требования в определенных пределах – это попытка довольно рискованная; она может дискредитировать руководящие группы демократии (*то есть умеренных социалистов – С.Х.*) в глазах народных масс… (*в этом случае – С.Х.*)… Движение может перелиться через все организационные рамки и перейти в безудержный разгул стихии». Идя на столь рискованные шаги, социалисты должны быть

[973] Пайпс Р. Указ. соч. С. 315.
[974] Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1-2. М., 1991 С. 84-85, 88.

уверены в действиях либералов, и условием создания либерального правительства может быть только требование ликвидации самодержавия[975].

Сегодня часто утверждается, что в феврале был реализован план, который тщательно готовил А.И. Гучков. В качестве обоснования обычно приводится ловкий контроль за движением царского поезда из Ставки в Могилеве к столице, осуществляемый А.А. Бубликовым в начале марта. В одной работе даже высказывается мнение, что Совет, созданный социалистами, и вовсе являлся карманным, управляясь упоминавшейся нами «масонской» группировкой[976].

Сами либералы оценивали тогда ситуацию иначе. Это было не то, что они готовили. Член Государственной думы из фракции центра В.Н. Львов, будущий министр Временного правительства, признавался, что поднявшееся народное восстание вызвало у либералов массу негативных эмоций. Главными героями развивающейся революции были народные массы и социалисты. Но «призрак кровавого подавления мятежа» со стороны власти, поскольку либералы и восставший народ для правительства находились на одной стороне, «сжигал сердца более чем призрак революции»[977]. Страх перед расправой со стороны старой власти был пока еще сильнее страха перед всевластием необузданной народной массы.

Свой базовый выбор либералы сделали еще утром 27 февраля. Им предоставлялась возможность вмешаться в конфликт на стороне власти и помочь правительству подавить народные беспорядки. Уже знакомый по письму Мильнера военный министр М.А. Беляев, с именем которого связывали большие надежды англичане, предложил Родзянко действовать совместно с правительством в самый критический для либералов момент – до 12 часов дня, когда складывалось впечатление, что народ поддержал социалистов и центром событий станет не Таврический дворец, а Финляндский вокзал – опорный пункт большевиков. Родзянко возразил: «Какая же совместная деятельность, когда вы распустили Государственную думу, отныне у нас не может быть общего языка»

---

[975] Суханов Н.Н. Записки о революции… Т. 1. С. 88.
[976] Седова Я.А. Указ. соч. С. 109-110.
[977] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 35.

(на самом деле, утром 27 февраля Думу не распустили, а лишь прервали ее сессию)[978]. Ответ Родзянко был сделан в тяжелый момент: со стороны военных властей могли последовать санкции, направленные на выдворение депутатов из Таврического дворца. Сделав этот выбор, Дума превращалась в полноценного участника народного восстания.

Думцы образовали Временный комитет из числа членов Государственной думы. В 2 часа ночи на 28 февраля указанный комитет объявил о согласии возглавить народное восстание. Это его решение явилось фактическим началом русской революции, так как распространило информацию о восстании в Петрограде на всю страну[979]. После этого либералам пришлось использовать наработки, накопленные за время подготовки дворцового переворота, планировавшегося на конец марта.

Длительное время официальная советская историческая наука критиковала эсеров и меньшевиков за то, что те, обладая всей полнотой власти в Петрограде и опираясь на вооруженные массы рабочих и солдат, добровольно отдали власть либералам. Данный подход не учитывал всех факторов, и нам представляется, что тактическая линия, избранная эсерами и меньшевиками, была в тех условиях наиболее рациональной. В этот период страна еще не была охвачена революцией, и Николай II, продолжавший обладать существенной силой, никогда не стал бы вести переговоров с социалистами. Либералы предотвратили подавление восстания народных низов, распространив информацию о нем на всю страну и уверив провинциальные власти, что в случае ликвидации царизма новой правящей силой станут либеральные партии - кадеты и октябристы. Это сделал 28 февраля тот же А.А. Бубликов, назначенный Временным комитетом комиссаром по министерству путей сообщения[980].

Губернаторы, при получении подобной информации, охотно соглашались на переговоры с либералами и мирно самоустранялись из политического процесса, передавая власть в регионах новым, революционным органам

[978] Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля-3 марта 1917 г. Дисс… д-ра ист. наук. СПб., 2005. Л. 184.
[979] Минц И.И. Указ. соч. С. 483.
[980] Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 279-280; Голос (Ярославль). 1917. 2, 3 марта.

управления – комитетам общественной безопасности (КОБам)[981]. И, наконец, либералы добились отречения от трона Николая II. Тактический курс, избранный эсерами и меньшевиками, привел к стремительной ликвидации старой власти[982].

Но эсеры и меньшевики предоставили либералам возможность формирования правительства вовсе не для того, чтобы сделать тех новыми хозяевами России. Власть, которую получили либералы, была очень слаба. Основную силу эсеры и меньшевики сохраняли у себя. Реальным хозяином страны отныне становился меньшевистский Совет, а правительство превращалось в его придаток[983]. После свержения самодержавия в политической системе сформировалась схема управления в виде слабого правительства и сильного Совета. Точную оценку роли либералов в февральском перевороте[984] дал А.И. Солженицын. Февральские вожди «не успели заметить… что вызвали другую настигающую революцию, отменяющую их самих, со всем их столетним радикализмом». «Вся историческая роль февралистов только и свелась, что они не дали монархии защититься, не допустили ее прямого боя с революцией. Идеология интеллигенции слизнула своего государственного врага – но в самые же часы победы была подрезана идеологией советской…»[985].

Было ли такое положение дел неизбежным и что могли либералы противопоставить политическим конкурентам? Правая часть либералов (октябристы и правые кадеты) была настроена настороженно по отношению к социалистам. Возглавивший данную группу, председатель Государственной думы и ее Временного комитета октябрист М.В. Родзянко считал, что социалисты представляют большую опасность для последующего развития страны, так как действуют «по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную думу как бы в виде народного революционного

---

[981] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 107. Л. 8; ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
[982] Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927. С. 6; Голос. 1917. 3 марта.
[983] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 97-98.
[984] Мы называем события февраля 1917 года переворотом, так как на завершающем их этапе решающая роль перешла от широких народных масс к политикам, независимо от того являлись ли они либералами или социалистами.
[985] Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. Брошюра в газете. 2007. 27 февраля. С. 10.

знамени»[986]. Конечно, Родзянко преувеличивал степень организованности эсеров и меньшевиков, но довольно правильно оценивал их тактическую линию.

Но большинство в Думе и во Временном комитете поддерживало не Родзянко, а Милюкова. А Милюков оценивал ситуацию неверно, считая, что Родзянко переоценивает силу социалистов. Да, у них есть радикалы – большевики. Но основу социалистического движения составляют правые социалисты, не представляющие для либералов серьезной опасности. Ведь они добровольно отказались от претензий на лидерство, которых он так опасался в предфевральские дни. По воспоминаниям Суханова, Милюков в ходе переговоров с социалистами произнес показательную реплику в адрес партнеров по переговорам: «Да, я слушал вас и думал, как далеко вперед шагнуло наше рабочее движение с 1905 года»[987]. Правоту Родзянко несостоявшийся «вождь нации» смог оценить значительно позднее, в эмиграции, когда имел возможность прочитать в воспоминаниях Суханова его комментарий к этим своим словам: «Этот комплимент Милюкова был бы не особенно лестным для нас, если бы он не был преждевременным»[988].

Итак, внутри либерального лагеря во время переговоров с социалистами сложились две группы – правая и левая, возглавляемые Родзянко и Милюковым. Что же они предлагали предпринять либералам?

Родзянко считал необходимым в ходе переговоров с социалистами добиваться сохранения Государственной думы как официального учреждения. Правительство, созданное по итогам переговоров с социалистами, может быть ответственным перед Государственной думой. Если надо, правую часть исключат из нее, но Дума, как учреждение, пригодна для дальнейшей работы[989]. Положение социалистов еще не было прочным, и прояви либералы решительность, план Родзянко мог удаться.

---

[986] Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция // Архив русской революции. Кн. 3. Т. 6. М., 1991. С. 64.
[987] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 152.
[988] Там же. С. 152.
[989] Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция… С. 70.

Милюков, пытаясь доказать свою правоту, постоянно акцентировал внимание на нереальности предложения Родзянко. Но позиция лидера партии кадетов определялась тем, что ни Государственная дума, ни Родзянко не были нужны самому Милюкову. Председатель Думы казался Милюкову единственной фигурой в либеральном лагере, сопоставимой с ним: даже Гучков теперь отошел на второй план. Накануне Февраля Родзянко был реальным кандидатом на пост председателя правительства и в таковом качестве не устраивал кадета. В феврале 1917 года Милюков, хотевший быть безраздельным хозяином в правительстве, опасался Родзянко больше социалистов. В формальные лидеры правительства им намечался князь Г.Е. Львов, себе Милюков уготовил пост министра иностранных дел. Но было понятно: настоящим лидером нового государства он видит одного себя.

Милюков полагал, что Совет не будет вмешиваться в работу правительства[990]. Это была крупная ошибка. Реальное отстранение Государственной думы от власти (хотя формально Государственную думу распустили лишь 1 сентября 1917 года, как действительный политический институт она была устранена сразу же, по итогам февральского переворота[991]) позволило занять ее место в новой политической системе более радикальному Петроградскому Совету. В отличие от слабеющей Государственной думы Совет обладал реальной силой, а сам не был стеснен никакими государственными актами, поскольку не попал в сферу законодательной деятельности правительства. Правительство рассматривало Совет как не государственное, а классовое учреждение, представляющее лишь часть населения страны, хотя и самую массовую. Отказ правительства регулировать деятельность Совета открывал перед ним полную свободу действий[992].

Следовательно, правительство безоговорочно проиграло Совету борьбу в Петрограде. Но у либералов неожиданно оказался еще один шанс на упрочение

---

[990] Старцев В.И. Революция и власть. М., 1978. С. 18.

[991] Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 35-36, 41.

[992] Тот факт, что Петроградский Совет взял на себя выполнение парламентских функций, хотя и очень своеобразно, отмечается в статье А.Б. Николаева и О.А. Поливанова «Российский парламентаризм в 1917 году» (Кентавр. 1995. № 2. С. 73, 82).

своих позиций в обществе. Либеральное правительство получило мощную поддержку провинции. Его авторитет там, в первые дни Февраля, был очень высок. Это объяснялось тем, что в провинции не было известно обо всех перипетиях происходивших в Петрограде событий, о слабости правительства и силе Совета, но, вероятно, это объяснялось также и тем, что страна уже давно ожидала свержения царизма и прихода либералов к власти. Даже провинциальные большевики лояльно отнеслись к созданию либерального правительства. О чем свидетельствует листовка костромских большевиков: «Государственная дума объявила себя Временным правительством. Долг каждого гражданина оказать поддержку новому правительству»[993].

О полной поддержке нового правительства заявили новые провинциальные органы власти – КОБы (комитеты общественной безопасности), образованные в губернских и уездных городах России в февральско-мартовские дни. Удельный вес КОБов в политической жизни провинции был сопоставим с удельным весом Совета в Петрограде. КОБы пользовались абсолютным доверием местного населения, так как состояли из основных его социальных групп. Так, в Ярославский губернский КОБ (который назывался несколько иначе – комитет общественного порядка) входили рабочие в количестве 11 человек, 10 крестьян, 10 солдат и офицеров (члены образовавшегося в Ярославле Совета военных депутатов, первоначально состоявшего не только из солдат, но и офицеров, при этом численность солдат в Совете в два раза превышала численность офицеров), 8 земцев (депутатов), 18 кооператоров (лиц, помогавших крестьянам развивать сельское хозяйство)[994].

Подавляющее большинство этих влиятельных органов власти были готовы помогать правительству и стать правительственными органами на местах, а в ответ просили придать им официальный статус, сделав их составной частью новой политической системы. У либералов появлялась возможность создать разветвленную правительственную систему, которую они могли

[993] Центр документации новейшей истории Костромской области – далее ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
[994] Голос. 1917. 8 марта; Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. М., 1992. С. 196.

противопоставить Петроградскому Совету и тем существенно повысить влияние на процессы, происходившие в стране. Правительство допустило серьезный просчет, не удовлетворив просьбы КОБов и сделав политическую ставку на социально близкие либералам структуры власти – земства и городские думы, в чем, конечно, не было ничего удивительного, ведь новый премьер-министр Г.Е. Львов возглавлял Всероссийский земский союз.

Руководителями на местах, губернскими и уездными комиссарами, назначались председатели губернских и уездных земских управ[995]. Хуже всего было то, что правительство не просто проигнорировало волю КОБов, а максимально ограничило все их права. КОБы не становились составной частью официальной системы. Их существование не запрещалось, но им отказывалось в главном: в финансировании из центра. Рассчитывать на материальную помощь КОБы могли лишь при выполнении отдельных поручений комиссаров[996].

Комиссары в итоге так и остались единственным институтом власти, законодательно подчиненным правительству. Все остальные органы, действовавшие на местах – КОБы, земства, городские думы и всевозможные Советы, формально представляли интересы лишь местного населения, юридически не подчиняясь правительству[997]. На провинциальном уровне теперь только комиссар должен был строго выполнять указания правительства. Но каким бы верным сторонником правительства он ни был, при возникновении политических споров ему было сложно противостоять давлению более массовых органов. Напротив, местным органам власти было всегда легче переподчинить комиссара себе.

Несправедливая административная политика центра ожесточила КОБы, и они потребовали, чтобы главы губерний и уездов, комиссары, назначались без вмешательства центра, на местах, самими местными органами власти[998]. Еще одним требованием КОБов было полное подчинение комиссаров местным интересам. Отныне КОБы не соглашались даже на одинаковую ответственность

[995] Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.
[996] Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России… С. 55-56, 200.
[997] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава… С. 203.
[998] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 107. Л. 20.

комиссаров, как перед собой, так и перед центральным правительством[999]. Во второй половине марта правительство вынужденно согласилось с требованиями КОБов, и предоставило им право самостоятельно назначать комиссарами лиц, «пользующихся доверием местного населения»[1000].

Либералы рассчитывали сделать комиссаров ответственными перед правительством, но в итоге комиссары попали в полную зависимость от КОБов, а КОБы, главные органы власти на местах, как и Советы, оказались вне контроля правительства. Фактически это привело к губернизации России – распаду страны на отдельные губернии. С этого момента в политическом отношении каждый регион, в том числе и не помышлявший о сепаратизме, становился практически независимым от центра, поскольку правительство больше не располагало рычагами влияния на местную жизнь. Правительство потеряло последнюю возможную опору для противостояния политике столичного Совета, попав в полную зависимость от социалистов.

Показательно, что раскол центральной власти с провинциальными органами управления произошел тогда, когда властные структуры в них возглавлялись представителями одного лагеря - либерального. Именно либералы, включая кадетов, несут ответственность за развязывание главного конфликта революции, между центром и провинцией, придавшего революционным событиям 1917 года драматический характер, и поставившего, в конечном счете, Россию на грань территориального распада.

Был ли неизбежен Февраль? Несмотря на то, что к Февралю 1917 года авторитет власти в России упал почти во всех слоях населения (от простого народа до салонов великих князей), судьба Февраля вовсе не была безоблачной. Несколько раз он оказывался на грани разгрома, но каждый раз какое-либо чудо выручало его. И потому оценка Февраля, данная В. И. Лениным, представляется наиболее верной: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и

[999] Голос. 1917. 16 марта.
[1000] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 70.

второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»[1001].

В свержении власти участвовали все оппозиционные самодержавию силы, и каждая из них внесла свой вклад в победу Февраля. Большевики первыми из политических партий России вступили в дело. Они инициировали рабочие волнения, организационно их возглавили и «дотащили» Февраль до максимально возможного места. Если бы они «перетащили» его хоть немного дальше, власть раздавила бы Февраль. Далее руководство народным движением перехватили меньшевики и эсеры, ослабившие его размах и уговорившие либералов выступить против царской власти.

И, наконец, третьими в дело вступили либералы, трансформировавшие чисто петроградское восстание «низов», рабочих и солдат, в общенациональную революцию, и распространившие информацию о событиях в Петрограде на всю страну, при этом дезинформировав провинцию, что власть в Петрограде принадлежит либералам, Государственной думе и ее Временному комитету, а не социалистам и «низам», как было на самом деле. После этого либералы договорились о добровольном выходе губернаторов из политического процесса и передаче губернаторской власти новым революционным органам управления – КОБам. Либералы также добились мирного отречения от власти Николая II.

Действительно «актеры» знали друг друга и свои роли вдоль и поперек. Все оппозиционные силы внесли существенный вклад в дело победы Февраля. Но все же, несомненно, главная заслуга в успехе Февраля принадлежит умеренным социалистам, и особенно меньшевикам. Если октябрьские события 1917 года мы всецело связываем с большевиками, не менее правомерным будет признать февральские события успехом меньшевиков, их по-настоящему звездным часом. Они перехватили власть у большевиков, сохранили основные рычаги управления у себя, но некоторую часть их передали либералам, чтобы те не допустили подавления мятежа (февральские события в Петрограде до передачи власти

[1001] Ленин В.И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.

либералам были мятежом), и ликвидировали царизм. Меньшевики - главные генераторы Февраля, и в результате его победы они, вместе с эсерами, стали самой влиятельной политической силой.

Показательно, как изменялось содержание февральских лозунгов. В первые дни волнений, когда во главе их стояли большевики, была очевидна антивоенная направленность лозунгов (23 февраля – 27 февраля, день). Затем, со второй половины дня 27 февраля, по мере перехода руководства движением к меньшевикам, антивоенные лозунги стали оттеняться, и на первый план выходило общеотрицательное отношение к власти («Долой самодержавие!»). И уж совсем неожиданно, начиная с 28 февраля, антивоенные лозунги сменились на ярко выраженные патриотические, в пользу продолжения войны. Резкая смена лозунгов Февраля произошла благодаря воздействию меньшевиков. Они дали либералам на несколько дней почувствовать себя хозяевами положения. Это был ловкий тактический маневр. В момент ликвидации самодержавия, по мнению умеренных социалистов, либералы должны были верить, что устраняют старую власть в собственных интересах[1002].

Меньшевики и эсеры были главными творцами, архитекторами Февраля. В результате их архитектуры на политической авансцене остались только оппозиционные прежней власти силы: социалисты и либералы, то есть интеллигенция. С политической карты России исчез весь монархический лагерь. Все находившиеся правее либералов многочисленные правые партии, включая обе организации Союза русского народа, дубровинскую и обновленческую, были вычеркнуты из жизни. Февраль привел к ликвидации сил, прежде управлявших страной. Это означало полную смену власти.

Февраль доверил власть людям, никогда прежде там не работавшим. Если не считать, конечно, работы в земствах и городских думах, находившихся всегда под пристальной опекой губернаторов, или депутатства в Государственной думе. Ни один из «февралистов», кроме кадета Н.Н. Кутлера, работавшего прежде в министерстве земледелия на высоком административном посту –

[1002] Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 132.

главноуправляющего земледелия и землеустройства, не имел опыта работы на высоком правительственном уровне[1003]. Теперь все эти люди, привыкшие ранее исключительно критиковать других, должны были сами управлять страной и нести за это ответственность.

Следовательно, в феврале параллельно развивались два процесса. С одной стороны, государственный переворот, для которого характерна смена одних властителей на других, а с другой – революционные процессы. Поэтому события февраля 1917 года следует охарактеризовать как государственный переворот, положивший начало революции в России. Без активного участия ведущих партий не состоялось бы февральских событий. Именно враждебная деятельность партийных руководителей и активистов против Николая II являлась основой происходившего в феврале. Процессы, связанные с госпереворотом, завершились отречением императора. Это была чисто верхушечная деятельность партий. Однако в движение были вовлечены широкие народные массы, остававшиеся прежде спокойными, и блокировать влияние «улицы» у новых властей не получилось[1004].

Не менее важно и то, что в 1917 году в России произошли не две революции (в феврале и октябре), а одна, но с разными этапами (февральским и октябрьским). Дальнейшая борьба за власть, включая победу большевиков в октябре и гражданскую войну, происходила в рамках одной революции, начатой в феврале 1917 года, между силами, сохранившимися после Февраля, «февралистами» в той или иной степени. Без победы Февраля и свержения старой власти, борьба между оставшимися в Феврале силами, не приобрела бы столь острого и драматического характера. Февраль знаменовал переход борьбы за власть из холодного состояния, когда борьба велась в незначительных масштабах, лицами, втянутыми в прямое противостояние вокруг власти, в основном партийными активистами, составляющими крайне незначительный процент населения (не больше 10%), в горячее, когда борьба ведется уже открыто,

[1003] Муравьева Л.А. Жизнь и деятельность Н.Н. Кутлера // Деньги и кредит. 2004. № 8. С. 55.
[1004] Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Февральский революционный кризис 1917 года… С. 310.

переходит рамки борьбы партий и становится борьбой одной части народа с другой его частью.

То, что Февраль приобрел формы народной революции, являлось серьезным просчетом либералов. Последние, в союзе с дипломатическими представительствами союзных государств по Первой мировой войне – Великобритании и Франции, добивались отречения Николая II, готовя дворцовый переворот, и предполагали передачу высших должностных полномочий другому представителю династии Романовых, лояльно относящемуся к либеральной оппозиции (Алексею или Михаилу). Вместо этого, в дальнейшем им пришлось иметь дело с активизирующимся широким движением неорганизованных народных масс и более радикальных организованных сил, структурированных в социалистические партии, от эсеров до большевиков, и опирающихся на столичные, Петроградский и Московский, и провинциальные Советы.

Это объяснялось тем, что ведущая роль в февральские дни перешла к социалистическим партиям. Начало событий было связано с деятельностью большевиков, в течение четырех с половиной дней организационно возглавлявших рабочие волнения. Переход руководства народным движением с середины дня 27 февраля к меньшевикам объяснялся присоединением к рабочему восстанию солдат Петроградского гарнизона. И хотя в дальнейшем меньшевики передали либералам право формального руководства восстанием, рычаги реального управления развертывающимися политическими процессами сохранялись за умеренными социалистами.

Утрата либералами статуса главной политической силы дополнялась полным исчезновением монархического (консервативного) лагеря и ликвидацией правой части либерального лагеря (октябристов и даже прогрессистов). Оставляя радикальным силам либерального лагеря (кадетам), место на крайне правом фланге, социалистический лагерь захватил большую часть политического пространства и раскололся на два новых лагеря: радикально-революционный и умеренно-социалистический.

Анализ межпартийных отношений в период, предшествующий революции 1917 года, показывает, что основные проблемы российской многопартийной системы связывались не столько с сопротивлением властей, сколько были заложены внутри нее. Происшедшее разделение партий на две непримиримые части, консервативно-либеральную и социалистическую, изначально ослабляло потенциал многопартийной системы и отрицательно сказалось не только на развитии государства в целом, но и на судьбе самих партий. Радикализм социалистических партий делал их чрезвычайно опасными для правых и либералов. Но и между консервативными и либеральными партиями также сложились непростые отношения, затруднявшие развитие политической системы.

Протообъединение кадетской партии, Союз освобождения, пропустило первый поворот, способный изменить положение тогда еще только создающейся партийной системы, создав кризис, обусловивший дальнейшее противостояние партий с правительством. Именно в ходе конфликта с министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским сформировалась та программа, во имя реализации которой позднее действовала партия кадетов. Представители Союза освобождения, оказавшиеся в большинстве на ноябрьском съезде 1904 года, упустили возможность достижения компромисса с реформистским крылом власти, стремившимся договориться с обществом о взаимодействии и терпимости по отношению друг к другу. Данный конфликт и заложил весь последующий комплекс проблем. С этого времени, с 1904 года, и начинается непримиримая борьба либералов с властью, приведшая в конечном итоге к революции 1917 года.

Для партийной системы имела негативные последствия ложная стратегия, выбранная кадетской партией. Кадетам казалось, что их путь во власть находится на гребне волны народного недовольства, через взаимодействие с социалистами. Они полагали возможным создание объединенной оппозиции, под которой понимали стратегический союз с социалистическими партиями, то есть рассчитывали на единство действий всех сил, входивших в интеллигентское сообщество. Но поскольку при всем размахе народных волнений, в 1905-1906 годах реальной угрозы ликвидации монархии не было, основные решения в

стране продолжал принимать император. И договариваться надо было с ним и его правительством. Тем более что подчиняться либералам ни одна социалистическая партия в действительности не собиралась, что наглядно показали декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Москве, инспирированное большевиками, и деятельность II Государственной думы, где социалистические партии получили большее число голосов по сравнению с кадетами.

Лишь вследствие возросшей активности революционеров, ситуация оставалась достаточно напряженной для того, чтобы явно радикальная тактика кадетов не помешала возникновению переговорного процесса о формировании кадетского правительства. По крайней мере, на правительственном уровне преобладали настроения о необходимости его образования. Но вспышка активности левого крыла кадетской фракции в начале июля 1906 года, приведшая к роспуску I Думы, предопределила дальнейшие неудачи кадетов. Упустив момент наивысшего влияния, партия утратила возможность прихода к власти. Она предпринимала позднее осторожные попытки перейти с радикальных на центристские позиции, стремясь к соглашению с октябристами, однако этому препятствовала закрепившаяся за ней репутация революционной партии. Вместе с тем, превалировавшие в действиях кадетов антиправительственные настроения позволили им, единственной из либеральных партий, сохраниться на политической сцене в качестве самостоятельной силы после Февраля.

Новый рубеж во взаимоотношениях партий провел 1911 год. П.А. Столыпин стал единственным премьером, способным на самостоятельное выстраивание отношений правительства с партиями. Благодаря его усилиям появилась возможность преодолеть нетерпимость партий в Думе. Отрицательное отношение к октябристам, возникшее у кадетов и черносотенцев, делало объективно невозможными ни радикально-либеральные преобразования союзом кадетов и октябристов, ни правую коалицию октябристов с Союзом русского народа. Альянс октябристов с националистической партией ВНС, подготовленный Столыпиным, являлся единственным способом проведения конституционных реформ. Столыпин, действуя, как сильный тактик, обеспечил максимально

благоприятные условия для реализации проводимой им политики, отвоевав у Союза русского народа правый фланг в Государственной думе. Образование партии националистов и отделение от СРН обновленческого крыла обеспечили радикальному правительственному курсу достаточную поддержку у правых депутатов. Становилось возможным создание нового большинства, способного проводить конституционные преобразования, по меньшей мере, в нижней палате, вопреки воле «революционеров слева и справа» - кадетов и черносотенцев.

В этот момент потенциально было достижимо наивысшее согласие между различными органами власти, более реальное, чем в 1915 году. Ведь Николай II после согласия оставить Столыпина премьер-министром, не мешал главе правительства продолжать реформаторскую деятельность, и не стал бы противодействовать новому парламентскому большинству. Тогда как в 1915 году император настороженно относился к Прогрессивному блоку. Решительные действия Столыпина по принятию закона о земствах в западных губерниях давали октябристам последнюю возможность продолжения реформ. В дальнейшем, вплоть до самого конца в феврале 1917 года, никаких призывов во власть к ним больше не поступало. Отвергнув предложение Столыпина, октябристы скатывались в периферийную часть оппозиционных сил. Отказ Гучкова сотрудничать с правительством привел не только к поражению Столыпина, но и подвел черту под попытками либеральных партий мирным путем получить власть. С уходом П.А. Столыпина отношения либералов с властью окончательно приобретают враждебный характер.

В ходе Первой мировой войны либералы перешли грань приемлемой оппозиционной деятельности, встав на путь прямого противостояния с императором. Внешней причиной перехода либералов в непримиримую оппозицию стали поражения на фронте. Но «великое отступление» было лишь фоном, а не причиной кризиса. Переход либеральных партий в оппозицию объяснялся разочарованием оттого, что возникшему летом 1915 года в Государственной думе Прогрессивному блоку было отказано в праве формирования правительства.

Либеральная оппозиция развернула против императорской власти гигантскую информационную войну, уверяя общество, что ведет борьбу за смену власти по причине того, что правительство не хочет продолжения войны и стремится к заключению сепаратного мира с Германией. Утверждения оппозиционеров о неспособности правительства продолжать войну не соответствовали действительности. За год, прошедший с лета 1915 года, оно добилось существенных успехов на фронте, и к началу 1917 года, вопреки декларациям либералов, вплотную подошло к возможности завершения войны, начав подготовку к весеннему наступлению, ожидавшемуся в апреле, совместно с наступлением союзников. В реальности оппозиционность либералов объяснялась тем, что согласно их представлениям только война давала им шанс на приближение к власти. И в случае победы России их мечты на получение власти останутся невоплощенными. Депутатам Государственной думы было хорошо известно, что война приближалась к победному для России завершению.

Амбиции либералов на власть подкреплялись сочувствием дипломатических представителей союзных государств Великобритании и Франции. Предметом споров между союзными государствами являлись обещанные России по окончании войны черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Отказать Николаю II в передаче проливов англичане не могли, но в их общественном мнении усиливались настроения о нежелательности их перехода к России. Выход виделся в смещении Николая II до окончания войны. Ситуация стала необратимой 19 ноября 1916 года, когда очередной премьер-министр А.Ф. Трепов огласил в Государственной думе содержание договора о передаче проливов России, после чего оно перестало быть тайным. Существовал лишь один способ его дезавуирования – проведение революции в России. Союзникам представлялось, что в случае смены власти успешно завершить войну способны и либералы. Смена одного лица, пусть и Верховного главнокомандующего, не отразится на ходе военной кампании.

Лидер думской оппозиции Милюков, в свою очередь, полагал, что развернутый им «штурм власти» приближает страну к обладанию проливами. В

ходе поездки в Лондон, происходившей после отставки в июле 1916 года с поста министра иностранных дел С.Д. Сазонова, кадетский вождь узнал от российского посла А.К. Бенкендорфа о желании англичан вновь поднять вопрос о проливах из-за ухудшения двух стран. Милюков, поддерживавший прямые отношения с британским посольством, был уверен, что препятствием для перехода проливов становится «германская партия». В реальности все обстояло наоборот – отдалял Россию от проливов радикализм Милюкова. В «германскую партию» входили лица, готовившиеся защищать интересы страны на послевоенных переговорах. Обвинения российской императорской власти в измене общесоюзному делу были не более чем предлогом для вмешательства союзников во внутрироссийские дела.

Ситуация к началу 1917 года складывалась так, что правительство на завершающем отрезке войны поддерживали только правые. В этот период их позиция была чрезвычайно важна для сохранения государственности России: сторонники Николая II проявляли себя защитниками независимости и территориальной целостности страны. В случае смены главы государства, независимо от того, кто бы ни стал новым царем, Россия попадала в полную зависимость от Запада и становилась страной с ограниченным суверенитетом. Большинство правых партий, включая обе части СРН, обновленческую и дубровинскую, теперь совместно выступали за поддержку правительства. В правом сегменте Государственной думы преобладали здравомыслящие депутаты, стремившиеся образумить агрессивное депутатское большинство, такие как Г.Г. Замысловский или один из лидеров обновленческого Союза русского народа Н.Е. Марков (2).

Оптимальной мерой для преодоления кризиса правые считали роспуск Государственной думы. Николай II разделял это мнение, и даже поручил 9 февраля бывшему министру внутренних дел Н.А. Маклакову составить проект предполагаемого Манифеста о роспуске законодательного учреждения. Эта мера не была спонтанной и готовилась уже в течение полугода правительством. В случае полного роспуска Думы новые выборы отодвигались на конец года, 1 декабря 1917 года. Ожидалось, что к тому времени война закончится победой

России. Успешное завершение войны и выборы V Думы создавали условия для изменения политической ситуации, ведя к образованию новой партийной системы и угрожая прекращением деятельности не только ведущих либеральных партий, кадетов и октябристов, но и их лидеров – П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова. Но в реальности, в случае честной работы на оборону страны, Николай II не собирался ликвидировать оппозиционные партии. Более того, не возражал по завершении войны против реализации их программы.

Следовательно, если в начале 1917 года компромиссы и были возможны, они могли исходить только от власти. Николай II в ходе войны проделал немыслимый для себя прежде большой путь навстречу требованиям оппозиции, и, вместо роспуска Думы, в условиях радикализации общественных настроений становившегося бессмысленным, практически подошел к принятию решения о создании либерального правительства. По свидетельствам двух лиц, председателя Государственной думы М.В. Родзянко и начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, он данную грань даже преодолел. И хотя 22 февраля 1917 года он так и не явился в Думу, указ об образовании правительства с большой степенью вероятности был подписан им в тот же день перед последним отъездом в Ставку, и должен был вступить в силу в начале апреля, в Пасху. Роковые последствия для Николая II и готовившегося им весеннего наступления имело откладывание объявления о данном решении. Ему не собирались предоставлять возможности завершения начатой им организации весеннего наступления. Либералы, разоблачавшие военно-техническую беспомощность правительства, не собирались оставлять Николая II на посту императора до начала наступления, так как при его проведении неизбежно выявится их обман. Им требовалось отстранение высшего государственного руководства накануне возобновления операций на фронте. До 2 апреля Гучков планировал совершить дворцовый переворот. Результаты победы лидеры оппозиции намеревались приписать себе. При этом те, кто был вовлечен в организацию переворота, не желали перерастания кризиса в народную революцию, которое произошло 23-27 февраля 1917 года.

Основная роль в февральских событиях принадлежала социалистическим партиям. Инициаторами вывода рабочих на улицы 23 февраля являлись большевики, переведшие 27 февраля рабочую стачку в вооруженное восстание. На втором этапе событий, с середины дня, руководство восстанием перешло к меньшевикам и эсерам. Но от перехода руководства восстанием от большевиков к меньшевикам, общее положение восставших слабо изменилось. Николай II никогда не стал бы вести переговоров с социалистами. Спасли социалистов и легализовали их успехи либералы. Согласие, образованного Думой Временного комитета, в ночь на 28 февраля принять власть, явилось фактическим началом русской революции, так как санкционировало восстание в Петрограде и распространило информацию о нем на всю страну. Тем самым, либералы не допустили лобового столкновения императорской власти с революционерами, казавшегося неизбежным. В результате политическое лидерство перешло к социалистическим партиям. Теперь им предстояло определять развитие страны уже в ходе начавшейся революции.

ГЛАВА 4. ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

4.1. От Февраля к Октябрю

Сегодня Февраль часто называют звездным часом российского либерализма. Это утверждение представляется в корне неверным. Февраль был не победой, а провалом либеральной стратегии. А для кадетов, главной партии российского либерализма, он и вовсе обернулся прямым поражением, даже катастрофой. Так как необходимым условием для успеха задуманных кадетами социальных реформ, направленных на улучшение жизни народа, было их проведение при опоре на монарха, в рамках монархического строя. Колоссальный разрыв между правящими классами и основной народной массой делал такой путь реализации программы кадетов единственно возможным. Предоставление народу сразу же всего комплекса прав представляло серьезную угрозу для стабильного развития[1005]. Победа Февраля означала, что неудовлетворенный своим положением народ, не понимающий сущности либеральной доктрины, сразу же получит весь комплекс гражданских прав и свобод. А это вело к тому, что с этого момента у либералов появится новый мощный враг – русский народ.

Суть любой революции состоит в том, что на авансцену истории выходит новая главная сила – сам народ. Революционная борьба за власть перемещается из великокняжеских салонов, и стен парламента на улицы. Субъектом истории становится народ. И развитие страны определяют не узкие избранные слои общества, включая активистов политических партий (в том числе и большевиков), а огромные людские массы. В новых условиях важными становятся желания не нескольких процентов населения, а подавляющего большинства народных низов: рабочих, солдат и особенно - крестьян. Такое положение резко ограничило возможности кадетов.

[1005] Иллюзии и действительность: кадеты – кто они? (по материалам круглого стола) // Вестник высшей школы. 1990. № 2. С. 59, 62.

Кадеты, и либеральный лагерь в целом, не были подготовлены к такому повороту. В прежних условиях кадетская программа выглядела чрезвычайно радикальной, нацеливая общество на колоссальные изменения. Но после устранения с политической сцены черносотенцев (прекращение их деятельности в феврале показывает суть любой революции, изначально, даже в самый бархатный период, обязательно начинающей с запрета деятельности врагов, и следовательно являющейся глубоко антидемократическим актом[1006]), кадетская партия оказалась самой правой из всех сохранившихся политических партий. Потенциальные союзники кадетов, октябристы и прогрессисты, в феврале также перестали существовать как партийные организации, но в отличие от черносотенцев отдельные их члены, наподобие А.И. Гучкова и А.И. Коновалова, активно проявившие себя в борьбе с самодержавием, сохранялись как участники общеполитического революционного процесса[1007].

В связи с исчезновением монархического лагеря (черносотенцев) и правой части либеральных сил (октябристов и прогрессистов), произошло кардинальное сокращение общественно-политического спектра. Его большая часть, левый сегмент и центр отошли к социалистическому лагерю (радикальным социалистам – большевикам и умеренным социалистам – эсерам и меньшевикам) и лишь правая часть спектра сохранилась за либералами. Кадеты, став самой правой партией, заняли невыгодную позицию, поскольку чтобы отныне ими не предлагалось, они становились главным объектом народной критики[1008].

И кадеты поняли это довольно быстро. Еще в марте они верили в бесконечное процветание. Им казалось, что достигнутый ими успех глубоко закономерен и объясняется исключительно их заслугами, а вовсе не ловким тактическим ходом меньшевиков. Лидер кадетов Милюков считал, что либералы руководили борьбой народа с царизмом, и потому остальные классы населения и социалисты должны полностью им подчиниться[1009].

[1006] В мартовские дни 1917 года был закрыт орган Дубровинского Союза русского народа – газета «Русское знамя» (Чхартишвили П.Ш. Временное правительство и свобода печати) // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 174-175).
[1007] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 420.
[1008] Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. С. 35-36.
[1009] Спирин Л.М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 100.

Но уже в течение ближайшего месяца либералы почувствовали неподчинение себе с их стороны. Нежелание масс подчиняться новым вождям вызвало у кадетов настоящую истерику. Прошло ровно два месяца после сформирования либерального Временного правительства, и 2 мая 1917 года на заседании ЦК Милюков потребовал выхода всех кадетских министров из состава правительства. Революция, по его словам, развивалась стихийно, и сошла с рельс[1010].

Кадетская партия не была подготовлена решать свои задачи в условиях полной свободы народа. Получив власть, она растерялась. Конституционные демократы не решились взять ответственность за дальнейшее развитие страны и объявить себя правительственной партией. Выступая на VII съезде партии, состоявшемся 25-28 марта 1917 года, член ЦК М.М.Винавер заявил: «Представление о слиянии нас с правительством, переименование нас в правительственную партию было бы заблуждением… Мы должны представлять собою часть общественного мнения страны»[1011].

Партия, столь яростно боровшаяся с самодержавием за власть, получив ее, так и не решилась объявить себя партией власти. Такое поведение кадетов и предопределило крах. Ведь лучшие партийные кадры направлялись на работу в органы управления, а лучшие партийные лекторы занимались разъяснением общегосударственных вопросов, и при этом лишались возможности вести агитацию за партию, поскольку главным лозунгом кадетов, который они постоянно подчеркивали, был надпартийный характер Временного правительства.

За первые два месяца существования Временного правительства кадеты почти не занимались партийной агитацией. Так, в регионе Верхнего Поволжья за два месяца (март-апрель), состоялись всего две лекции, посвященные партии: «О партии народной свободы», «Идеология партии народной свободы и социализм». Они прошли в Костроме. Первое партийное собрание там состоялось 14 марта, спустя две недели после победы Февраля, а в Рыбинске оно произошло лишь 19

[1010] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 110-111.

[1011] Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 102.

марта, в Ярославле и вовсе 5 апреля, спустя целый месяц. В результате в Верхнем Поволжье за два месяца пребывания кадетов у власти легализовались и правильно структурировались всего 5 партийных организаций, да и то исключительно в губернских центрах и крупных уездных городах – Владимире, Костроме, Ярославле, Иваново-Вознесенске и Рыбинске[1012].

Только в мае-июне, окончательно потеряв власть, кадеты всерьез задумались о партийном строительстве. Партия, наконец, переориентировалась на создание сети своих организаций. Центральный комитет в период резкого падения партийного авторитета поставил целью расширить сеть низовых ячеек - уездных и волостных. Этому было посвящено одно из заседаний ЦК. Но и сейчас дело не пошло дальше словесных деклараций. Было решено создать однообразные губернские комитеты и сделать их ответственными за организацию уездных и волостных ячеек. Однако эти «меры» никакого практического значения не имели. Губернские комитеты и так функционировали в большинстве губерний - в 52 губерниях. В результате партийные группы на местах создавались исключительно губернскими силами, без помощи из центра, со стороны ЦК.

Впрочем, бездействие центра в организационных вопросах было естественным для партии, устав которой доводил «общее руководство деятельностью партии» лишь до губернского уровня и конкретно расписывал только права и обязанности ЦК и губернских комитетов, названных «органами партии». Более мелкие, ключевые подразделения (уездные и волостные) определялись как вспомогательные, и все связанные с ними задачи полностью возлагались на губкомы[1013]. Структура кадетской партии не работала в чрезвычайных условиях 1917 года, не охватывая и не скрепляя партию сверху донизу. На самом главном для любой партии - уездно-волостном уровне, существовали немногочисленные партийные организации, которые не могли противостоять нарастающему напору

[1012] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1030. Л. 2 (об.), 3, 11 (об.); ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 26а. Л. 144; Оп. 2. Д. 33а. Л. 24 (об.); Голос. 1917. 12, 24, 31 марта, 7 апреля; Федюк В.П. Крах кадетской политики в 1917 году (по материалам Верхнего Поволжья). Дисс… канд. ист. наук. Ярославль, 1984. Л. 103.

[1013] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 21. Л. 7-7 (об.); Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 165; Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1978. С. 91.

социалистов (эсеров и большевиков). В результате кадеты в каждой губернии оставались один на один с местной действительностью.

Не сформировав сильной партийной структуры на местах, кадеты теряли позиции не только на местном уровне, но и в центре. К концу апреля отчетливо выявилось, что во Временном правительстве Милюков может рассчитывать в наиболее важных для себя вопросах на поддержку только трех (!) министров: однопартийцев А.И. Шингарева и А.А. Мануйлова (министров земледелия и просвещения) и эксоктябриста А.И. Гучкова - военного министра, прежнего своего критика.

Противниками Милюкова становилась семерка министров из того же либерального лагеря во главе с министром-председателем и министром внутренних дел князем Г.Е. Львовым, который, по планам Милюкова, должен был стать его основным помощником. И это было не случайно, а объяснялось соотношением сил в правительстве, возникшем вследствие раздела власти в февральско-мартовские дни 1917 года. Решения, внешне исходившие от Милюкова, предотвратили вхождение в правительство более правых по взглядам М.В. Родзянко и В.А. Маклакова. А ведь они в условиях разгоравшейся революции неминуемо становились его союзниками. Вместо них он ввел в состав министров кн. Львова и Керенского.

Нельзя сказать, что Керенский вошел в правительство случайно, ведь из всех думцев в феврале он развил максимальную активность. Но в составе Временного комитета Государственной думы он находился на ее левом краю, принадлежа к группе социалистических депутатов, и оттого его вхождение в правительство не выглядело очевидным. Неизбежным виделось приглашение в правительство лидера прогрессистов А.И. Коновалова. Неожиданным было лишь назначение М.И. Терещенко на пост министра финансов. Безальтернативно выглядело включение в правительство Н.В. Некрасова, министра путей сообщения, воспринимавшегося членом кадетской партии[1014].

[1014] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1996. С. 166.

Так слабейшая в предфевральские дни группировка, члены которой принадлежали к ВВНР, оказалась в правительстве на ведущих ролях и начала постепенное вытеснение на периферию управленческой деятельности кадетских министров, и примкнувшего к ним Гучкова, оставшегося без собственной организации. ЦВПК перестал после Февраля играть значимую роль. Князь Львов, как глава правительства, и оставшиеся нейтральными министры, И.В. Годнев и В.Н. Львов, предпочли присоединиться к «масонской организации» Керенского-Некрасова. В итоге в правительстве образовалось промасонское большинство из семи министров, настроенное негативно к Милюкову и кадетской партии.

Осознав, что ситуация выходит из-под контроля, Милюков и решился потребовать выхода всех кадетских министров из состава правительства. Однако впервые за двенадцать лет потерпел поражение в святая святых - собственной партии. На заседании ЦК большинством 18 голосов против 10 победили сторонники продолжения работы партии в правительстве. Причем характерно, что Милюкова поддержали правые кадеты, маклаковцы, до этого неизменно являвшиеся его противниками[1015].

Это голосование способствовало ослаблению авторитета последней либеральной партии, сохранявшей легальность. Партия хотела остаться в обойме революционных партий, но на деле такая позиция означала перемещение кадетов на обочину политического процесса. Да, действительно, кадетская партия вплоть до Октября будет представлена во всех составах правительства, но везде, кроме последнего состава правительства, сформированного осенью, будет занимать сугубо второстепенные посты, находясь в заведомом меньшинстве, и тем самым перестанет реально влиять на проходящее в стране, став аутсайдером. Показательно, что во время формирования следующего состава правительства, в мае 1917 года, кн. Г.Е. Львов не станет уделять большого внимания переговорам с кадетской партией, станет проводить их очень поспешно, и сосредоточится на

[1015] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции… С. 151-153.

переговорах с умеренными социалистами (эсерами и меньшевиками), представляющими Петроградский Совет[1016].

Для кадетской партии имело смысл согласиться с предложением Милюкова. Выход из правительства мог повысить авторитет партии в глазах политических соперников – в первую очередь эсеров и меньшевиков, как стратегических руководителей революции. Поскольку в мае 1917 года Россия еще не была готова к большевизации, эсеры с меньшевиками были бы вынуждены считаться с мнением тех, кто олицетворял правый фланг революции[1017].

После мая Милюков перестал быть лидером кадетской партии. На передний план в ней выходили другие лица, в частности, переместившийся тогда на левый партийный фланг В.Д. Набоков, занимавший в тот момент важный административный пост управляющего делами во Временном правительстве. Но вместе с Милюковым на второй план отходила и вся кадетская партия в целом. С мая 1917 года кадеты, хотя и сохранялись в структурах власти, по существу, снова возвращались в знакомое им состояние оппозиционной партии.

Реальная борьба за власть теперь разгоралась уже внутри социалистического лагеря, между радикальными социалистами (большевиками) и умеренными социалистами (эсерами и меньшевиками). Их противоборство и должно было определить исход русской революции.

В связи с тем, что большевики в Феврале потерпели сокрушительное поражение, ответственность за развитие страны возлагалась на умеренных социалистов. На февральском временном отрезке ведущим направлением общественной мысли становится не либерализм, а социализм. Большевики, во главе с В.И.Лениным, утверждали, что социалистические партии, входя во время войны в национальные правительства, переходили на службу к собственной буржуазии[1018]. Это мнение большевиков соответствовало реальному положению дел в других странах. Совершенно очевидно, что социал-демократы в Германии, Великобритании и Франции в момент войны внутри правительств верой и

[1016] Думова Н.Г. Кончилось ваше время… С. 100.
[1017] Изгоев А.С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Кн. 5. Т. 10. М., 1991. С. 14-15.
[1018] Ленин В.И. Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП второй социалистической конференции // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 461.

правдой служили собственной буржуазии, поскольку ведущей силой в этих странах была именно она.

Но в России все обстояло иначе. Буржуазия здесь, располагая с начала XX века сильными экономическими позициями, имела слабые рычаги влияния на политическую власть. И когда в феврале 1917 года она получила доступ к власти, было уже слишком поздно: у нее появился мощный конкурент в лице социалистов. В России 1917 года правые социалисты стали самостоятельной силой, и именно они обрели вначале наиболее мощную поддержку общества. В отличие от кадетов, они напрямую обращались к широким народным массам, и потому были уверены, что действительные силы стоят за ними, и следовательно не они находятся в услужении буржуазии, а, наоборот, она у социалистов[1019].

Меньшевики так и расценивали создавшееся положение: буржуазия находится в услужении социалистов. Эту мысль выразила редакционная статья «Временное правительство и рабочий класс» центрального органа меньшевистской партии «Рабочей газеты» от 12 марта 1917 года: «То, что является программой – минимум для социалистического пролетариата, есть вместе с тем наивысший предел того, что может быть достигнуто в рамках буржуазного общества… рабочий класс должен помнить, что лишь зорко следя за деятельностью правительства, лишь оказывая на него непрерывное давление, добьется он обещанных демократических реформ… И наше дело помочь ему довести революцию до конца и в то же время препятствовать попыткам с его стороны – эту революцию задержать или повернуть назад»[1020].

Меньшевики считали, что либеральные группы, буржуазия и интеллигенция, должны быть использованы для окончательной победы над царизмом и завершения первого этапа революции. Революция не может сразу дать полуфеодальной России немедленного социализма, но обязана вывести на прямой путь к нему, обеспечив условия для социалистического строительства. «А для этого необходимо немедленно установить соответствующую политическую

[1019] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 40. Л. 76-77.
[1020] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. М., 1994. С. 153-154.

предпосылку – обеспечить и закрепить диктатуру демократических классов (*то есть меньшевиков и эсеров как выразителей их интересов – С.Х.*). В этом конечная цель данного этапа развернувшейся революции», «при помощи этого правительства… лишь завершить и закрепить переворот, а через несколько недель… другое правительство – правительство большинства страны…»[1021].

Меньшевики не хотели мешать Временному правительству выполнять программу «наивысшего буржуазного предела», но не собирались и предоставлять ему свободы деятельности, ограничивая ее пределами провозглашенных обещаний («не дать революцию задержать»).

Планы меньшевиков о создании «через несколько недель» другого правительства, «правительства большинства страны», не сбылись из-за стечения двух обстоятельств. Во-первых, провалились планы меньшевиков на создание единой большой оппозиционной рабочей партии под их руководством для контроля над правительством. Меньшевики предприняли попытку закрепить февральский успех и организационно, постаравшись ликвидировать деление социал-демократов на меньшевиков и большевиков, и через объединение с большевиками устранить самого грозного конкурента. Они утверждали, что после февраля «стерлись многие принципиальные разногласия, изгладились старые основания для раскола и самые термины “большевик” и “меньшевик” стали только историческими»[1022]. Такая попытка изначально вовсе не выглядела утопичной, так как меньшевики в послефевральский период, после своего успеха в февральские дни, хоть и на короткий период, добились положения самой влиятельной силы в стране.

Призыв меньшевиков к объединению был поддержан многими рабочими. На местном уровне в марте-апреле серьезных разногласий между меньшевиками и большевиками не было (за исключением вопроса о войне), и началось активное образование объединенных организаций. Свидетельством широкого распространения объединенных большевистско-меньшевистских организаций

[1021] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1-2. С. 132, 135.
[1022] Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С. 61.

явилось то обстоятельство, что, например, в Верхнем Поволжье число объединенных организаций превзошло число однородных. Так, из 63 большевистских групп Верхнего Поволжья 39 являлись объединенными. Из них 12 из 13 общегородских отделений, 19 из 42 – фабрично-заводских, 7 из 8 районных и подрайонных организаций[1023].

Завершить процесс создания единой социал-демократической партии помешал приезд В.И. Ленина в Россию в начале апреля. Более того, идея объединения меньшевиков и большевиков в одну партию во многом предопределила последующее поражение меньшевиков, так как в подавляющем большинстве объединенных организаций возобладали большевики. Они долго, до июня-июля, сохраняли объединенные парторганизации, но лишь там где имели большинство[1024]. Если же в объединенных организациях верх брали меньшевики, большевики быстро из них выходили и создавали собственную структуру. Так было в Ярославле, где большевики вышли из объединенной организации уже в мае. Меньшевики же стремились сохранить единство до последнего момента и лишь когда разногласия становились очевидными выходили из объединенной организации. При этом готовая партийная структура оставалась большевикам, а меньшевики вынуждены были создавать новые организации, и делали это уже тогда, когда их авторитет в рабочей среде был сильно расшатан безжалостной и острой критикой большевиков. Большинство новых, чисто меньшевистских организаций, возникли в июне-июле. Как и у кадетов, это был период их кризиса[1025]. Таким образом, противостояние с большевиками наглядно продемонстрировало слабости меньшевиков, не сумевших в 1917 году стать достойными конкурентами большевиков.

Во-вторых, не в пользу меньшевиков сказался раскол внутри либерального лагеря. Через несколько недель леволиберальная группировка, получившая большинство мест в первом составе Временного правительства (львовская

[1023] Аннин Г.П. Большевики Верхневолжья в 1917 году. Ярославль, 1983. С. 116-143; Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 120.

[1024] ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 22. Л. 29; Белов А.М. Кострома в 1917 году: от революционной демократии к диктатуре большевиков // Губернский дом (Кострома). 2017. № 2 (107). С. 32,33.

[1025] Аннин Г.П. Указ. соч. С. 36; Козлов П.И., Резвый Н.И. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль, 1957. С. 27-28.

«семерка»), первой начала встречную игру с ними, решившись на включение в состав правительства министров-социалистов, и этим сохранила свои посты. Социалисты вошли в новое правительство лишь в качестве одной из политических сил[1026].

Так в ходе развития революции две ключевые партии, кадеты и меньшевики, быстро утратили сильные позиции, позволявшие им надеяться на успех. Кадеты были оттеснены с ведущих мест в правительстве надпартийной группой либералов. Поразительно, что Временное правительство, ослабляя влияние кадетов, во многом продолжало линию царского правительства на беспартийность. Конечно, это объяснялось только тем, что основу правительства составляли представители партий, распавшихся с началом революции. В действительности костяк большинства составляли пресловутые «масоны» из Великого Востока народов России. Но они не имели никакой опоры на местах, и потому по существу министры из правительственного большинства повисли в воздухе, лишившись действенной поддержки каких-либо организованных сил при проведении своей политики внутри страны.

Меньшевики также стремительно теряли остатки популярности, и если сохранялись как политическая партия, то исключительно в качестве союзников эсеров. Ударной силой блока умеренных социалистов постепенно становились социалисты-революционеры. В отличие от меньшевиков, роль этой партии в ходе февральского этапа революции неуклонно росла. В итоге ответственность за формирование политики блока в период с февраля по октябрь несет партия эсеров, оказавшаяся крупнейшей партией Февраля и единственной силой, претендовавшей на победу в революции, наравне с большевиками.

На первоначальном отрезке революции действия блока были решительны. Уже к маю 1917 года у них сосредоточилась почти вся местная власть. Эсеры прочно доминировали во всех комитетах общественной безопасности (КОБах), уездных земствах, начинали постепенный захват губернских земств. Преобладание меньшевиков сохранялось в городских думах. В том же Верхнем Поволжье (в 3-х

[1026] Милюков П.Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мн., 2002. С. 103.

губерниях - Владимирской, Костромской и Ярославской) к июню 1917 года региональная власть почти безраздельно перешла к умеренным социалистам. Во Владимирской и Костромской губерниях - полностью, в Ярославской - кадеты еще сохранили посты губернского комиссара (Конст. К.Черносвитов), городского головы (В.С.Лопатин), и пытались противостоять эсерам в губернском земстве[1027].

Стратегия эсеров в провинции заключалась в борьбе с местными кадетами за концентрацию в своих руках основной власти (там в новом руководстве совсем не было представителей псевдомасонской группы, возглавлявшей правительство, и на это место выходили партийцы из умеренно-социалистического блока). Наиболее острый характер приняли события во Владимире. Единоборство ведущих политических сил (кадетов и умеренных социалистов) произошло на съезде представителей комитетов общественной безопасности и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владимирской губернии, проходившем с 15 по 17 апреля. Съезд, организованный поддерживавшим кадетов губернским КОБом, собрался для разработки положения об органах управления губернией. Повестка не предусматривала переизбрания существовавшего комитета. Но крестьянская и рабочая группы (соответственно эсеры и меньшевики), воспользовавшись большинством, настояли на переизбрании губернского комитета: решение приняли 72 голосами против 8 при 12 воздержавшихся и 1 отсутствующем. В качестве законодательного принципа установили положение о преобладающем представительстве в комитете рабочих, солдат и крестьян. Тут же избрали новый руководящий орган КОБа (Совет губернского комитета) из 13 членов крестьянской группы, 4 – от рабочей, 2 - от старого губернского комитета и 2 - от городов. Совету КОБа поручили принять дела от старого комитета. Усилия меньшинства повлиять на собрание были безуспешны. На съезде произошел переворот, кардинально изменивший соотношение сил во Владимирской губернии[1028].

[1027] ГАЯО. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 19. Л. 8-10.
[1028] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 87. Л. 14 (об.), 15 (об.), 16 (об.), 18 (об.).

В дальнейшем обстановка во Владимире несколько смягчилась. В начале мая Совет КОБа увеличился на 12 человек (теперь он состоял из 24 рядовых членов и 9 членов президиума). Туда и в губернский комитет было допущено несколько кадетов. Но это не меняло послесъездовского соотношения сил. Основные должности сохранялись за умеренными социалистами: председатель комитета – меньшевик М.А.Иорданский, заместитель председателя – меньшевик М.П.Останков.

30 мая произошло давно ожидавшееся событие. Губернский комитет переизбрал губернского комиссара. Вместо кадета С.А. Петрова был назначен меньшевик-интернационалист М.А. Братенша, а его помощниками стали эсер Н.Ф. Горшков и В.Н. Фролов (также социалист). Более правый городской КОБ (председатель – народный социалист А.М. Лифанов, секретарь – кадет М.И. Семеновский) предпринял попытку защитить прежнего комиссара, обратившись в министерство внутренних дел с жалобой на незаконное устранение Петрова, «назначенного Временным правительством». Но правительство никак не могло повлиять на ситуацию во Владимире, ограничившись несколькими телеграммами, запрашивающими, «на какой почве произошел конфликт»[1029].

Более плавно, но не менее заметно вытеснялись кадеты из властных структур в Костромской губернии. Просто при формировании новых органов управления на руководящие должности выбирались социалисты, как правило, эсеры. В частности, 27-28 апреля в Костроме прошло организационное заседание уездного КОБа. Подавляющее большинство выборных мест досталось эсерам: уездный комиссар – Широкий, его заместители – Фролов и Смирнов; президиум комитета: председатель Барыков, заместитель председателя Зимин и секретарь Свинкин. С 1 по 4 июня первая после Февраля сессия губернского земства избрала председателя и трех членов губернской земской управы (председатель - В.А.Дмитриев, члены управы: Я.П. Скороходов, Н.В. Силкин - все эсеры, и меньшевик Е.Ф. Дюбюк). Собрание сохранило трех прежних членов управы

[1029] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 87. Л. 30, 34, 40, 43-43 (об.), 49-49 (об.); Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. М., 1992. С. 210; Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 26 апреля, 4 мая.

(кадетов), для обеспечения преемственности, тем более что до новых выборов в земства оставалось всего несколько месяцев[1030].

Усиление позиций социалистов в провинции во многом и способствовало вхождению социалистов в новый состав правительства. Временное правительство с мая 1917 года утратило однородно либеральный характер и стало коалиционным: в него, кроме либералов, вошли и социалисты[1031]. Правым социалистам досталось меньше портфелей, чем либералам (6 из 15). Но комбинация здесь была несколько иной. Союз с социалистами заключила группа либеральных министров, не входящая в состав кадетской партии. Эта группа во главе с Львовым также насчитывала 6 человек (формально без учета А.Ф. Керенского, включенного в данном случае в группу социалистов, хотя реально всецело находившегося в ней, но с Н.В. Некрасовым) и была готова продолжать революцию дальше, за пределы кадетской программы. Складывался союз двух равных по численности сил (6 и 6 портфелей), направленный явно против кадетов. За кадетами остались лишь три второстепенных министерских поста: финансов[1032], просвещения и государственного призрения, то есть социальная сфера.

Следовательно, в правительстве социалисты становились одной из ведущих сил. К ним переходили важные министерские должности: военного и морского министерства (А.Ф. Керенский – эсер), ключевого для эсеров министерства земледелия (лидер эсеров В.М. Чернов), юстиции (трудовик П.Н. Переверзев), почт и телеграфов (переходил к одному из меньшевистских лидеров И.Г. Церетели), труда (меньшевик М.И. Скобелев) и продовольствия (народный социалист А.В. Пешехонов)[1033].

Но, в отличие от львовских либералов, умеренные социалисты, эсеры и меньшевики, становились не просто партиями, представленными в правительстве (правительственной партией были и кадеты, также вошедшие в состав нового

[1030] Государственный архив Костромской области – далее ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1103. Л. 1; Воля народа (Кострома). 1917. 3 мая, 18 июня.
[1031] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
[1032] В условиях экономического кризиса министерство финансов представляло скорее обузу, чем преимущество.
[1033] Милюков П.Н. История второй русской революции… С. 103.

правительства), но по существу и правящей силой, так как обладали в мае 1917 года наибольшим влиянием, сконцентрировав крупные политические ресурсы. А эсеры с мая 1917 года становились ведущей партией страны.

Они в политической борьбе опирались на массовые слои населения. Крестьянством эсеры владели безраздельно. По выражению В.И. Ленина, фирма эсеров царила в деревне[1034]. Такие органы, как Советы крестьянских депутатов, созданные в ходе революции, не только в Феврале, но даже длительное время после Октября, находились под их плотным контролем[1035]. Сильные позиции имели эсеры и среди солдат, за которых у них шла ожесточенная борьба с большевиками. Именно эти две партии пользовались наибольшей популярностью в солдатской среде[1036]. Сложнее складывались у эсеров отношения с рабочими. Но, во-первых, определенной долей влияния они обладали и здесь, а во-вторых, политическими союзниками эсеров были меньшевики, которые соперничали с большевиками, пусть и не очень удачно, за преобладание в рабочем движении.

По некоторым сведениям, в 1917 году в эсеровской партии в ее самый лучший период насчитывалось до 1 млн. членов. Бесспорно, это была самая многочисленная партия - в нее крестьяне порой записывались целыми деревнями, а солдаты - ротами[1037].

Критерием силы для любой партии служат выборы, тем более в 1917 году они были всеобщими, чего ранее так настойчиво добивались либералы. В большинстве городов перед выборами в органы местного самоуправления (городские думы), проходившие летом 1917 года, эсеры заключали предвыборные соглашения (блоки) с меньшевиками. Но в 46 городах они вступили в предвыборную борьбу самостоятельно, и из них в 37 городах численность населения превышала 20 тысяч жителей. И в этих 37 городах от эсеров было избрано 44% депутатов, тогда как от социал-демократов (и большевиков, и меньшевиков) только 20%, в два раза меньше. В 14 городах, в том числе в

[1034] Ленин В.И. Письмо председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И.Т. Смилге // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 266.
[1035] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 29, 30.
[1036] ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-17 (об.), 19 (об.), 21-21 (об.); Известия Совета военных депутатов Ярославского гарнизона. 1917. 19 марта.
[1037] История политических партий России… С. 184.

Москве, Тамбове, Иркутске, Омске, Оренбурге, Екатеринбурге, эсеры получили абсолютное большинство мест в думах, а в 29 сформировали самые многочисленные фракции. Итоги выборов показали рост популярности эсеров в народе[1038].

И, несомненно, эсеры имели все основания рассчитывать на победу в Феврале, являйся они прагматичной партией, такой, как например, большевики. Но Февраль показал, что эсеры – это партия эмоций, а не рассудка. Сегодня становится модным рисовать благостный образ партии, как несчастной жертвы нечестного своекорыстного поведения большевиков. Но не будем забывать - эсеры были далеки от образа благообразной партии. В нее входили не скромные люди, а бунтари, прошедшие горнило революционных боев с самодержавием. В отличие от большевиков, значительная часть эсеров прошла в заключении через более тяжкие испытания - каторгу. Так что это была партия, вполне сопоставимая с большевиками.

Эсеры потерпели поражение в борьбе с большевиками вследствие той чрезвычайно накаленной обстановки, которая сложилась тогда в стране. Но накаляли эту обстановку эсеры не менее активно, чем большевики. В стране, где народ впервые почувствовал силу, эсеры закладывали в него большие социальные ожидания, ничего не говоря о возможных трудностях в будущем. При этом выполнение большинства обещаний откладывалось ими на неопределенный срок, до созыва Учредительного собрания, так как только данный орган, выражающий волю всего русского народа («хозяин земли русской»), мог, по их утверждениям, начать проведение широкомасштабных реформ. Крестьянство призывалось к ожиданию, поскольку кроме него в России есть и другие классы, например, буржуазия, и пока в стране продолжается война, столкновения внутри общества недопустимы. Эсеры обещали в случае победы на Учредительном собрании мирным путем провести антибуржуазные реформы[1039].

[1038] История политических партий России… С. 187-188.

[1039] Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 12; Спирин Л.М. Указ. соч. С. 203.

Эсеры сознавали, что их политика начинает приходить в некоторое противоречие с настроениями народа, и потому старались всячески отвлечь его от социальных ожиданий, доведя борьбу против кадетов на губернско-уездном уровне до почти полного вытеснения либеральной партии из органов власти. Сначала, завладев в феврале-марте большинством в главных органах местной власти – комитетах общественной безопасности, они повели борьбу за расширение представительства своих сторонников, а также представителей простого народа (рабочих, солдат и крестьян) в старых, дореволюционных структурах, органах местного самоуправления - земствах и городских думах. В результате такой «демократизации» число вновь включенных превысило число прежних, дореволюционных депутатов. В качестве примера приведем масштаб «демократизации» уездных земств в Ярославской губернии: «В Даниловском уездном земстве – новых гласных 38, старых 14; в Пошехонье – новых 56, старых 18; в Романово-Борисоглебске (*нынешний Тутаев – С.Х.*) – новых 24, старых 13; в Ростове – новых 44, старых 23; в Рыбинске – новых 22, старых 17; в Угличе – новых 20, старых 6»[1040].

Часто происходило прямое вмешательство эсеровских КОБов в работу городских дум и земств. Так, в Мологе (Ярославская губерния) местный КОБ выразил недоверие городской думе[1041]. В тех губерниях и уездах, где комиссарами были кадеты, КОБы нередко начинали борьбу за смещение «слишком правых» комиссаров. Пример Владимира уже приводился. Летом 1917 года, после выборов в городские думы и земства, на которых эсеры (часто в союзе с меньшевиками), как правило, одерживали победу, умеренные социалисты переходили в городские думы и земства и там начинали обратный процесс, активную борьбу за ликвидацию КОБов[1042].

Таким образом, весь период с Февраля по Октябрь для страны была типична атмосфера острой и непримиримой, но зачастую мелочной борьбы. Ее основными зачинщиками выступали именно эсеры. Такое их поведение одна из кадетских

[1040] ГАЯО. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 19. Л. 8 (об.).
[1041] ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5258. Л. 3 (об.).
[1042] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России… С. 111.

газет (ярославская газета «Голос») очень метко назвала «партийной исступленностью»[1043]. Эта борьба была вредной для страны, полностью расшатывавшей местную власть и ослаблявшей авторитет власти в обществе, и в тоже время сеявшей семена вражды, ненависти. Народ привыкал к такой обстановке. В нем росла ненависть к более зажиточным слоям населения, и к власти, причем как центральной, так и местной.

Мелкие конфликты парализовывали местную власть, приводя к появлению новых противоречий уже внутри губерний. В провинции разгоралась губернско-уездная борьба и борьба внутри уездов. Конфликты проникали на самый низовой уровень - волостной. Для него была характерна борьба между волостными КОБами, которые крестьяне рассматривали как личные, чисто крестьянские органы, и потому их поддерживали, с новой земской единицей - волостным земством, введенным только в ходе русской революции 1917 года. Крестьяне считали волостное земство порождением чуждой им городской, интеллигентской среды - ненужным крестьянству учреждением[1044].

Этот спор привел к прямому конфликту между крестьянством и местной сельской интеллигенцией: земскими учителями и врачами. Теперь проявилась и стала возможной та острая борьба, для которой не было никаких внешних оснований в старой царской России, в условиях стабильности, но о которой уже давно предупреждали авторы «Вех»[1045].

Получая в провинции все большие полномочия, эсеры разжигали в обществе атмосферу ненависти. Одновременно росли требования народа о желательности скорейшего начала реформ. И эсеры оказались жертвой своего двоякого положения. С одной стороны, почти вся местная власть находилась под контролем эсеров, и потому ожидания народа закономерно обращались к эсеровской партии. Сосредоточение власти на местном уровне несло для эсеров немалый отрицательный заряд, поскольку в глазах народа они уже давно

[1043] Голос. 1917 22 июля.
[1044] Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России… С. 93, 94, 112, 296; Владимирская жизнь. 1917. 21 сентября.
[1045] Старый владимирец. 1917. 6 сентября.

ассоциировались с властью. Но, с другой стороны, реализовать эти требования могла только центральная власть.

И тут видится главная проблема для эсеров. Со стороны складывалось впечатление, что партия контролирует уже и Временное правительство, ведь в июле 1917 года правительство возглавил ее член А.Ф. Керенский. Но значило ли это, что партия уже достигла вершины могущества? Ответ должен быть отрицательным. Являясь формальным членом партии, Керенский не имел никакого отношения к ее организационным структурам. Глава правительства скорее отдалял партию от центральной власти, ориентируясь в правительстве не на ее представителей, а на ту группу министров - львовцев, масонов (?), с которой работал еще в первом, чисто либеральном кабинете.

Оторванность Керенского от партии и сыграла с эсерами роковую роль. Одной из причин своего поражения они считали политику Керенского[1046]. После Октября эсеры решительно отказались от всяких контактов с ним. В то же время партия, обладавшая всеми рычагами для получения власти, проявила удивительное безволие - не настояла на переговорах с Керенским и не потребовала от него передачи партии всей власти. Хотя в партии такие настроения были. На 7-м Совете в начале августа, один из лидеров левого крыла М.А. Спиридонова предлагала установить в стране единовластие эсеров, как наиболее многочисленной и самой влиятельной партии, но это предложение не нашло поддержки[1047].

Партия, захватившая почти всю местную власть, не нашла способа добиться контроля над центральной властью. Между тем Временное правительство продолжало терять доверие народа. Россия из единой страны стремительно распадалась на совокупность различных, эгоистических по настроениям, групп: крестьян, солдат, рабочих, промышленников. Страна переставала ощущать себя единым целым.

[1046] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 131. Л. 5.
[1047] История политических партий России… С. 191.

Неприязнь народа к власти усиливала продолжающаяся война. Сегодня в общественном мнении устоялась точка зрения, согласно которой большевики были предателями, а эсеры и меньшевики - оборонцами и потому патриотами. Но позицию эсеров в вопросе о войне трудно назвать патриотической. Эсеры ничем не облегчили страдания народа: Россия также продолжала участвовать в войне, как и до Февраля. В тоже время эсеровская доктрина делала эти страдания бессмысленными, поскольку эсеры считали, что в случае победы Россия не должна получать от противника в качестве компенсации за понесенные потери ни каких-либо территорий, ни денежных вознаграждений. Мир без аннексий и контрибуций в реалиях 1917 года означал односторонний отказ страны от вознаграждения за понесенные потери, ведь союзники России отказываться от него не собирались[1048].

Такая постановка вопроса, выдвинутая эсерами, будучи невыгодна России, устраивала ее союзников, которые согласно дофевральским договоренностям были обязаны передать России часть территорий, принадлежавших прежде Германии и ее союзникам (Австро-Венгрии, Турции и Болгарии). Как мы помним, нежелание передавать проливы и стало предпосылкой для сочувствия к Февралю со стороны Запада. Политика эсеров полностью соответствовала западным интересам. Еще в предфевральский период они обвинили царское правительство в том, что его территориальные претензии на «германское наследство» в Турции серьезно осложняют отношения между союзниками. Трудовая Россия, утверждали эсеры в декларации, составленной, кстати, в Лондоне, не имеет великодержавных претензий[1049]. Особенно много внимания в данной декларации уделялось польскому вопросу. Стремление Николая II объединить Польшу под началом России, присоединив к «русской» Польше территории, полученные Пруссией и Австрией в ходе польских разделов XVIII века, то есть включить все земли, входившие ранее в польское государство, в состав Российской империи,

[1048] Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 483-484.
[1049] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 113. Л. 37, 37 (об.).

было названо «фальшивым и неискренним обращением», издевательством «над страданиями и заветнейшими мечтами польского народа»[1050].

Но наибольший шквал обвинений «самой русской социалистической партии» вызвало намерение России присоединить к основной части Украины Галицию (то, что потом будет сделано И.В. Сталиным в 1939 году). По мнению подписантов декларации М. Библова и Ю. Гарденина, Галиция представляла «очаг самостоятельной духовной культуры украинского народа», в пределах России издавна терпевшего систематическое преследование[1051]. Эсеры увидели в потенциальном присоединении Галиции практическую угрозу для воплощения в жизнь своей партийной программы. Поскольку обрусение украинцев окончательно завершало консолидацию «великорусского племени» и делало неизбежным его преобладание над всеми другими народностями, входящими в состав России[1052]. Означая, по мнению эсеров, невозможность федерализации России и мешая реализации важного для революционеров принципа права наций на самоопределение. «Право наций на самоопределение – это ведь право на жизнь, это право священное и неприкосновенное. И потому естественно предполагать объединение человечества на федеративных началах снизу вверх»[1053].

Эсеровская программа федерализации объективно вела к распаду России. Характерно, что благодарности к ним национальные социалисты не испытывали. Так, белорусский социалист Т. Шаповал утверждал, что Россия всегда душила другие народы, как удав кроликов. И без царя стала душить еще больше! «Теперь, слава Богу, нет России: удав убит и кролики выскочили из него и разбежались»[1054].

В этом плане показательна судьба партии социалистов-революционеров на Украине. Украина являлась одним из главных центров распространения партийных идей. Первые партийные организации в начале XX века возникли в

[1050] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 113. Л. 37.
[1051] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 113. Л. 37.
[1052] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 113. Л. 37.
[1053] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.
[1054] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.

Полтавской, Харьковской и Киевской губерниях. Но сразу после победы революции в крестьянских массах большим спросом начала пользоваться украинская партия социалистов-революционеров. Правильные взаимоотношения между двумя партиями, общероссийской и украинской, установились в немногих местах. Чаще всего их взаимоотношения были враждебными: общероссийскую ПСР обвиняли в шовинизме, несмотря на то, что та поддерживала украинскую партию в требовании созыва отдельного Украинского Учредительного собрания, практически не возражая против отделения Украины от России[1055].

На Украине, как и по всей России, деревня считала «своей» единственную партию – партию эсеров. Целые села и деревни причисляли себя к с.-р. Партия стала массовой. Тем не менее, на родине эсеровщины, как политического направления, в Полтавской и Харьковской губерниях, все сельские организации перешли к украинской партии[1056]. Следовательно, эсеры были органически не способны защитить даже собственные партийные организации. Тем более не могли они противостоять всевозможным национальным движениям, и воспрепятствовать распаду России.

Поэтому политика эсеров, и члена данной партии А.Ф. Керенского (в национальном вопросе он был эсер классический), получила одобрение Великобритании. Английский посол в России Д. Бьюкенен после смены власти в феврале 1917 года резко перешел на сторону Керенского при возникновении у него спора с П.Н. Милюковым. Милюков слишком упорно боролся за вознаграждение России черноморскими проливами в случае победы Антанты[1057]. О необходимости более тесных отношений с социалистами Бьюкенен писал Ллойд Джорджу еще в марте 1917 года[1058].

Одной из главных идей, выдвинутых на февральском этапе революции русскими умеренными социалистами, стала мысль о необходимости проведения

[1055] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 2. Л. 100-101.
[1056] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 2. Л. 98.
[1057] Милюков П.Н. История второй русской революции… С. 104-105; Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 214; Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978. С. 208.
[1058] Пученкова Л.Ю. Деятельность британских дипломатических представительств в России в 1917 году. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2005. Л. 65, 162.

социалистической конференции в Стокгольме. По мнению эсеров, и стоявших за ними меньшевиков, русская революция начнет новую эру в международных отношениях. На России лежит обязанность предложить всем воюющим странам новые условия мира. Мир должны заключать представители социалистических партий. Собравшись на международной социалистической конференции, они выработают честные условия мира. После войны сохранится статус-кво: каждая страна останется в тех территориальных пределах, в которых начинала войну[1059]. Русские социалисты апеллировали, прежде всего, к социалистам союзных стран. В частности, меньшевистский ЦК напрямую обратился к съезду французской социалистической партии, проходившему в Бордо. «Дальнейшее продолжение войны обостряет анархию в стране и укрепляет позицию контрреволюции. Только скорейшее заключение всеобщего демократического мира, мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов может обеспечить победу революции… Международный пролетариат должен считать нашу революцию своим делом, ибо крушение революции означает торжество капиталистической реакции во всем мире»[1060].

Однако в тот момент никакой самостоятельной позиции у социалистов западных государств не было, они пребывали под контролем национальных правительств. Свидетельством чему является инициатива Союза итальянских социалистов образовать комитет войны с целью достижения победы[1061].

Союзники, в целом критично восприняв идею международной социалистической конференции, поняли, что предложение русских социалистов дает шанс избежать реального выполнения перед Россией союзнических обязательств, и сохранить проливы. Они откликнулись на обращение российских социалистов и заявили о согласии на проведение в Стокгольме конференции, но исключительно для стран, входящих в антантовский блок, с категорическим запретом участия в ней социалистов противостоящего Четверного блока. Поэтому заключить мир, о котором мечтали эсеры и меньшевики, конференция не могла

[1059] Соломон Г.А. Указ. соч. С. 487.
[1060] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
[1061] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 95. Л. 2.

даже теоретически. В Петроград стали наведываться многочисленные союзнические социалистические делегации, самая известная из которых, во главе с министром вооружения и военной промышленности социалистом А. Тома, прибыла в российскую столицу 9 апреля 1917 года[1062].

Результатом заигрывания союзников с российскими социалистами явилось официальное заявление Временного правительства от 27 марта 1917 года о целях войны, фактически одобрявшее линию умеренных социалистов на отказ от аннексий и контрибуций[1063]. Тем самым Временное правительство отказывалось от защиты национальных интересов России. Заявление Временного правительства де-факто вело к одностороннему отказу России от территориальных приобретений после войны[1064]. Так и восприняли данное заявление на Западе. Западные союзники окончательно поняли, что в России есть силы, готовые продолжать войну на выгодных для Запада условиях. Это русские умеренные социалисты, и связанная с ними руководящая группировка ВВНР во Временном правительстве.

В конце мая в Петроград прибыл член британского кабинета, секретарь лейбористской партии А. Хендерсон (еще один «социалист»), получивший от правительства специальные полномочия, вплоть до права, если бы посчитал это необходимым, принять пост посла, сменив Бьюкенена. Во время традиционного обмена приветственными речами сферой своих интересов Хендерсон обозначил вопрос о проведении в Стокгольме союзной конференции[1065]. Однако снимать посла не пришлось. Бьюкенен был уверен, что Стокгольмская конференция не повредит британским интересам, в отличие от деятельности «правых российских экстремистов», к категории которых посол теперь относил своего недавнего протеже П.Н. Милюкова[1066].

Шумиха вокруг Стокгольмской конференции преследовала выполнение важной тактической задачи – устранения с политической сцены прежнего «фаворита»

[1062] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 307.
[1063] Пайпс Р. Указ. соч. Т. 2. С. 72.
[1064] Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 158-159.
[1065] Пученкова Л.Ю. Деятельность британских дипломатических представительств в России в 1917 году. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2005. Л. 66.
[1066] Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917-1918. М., 2006. С. 87.

Запада, министра иностранных дел Милюкова. В тот момент в российском правительстве завершилось формирование антикадетского большинства, из социалистов и промасонской либеральной группировки Некрасова и Керенского. 12 министров высказались за отставку Милюкова, что вызвало единодушную поддержку западной прессы. Американская печать была склонна рассматривать уход Милюкова как «устранение препятствия на пути к международному согласию». Международного согласия добивались за счет России[1067].

После исключения Милюкова из кабинета, интерес британцев к конференции стремительно упал. А активность умеренных социалистов, настаивающих на максимально быстром созыве конференции, начинала входить в серьезные противоречия с британскими интересами. На заседании фракции эсеров в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов раздавались опасные для англичан призывы, что вопрос о мире нельзя считать делом правительств – «дело мира есть дело самих народов»[1068]. Не менее опасным становилось и поведение меньшевиков, обращавшихся к пролетариату западных стран с требованием добиваться расширения арены революции вовлечением в нее других стран[1069].

Необходимо было ставить на место российских умеренных социалистов, все заметнее ощущавших себя творцами истории. Воспользовавшись информацией о негативном отношении Временного правительства к Стокгольмской конференции, правительства союзных стран фактически отказались от ее проведения. Формально процесс еще продолжался: в середине августа в Лондоне даже состоялась промежуточная конференция, делегаты которой почти единодушно признали необходимым созвать конференцию. В действительности это означало ее срыв[1070].

Верх в союзных странах брало критическое отношение к революции в России. Союзники быстро забыли о своем прежнем содействии ее совершению. Согласно телеграмме русского военного агента в Париже, генерала М.И. Занкевича, предназначавшейся военному министру и ставшей известной общественности в

[1067] Уорт Р. Антанта и русская революция… С. 78.
[1068] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 139.
[1069] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.
[1070] Уорт Р. Указ. соч. С. 101.

октябре 1917 года, вследствие ее опубликования большевиками, неуспех апрельского англо-французского наступления принудил французское правительство к особо резкой критике русской революции с парламентской трибуны, чтобы найти оправдание начавшимся на фронте неудачам[1071].

Разочарование «друзей России» в Лондоне проявилось еще быстрее. Генерал К.Н. Десино уже в марте-апреле доносил из Лондона о недовольстве местных руководителей. «В начале, при перемене нашего правительства, здесь считали, что это к лучшему…». Теперь же стали получать из России тревожные сведения. Англичане «начинают бояться возможности беспорядков в нашей армии, которые повлияют на ее боеспособность»[1072].

Руководители англо-французского альянса рассчитывали, что либералы, придя к власти, объединят страну[1073]. Ожидалось, что отстранение монарха никак не отразится на дальнейшем ходе войны. Ведь генералы останутся на прежнем месте, планы кампании давно разработаны, и, значит, оставшиеся военачальники спокойно доведут войну до победного конца.

Планам союзников и либералов осуществиться было не дано. Они не учли одного, важного для России момента: с отречением от престола Россия потеряла не только монарха, но и Верховного главнокомандующего. Бывший управделами Совета министров А.Н. Яхонтов в 1924 году, уже находясь в эмиграции, писал по этому поводу: «в час величайшей разрухи на фронте (*подразумевается 1915 год – С.Х.*) одна весть – “царь с нами” быстро подбодрила русское воинство, тогда как в момент всесторонней технической, материальной и моральной готовности армии к близкой победе два жутких слова – “царя нет” превратили стройные полки в вооруженные банды озверелых людей…»[1074].

Первоначально, в первые революционные дни, генералы были настроены достаточно оптимистично. М.В. Алексеев, фактически выполнявший обязанности Верховного, в письме от 12 марта к новому военному министру А.И. Гучкову был

[1071] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 213. Л. 33.
[1072] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1888. Л. 127.
[1073] Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 373.
[1074] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 472.

проникнут оптимизмом. «… Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно…». Алексеев допускал возможность понижения боеспособности армии, но надеялся на ее временность[1075]. Генералы и офицеры в основной массе поверили в способность Временного правительства довести войну с Германией до победного конца[1076]. Высший генералитет в те дни увидел в революции лишь некоторые беспорядки, способные помешать успешному продолжению войны. У руководства армии превалировал один мотив - сохранить армию для продолжения войны.

Настроения генеральской верхушки в решающий момент, как оказалось, не революции, а войны, лучше всех сформулировал А.И. Солженицын. « “Спасти Армию” - спасти 13 армий, 40 корпусов – от десятка необученных запасных батальонов! В северо-западном уголке страны вздыбилось сумрачное творение Петра – и чтобы “спасти” 7 миллионную боевую армию от искушения изменить присяге,- им, Главнокомандующим, теперь следовало первым поспешно изменить собственной присяге!»[1077].

Солженицын обвиняет Алексеева в том, что тот позволил втянуть себя в переговоры с мятежной столицей. Трудно удержаться от соблазна и не поместить в качестве примера одно из тех сообщений, которые поступали в Ставку к Алексееву, чтобы увидеть, на основании чего он выстраивал в тот переломный момент войны свою политику. «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству, в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной думе и пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка»[1078].

Алексеев, получив сообщения о «благополучном» течении событий в столице, приступил к самостоятельному информированию верхов армии об «улучшении положения» в Петрограде. Телеграмма об «успокоении» была отправлена

[1075] Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 458.
[1076] Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 13.
[1077] Солженицын А.И. Размышления над февральской революцией… С. 9.
[1078] Цит. по: Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 627.

командующим фронтами между 1 и 2 часами первомартовской ночи, причем в телеграмме командующему Северным фронтом Н.В. Рузскому, в штаб которого, располагавшийся в Пскове, должен был приехать Николай II, имелась дополнительная приписка. «Доложить его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию»[1079]. Таким образом, командующие фронтами призывали Николая II отречься от престола, находясь в ситуации, когда они не знали реальных событий, и оттого их советы были глубоко неверны[1080].

Вскоре генералы поняли, что революция сильно ухудшила положение в армии, нанеся колоссальный удар по ее боеспособности. Войска стремительно теряли дисциплину: вопрос выполнять или нет приказы командования, решался в полках на уровне солдатских митингов[1081]. Но революция не отменяла обязательства о наступлении перед союзниками, принятого накануне революции. И неожиданно наибольшую заинтересованность в организации наступления проявили недавние противники войны – эсеры и меньшевики, практически вытеснившие либералов из власти. Меньшевик В.Б. Станкевич считал наступление полезным, поскольку только ценою войны на фронте можно «купить порядок в тылу и армии»[1082].

Новым обладателям власти хотелось доказать критикам и справа (либералам), и слева (большевикам), что они умело распорядятся властными полномочиями. К тому же они были романтиками и хорошо помнили историю французской революции. Им грезилось повторение «чуда Вальми», где молодая революционная армия в 1792 году разгромила хорошо обученные войска интервентов[1083]. Они не учитывали принципиального различия ситуации во Франции и в России. Французская армия в основном состояла из крестьян, уже получивших дворянскую землю, им было за что сражаться. А русские крестьяне,

---

[1079] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II… С. 627.
[1080] Одновременно текст телеграмм генерала Алексеева свидетельствует о том, что вся затеянная им тогда переписка не являлась спонтанной, а была частью возникшего замысла по отстранению Николая II от власти.
[1081] Федюк В.П. Керенский. М., 2009. С. 170.
[1082] Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 63.
[1083] Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С. 398-399.

одетые в серые шинели, помещичью землю еще не получили, и воевать за непонятные для них интересы не желали.

Поэтому для эсеров и меньшевиков, будь они действительными интернационалистами, было бы намного лучше, продолжая формально войну, свести к минимуму участие в ней России, и, отказавшись от наступательных операций, ограничиться поддержанием обороны и приступить к поиску путей мирного выхода из войны.

К пониманию оптимальности такого поведения в сложившейся обстановке пришли профессиональные военные. Новый Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев призывал армию сидеть спокойно, не предпринимая «решительной, широкого масштаба операции»[1084]. Тем более, в отличие от наступления, готовившегося в предреволюционный период, наступление, предпринятое Временным правительством, не несло большой пользы общесоюзному делу, так как представляло изолированный удар, легко отбивающийся немцами при помощи подкреплений, присланных с Западного фронта[1085].

Но больше всего приходилось умеренным социалистам полемизировать с большевиками, прилагавшими отчаянные усилия по срыву наступления. Умеренными социалистами была создана специальная организация «Военная лига». Через нее меньшевики и эсеры стремились доказать радикальной части общества, симпатизирующей большевикам, что наступление необходимо именно революции и не несет угроз ее дальнейшему развитию. За радикализмом большевиков, доказывали они, стоят контрреволюционные силы, жаждущие провала наступления, так как не верят в способность социалистов успешно вести боевые действия[1086].

Эсеры и меньшевики находили в солдатах определенный отклик. Взгляды значительной части рядового состава немногих боеспособных частей были близки

[1084] Головин Н.Н. Указ. соч. С. 461.
[1085] Там же. С. 461.
[1086] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 65.

к позиции правого крыла Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В солдатских комитетах этих частей преобладали эсеры и меньшевики[1087].

Широко известны ударные части генерала Л.Г. Корнилова. Менее известно, что такие ударные отряды формировались и другими силами, в том числе революционно настроенными. Волонтерское движение было особенно характерно для эсеровской среды[1088].

Горячим сторонником формирования ударных частей из добровольцев, набранных в тылу, был генерал Брусилов. Инициатива Брусилова встретила решительное противодействие у главковерха Алексеева и его начальника штаба А.И. Деникина. Деникин говорил о затратности времени и материальных ресурсов, требующихся для подготовки необученных добровольцев, направлявшихся из тыла на фронт[1089]. Генералы Алексеев и Деникин старались ограничить проникновение на фронт революционных, социалистических элементов, видя в них угрозу еще большего падения воинской дисциплины.

Но мнение Алексеева ничего уже не значило, так как 22 мая он был снят с поста Верховного и заменен именно Брусиловым. Брусилов был настроен оптимистичнее и полагал, что усилия умеренных социалистов будут направляться на укрепление, а не на развал дисциплины. В приказе, который Брусилов издал, вступив в должность главковерха, он подчеркивал: особые ударные революционные батальоны тыла формируются «при поддержке Совета крестьянских депутатов и Совета солдатских и рабочих депутатов»[1090].

При этом им была воспринята и деловая часть предложений Деникина. Революционные ударные батальоны было решено создавать с привлечением добровольцев тыла. Действующей же армии предлагалось образовать в составе своих дивизий ударные и штурмовые части. «Эти ударные части ничего общего с революционными батальонами иметь не будут, и не будут нарушать основной организации»[1091].

[1087] Головин Н.Н. Указ. соч. С. 451.
[1088] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 9. Л. 2.
[1089] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 17.
[1090] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 8.
[1091] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 58.

Первоначальный успех наступления, бесспорно, обеспечили ударные соединения. Начало наступления показало, каким могло быть весеннее наступление, не произойди революции. Разработка штабами наступления производилась образцово. Для подготовки атаки сосредотачивались еще небывалые в русской армии артиллерийские и технические средства. На участках главного удара ключевого Юго-Западного фронта плотность артиллерии достигала 40 орудий на километр: никогда прежде русская артиллерия не располагала такой орудийной мощью. Артобстрел продолжался в течение двух дней, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Артиллерия буквально смела с лица земли все укрепления противника. Только после этого в бой пошла пехота[1092].

Первая атака ударников была успешной: за один день в плен взяли свыше десяти тысяч солдат и офицеров. Особенно впечатляли успехи 8-й армии, которой командовал лично Л.Г. Корнилов[1093]. Но ее успех не поддержали другие армии Юго-Западного фронта (7-я и 11-я)[1094]. Общие потери армии в ходе наступления Юго-Западного фронта были, по сравнению с потерями, выдерживаемыми до революции, сравнительно невелики: 1222 офицера и 37500 солдат. Но большинство потерь относилось к отборным, ударным соединениям, и приведенные цифры показывали почти полное уничтожение элементов долга, посредством которых командный состав хоть как-то поддерживал в армии порядок[1095].

Большая часть пехоты фронта проявила себя трусливо. Были случаи, когда полки, после сверхудачной артподготовки, подходя к бывшим позициям противника, возвращались назад под предлогом, что артиллерия разрушила неприятельские окопы и им негде ночевать. Пехота не хотела наступать[1096]. Использовав замешательство в наступающих русских войсках, германские войска нанесли в начале июля мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий, осуществив

[1092] Федюк В.П. Указ. соч. С. 171; Головин Н.Н. Указ. соч. С. 471.
[1093] Федюк В.П. Указ. соч. С. 171-172.
[1094] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 96 (об.); Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 67.
[1095] Головин Н.Н. Указ. соч. С. 472.
[1096] Там же. С. 471.

знаменитый Тарнопольский удар[1097]. Полки и дивизии превратились в неуправляемую массу. Наступление обернулось ужасной катастрофой. Начался беспорядочный отход войск[1098].

Таким образом, мы видим, что Февраль стал непреодолимым препятствием для дальнейшего продолжения войны Россией. И основную долю вины за военные неудачи 1917 года несут не большевики. Реальная ответственность за начавшийся развал армии лежала на силах, пришедших к власти в февральско-мартовские дни - либералах и умеренных социалистах, добившихся отречения Верховного главнокомандующего Николая II в ходе войны, и не ожидавших последующего неповиновения солдат. Весь ход военной кампании в условиях революции предопределялся солдатскими настроениями. Лишившись царя, армия теряла главную опору, и данный фактор вносил смятение в солдатские умы. Состоявшееся наступление, в отличие от планировавшегося до этого, при Николае II, весеннего наступления, изначально обрекалось на поражение. Облик армии, проведшей три года в жесточайшей войне, за несколько революционных месяцев изменился самым разительным образом. «Самодержавие солдата» для сторонников Февраля, проникших во власть, стало страшнее «самодержавия царя». Развращенная свободой армия представляла большую угрозу не для врага, а для собственного населения. У нее очень хорошо получалось насиловать и грабить мирное население, но воевать такая армия была уже не приспособлена. Офицерско-генеральская среда оказалась неспособной противостоять солдатскому неповиновению. Императорская армия без императора превратилась в массу анархистов, желавших скорее вернуться домой.

В результате развала армии авторитет России упал до минимума. Теперь с Россией, одной из самых влиятельных стран-участниц Первой мировой войны, не считались не только ее противники (Германия), но и бывшие союзники (прежде всего Великобритания). Дело дошло до того, что в октябре 1917 года, незадолго до октябрьского переворота, американский и французский послы Д. Фрэнсис и Ж.

[1097] Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 67.
[1098] Там же. С. 67.

Нуланс потребовали от Временного правительства допуска на территорию России американских и французских войск, якобы для защиты своего имущества, имевшегося внутри России, сохранность которого, по их утверждениям, российское правительство не способно обеспечить[1099].

Такая ситуация была закономерным следствием политического курса, проводимого эсерами, политика которых усиливала вражду и ненависть в российском обществе, резко ослабляла центральную власть. Вследствие раскола центральной и местных властей распадались уже и внутригубернские связи. Осенью 1917 года для России была характерна даже не губернизация, а уезднизация страны. Возникла и стала первейшей продовольственная проблема. Южные губернии, почувствовав слабость центра, отказывались отправлять продовольствие в центральные и северные регионы страны. Теперь уже не губерния, а каждый уезд занимался самообеспечением. Местные власти в поисках выхода запрещали вывозить продовольствие за пределы своих городов. Так, Костромская городская управа 24 сентября 1917 года обратилась в министерство земледелия с просьбой о предоставлении городам губернии право делать самостоятельные закупки питания, так как губернская продовольственная управа «…не в силах в достаточной степени заботиться о городском населении» при такой обширности территории и громадном числе жителей губернии[1100].

К осени 1917 года положение в стране становилось катастрофическим. В таких условиях вновь возрождались шансы на успех у политических противников эсеров – большевиков. В большевистском руководстве до возвращения в Россию в начале апреля В.И. Ленина был глубокий кризис. Петербургский городской комитет вел себя пассивно и фактически ничем не отличался в своих взглядах от меньшевиков, выступая за единство всего социалистического лагеря. Эта позиция еще более усилилась при возвращении в Петроград из ссылки членов ЦК Л.Б.Каменева и И.В.Сталина. Эта часть большевистской партии лояльно

[1099] Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 490; Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 692.
[1100] Народная свобода (Кострома). 1917. 24 сентября.

отнеслась к попытке меньшевиков создать объединенную социал-демократическую партию[1101].

Самая радикальная в большевистской среде Выборгская районная организация, пытавшаяся захватить власть в Феврале, по-прежнему требовала незамедлительного смещения правительства, не забыв дней 23-27 февраля с авантюрной попыткой создания большевистского правительства. Но руководители Русского бюро ЦК Шляпников и Молотов призывали к отказу от незамедлительного смещения либерального правительства, и при этом предлагали вести агитацию в массах за создание большевистского правительства через получение большинства в Советах[1102].

Программа, отстаиваемая в первые дни революции Шляпниковым и Молотовым, оказалась близка и Ленину. Это положение и стало основным в предложенной Лениным программе, так называемых «Апрельских тезисах»: власть в стране можно захватить через обретение большинства в Советах и объявление последних единственным государственным институтом («республика Советов… по всей стране, снизу доверху»)[1103].

Ленин очень точно подметил, что политическая конструкция, созданная эсерами и меньшевиками, выгодна для его партии. Главное преимущество этой системы для большевиков заключалось в ее неопределенности. Советы были полностью освобождены от какого бы то ни было регулирования со стороны правительства. Единственным ограничителем Советов были собственные инструкции. Эсеры и меньшевики собственно и создавали эту систему для контроля и давления на правительство.

Весной 1917 года в советских учреждениях эсеры и меньшевики прочно доминировали. В Петроградском Совете им принадлежало явное большинство. Провинциальные Советы были еще умереннее. В провинции, где, в отличие от Петрограда, действовало немало других органов власти, Советы являлись скорее законосовещательными учреждениями. Вот как определило функции Советов

[1101] Бурджалов Э.Н. О тактике большевиков в марте-апреле 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 49; Его же. Еще раз о тактике большевиков в марте-апреле 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 113.
[1102] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. Кн. 1-2. М., 1992. С. 229-230.
[1103] Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.

объединенное заседание Костромских Советов рабочих, крестьянских и военных депутатов: «Общее наблюдение за деятельностью правительственных учреждений и должностных лиц власти, осуществляемое посредством доведения до сведения надлежащих ведомств о замеченных неисправностях, а также представления заявлений, предположений о желательном разрешении вопроса» (то есть Советы намеревались всего лишь следить за тем, как действует исполнительная власть)[1104].

Эсеры и меньшевики отводили Советам в провинции важную, но все же вспомогательную роль: через Советы они стремились захватить власть в основных для провинции органах власти (КОБах). Советы на раздельных заседаниях выделяли группы своих представителей (Совет крестьянских депутатов выбирал крестьянскую группу, Совет рабочих депутатов – рабочую, Совет солдатских депутатов – солдатскую), и они полностью входили в состав КОБа. Таким образом, Советы в провинции были включены в острую борьбу, но основной упор в этой борьбе эсеры делали на другие органы власти[1105]. Тем самым эсеры и меньшевики сами создавали выгодный плацдарм для большевиков. Отказ эсеров и меньшевиков использовать провинциальные Советы в качестве самостоятельного органа власти, их повышенный интерес к другим властным структурам облегчал задачу большевикам.

Большевики уловили слабое звено февральской политической системы – уездное. Раскол центральных и губернских властей не позволял губернским властям в случае конфликтов с уездами рассчитывать на помощь из центра. Руководство большевистской партии направило большую группу представителей в уездные центры для мобилизации местных уездных ячеек. Причем чаще всего туда посылались уроженцы этих мест[1106].

Первые результаты не замедлили себя ждать. Уже в мае в Центральной России проходит целая серия уездных советских конференций. Так, во Владимирской губернии они состоялись в Судогде и Гусь-Хрустальном, часто проводились

[1104] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 107. Л. 26.
[1105] За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917-март 1918. Ярославль-Кострома, 1967. С. 23, 25; Голос. 1917. 25, 31 марта.
[1106] Аннин Г.П. Указ. соч. С. 32, 37.

однодневные заседания Советов[1107]. Эти конференции продемонстрировали, что меньшевики и эсеры теряют популярность в Советах и, хотя еще сохраняют формально численное большинство, начинают проигрывать большевикам по отдельным вопросам (например, по введению рабочего контроля и скорейшему завершению войны). Основными соперниками большевиков на советских заседаниях выступали эсеры, меньшевики просто не выдерживали конкуренции и отходили на второй план[1108].

Основное влияние большевики приобретали среди солдат. В Ярославском Совете рабочих и солдатских депутатов солдаты были наиболее активными сторонниками большевиков, тогда как в рабочей среде на протяжении всего 1917 года сохранялось влияние меньшевиков. Солдаты помогли ярославским большевикам овладеть техническим аппаратом губернского бюро Советов[1109]. Во Владимире губернский Совет солдатских депутатов с момента своего формирования (26 мая) занимал пробольшевистские позиции. 7 июня в своей резолюции он потребовал от умеренных социалистов, вошедших в состав первого коалиционного правительства, закончить войну[1110].

Первую попытку захватить власть, используя новую тактику (через Советы), большевики предприняли в апреле 1917 года, во время апрельского кризиса. Этот конфликт был вызван спором умеренных социалистов с либералами. Его инициаторами были умеренные социалисты, потребовавшие отстранения Милюкова из правительства. Но большевики использовали этот конфликт. В первый его день, в разгар противоборства умеренных социалистов с либералами, большевистская фракция предложила назначить В.И.Ленина председателем Петроградского Совета, а на следующий день (уже после преодоления конфликта либералов с партиями советского большинства), партия советского меньшинства впервые провела отдельную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!» Одним из главных требований демонстрантов были перевыборы Совета.

[1107] Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 126-127.
[1108] Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 104-105; Мерецков К.А. Моя юность. М., 1975. С. 81-83.
[1109] Центр документации новейшей истории Ярославской области – далее ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 4; Козлов П.И., Резвый Н.И. Указ. соч. С. 60-63.
[1110] Десять лет Советской власти во Владимирской губернии. Владимир, 1927. С. 2.

Следовательно, острие критики большевиков в те апрельские дни направлялось не против либералов, а против эсеров и меньшевиков[1111].

Но главной акцией, проведенной большевиками, стало июльское выступление. Поводом для него явился замысел Временного правительства нарушить одно из восьми условий договора правительства с Петроградским Советом, давшего правительству власть, о «невыводе из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Временное правительство хотело отправить на фронт большевизированный первый пулеметный полк. Формально правительство, может быть, уже и имело на это право, поскольку перестало быть чисто либеральным, и значит, этот договор утратил юридическую силу. Но большевики использовали это обстоятельство для приближения к власти.

Показательно, что, как и в апреле, в июле большевики вновь не столько стремились к захвату власти, сколько добивались разрыва коалиции эсеров и меньшевиков с либералами. Поэтому основная демонстрация 4 июля происходила не у Мариинского дворца, где заседало правительство, а у Таврического, где размещался Совет[1112]. Но и это выступление закончилось неудачей. В.И. Ленин был объявлен вне закона, подписан приказ об его аресте, а группа большевиков во главе с Л.Д. Троцким, как раз в июле вступившем в ряды большевистской партии, была арестована.

Однако эсеры и меньшевики не довели расправу до конца. Аресты большевиков имели место только в Петрограде. В провинции эсеры и меньшевики часто выступали с публичной критикой большевиков, но иных мер воздействий не применяли, недооценивая большевистскую опасность[1113].

Осенью 1917 года большевизация страны все же состоялась. В конце августа 1917 года Петроградский Совет впервые принял большевистскую резолюцию.

[1111] Старцев В.И. Революция и власть… С. 169, 173, 179, 182, 194, 195; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 91.

[1112] ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 32. Л. 46; ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 3. Д. 1. Л. 62; Петров И.Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964. С. 255, 259; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992. С. 251-252.

[1113] ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 10; Северный рабочий (Кострома). 1917. 8 июля; Июльские дни 1917 года в Ярославской губернии // Блокнот агитатора. 1957. № 12. С. 34-35.

Вскоре председателем Совета станет большевик Л.Д. Троцкий, и в провинции начнется массовый переход Советов на сторону большевиков[1114].

В сентябрьские дни эсеры и меньшевики упустили последнюю возможность удержаться у власти. Когда стало очевидно, что Советы все активнее проявляют симпатии к большевикам, в умеренно-социалистических кругах появилась идея оттеснения Советов от власти путем создания нового органа - Предпарламента, который должен был стать опорой Временному правительству, превратив Советы в своеобразные профсоюзы, призванные защищать интересы наиболее массовых слоев населения[1115]. Предполагалось, что предпарламент просуществует до созыва Учредительного собрания, выборы в которое уже были назначены на 12 ноября. Власть при этом перейдет полностью в руки социалистов, станет однородной, умеренно-социалистической: правительство получит поддержку тех органов власти, в которых преобладали эсеры и меньшевики. Предпарламента - в центре, КОБов, земств, городских дум и Советов крестьянских депутатов - на местах[1116].

Большевики неожиданно увидели, что их успех в Советах может оказаться бесполезным. В большевистской газете «Социал-демократ», выходившей в Москве, в статье «Разжижение революции» писалось: «… нельзя не протестовать против плана эсеров и меньшевиков созвать “парламент” не только из Советов, но и из представителей дум, кооперативов и проч.… Такому плану рабочий класс должен противопоставить “рабоче-крестьянско-солдатский парламент”… создать твердую власть революционного народа»[1117]. Большевиков не устраивало, что эсеры собирались отстранить от власти Советы, все активнее занимавшие их сторону.

Но и этот последний шанс был упущен, когда А.Ф. Керенский отказался войти в правительство, подконтрольное партии эсеров - решение о его создании принял президиум Демократического совещания, состоявшийся в сентябре 1917 года. И

[1114] ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 149а. Л. 183; Козлов П.И., Резвый Н.И. Указ. соч. С. 115; Кудинов О.А. Красная чума в России (лекции по истории России начала XX в.). Пермь, 1992. С. 100.
[1115] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.
[1116] Славин Н.Ф. Кризис власти в сентябре 1917 года и образование Временного Совета республики (предпарламент) // Исторические записки. Т. 61. М., 1957. С. 45, 48; Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума. М., 2000. С. 40.
[1117] Социал-демократ (Москва). 1917. 5 сентября.

25 сентября под напором Керенского возникло очередное третье коалиционное правительство. Основная ставка в нем делалась уже не на социалистов (ни в одном из предыдущих правительств они не были так слабо представлены – всего 6 человек из 17), и не на правившую прежде промасонскую либеральную группировку (окончательно развалившуюся в корниловские дни августа, когда у Керенского произошел разрыв отношений с Н.В. Некрасовым), а на кадетов. Кадеты, напротив, дойдя к осени до положения крайне непопулярной партии, получили наибольшее количество мест в правительстве. Ни в одном из предшествующих правительств, в том числе и первом, они не были столь широко представлены: также 6 мест - 4 члена партии и 2 сочувствующих[1118].

В таких условиях создание Предпарламента уже ничего не решало и только обостряло борьбу. Создание правительства, коалиционного с кадетами, и полусовещательный характер Предпарламента лишь до предела обострял отношения правительства с большевиками, подготовив благоприятную почву для большевистского выступления. Это почувствовал лидер эсеров В.М. Чернов, ставший жестким критиком идеи коалиции. «Самым ярким и талантливым сторонникам коалиции я скажу: разве то, что вы произвели на свет, есть коалиция? Это суррогат коалиции, ее подделка». Все партии «обнаружили тенденцию посылать в состав данного правительства своих деятелей не первого, а второго рода»[1119].

Единственной крупной фигурой в правительстве, подчеркивал Чернов, остается его председатель. Керенский стремится занять надпартийную позицию. Но разве у эсеров не было возможности прямо сейчас возглавить правительство? «Если не мы, то кто же? и если не теперь, то когда же?»[1120]. Кто из противников может оспорить очевидный факт, что массы сейчас тянутся к социалистическим лозунгам и партиям – вопрошал Виктор Михайлович. И пророчески отвечал:

[1118] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6. С. 125.
[1119] Чернов В.М. Листки из политического дневника // Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999. С. 87.
[1120] Там же. С. 89.

«начавши с возглавления чуть не всенародного движения, мы растеряем низы и ухитримся явиться в Учредительное собрание в качестве меньшинства»[1121].

Его итоговый вывод в пока что достаточно спокойном сентябре был крайне неутешителен для так называемой революционной демократии и Февраля вообще. «Демократическое совещание могло предотвратить кризис. Оно этого не сделало. Он будет»[1122].

Февраль погибал в атмосфере всеобщего презрения и ненависти к себе. У него в октябрьские дни уже не было никаких ресурсов. Если в феврале 1917 года старая императорская власть еще сохраняла точки опоры - губернский аппарат, армию, у Февраля осенью ничего этого уже не было. За неполных 8 месяцев он исчерпал все. В результате положение страны на внешней арене становилось все более незавидным: по существу Временное правительство попало в полную зависимость от Запада. Внутри страны начинался распад. А главное - Февраль посеял страшные семена ненависти. Не Октябрь, а Февраль подготовил почву для грядущей гражданской войны! Народ почувствовал свою силу, но при этом был колоссально неудовлетворен своим положением. Все это выводило борьбу за власть в России на новый виток беспощадной, массовой борьбы, уже борьбы не тысяч, а сотен тысяч, миллионов людей.

Итак, поскольку после февральского переворота прекратили существование, наряду с правоконсервативным Союзом русского народа, и праволиберальный Союз 17 октября, и даже более радикальная партия прогрессистов, конституционные демократы остались единственной либеральной партией, сохранившейся как организационная структура. Но это значило, что они оказались самой правой из оставшихся партий - такое положение изначально невыгодно в ходе любой революции. Радикальнейшая партия при Николае II, которая царскими сановниками достаточно справедливо воспринималась революционной, теперь была бессильна противостоять народу, получившему

[1121] Чернов В.М. Листки из политического дневника… С. 90.
[1122] Там же. С. 99.

полную свободу. Всего два месяца она входила в правительство как одна из основных, представленных в нем, сил.

И очень важно, что партия потеряла командные высоты на высшем государственном уровне вовсе не благодаря соперникам из социалистических партий. Устранили ее конкуренты из своего же либерального лагеря, усилиями группы министров во главе с тем князем Г.Е. Львовым, которого ввел в правительство сам Милюков, вместо намечавшегося тогда М.В. Родзянко. Либеральные министры, чью основу составили представители псевдомасонской организации ВВНР, во главе с А.Ф. Керенским и Н.В. Некрасовым, заключили своеобразное соглашение с введенными в правительство умеренными социалистами. И направлялся их союз против кадетов. Конечно, конституционно-демократическая партия не имела веских оснований рассчитывать на овладение революционной стихией, так как не могла сопротивляться напору, исходившему от социалистов на провинциальном, губернско-уездном, уровне, все же ее устранение ослабляло и без того слабые позиции либерального лагеря.

В ходе революции ведущее положение перешло к социалистическим партиям. И первоначально наибольшие рычаги влияния получили умеренные социалисты. Примерно два первых месяца в этом блоке руководящие позиции занимали меньшевики. Именно они в ходе февральского переворота, положившего начало революции, обеспечили присоединение к восстанию либералов, что помешало подавить народные беспорядки. Меньшевики пытались закрепить достигнутый успех через создание новой, объединенной социал-демократической партии, заодно надеясь таким путем устранить и наиболее опасного конкурента в лице большевиков. И вначале были активно поддержаны рабочими. В том же верхневолжском регионе численность объединенных организаций превысила численность однородных (39 против 24). Помешал завершить данный процесс приезд В.И. Ленина в Россию. Но самое главное, реализация этого замысла принесла вред, прежде всего, самим меньшевикам, так как в подавляющем большинстве объединенных организаций возобладали большевики. В итоге, когда к июлю 1917 года выяснилась невозможность

совместного пребывания в них представителей обеих сил, уже готовые структуры сохранялись за большевиками, а меньшевики вынуждены были, в момент серьезного идейного и организационного кризиса, повторно приступать к созданию сети своих партийных, чисто меньшевистских организаций. В целом, меньшевики не выдерживали конкуренции с большевиками и довольно быстро утратили ключевые позиции, сохранившись преимущественно в качестве союзников эсеров, по мере развития революции выходивших в умеренно-социалистическом блоке на первый план, и ставших наиболее сильной революционной партией.

Таким образом, в ходе развития революционных процессов, начатых в феврале 1917 года, две партии, кадеты и меньшевики, казалось бы способные выстраивать планы дальнейшего управления страной, оказались не у дел. Кадетские министры во главе с лидером партии П.Н. Милюковым были быстро оттеснены на второй план альтернативной группой либеральных министров, и уже в мае «лидер революции» Милюков покинул правительство. А меньшевики и вовсе утратили возможности серьезного влияния на политические процессы, не выдержав конкуренции с более радикальными революционными силами. Оставались лишь две партии, большевики и эсеры, продолжавшие рассчитывать на овладение властью.

Тактика эсеров строилась на подчинении местных органов управления. В результате основные должности к маю 1917 года, вплоть до постов губернских и уездных комиссаров, почти безраздельно перешли к партии эсеров. Вместе с тем, они были лишены возможности взять на себя полную ответственность за формирование политического курса в целом по стране, так как не имели доступа к центральной власти. Их положение осложнялось тем, что премьер-министром в том же июле 1917 года стал формальный член партии А.Ф. Керенский, но именно он являлся фактором, отдаляющим партию от центральной власти, препятствующим ей усилить позиции в правительстве. В результате овладение местной властью имело для эсеров не только положительные стороны, но и несло колоссальный отрицательный заряд: в глазах населения они все чаще

ассоциировались с властью, и потому обвинения за процессы топтания на месте, происходящие в стране, все чаще обращались против них.

Партия, захватившая почти всю местную власть, не смогла добиться контроля над центральной властью. Эсеровская политика привела к расколу центральной и местной власти, к усилению вражды и ненависти в российском обществе. Распадались уже и внутригубернские связи: в осень 1917 года Россия входила даже не губернизированной, а уезднизированной страной. Положение становилось катастрофическим. В условиях распада страны вновь появился реальный шанс на прорыв к власти и у противников эсеров – большевиков

.

4.2. Октябрь: начало восстановления порядка в России. Крах партий Февраля (октябрь 1917 – 1918 годы)

С октября 1917 года начинается постепенное вытеснение партий Февраля (эсеров и меньшевиков) из политической жизни страны. Наступление это происходило не только со стороны большевиков, но и с другой, правой стороны. При рассмотрении Февраля, с момента ухода в оппозицию партии кадетов, нами преимущественно показывались взаимоотношения внутри социалистического лагеря. Но на правом фланге революции также произошла смена ведущей политической силы. Если на протяжении большей части Февраля сплочение всех сил, недовольных действиями социалистов, осуществлялось вокруг партии кадетов, то осенью на передний план выходят офицерско-генеральские круги армии.

В России появляется личность, способная бросить вызов правящему социалистическому лагерю. Это участник двух войн, русско-японской и Первой мировой, Л.Г. Корнилов. Почти сразу же после февральских событий 1917 года он стал начальником Петроградского военного округа. 21 апреля попытался вооруженным путем, расстрелом из пушек, разогнать большевистскую демонстрацию, о которой мы уже упоминали. После запрета Петроградским

Советом использовать вооруженную силу для разгона демонстрации добровольно ушел в отставку и отправился на фронт[1123]. В июле 1917 года был назначен верховным главнокомандующим[1124].

В конце августа 1917 года произошло событие, вошедшее в историю как «корниловский мятеж». Согласно официальной версии советской исторической науки генерал Корнилов сознательно направил войска на Петроград для единоличного захвата власти[1125]. На самом деле это было недоразумение, и войска должны были сосредоточиться вокруг Петрограда в соответствии с волей Временного правительства. В частности, инициатива их размещения там исходила от заместителя военного министра эсера Б.В. Савинкова. Временное правительство утверждало, что 27 августа (в день полугодовой даты победы революции в России и образования Совета) попытку захвата власти предпримут большевики, что не соответствовало действительности[1126].

Формально Корнилов и, правда, двинул конный корпус Крымова на Петроград, но этому событию предшествовал небольшой инцидент. 24 августа вечером и 25 августа утром Корнилов встречался с бывшим министром Временного правительства (в двух его первых составах) В.Н. Львовым, и Львов сам сделал ему предложение о назначении на пост председателя правительства, военного диктатора, внеся в качестве встречного условия пожелание, чтобы Керенский и Савинков стали его министрами. И Корнилов был убежден, что решение о назначении его руководителем правительства состоится[1127].

Вечером 26 августа Корнилов по телеграфу разговаривал с Керенским, услышав со стороны последнего официальное одобрение предложения Львова. Не зная, что это провокация, Корнилов поверил, что уже является лидером России. В 2 часа 40 минут ночи Корнилов телеграфировал Савинкову: «Корпус сосредотачивается в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу

[1123] Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 64.
[1124] Бондарь В. Эх, Лавр Георгиевич… ведь мог спасти Россию // Огонек. 1998. № 44. С. 11.
[1125] Орлова Н.В. Политические партии России. Страницы истории. М., 1994. С. 36.
[1126] Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 190, 194-195.
[1127] Там же. С. 203-204.

объявить Петроград на военном положении 29 августа». Этот приказ исходил от человека, считавшего себя не мятежником, а законным руководителем России[1128].

Телеграмма Керенского об отставке Корнилова, пришедшая в Ставку в 7 часов утра 27 августа, стала полной неожиданностью. В тот же день страна узнала о нескольких воззваниях Керенского. В одном из них говорилось: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной». Далее говорилось, что с целью воспрепятствовать попыткам «некоторых кругов русского общества» использовать существующие трудности для установления «государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции», правительство уполномочило министра-председателя сместить с должности генерала Корнилова.

Обвинение Керенского повергло Корнилова в ярость, ибо затрагивало в нем чувствительную струну – патриотизм. В ответ он выпускает собственное воззвание, которое рассылает всем командирам фронтовых частей.

«Телеграмма министра-председателя… во всей своей первой части является ложью. Ни я послал члена Государственной думы Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя… Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карты судьбу отечества.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни»[1129].

Корнилов отказался подчиниться полученной телеграмме и добровольно уйти со своего поста. Так начался знаменитый «корниловский мятеж».

[1128] Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 123.
[1129] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. С. 133-134.

И все-таки данный конфликт нельзя считать простым недоразумением. Кризисная ситуация в России обостряла борьбу за власть. В стране крепла новая оппозиционная сила, решительно настроенная против действующей февральской власти. Но это были уже не профессиональные политики, а русские офицеры и генералы. Армия, которую февральская власть лишила почти добытой победы. И недовольство этих офицеров направлялось не столько против большевиков, сколько против февралистов - эсеров и той части либералов, которая сгруппировалась вокруг Керенского[1130].

Офицерско-генеральские круги вступают в переговоры с кадетами, как единственной легальной партией, представляющей позицию либеральных сил, о создании новой власти, способной продолжать войну. При активном содействии кадетов вокруг военных началось сплочение враждебных правительству групп[1131]. «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания родины, доведенной до гибели неудачным подбором правителей-министров» - писал в сентябре 1917 года в письме к Милюкову разочаровавшийся в революции М.В. Алексеев[1132]. Имея опору в офицерстве, корниловское движение представляло симбиоз военных лиц с гражданскими. Это был союз сил, заметивших раньше других февральскую катастрофу. «Уже через несколько месяцев после Февральской революции 1917 года… стало ясно… что Временное правительство не способно удержать власть в своих руках и тем более руководить нарастающим движением»[1133].

Гражданской структурой, наиболее активно поддержавшей Корнилова, стало Московское совещание общественных деятелей, собравшееся как раз в августовские дни. Совещание в резолюции по вопросу о внутреннем положении страны сосредоточило острие критики на правительственной власти и социалистических партиях. В стране нет власти, так как ее органы уничтожены на

[1130] Иоффе Г.З. Генерал Корнилов: «Ответственность перед Богом и русским народом беру насебя!» // Наука и жизнь. 2004. № 11. С. 51.
[1131] Гребенкин И.Н. Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 115.
[1132] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
[1133] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.

местах. Недовольные положением в стране общественники ставили правильный диагноз ситуации в стране. «В тяжелую для государственной нации годину народности российского государства предъявляют требования, далеко превышающие их действительные нужды, избирая минуты смертельной опасности, грозящие общей родине, чтобы разорвать вековые связи с нею». У всех этих бедствий есть общий источник и корень: мечтательные стремления партий, именующих себя социалистическими[1134].

Слухи о враждебных намерениях праволиберальной оппозиции, то есть тех, кто ранее уже готовил дворцовый заговор против Николая II, активно распространялись по стране. Они и вызвали замешательство в среде, близкой к правительству. Опасность еще больше усилилась, когда интерес к Корнилову начал проявлять Керенский. Левые либералы, бывшие радикалы из Прогрессивного блока и псевдомасоны из ВВНР, серьезно опасались, что выходец из их среды Керенский сделает резкий крен вправо. Этот крен уже совершенно отчетливо сделал столь заметный в его окружении политик, как Б.В. Савинков. Чтобы не допустить возможного объединения Керенского и Корнилова, их нужно было поссорить. Эту задачу и выполнил Львов, за спиной которого стояли несколько влиятельных людей, и, прежде всего, левейший кадет Некрасов, ближайший заместитель Керенского, в июле окончательно разорвавший отношения с кадетской партией. С этой целью Львов и поехал в Ставку на разговор с генералом, предварительно накануне встретившись с Керенским, которому сообщил о готовящемся заговоре в Ставке[1135].

Готовился заговор или нет, сказать сложно, но то, что в Ставке преобладали оппозиционные настроения, было совершенно ясно. Вернувшись в Петроград, Львов и объявил Керенскому о готовности Корнилова возглавить правительство. Керенский не знал, как происходил разговор Львова с Корниловым, и Львов убедил его, что Корнилов требует своего назначения. Таким образом, Керенский

[1134] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 28. Л. 1, 2.
[1135] Иоффе Г.З. «Белое дело»… С. 81-82, 83; Катков Г.М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 76-77.

искренне считал, что Корнилов возглавляет антиправительственный заговор и вызывает его в Ставку, чтобы расправиться с ним[1136].

Когда же началось реальное движение воинских частей к Петрограду, у Керенского не оставалось другого выхода, кроме подавления «мятежа». Акция Корнилова жестко направлялась против социалистов вообще. Если бы корниловские части вошли в Петроград, теперь, после провокации Львова, расправа ждала не только членов Петроградского Совета, но и многих министров[1137].

Ближайшие соратники Керенского убеждали общественное мнение, что заговор Корнилова с целью захвата власти все-таки существовал. Торжествовавший в те дни Некрасов в интервью одной из газет утверждал: «Роль В.Н. Львова была спасительной для революции: он взорвал приготовленную мину на два дня раньше срока. Заговор, несомненно, был, и Львов лишь раскрыл его раньше срока»[1138]. Эти слова наводят на мысль, что Некрасов, скорее всего, использовал Львова как орудие против Керенского.

Впрочем, торжество Некрасова получилось краткосрочным. Керенский вывел его из состава правительства, направив прежнего соратника генерал-губернатором в Финляндию. Некрасов оказался последним русским губернатором в Финляндии. А о масонской «организации» теперь следовало забыть: она окончательно разрушалась, и каждый ее член отныне оставался сам по себе. Керенский последние два месяца правления действовал индивидуально, структурно ни на кого уже не опираясь. Поэтому он и вспомнил снова о кадетах, пригласив их в последний правительственный состав. Его можно было бы назвать диктатором, если бы власть его не была слишком слабой.

Самым нелепым из обвинений Корнилова в августовские дни было то, что он якобы действовал из желания вернуть во власть Николая II. Корнилов совершенно точно не желал возвращения на трон Романовых: он приветствовал свержение старой династии. Но Лавр Георгиевич был далек от всех партий. Главной его

[1136] Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Т. 2. М., 2003. С. 210-211.
[1137] Иоффе Г.З. «Белое дело»… С. 100.
[1138] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 136.

целью было доведение войны до победного конца[1139]. К тому же Корнилова окружали лица, сочувствовавшие накануне Февраля перевороту, готовившемуся Гучковым. А.М. Крымов был и вовсе непосредственно вовлечен в заговор. Когда он бывал в Петербурге, вспоминал Гучков, постоянно призывал ускорить дело. «Переворот необходим во время войны»[1140].

Царский режим будущими белыми генералами оценивался как «неудобный во многих отношениях»[1141]. Показательна запись, сделанная 31 августа 1917 года в дневнике С.Л. Маркова – начальника штаба Юго-Западного фронта. Генерала возмутило распространившееся в народной среде мнение о желании корниловцев содействовать возвращению Николая II. «Нашли кого в этом обвинять. Я совершенно не скрываю и не скрывал никогда своих взглядов и симпатий, их все знали и не только терпели, но повышали и даже в 39 лет от роду дали чин генерал-лейтенанта»[1142].

Тем не менее, к августу 1917 года определенная переоценка взглядов этой частью общества была проведена. В рассматривавшейся нами резолюции совещания общественных деятелей, в обилии критики, направленной против эсеров и меньшевиков, можно заметить и отдельные элементы самокритики. Так, обстановка, в которой свергалась царская власть, была оценена деятелями Москвы как «удушливая атмосфера измены и предательства»[1143]. Следовательно, хотя и косвенно, определенная часть либеральных сил признавала ошибочность своих действий в предреволюционный период, приведших Россию к кровавой революции и невозможности эффективно продолжать войну.

Августовские события укрепили авторитет Корнилова, ставшего символом сопротивления социалистам, и он возглавил организующееся в послеоктябрьские дни Белое движение, направленное против всего социалистического лагеря.

Кадетская партия так и не оправилась от неудач, постигших ее в мае 1917 года. В ходе корниловских событий она, предав генерала, с которым накануне

[1139] Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 63.
[1140] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 8.
[1141] Иоффе Г.З. «Белое дело»… С. 54.
[1142] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.
[1143] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 28. Л. 2.

вела интенсивные переговоры, утратила последние шансы на возвращение к власти. Ведь Корнилов делал кадетское дело - то, к чему все время призывали ее партийные вожди: создание сильного правительства, независимого от Советов[1144]. В изменившейся послеавгустовской ситуации кадетские лидеры по существу присоединились к голосам социалистических партий, осуждавших Корнилова. Кадеты хотели остаться в обойме революционных партий и боялись клейма контрреволюционеров. Но тем самым они перестали быть лидерами правой оппозиции и утратили возможность серьезно влиять на политические процессы[1145]. Партия не вошла в Белое движение, как организованная структура, хотя многие ее индивидуальные представители приняли в нем активное участие.

Таким образом, осенью 1917 года в стране началось формирование серьезной силы, претендующей на восстановление порядка с правой стороны. Но пока еще на рубеже 1917-1918 годов она находилась в зачаточном состоянии, и основную борьбу за восстановление порядка, против эсеров и меньшевиков, в тот период вели большевики.

24-25 октября 1917 года в Петрограде большевики захватили власть. Удивляет та пассивность, с какой вели борьбу с ними эсеры и меньшевики. У них отбирали власть, а они, имея в своем распоряжении колоссальные резервы, почти не сопротивлялись. Несмотря на некоторое ослабление влияния, популярность у них оставалась по-прежнему высокой. В их распоряжении сохранялся значительный административный ресурс. Конечно, в Петрограде положение умеренных социалистов было не блестящим - в Петроградском Совете утвердились большевики. Но под их контролем в столице оставалось немало других органов, в том числе городская дума. А главное, им принадлежала почти вся местная власть: губернские и уездные комиссары, КОБы, земства, городские думы, Советы крестьянских депутатов, объективно позволявшие оказать достойный отпор большевикам. Но ничего подобного эсеры и меньшевики не предпринимали, выдвинув вместо этого идею создания социалистического

[1144] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6. С. 124.
[1145] ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5258. Л. 7; Голос. 1917. 31 августа; Старый владимирец. 1917. 1 сентября.

правительства (без либералов), но с участием представителей всех социалистических партий, от самых правых из них народных социалистов до большевиков.

Эсеры и меньшевики не защищали свою власть, потому что у них не было главного – центральной власти. Всю правительственную власть сконцентрировал А.Ф. Керенский, и никому ее не давал. Никому, и, прежде всего, той партии, формальным членом которой он являлся – социалистам-революционерам. Эсеры обвиняли его в том, что он «стоит не столько на правом фланге социализма, сколько справа от социализма»[1146]. Вот и решили они в октябрьские дни не препятствовать большевикам. Эсеры были убеждены, что, отобрав у Керенского власть, большевики вновь обратятся к ним, и тогда власть, наконец-то, перейдет под их полный контроль.

У эсеров с Керенским были давние счеты. Сначала они довольно смиренно терпели своеволие Керенского. Максимум, что смогли сделать, забаллотировали летом 1917 года кандидатуру Керенского на выборах в ЦК на III партийном съезде, отказав ему во вхождении в свой Центральный Комитет[1147].

А осенью, в сентябре, организационные структуры эсеров и меньшевиков вступили с председателем Временного правительства в открытый конфликт. Начался он 20 сентября во время работы в Петрограде Демократического совещания, созванного Керенским для решения вопроса о власти. Демократическое совещание решало вопрос о том, кому должна принадлежать власть после подавления корниловского мятежа. Показательно, что на совещание были приглашены только приверженцы социалистических партий. И 20 сентября Президиум совещания, основу которого составило руководство эсеровской и меньшевистской партий, принял решение о создании однородной социалистической власти, эсеро-меньшевистской, без либералов, 60 голосами против 50[1148].

[1146] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 131. Л. 5.
[1147] Спирин Л.М. Указ. соч. С. 204.
[1148] Руднева С.Е. Указ. соч. С. 196.

Узнав об этом решении, Керенский заявил, что никогда не согласится с такой постановкой вопроса, сообщив, что при создании однородного кабинета не станет чинить ему препятствий, но участия в его работе не примет и уйдет в отставку. Услышав категоричный тон, лидеры совещания отказались от претензий на создание собственной власти и признали это право за самим правительством, но подобного демарша Керенскому не простили[1149]. Уже в ходе работы Предпарламента, сформированного на Демократическом совещании, эсеры и меньшевики перешли в прямую оппозицию Керенскому. Временное правительство потеряло последнюю возможную опору.

Проявлением конфликта партий эсеров и меньшевиков с правительством стало исключение 2 октября А.М. Никитина, министра внутренних дел в последнем составе правительства, из рядов меньшевистской партии. Меньшевистский ЦК объявил, что не считает больше Никитина официальным представителем и не несет ответственности за его действия[1150].

Апогея этот конфликт достиг 24 октября в ходе большевистского переворота, когда Керенский утром явился в Предпарламент и потребовал поддержки действий правительства, если оно силой подавит большевистское выступление. Глава правительства заявил, что имеет бесспорные доказательства организации Лениным и его соратниками восстания против правительства. Правительство без колебаний прибегнет к военной силе, но для успеха борьбы необходимо содействие всех партий и групп, представленных в Предпарламенте[1151]. Однако Керенский не получил поддержки Предпарламента. Под воздействием эсеров и меньшевиков незначительным большинством в 123 голоса против 102 при 26 воздержавшихся была принята резолюция, требовавшая от Керенского уступок народным «низам»: борьбы за быстрейшее заключение мира, передачи помещичьих земель крестьянам и ускоренного созыва Учредительного собрания (последнее требование было излишним, поскольку выборы в Учредительное собрание уже назначили на 12 ноября).

[1149] Руднева С.Е. Указ. соч. С. 197, 219-220.
[1150] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 210. Л. 1 (об.), 4-4 (об.).
[1151] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей… С. 283-284.

Во время встречи лидеров меньшевиков и эсеров Ф.И. Дана и А.Р. Гоца с А.Ф. Керенским вечером 24 октября, когда они привезли эту резолюцию, Дан и Гоц убеждали Керенского в необходимости принять существенные решения по вопросам о войне, земле и Учредительном собрании, и немедленно оповестить население об изменении правительственной политики рассылкой телеграмм и расклейкой афиш. Они считали, что если это будет сделано той же ночью, шансы большевиков на захват власти существенно уменьшатся. В условиях, пока большевики еще не захватили власть, это предложение было достаточно интересным, но Керенский воспринял предложение эсеров и меньшевиков как недоверие себе и заявил, что правительство в посторонних советах не нуждается, и будет действовать самостоятельно[1152].

Таким образом, вечером 24 октября разногласия А.Ф. Керенского с партийными структурами эсеров и меньшевиков дошли до критической черты и, следовательно, эсеры и меньшевики после разрыва с Керенским не хотели помогать правительству в борьбе с большевиками. Все это и предопределило относительно легкую победу большевиков в Петрограде. В последующие дни мысли эсеров и меньшевиков были направлены на создание нового правительства из представителей всех социалистических партий.

31 октября в меньшевистской партии верх взяло левое крыло, возглавляемое Ю.О. Мартовым. Меньшевистский ЦК принял резолюцию, дававшую согласие на ведение переговоров с большевиками[1153]. Вскоре Мартов станет официальным лидером партии[1154]. Настроение уныния, преобладавшее в центристской и правой части партии на чрезвычайном декабрьском съезде, остроумнее всего выразил один из лидеров меньшевизма, М.И. Либер. «Ленин давал нам еще слишком

[1152] Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей… С. 286-287, 290.

[1153] Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября – конец декабря // РСДРП (О) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 308.

[1154] Мурашов Л.Г. Меньшевики и проблема «однородно-социалистического правительства» во время переговоров при Викжеле // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право. 1991. Вып. 1. С. 29, 33.

долгий срок. В действительности нам пришлось бы уйти от власти еще раньше»[1155].

Аналогичные процессы происходили и в эсеровской партии, лидер которой В.М. Чернов полагал, что переживаемый страной кризис объясняется прежней ошибочной тактикой эсеровской партии, терпимо относившейся к Временному правительству[1156]. Необходимо добиваться создания чисто социалистического правительства, но не в большевистском, а в демократическом варианте[1157].

Такая позиция эсеров и меньшевиков логически завершала их сентябрьскую политику, когда они перешли в оппозицию к Керенскому. Но попытка убедить большевиков согласиться на формирование правительства из всех социалистических партий была изначально обречена. Не для того же большевики завоевывали с такими усилиями власть, чтобы тут же передать ее назад эсерам. Лучше всего настроения большевиков в тот момент определил Л.Д. Троцкий, назвав в своем выступлении на II съезде Советов эсеров и меньшевиков жалкими банкротами, которых надо выбросить в сорную корзину истории[1158].

Ни об одной идее не говорили в те дни столько, сколько о создании широкого социалистического правительства – от народных социалистов до большевиков, но ни одна другая идея не была такой мертворожденной, и ни одна из обсуждавшихся в 1917 году идей не имела так мало шансов на успех. Не надо забывать: большевики и эсеры сражались на одном поле, делая ставку не на узкое соглашение с «верхами» общества, а на массовые слои населения. Эсеры претендовали на выражение интересов самого многочисленного класса – крестьянства, и значит, не потерпели бы рядом с собой другой, столь же влиятельной партии. Большевики, тем более могли иметь успех только в том случае, если бы находились на вершине власти в одиночестве. При наличии эсеров во власти они являлись бы лишь второй партией, а это их никак не устраивало.

[1155] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 (об).
[1156] История политических партий России… С. 194; Чернов В.М. Указ. соч. С. 345-346.
[1157] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
[1158] Кабанова Л.В. Общественно-политическая жизнь России: 1917-1929. Ярославль, 2004. С. 38-39.

Заявления В.И. Ленина о возможности длительного союза с эсерами, как правило, делались в острых конфликтных ситуациях и были исключительно тактическим ходом. Так, за месяц до октябрьского переворота, в период, когда у эсеров еще сохранялась возможность единоличного прихода к власти, способного сорвать намечающуюся победу большевиков, Ленин, пытаясь склонить эсеров к союзу, писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»[1159].

Столкновение эсеров с большевиками выглядело неизбежным. И потому все попытки эсеров и меньшевиков убедить большевиков в желательности формирования совместного правительства лишь оттягивали это столкновение, давая большевикам время для укрепления позиций, и не позволили эсерам и меньшевикам использовать против них сохранявшиеся за ними значительные ресурсы. Большевики использовали предоставленное время для укрепления полученной с таким трудом власти.

Чисто внешне действия большевиков по захвату власти носили анархический характер и расценивались как вооруженный мятеж против законной власти. Но в действительности это было началом собирания страны! Большевики делали то, чего не сумела сделать прежняя власть: восстанавливали единство центральной и местной власти. Впервые после Февраля образованное ими центральное правительство (Совет народных комиссаров) получило поддержку от губернских властей, в лице губернских Советов рабочих и солдатских депутатов, к которым перешла власть на местах.

В последнее время большевикам зачастую отказывают в праве быть политической партией, равной всем остальным, «законным» февральским партиям – эсерам, меньшевикам и кадетам. Расценивают линию большевиков как

[1159] Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. *Пугают гражданской войной* // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222.

действия, хотя и сплоченной, но небольшой экстремистской группировки, подрывавшей порядок и законность в стране[1160].

Каким был «порядок» в Феврале, мы уже показали. Что касается большевистской партии как организационной структуры, ее численность не уступала большинству других февральских партий. Накануне Октября большевики находились на высоком втором месте, бесспорно, превосходя по численности кадетов и меньшевиков и уступая лишь эсеровской партии, с которой тогда никто не мог конкурировать. Следовательно, большевики имели не меньшие права на власть, чем остальные партии. Однако, учитывая грандиозность задач, за решение которых брались большевики, численность их была действительно невелика, менее 0,2 от 1 % населения, то есть 1/500. Для партии, претендующей на полновластное управление, этого было, конечно, мало. Большевики чувствовали себя каплей в безбрежном народном море.

И хотя порой в полемическом запале большевики утверждали, что за ними идет большинство народа, они всегда понимали, что реально за ними стоит меньшинство. Народ шел за ними лишь потому, что они выглядели более радикально по сравнению с другими партиями. Но он всегда мог от них отвернуться. Ленин признавал это и неоднократно говорил, что народ, по меньшей мере, в сто раз радикальнее большевиков[1161]. В отличие от других партий, доктрины которых исходили из предположения, что они будут управлять страной лишь при условии поддержки большинством населения, большевики заблаговременно готовились к тому, что им придется управлять, находясь в меньшинстве. Стержнем, вокруг которого они собирались строить новую власть, и была партия. Большевики отличались от других тем, что всегда уделяли повышенное внимание организационному развитию сети партийных структур. Чтобы несколько сотен тысяч большевиков управляли многомиллионной некоммунистической Россией, необходимо было все свои действия подчинять единому целому – партии, где поддерживалась жесткая дисциплина.

[1160] Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. С. 7, 182.
[1161] Ленин В.И. На зубок новорожденному… «новому правительству» // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 35.

Большевики стремились подчинить партии действия любых государственных структур. Тогда как эсерам, руководившим на протяжении большей части Февраля большинством государственных учреждений, почти всей местной и региональной властью, все это было излишне. Для достижения успеха им было достаточно простой координации действий подконтрольных им учреждений. Но в том-то и дело, что никакой координации у эсеров не было! Каждый орган, подчиненный их партии, действовал сам по себе, и она даже не пыталась использовать этот потенциал в своих интересах. Многие эсеры, возглавлявшие различные органы власти, думали о сугубо личных интересах. Среди них было немало людей с чувством мелкого честолюбия, хотевших получить как можно больше личной власти. Это были не лидеры народа, а себялюбивые тщеславные эгоисты. Один из современных историков В.П. Булдаков очень метко назвал таких людей вожаками. Нередко дело доходило до того, что те или иные органы, в которых были представлены эсеры, начинали борьбу между собой[1162].

Большевики, в отличие от эсеров, поняли, что победу в политической борьбе как раз одержит сила, которая будет преобладать не в столице, а на местах[1163]. Имея там доминирующее положение, можно захватить власть и в центре. Большевики начали осуществлять этот план еще в апреле. Весной и летом они укрепили влияние в провинции, а осенью приступили к практическому выполнению главной части замысла – захвату центральной власти. Реализован план был в октябре. Используя ключевые позиции партийных представителей в местных Советах, они получили большинство на II съезде Советов, решавшем судьбу власти[1164].

Основные события Октября происходили в провинции. Большевистская партия в те дни, когда ею захватывалась власть в Петрограде, одновременно осуществляла переход власти к себе по всей стране. Каждое партийное звено отвечало при этом за конкретный участок работы. ЦК давал указания

[1162] Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 36.
[1163] Напомним, что в распоряжении эсеров была именно местная власть.
[1164] За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917-март 1918. Ярославль-Кострома, 1967. С. 88; Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сборник документов и материалов. Ярославль, 1957. С. 255.

нижестоящим партийным структурам (областным комитетам), а те, в свою очередь, выполняли координирующую роль, аналогичную ЦК, для губернских комитетов. Областные комитеты руководили действиями партийных работников нескольких соседних губерний[1165].

Областные комитеты занимались разработкой паролей для всех губернских центров и крупнейших уездных городов, находившихся в их подчинении - для каждого города специально принимался отдельный пароль. Эмиссары областных комитетов примерно за неделю до октябрьского переворота выезжали в подведомственные города и указывали данный пароль. Местные большевики должны были получить его в виде телеграммы. Получив текст такой телеграммы, они должны были понимать, что в это время их партия в Петрограде начинает захват власти и, не дожидаясь официальных сообщений из столицы, действовать на своем уровне. Так, в Ярославле паролем были слова: «Конференции никто не будет». Эта телеграмма была получена в Ярославле 25 октября, около 12 часов дня[1166].

Эмиссары областных комитетов (а действиями верхневолжских большевиков руководил Московский областной комитет) обращали внимание местных большевиков, что власть переходит не к Советам, а к партии. «Задачей партии является взять на себя руководство движением и подготовить массы и массовые революционные Советы к захвату власти»[1167]. Партийные представители инструктировали коллег на местах, что партия должна быть готова в случае необходимости к вооруженному захвату власти. Они поручали губернским партийным комитетам посылать активистов в уездные и сельские организации для проведения там военно-боевой работы и сбора сведений военно-технического характера о каждой местности, чтобы знать на помощь каких сил можно рассчитывать в случае осложнения дел в Москве или в других городах. Областное бюро настраивало губернские партийные организации в случае возникновения

[1165] Аннин Г.П. Указ. соч. С. 104, 107.
[1166] Жохов М. Сигнал восстания // Северный рабочий (Ярославль). 1974. 6 ноября.
[1167] ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 45.

осложнений разрешать все вопросы не компромиссным путем, а идти на открытый конфликт[1168].

О том, как готова была действовать описанная выше система, показывают события в Москве. Здесь большевики не смогли взять власть мирным путем, и им потребовались «военно-боевые операции». 26 октября орган, созданный в Москве большевиками – военно-революционный комитет (ВРК) - попытался захватить власть, послав двух комиссаров принять командование Кремлем и раздать оружие красногвардейцам. Но большевики, проникшие на территорию Кремля, были окружены, и 28 октября контроль над городом перешел к сторонникам февральской власти. Кремль был освобожден от большевиков. Для них сложилась критическая ситуация.

Однако ВРК вступил в переговоры с городским головой, эсером В.В. Рудневым. Переговоры длились три дня (с 28 по 30 октября) и позволили большевикам выиграть время, стянув подкрепление из близлежащих пригородов и промышленных городов. Революционный комитет, оценивавший положение в ночь с 28 на 29 октября как критическое, два дня спустя чувствовал себя настолько уверенно, что в одностороннем порядке разорвал переговоры и начал наступление. Утром 2 ноября власть в Москве была захвачена[1169].

Центральное большевистское правительство, сформированное 25 октября, уже через несколько дней получило поддержку губернской власти. В Верхнем Поволжье переход власти на губернском уровне большевики завершили к концу октября: 27 октября власть сменилась во Владимире и Ярославле, а 29 октября в Костроме[1170].

Таким образом, действия большевиков следует расценивать не как анархические, разрушительные, а, напротив – восстановительные. Октябрьские события 1917 года были похожи на заговор, но проведенный скоординировано, одновременно по всей стране. Большевики в октябрьские дни проделали громадную собирательную работу по объединению страны в руках одной

[1168] Аннин Г.П. Указ. соч. С. 109-111.
[1169] Пайпс Р. Указ. соч. С. 174-175.
[1170] ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 149а. Л. 288; ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 34. Л. 12; Бланк А.С. Владимир (Краткий очерк истории города). Владимир, 1954. С. 53.

политической силы и восстановлению порядка в России. По сути, Октябрь, как второй этап единой революции, выполнял задачи, решаемые обычно контрреволюцией. Поэтому мы вправе полагать, что в русской революции именно Октябрь оказался своеобразным русским Термидором. Он прервал самые разрушительные действия революции, выражавшиеся в «празднике непослушания» широких масс. Восемь месяцев наиболее массовые народные слои, крестьяне и солдаты, отказывались подчиняться новой власти, захваченной неподготовленной к управлению интеллигенцией. Теперь начиналось пусть и медленное, но последовательное возвращение к порядку, постепенное преодоление хаоса в стране. Губернии переподчинялись центру, а уезды и волости губерниям. И страну скрепляли действия большевиков.

Большевики, приходя к власти, становились страстными поборниками централизации, строгого подчинения местных властей центральной. 8 ноября эту мысль высказал в Костроме председатель местного партийного комитета Н.П. Растопчин, заявивший, что большевики, силой захватившие власть, стали государственниками[1171]. Они делали то, что не смогло выполнить прежнее правительство – централизовали власть. Они видели в Советах местные правительственные органы, призванные неукоснительно выполнять директивы центра и напрямую подчиняющиеся как центральному правительству – Совету народных комиссаров, так и областным, губернским и уездным объединениям Советов

Надо отдать должное большевикам: они действовали очень осторожно и методично. В первые дни брали власть лишь там, где могли ее удержать. Направляя главные усилия на получение власти в губернских центрах, а в уездах захватывали власть только там, где имели заведомое большинство. В Верхнем Поволжье такими городами были Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Гусь-Хрустальный, Ковров, Орехово-Зуево[1172]. В тех же уездных городах, где наблюдалось примерное равновесие между большевиками и умеренными

[1171] Поволжский вестник (Кострома). 1917. 11 ноября.
[1172] ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 19. Л. 194 (об.); Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 1. 1892-1917. Иваново, 1963. С. 450, 459-460; Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1957. С. 144-150.

социалистами, не предпринимали резких действий, способных кардинально изменить соотношение сил. Так, в Ярославской губернии такими городами были Ростов и Рыбинск. В Ростове местный Совет под воздействием большевиков высказался за Советскую власть, то есть за поддержку нового правительства, но воздержался от захвата власти в городе «до тех пор, пока не будет указаний из центра». В Рыбинске 3 ноября Совет принял похожую резолюцию о том, что власть на местах должна принадлежать Советам[1173].

Такая тактика приносила огромную пользу, поскольку эсеры, смирившись с тем, что власть находится у большевиков, полагали, что с ними вполне можно договориться, и сосредоточили усилия на выборах, надеясь сплотить оппозиционные большевикам социалистические силы под лозунгом защиты Учредительного собрания. Они верили, что если выборы принесут им большинство, большевики возвратят власть[1174].

Но в борьбе все решает фактор силы. И главной целью большевиков стало ослабление популярности эсеровской партии. С этой целью большевики выставляли эсеров в глазах народа как пособников контрреволюции. Не своих конкурентов по борьбе за власть, как это было на самом деле, а заведомых реакционеров, пособников буржуазии и помещиков. Конфликту, происходившему внутри социалистического лагеря, большевики хотели придать видимость борьбы с контрреволюцией: «борьба ведется… между трудящимися и трутнями буржуазией… борются два класса – пролетариат и буржуазия». Влияние настоящей буржуазии было тогда на самом деле невелико[1175].

Владимирские большевики писали о местных эсерах: «… Владимирский губернский крестьянский Совет во главе с партией социалистов-революционеров обратился к крестьянам Владимирской губернии с воззванием противодействовать рабочим и солдатам в их борьбе против деревенской и городской буржуазии. Крестьяне… должны ответить, с кем Вы?… с предательской оборонческой партией социалистов-революционеров или с

[1173] Козлов П.И., Резвый Н.И. Указ. соч. С. 153-154, 157, 162.
[1174] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. М., 1957. С. 402-405, 409-412.
[1175] Голос народа. 1917. 27 октября.

революционной партией рабочих, солдат, крестьян, партией большевиков (интернационалистов)»[1176].

Эсеры мешали полному установлению большевистской власти хотя бы тем, что в их распоряжении сохранялись самые многочисленные крестьянские Советы. Большевики уверяли, что осуществляют власть от имени Советов, но пока у эсеров оставались Советы крестьянских депутатов, говорить о единой системе Советов не приходилось. На II съезде Советов, формировавшем большевистское правительство, делегаты Советов крестьянских депутатов отсутствовали. Крестьяне пока еще продолжали поддерживать эсеров, и большевики не могли самостоятельными усилиями вырвать Советы из их рук.

И здесь большевикам неоценимую услугу оказало левое крыло эсеровской партии, в ноябре 1917 года сформировавшее новую партию – левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Левые эсеры были уже давно недовольны действиями партийного большинства, не решавшегося на создание чисто социалистической власти. Как и большевики, они считали, что главными органами власти должны стать Советы[1177]. Левые эсеры и вывели из-под влияния основной части партии Советы крестьянских депутатов. Большевики, чтобы привлечь левых эсеров, не претендовали на лидерство в них, ограничиваясь там ролью союзников, поддерживающих партнеров по коалиции.

На общероссийском уровне левые эсеры обеспечили присоединение Советов крестьянских депутатов к большевистскому ВЦИКу 3 декабря, добившись раскола II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Решающим стало то, что левые эсеры убедили правоэсеровскую мандатную комиссию к 489 крестьянским депутатам дополнительно присоединить 294 солдата, 250 из которых являлись сторонниками большевиков и левых эсеров. При расколе съезда выяснилось, что из 347 депутатов, защищавших позицию эсеров, по меньшей мере, 263 крестьянина были избраны на съезд от губернских и уездных Советов

[1176] Голос народа… 1917. 31 октября.

[1177] Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Из истории политических партий между двумя революциями. Л., 1973. С. 305, 306; Марченкова Н.П. Возникновение левоэсеровских организаций в центральном промышленном районе (лето-осень 1917 г.) // Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей. М., 1989. С. 131.

(согласно принятой процедуре), а из 428 вставших на позиции власти – не более 178. Остальными оказались присоединенные в последний момент солдаты[1178].

Хотя крестьянское большинство по-прежнему шло за эсерами, левые эсеры успешно выполнили свою задачу при помощи солдат. На местном уровне сделать это было значительно сложнее: процесс присоединения провинциальных Советов крестьянских депутатов затянулся до февраля 1918 года. По существу левые эсеры сыграли в этом процессе роль, аналогичную кадетской партии и вообще либералам в феврале 1917 года. Тогда кадеты позволили избежать прямого столкновения монархической власти с социалистическими партиями, начавшими революционный переворот, теперь же левые эсеры предотвратили лобовое столкновение эсеров с большевиками. Вместо столкновения с противниками эсеры вынуждены были защищаться от бывших товарищей по партии. Как в Костроме, где 26 ноября 1917 года на уездном съезде крестьянских депутатов едва не произошла драка между правым эсером – Потехиным и левым – Зиминым[1179].

Совместная деятельность большевиков и левых эсеров в том же Верхневолжье привела в конце декабря к объединению губернских Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов во Владимире и Костроме (в Костроме это случилось 31 декабря) и там установилась единая Советская власть. В Ярославле объединение Советов завершилось позже, с 20 по 23 февраля 1918 года, но и здесь фактически объединение состоялось в декабре. С 18 декабря все три руководящих органа различных Советов, Исполкомы, работали совместно. Кроме того, к декабрю 1917 года Советская власть установилась и во многих уездах Ярославской губернии[1180].

В ноябре 1917 года большевики заключили союз с левыми эсерами и на правительственном уровне.[1181]. Укрепление власти на местах и

[1178] Пайпс Р. Указ. соч. С. 207, 209; Политические деятели России. 1917 год. Биографический словарь. М., 1993. С. 399-400, 401; Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917-ноябрь 1918. М., 1992. С. 127.
[1179] Воля народа. 1917. 30 ноября.
[1180] За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917-март 1918. Ярославль-Кострома, 1967. С. 123; Козлов П.И., Резвый Н.И. Указ. соч. С. 147, 149-150, 155-156, 158.
[1181] Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 127-128.

правительственный блок с левыми эсерами помогли большевикам удержать власть и распустить Учредительное собрание, где все-таки большевики оказались в меньшинстве[1182].

Борясь за созыв Учредительного собрания, эсеры стремились предстать перед народными массами в образе патриотов, противодействующих иностранному вторжению (Германии). И утверждали, что большевики разогнали Учредительное собрание «по приказу немцев»[1183]. На самом деле созыв данного Учредительного собрания, с предоставлением ему полной свободы действий, ввергал Россию в гораздо более страшную гражданскую войну, чем имевшая место в 1918-1920 годах.

Как писал американский экономист Ч.П. Киндлебергер «Бывают времена, когда нельзя нарушать правила и принципы, но бывают и другие времена, когда опасно соблюдать их»[1184]. Неопытность эсеров и меньшевиков, намеревавшихся дать крестьянам неограниченную свободу, делало неминуемым обострение конфликта в деревне. Русская императорская армия, абсолютно разложившаяся и еще не демобилизованная, неминуемо вмешалась бы в гражданскую войну, развернувшуюся вскоре в деревне. Причем обеими частями армии: и солдатско-крестьянской, и офицерско-дворянской. Итогом их ожесточенной борьбы должна была стать оккупация России военными силами иностранных государств обоих блоков: и Антанты, и Четверного союза. Такое развитие событий вело к разделу России. Тем более многие территории были настроены на выход из состава России, и их желания при этом могли получить весомую поддержку от находящихся в стране оккупационных войск.

Объективный анализ политической ситуации рубежа 1917-1918 годов показывает, что если бы большевики пришли к власти после начала работы Учредительного собрания, их победа оказывалась совершенно бесполезной для восстановления территориального единства. Учредительное собрание, с преобладанием в ней партии эсеров, запускало спусковой механизм распада,

---

[1182] Протасов Л.Г. Депутаты Всероссийского Учредительного собрания: проблемы идентификации // Отечественная история. 2008. № 2. С. 43.
[1183] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.
[1184]Цит. по: Галин В.В. Запретная политэкономия. Революция по-русски. М., 2006. С.182.

остановить который становилось невозможным и при применении сверхжестоких мер. Успешный созыв избранного осенью 1917 года Учредительного собрания, с предоставлением ему всей полноты власти, ввергал Россию в процесс дробления страны, вплоть до волостного уровня. Суть распада заключалась не только в эгоизме отдельных национальных образований (Польши, Финляндии, Украины), но и в разрушении социальной ткани государства в центральных районах страны. Так, никто не собирался отделяться от России в Верхнем Поволжье – Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Однако крестьяне, привыкавшие к независимой от государства свободной жизни, мыслили мерками своей волости, максимум уезда или губернии. Россия крестьянская неминуемо перешла бы на существование в рамках изолированных мирков – общин. В условиях, когда каждая община жила бы исключительно внутренней жизнью, России предстояло исчезнуть с географической карты[1185].

Негативно оценивает роль умеренных социалистов в революции кадет Г.А. Ландау в рукописи «Противоречия революционной демократии». Ландау признавал, что если рассматривать революцию в объективном протекании, то нет двух противоположных периодов, дооктябрьского и послеоктябрьского, а есть непрерывно развертывающееся движение. Октябрьское восстание знаменует только точку самовыявления существовавшего ранее явления. Это разрыв, происшедший в господствующих группах. Переход власти от сил, называвших себя революционной демократией, к большевикам означал победу одной социалистической коалиции над другой. В лице меньшевиков (и эсеров) революционная демократия не сумела возглавить стихию народной смуты. Меньшевики старательно развязывали стихию, давали ей разгон и пытались при этом ее сдерживать и ею руководить. Только в большевизме стихия нашла своего выразителя. Меньшевики, желая реализовать социалистическую программу, делали дело, которого не понимали, и готовили события, которых не предвидели. «В октябрьском перевороте российская интеллигенция потерпела, в качестве

[1185] Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901-1939. История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. М., 2002. С. 157-161.

самостоятельной силы, решительный крах перед лицом народной стихии, ею развязанной и в большевиках нашедшей свое выражение и своих руководителей»[1186].

Учредительное собрание было бессильно вывести страну из кризиса. Предотвратили распад России, запущенный Февралем и нашедший логическое завершение в курсе эсеров на созыв Учредительного собрания, только большевики. Их курс направлялся на централизацию страны. В этом и заключалась главная сущность октябрьских событий. Захватив власть за две с половиной недели до выборов в Учредительное собрание, они не допустили самостоятельности собрания, существенно ограничив его правомочия, что позволило сохранить основы российской государственности.

Сразу же после роспуска Учредительного собрания большевики расправились с государственными учреждениями, в которых преобладали эсеры (городские думы и земства). Эти структуры являлись опорными пунктами эсеров, и, используя их, они вели отчаянную борьбу за созыв Учредительного собрания[1187]. Роспуск большевиками учреждений, открыто отказывающихся подчиняться новой власти, был естественен и логичен. Прекратили существование и другие органы, зависимые от эсеров: комитеты общественной безопасности (КОБы), прежде являвшиеся главными на местах, а с лета 1917 года переместившиеся на периферию управления, а также институт губернских и уездных комиссаров.

После того как все властные рычаги сконцентрировались у Советов, стало ясно, что большинство внутри них, достаточное для проведения необходимых решений, находится у большевиков, и левые эсеры не могут этому противостоять. Даже сильные позиции в местных Советах, как это было у левых эсеров в Костроме, все равно оставались, пусть и значительным, но меньшинством – там в губернский Исполком входили 12 левых эсеров и 13 большевиков[1188]. Фактически Советы попали под полный контроль партии большевиков, и в июле – августе

[1186] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 97-98.
[1187] Поволжский вестник. 1917. 3 декабря.
[1188] Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 147.

1918 года те с внешним соблюдением демократических процедур, простым большинством голосов, исключали из Советов бывших партнеров по ноябрьско-январской коалиции.

Летом 1918 года большевистская партия подчинила себе Советы и в законодательном порядке. Их партийные фракции в Советах переподчинялись партийным комитетам. Наиболее принципиальные вопросы, принимаемые Советами, было признано необходимым предварительно обсуждать на партийных собраниях. И партийные фракции в Исполкомах, то есть сами Исполкомы, как органы государственной власти, поскольку к лету 1918 года их прочно контролировали большевики, в организационном отношении переходили в подчинение соответствующим партийным комитетам. Руководство Советов отныне попадало в зависимость от партийного руководства[1189].

Следовательно, к лету 1918 года большевики выполнили необходимую для страны задачу – восстановили вертикаль власти. Это привело к вытеснению из власти остальных партий. Хотя представители других партий и позднее нередко входили в советские учреждения, отныне они неизменно оказывались в меньшинстве и серьезно не влияли на вырабатываемые в них решения.

Белое движение в начальный период было еще слишком слабым и фактически существовало только на юге страны, не имея пока всероссийского охвата. Первая операция, предпринятая белыми («ледяной поход»), началась в феврале 1918 года и проходила вдалеке от основных центров страны. В ней участвовало не более 4000 человек, и основные ее действия разворачивались на Кубани[1190]. Самой значительной военной акцией во время Ледяного похода стал неудачный штурм белыми Екатеринодара. Во время штурма произошло событие, возможно определившее всю последующую судьбу Белого дела. Погиб Л.Г. Корнилов, претендовавший на роль национального лидера[1191].

И все-таки в начале 1918 года белые находились на периферии антибольшевистских сил, поскольку в стране еще была довольно сильна

[1189] Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии… С. 271, 272.
[1190] Ушаков А.И., Федюк В.П. Указ. соч. С. 303, 314-315.
[1191] Там же. С. 357-359.

популярность социалистов, и после разгона Учредительного собрания к вооруженной борьбе с большевиками перешли эсеры.

Несколько месяцев эсеры проводили двойственную политику: с одной стороны, они еще не отказывались от легальных средств борьбы, а с другой – были готовы перейти к вооруженному противостоянию с большевиками. Советы расценивались ими как «отмирающие организации рабочего класса», но уход эсеровских фракций из Советов признавался пока нецелесообразным. Весной 1918 года ЦК эсеров призывал в отношениях с большевиками наращивать конфликтность, но по возможности как можно дольше оставаться в рамках советской легальности. Если же «яркая политика наших фракций в “Совдепах” приведет к их исключению из Советов, партийные организации должны использовать эти случаи для самой широкой депопуляризации Советов в рабочих массах»[1192].

Изменило ситуацию восстание чехословацкого корпуса, образовавшегося из пленных летом 1917 года[1193]. В конце декабря чехословаки объявили себя частью армии, формировавшейся во Франции для продолжения борьбы в Первой мировой войне, уже с Германией, за право создания независимого чехословацкого государства[1194]. В феврале 1918 года большевистские власти разрешили им переправиться во Францию окружным путем - через Владивосток. Но после заключения большевиками в марте 1918 года Брестского мира с Германией, французы возможность образования чехословацкого государства обусловили помощью чехословаков антибольшевистским силам России. Началось втягивание чехословацкого корпуса в гражданскую войну[1195].

Участник тех событий чех В.Штейндлер писал: «Наши победы стали импульсом к местным антибольшевистским переворотам под руководством социалистов-революционеров, которые… давно до нашего выступления и

[1192] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
[1193] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 (об.).
[1194] Пайпс Р. Указ. соч. С. 302-303.
[1195] Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1987. С. 33-34.

независимо от него готовились к перевороту»[1196]. В связи с восстанием чехословацкого корпуса у эсеров появилась серьезная база для начала вооруженной борьбы с большевиками. Утром 8 июня отряд чехословаков и эсеровские дружины заняли Самару. В 10 часов утра в городе была объявлена власть комитета Учредительного собрания (Комуча), объявившая своей целью повторное проведение Учредительного собрания. В понимании комитета он становился зародышем собрания, состоя исключительно из числа его членов, находящихся на освобожденной от большевиков территории. Отношения с правительством, которое требовалось сформировать на период до повторного созыва собрания, виделись комитету как отношения «между законодательной и исполнительной властью в парламентарных странах»[1197].

ЦК партии социалистов-революционеров принял решение поддержать выступление однопартийцев в Самаре, направив туда делегацию во главе с В.М. Черновым. В Самаре, куда приехало около 100 депутатов, вошедших в структуру съезда членов Учредительного собрания, реальная власть оказалась у организационных структур партии эсеров[1198]. Но крестьяне неожиданно для эсеров оттолкнули чисто партийную политику Комуча. Их недовольство вызвал набор в армию, начатый в разгар полевых работ. Безмолвие деревни вызвало ярость у эсеров[1199]. Не белые, и не большевики, а именно эсеры с целью мобилизации крестьян в ряды своей армии, названной ими «народной», начали подвергать непокорные деревни артиллерийскому огню[1200].

Несмотря на формальное возобновление работы местных муниципальных органов, распущенных большевиками, на территории Комуча царила диктатура, более жестокая, чем в Советской России. Комуч, состоявший почти исключительно из эсеров, постановил: «Признать недопустимым вхождение в состав комитета членов Учредительного собрания большевиков и левых эсеров,

---

[1196] Цит. по: Силаева О. Осколки демократии: после разгона Учредительного собрания // Народный депутат. 1991. № 14. С. 116.
[1197] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Л. 2-3.
[1198] Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. М., 2005. С. 198, 200, 201; Силаева О. Осколки демократии… С. 116.
[1199] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.
[1200] Кабанова Л.В. Указ. соч. С. 120.

как партий, отвергших Учредительное собрание». Большевистскую партию объявили находящейся вне закона[1201]. Специальные уполномоченные, назначаемые Комучем, имели право приостанавливать любые распоряжения местных властей, заключать под стражу неугодных им лиц, а также закрывать собрания и съезды[1202].

При этом единственной реальной защитой Комуча становились чехи. Хотя Комучу удалось набрать в армию 30 тысяч человек, они не представляли серьезной военной силы. К тому же по решению Антанты армиями Комуча командовали чехи. По существу эсеры создали свою власть в Самаре не по причинам сильной популярности в народе, а из-за покровительства бывших союзников, желавших, чтобы Россия вновь продолжила участие в Первой мировой войне[1203].

В это же время были образованы и другие антибольшевистские правительства на Урале и в Сибири, опиравшиеся на более широкую партийную коалицию, от кадетов до эсеров. Но основная сила в них была на стороне кадетов и более консервативных сил[1204].

Раскол назревал и в рядах эсеровской партии. Часть эсеров, параллельно входивших в Союз возрождения России, сотрудничала с группой военных, из которых наибольшее влияние имел генерал В.Г. Болдырев[1205]. По инициативе эсеров, входивших в СВР, несмотря на натянутые отношения между Самарой и Омском - местами размещения основных противодействующих большевикам правительств, в 20-х числах сентября 1918 года начались переговоры о создании органа, координирующего деятельность разрозненных антибольшевистских сил. Таким объединительным органом явилось постоянно действующее в Уфе Государственное совещание[1206].

[1201] Кабанова Л.В. Указ. соч. С. 119.
[1202] Там же. С. 119.
[1203] Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 154-155, 156.
[1204] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 6, 7.
[1205] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 70. Л. 2; Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
[1206] Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 8-9; № 3. С. 7.

На одном из первых его заседаний была сформирована Директория – высший орган государственной власти на территории, освобожденной от большевизма. Одной из центральных задач Директории признавалось проведение не позднее 1 февраля 1919 года Всероссийского Учредительного собрания, при условии наличия кворума не менее 170 депутатов[1207]. Эсеры сохранили сильные позиции внутри Директории, где сложилось паритетное соотношение сил между сторонами.

Правые обвиняли умеренных социалистов в пособничестве большевикам. «На социалистических партиях (*меньшевиках и эсерах – С.Х.*) лежит большая ответственность за рост в стране разлагающего революцию большевистского влияния. Создав себе справа призрак “контрреволюции”, российские социалисты не уставали дружить с большевиками, пока не поставили вконец измученную страну перед фактом гражданской бойни и пока не оказались сами в положении “предателей” и “контрреволюционеров”». «На словах – социалистические партии обещали земной рай. На деле – они развалили русскую армию, разрушили всякую власть и всякий порядок, посеяли двоевластие, многовластие и безвластие (анархию), поощряли бездельничанье и разрушили промышленность. В результате голод»[1208].

Разрушил временно установившееся равновесие лидер эсеров В.М.Чернов, который с самого начала выступал против сотрудничества партии с более правыми кругами, и критиковал уступки, допущенные его однопартийцами при создании Директории[1209]. 24 октября ЦК партии принял резолюцию, предложенную Черновым, практически отвергавшую достигнутые ранее соглашения. Известный под именем «черновского манифеста» документ гласил, что в борьбе между большевизмом и демократией «последней начинают угрожать контрреволюционные элементы, внедрившиеся в нее с тем, чтобы ее разрушить». Поддерживая Директорию в ее борьбе с комиссарской властью, «все силы партии в настоящее время должны быть мобилизованы, обучены военному делу и

[1207] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 70. Л. 2-2 (об.).
[1208] Поволжский вестник. 1917. 1 ноября.
[1209] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Л. 12-13.

вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта»[1210]. Документ привел военных в бешенство.

Выход этого документа подвел черту под временным союзом либералов и эсеров. Генерал В.Г. Болдырев, командовавший вооруженными силами Директории, записал: «Манифест свидетельствовал: ЦК эсеров возобновил свою “вероломную деятельность”, объявив о намерении сформировать новое правительство и тайно начав собирать военные силы – это было не что иное, как государственный переворот слева». Председатель Совета министров П.В. Вологодский и генерал Болдырев потребовали арестовать ЦК эсеров. Против авторов документа было возбуждено уголовное дело[1211].

В это время несколько офицеров и казаков обратились с просьбой к адмиралу А.В. Колчаку принять власть. Адмирал, всего около двух недель назад назначенный Директорией на должность министра обороны, только что вернулся из заграничной командировки. Колчак придерживался типичных взглядов для военного по отношению к социалистам. Но главным в тот период считал борьбу с большевизмом, поэтому, хотя его взгляды были гораздо правее эсеровских, с отдельными их представителями типа Авксентьева и Зензинова, он готов был сотрудничать, при условии их организационного разрыва с партией. И первоначально Колчак отказался от сделанного ему предложения[1212].

Сторонники военной диктатуры решили сами произвести военный переворот. В полночь с 17 на 18 ноября отряд казаков под предводительством атамана И.Н. Красильникова ворвался на частное заседание, проходившее в резиденции заместителя министра внутренних дел, эсера Е.Ф. Роговского. В числе присутствующих было несколько эсеров, в том числе Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов. Эти двое и хозяин были арестованы. Заместителя Авксентьева – А.А. Аргунова, арестовали той же ночью[1213].

[1210] Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 50; Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 3, 4.
[1211] Пайпс Р. Россия при большевиках… С. 50-51.
[1212] Там же. С. 51.
[1213] Там же. С. 51.

В 6 утра 18 ноября Кабинет министров - орган, выделенный из Директории - собрался на экстренное заседание. Падение Директории было признано свершившимся фактом, и Колчак согласился принять всю полноту власти, но лишь временно. Большинство министров считало необходимым передать власть единоличному военному диктатору. Колчак предложил кандидатуру главнокомандующего Болдырева, но ее отклонили на основании того, что генерал не может оставить своего поста, так как руководит фронтом. Кабинет избрал Колчака. Болдырев, узнав об этом решении, предложил Колчаку подать в отставку, заявив, что в противном случае армия не будет исполнять его приказов. Колчак не прислушался к предложению, и Болдырев сложил с себя полномочия[1214].

Директория в Омске была разогнана. Но как она попала в Омск, если была образована в Уфе? В начале октября 1918 года Красная армия отбила Самару, и остатки Комуча перебрались в Уфу, на некоторое время соединившись с Директорией. А в середине октября их пути снова разошлись. Члены съезда (эсеры) отправились в Екатеринбург, куда и прибыли 19 октября, а Директория - в Омск. В конце октября в Екатеринбург прибыл и Чернов[1215].

В день переворота эсеры в Екатеринбурге организовывали сопротивление. Вечером 18 ноября они постановили образовать из своей среды комитет, ответственный перед съездом, уполномочив его принять все необходимые меры для ликвидации заговора[1216]. Учредиловцы из Екатеринбурга вознамерились направить сводный отряд для восстановления в Омске «революционного порядка и законности». Но выслать в Омск отряд эсерам не удалось, так как его можно было получить только с фронта. Военные не собирались помогать эсерам[1217].

Наоборот, на следующий день в Екатеринбург для подавления эсеровского мятежа прибыл военный отряд - горные стрелки 25 Екатеринбургского горного полка. Они ворвались в гостиницу, где проживали эсеры, в полном вооружении, многие со штыками наперевес. Особенно настойчиво искали Чернова. Был

[1214] Трукан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 30.
[1215] Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету… С. 146.
[1216] Силаева О. Осколки демократии: после разгона Учредительного собрания… С. 120.
[1217]Чернов В.М. Указ. соч. С. 391-392.

смертельно ранен член Учредительного собрания эсер Н. Максудов. Военные объясняли свои действия стихийным возмущением «предательскими воззваниями эсеров»[1218]. Захваченных в гостинице учредиловцев занесли в особые списки и арестовали. По свидетельству В.М. Чернова, все ожидали бойни, но она не произошла. Военным предписывалось лишь принять меры к немедленному аресту активных членов Учредительного собрания, находящихся в Екатеринбурге. Всего было арестовано около 20 эсеров[1219].

Оставшиеся на свободе эсеры 20 ноября возвратились в Уфу под вооруженной охраной чехословаков. Антанта защищала эсеров! Секретарь съезда Н.В. Святицкий с удивлением вопрошал: «Первые в России народные избранники! От кого они убегают? От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы, какие-то чехи… Поистине есть, чему удивляться в России»[1220].

В Уфе находилось бывшее правительство Комуча, Совет управляющих ведомствами. В него теперь входило несколько человек, все эсеры: В.Н. Филипповский, П.Д. Климушкин, И.П. Нестеров, В.К. Вольский и др. Совет был одним из бывших правительств, подлежащих ликвидации в связи с созданием Директории. Такой указ последовал еще 4 ноября. Однако члены Совета под предлогом ожидания специальной комиссии, которая должна была принять дела, продолжали собираться. Под их контролем находились два так называемых батальона Учредительного собрания, насчитывавших примерно 1,5 тысяч человек и конный отряд (120-150 человек). По сравнению с армией верховного правителя Колчака это были ничтожные силы[1221].

Тем не менее, получив известие о перевороте, Совет управляющих ведомствами выпустил «Обращение к населению», в котором квалифицировал омские события как контрреволюционные, и заявил, что берет на себя всю полноту власти на территории бывшего Комуча[1222]. В Омск на имя верховного правителя Колчака из Уфы пошла телеграмма, в которой говорилось, что

[1218]Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 148-149.
[1219] Там же. С. 149.
[1220] Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 150.
[1221] Там же. С. 150-151.
[1222] Там же. С. 151.

«узурпаторская власть» никогда не будет признана, и Совет управляющих против нее готов направить свои части. Предлагалось немедленно освободить арестованных членов Директории и объявить о восстановлении прав Всероссийского Временного правительства[1223].

Это был открытый вызов силе, которая превосходила эсеров! На что они надеялись в таком случае? На помощь все тех же союзников, правительств Англии и Франции! Ведь главным инициатором интервенции явилась партия эсеров. Решение об одобрении интервенции принималось VIII Советом этой партии, проходившем в Москве с 7 по 16 мая 1918 года[1224].

Эсеры были сторонниками продолжения войны против Германии совместно с союзниками. Русской демократии, утверждали они, необходимо аннулировать Брестский мир, заключенный большевиками, и возобновить войну против германской коалиции, «ведя ее вместе со всеми противниками союза держав центральной Европы»[1225]. Член партии В.М. Зензинов, непосредственно участвовавший в переговорах с союзниками об их вторжении в Россию, подтверждал, что его партия зазывала союзников в Россию. Для нас, писал он, не существовало вопроса об интервенции. По его мнению, военная роль союзников в борьбе с Германией и ее союзниками большевиками, в случае пересечения ими границ России, ничем не отличалась бы от положения русских войск, отправленных на Западный фронт, во Францию, для войны с Германией. «Для нас, не признавших Брестского мира… борьба союзников с немцами и большевиками на территории России была не интервенцией, а войной»[1226].

Перспектива прямой борьбы с большевиками при помощи союзных десантов на Севере и Дальнем Востоке вдохновляла эсеров. «… мы доверяли обещаниям союзников и на этих обещаниях строили и свои планы, в которые ангажировали многие тысячи людей» - уточнял Зензинов[1227]. Поэтому эсеры верили, что союзники не поддержат колчаковский переворот. За Колчаком, уверяли они,

---

[1223] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах… С. 151.
[1224] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[1225] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
[1226] Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва – Самара – Уфа – Омск. Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 11.
[1227] Там же. С. 12.

стояли монархисты (в действительности, программа Колчака была ортодоксально либеральной). Западные демократии не могут иметь ничего общего с монархистами-реакционерами.

Совет управляющих направил срочную телеграмму дипломатическим представительствам США, Англии, Италии, Бельгии, Японии. В ней утверждалось: «… остатки реакционно-монархических сил, сплотившись постепенно в Сибири,… составили заговор и, свергнув Всероссийское правительство и объявив военную диктатуру адмирала Колчака, пытаются захватить власть над всей Россией для восстановления отжившего и ненавистного всей демократии монархического строя» (это была неправда!). Эти силы прикрываются демократическими лозунгами и уверяют, что действуют с ведома и согласия союзников. Молчание официальных представителей союзных правительств может создать впечатление, что так оно и есть, и поэтому Совет управляющих просит правительства и парламенты всех союзных стран прийти на помощь «русской демократии в ее трудной борьбе»[1228] (вот она истинная сущность эсеров, воистину был прав Столыпин: эсеры злейшие враги русской государственности). Поэтому они просили Запад «возвысить свой голос на защиту прав и законности, нарушенных омской монархической авантюрой»[1229].

Было решено провести 25 ноября в Уфе совещание, на котором принять план борьбы с Колчаком. В итоге план свелся к следующему: пусть Колчак считает себя верховной властью в Омске, Совет управляющих и съезд членов Учредительного собрания провозгласит себя властью в районе Волги и Камы, в результате чего произойдет возврат к положению, существовавшему до Уфимского совещания и создания Директории - Поволжье и Сибирь вновь разойдутся. Впредь до восстановления единой всероссийской власти временно вновь будет восстановлена власть прежних областных правительств. На территории Комуча – власть съезда членов Учредительного собрания и его исполнительного органа, правительства – Совета управляющих ведомствами[1230].

[1228] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах… С. 151-152.
[1229] Там же. С. 152.
[1230] Там же. С. 153.

По существу предлагавшаяся эсерами тактика означала объявление войны Колчаку. Колчак не мог допустить раскола антибольшевистских сил, и принял решение о ликвидации эсеровщины. 30 ноября он издал в Омске грозный приказ пресечь деятельность бывших членов «Самарского комитета», и предать их военному суду за попытку поднять восстание[1231].

Особый колчаковский отряд совершил рейд из Омска в Уфу и прибыл туда вечером 2 декабря. В это время на заседание собрался Совет управляющих ведомствами, и колчаковцы арестовали большинство его членов, но эсеровской верхушке во главе с Черновым опять удалось скрыться. Арестованных под конвоем отправили в Омск и поместили в тюрьму, где их присоединили к эсерам и меньшевикам, ранее арестованным в Омске и Челябинске[1232].

На первом совещании спасенные эсеровские лидеры приняли решение о прекращении борьбы с большевиками, ибо в сложившихся обстоятельствах она означает содействие реакции, «завершением которой, несомненно, будет восстановление монархии». Двойственное положение партии вызывало беспокойство у эсеров. Трудовая демократия, борясь на два фронта, конфликтуя с одним из противников, вынуждена заключать перемирие на другом фронте, что приводит к мотанию «из стороны в сторону» и утрате самостоятельности тактики. Компромиссы деморализуют партию[1233].

Создавшееся положение привело к угрозе серьезного раскола. Из партийных рядов выделилась группа «Народ», считавшая, что партия должна занять одностороннюю позицию непримиримой борьбы с антибольшевистскими силами и лояльности к большевикам. Они обвинили партийное большинство в приближении к краху. «Разнородный состав партии не дает ей в настоящий момент занять действенную революционную позицию. А состояние бездеятельности отрывает от нее группами и в одиночку наиболее активные,

[1231] Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 500.
[1232] Казанчиев А.Д. Политические партии и организации: от комитета членов Учредительного собрания до Колчака // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 386.
[1233] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 48.

революционные элементы и обрекает самое партию на дальнейшее разложение»[1234].

Для партии конфликт имел важное значение, так как в группу «Народ» входили известные партийные активисты: председатель съезда членов Учредительного собрания В.К. Вольский и член президиума съезда Н.В. Святицкий[1235]. Эсеровский ЦК, желая избежать углубления раскола, распустил группу «Народ», предупредив о несовместимости пребывания в данном объединении с нахождением в партии[1236].

Действия этой группы в итоге не привели к партийному расколу, конфликт удалось своевременно локализовать. Каждого члена партии обязали строго подчиняться партийным директивам. «В партии нет места товарищам, не исполняющим этого основного условия»[1237]. Партия пережила происшедший с ней кризис и осталась субъектом политической борьбы в России. Ее IX Совет, состоявшийся в июне 1919 года, был преисполнен оптимизма. «Ибо если сегодняшний день принадлежит не ей (*партии эсеров – С.Х.*), если ей не дано даже овладеть завтрашним днем, то после завтра ее победа неизбежна, так как неизбежно разрушение основного грандиозного противоречия нашей жизни – проблемы экономически мощной, но политически бесправной деревни». Партия заявляла о продолжении борьбы и с реакцией, и с большевизмом[1238].

IX Совет подчеркнул, что признание союзниками правительства Колчака рассматривает как акт, враждебный российской демократии[1239]. Отказ партии от вооруженной борьбы с большевиками не должен истолковываться как условное принятие большевистской власти, а продиктован как тактическое решение. ПСР должна внушать массам, что большевистская диктатура не переродится в народовластие без применения героических усилий самого народа[1240].

[1234] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 42.
[1235] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Л. 15, 16; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
[1236] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
[1237] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 160. Л. 2.
[1238] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 113. Л. 10,11.
[1239] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
[1240] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1.Д. 1. Л. 38.

Таким образом, позиция представителей партии, переехавших после формирования колчаковского правительства в Советскую Россию, немногим отличалась от курса, предложенного членами партии, выехавшими за пределы России. Это видно из предложений об условиях помощи союзников российским правительствам, борющимся с большевиками, сделанных в 1919 году во французской прессе бывшими членами Директории, совместно с А.Ф. Керенским[1241]. Суть их предложений заключалась в реорганизации помощи, оказываемой союзниками антибольшевистским правительствам. Помощь может предоставляться лишь тем фронтам, руководители которых признают полномочия Учредительного собрания. «Необходимо, чтобы правительства свободных народов открыто заявили, что они никогда не признают любого правительства в России… которое отвергает принцип народовластия…»[1242].

В срыве борьбы с большевиками они винили не ослабление собственных позиций, а исключительно одного Колчака, как до того кадеты обвиняли в своих неудачах одного П.А. Столыпина[1243]. Между тем Колчак сделал все, чтобы борьба с эсерами проходила в рамках какой-то цивилизованности. Он почти сразу выпустил на свободу и разрешил уехать в эмиграцию лидерам эсеров – членам Директории, арестованным в Омске в момент совершения переворота, выдав каждому из отправившихся за границу щедрое денежное пособие от 50 до 75 тысяч рублей[1244]. Особенно тем из них, кто подобно А.А. Аргунову, не представлял никакой угрозы новому колчаковскому режиму, имея репутацию солидного политического деятеля, с которым можно было цивилизованно общаться[1245].

Он не допускал внесудебной расправы и над теми эсерами, которые находились в омской тюрьме. Ситуация вышла из-под контроля Колчака с началом восстания, совершенного совместно эсерами и большевиками. Восставшие выпустили из тюрьмы всех арестованных. После подавления

[1241] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.
[1242] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 22, 23.
[1243] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах… С. 158.
[1244] Пайпс Р. Россия при большевиках… С. 53.
[1245] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

восстания 22 декабря 1918 года власти Омска издали приказ, в котором предлагали покинувшим тюрьму лицам явиться в нее добровольно. Почти все эсеры-учредиловцы добровольно вернулись назад[1246].

Вот тут военные, опьяненные ненавистью к эсерам, и учинили самосуд. Поручик Ф. Барташевский явился в тюрьму, заявив, что ему поручено отвести группу эсеров на судебное разбирательство, и лично отобрал 9 членов Учредительного собрания. Но арестанты прибыли в суд уже после закрытия судебного заседания. Тогда Барташевский вывел их на улицу и добавил к ним еще несколько человек, которые находились там же, но уже были осуждены. Группу, состоявшую из 13 человек, конвойные повели на берег Иртыша. Здесь Барташевский привел в исполнение личный «приговор», отправив заключенных, как тогда говорили, в «республику Иртыш». Все были расстреляны, некоторых добивали штыками и докалывали шашками[1247]. Среди убитых были члены Учредительного собрания, эсеры Н.В. Фомин, А.А. Брудерер, Саров, Локтев; меньшевики Марковецкий, Лиссау, фон Мекк, управляющий канцелярией съезда членов Учредительного собрания Н.Я. Барсов, журналисты Девятов, В.А. Маевский (известный социал-демократ)[1248].

Думается, что эта расправа была определенным итогом предшествующей политики эсеров. Падение Директории подводило черту под надеждами эсеров прийти к власти в России. Падение эсеров означало бесславный конец Февраля! Партии Февраля, эсеры и меньшевики, переставали быть политической силой, не сумев остаться стороной гражданской войны. Основными сторонами гражданской войны стали красные, большевики, и белые, включая либералов, то есть те политические силы, которые хотя в свое время и сделали очень много для утверждения Февраля, и были февралистами в том смысле, что являлись противниками старой императорской власти, на этапе Февраля в силу разных причин проявили недовольство установившимся режимом.

[1246] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах... С. 160-161.
[1247] Там же. С. 162-164.
[1248] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 186. Л. 1.

Февраль потерпел сокрушительное поражение. К ноябрю 1918 года окончательно выяснилось, что все попытки эсеров и меньшевиков установить свою власть обречены на провал. В течение полутора лет (с февраля 1917 года по ноябрь 1918) эсеры были самой влиятельной партией в стране. В их распоряжении находились достаточные ресурсы, чтобы установить в стране твердую власть. У них в подчинении было подавляющее большинство органов власти. Но результатом их деятельности стала разрушенная страна, раскол центральной и местных властей, развал российской армии и полная потеря авторитета России на международной арене. Эсеры привели страну к национальной катастрофе и несут ответственность за нее.

Падение авторитета власти привело к тому, что народ перестал ей подчиняться. Необходимо было восстанавливать порядок. В этом и заключалась глубинная подоплека гражданской войны. Во время гражданской войны решалось, кто будет восстанавливать порядок в стране? Этот вопрос стал актуальным для России, и партии беспорядка - эсеры и меньшевики - потерпели поражение.

На роль партий порядка претендовали две силы. С одной стороны - большевики, начавшие уже с октября 1917 года восстанавливать единство центральной и местной властей. С другой стороны, эту роль взяли на себя белые. С падением эсеровской Директории к ним перешла ведущая роль среди антибольшевистских сил. Эти политические силы были силами преодоления Февраля. Хотя все они вышли из февральской «шинели», она оказалась им слишком узкой. В результате сложилась парадоксальная ситуация: гражданская война во многом была спровоцирована действиями эсеров, глубоко негосударственнической партией, а вести кровопролитную гражданскую войну пришлось другим, государственническим силам. Вместе с тем это означало полный крах Февраля, которому не удалось остаться стороной гражданской войны. Бывшая первая сила, умеренные социалисты, превращалась в «третью». Противоречия эсеров с каждой из двух остававшихся сторон оказались непримиримы. Было очевидно, что Февраль обрушил страну, и сторонами

гражданской войны могут стать только восстановители порядка. Дилемма формулировалась тогда следующим образом: либо Колчак, либо Ленин.

Итак, приход большевиков к власти в октябре 1917 года во многом облегчил конфликт эсеров с министром-председателем Временного правительства А.Ф. Керенским, начавшийся в сентябре 1917 года на Демократическом совещании, где эсеры совместно с меньшевиками пытались добиться создания умеренно-социалистического правительства, без кадетов и либералов. Решение об его формировании было даже принято Президиумом совещания, но Керенский сорвал его своим категорическим отказом войти в состав данного кабинета. Эсеры считали, что глава правительства является непреодолимым препятствием для их вхождения во власть и легкомысленно надеялись, что, свергнув Керенского, большевики пригласят в новое правительство другие социалистические партии. Ведь без эсеровской партии функционирование никакого революционного правительства невозможно. Поэтому, вместо того чтобы в октябрьские дни 1917 года действовать совместно с Керенским и Временным правительством, они самоустранились из борьбы, и сразу же по завершении октябрьских событий выступили с инициативой образования однородного правительства с участием всех социалистических партий.

На самом деле, ни одно из выдвигавшихся в 1917 году предложений не имело так мало перспектив на реализацию, как это. Эсеры и большевики были последними реальными партиями, сохранявшими шансы на власть, и к тому же действовали в одной конкурентной среде. Ни одна из этих двух последних партий не согласилась бы, оставшись в тени, стать второй в потенциальной коалиции. Каждая из партий стремилась занять лидирующее положение. Большевики правильнее оценивали силу эсеров и потому стремились дискредитировать соперника, представив его, не как конкурента по социалистическому лагерю, а как партию, защищающую интересы буржуазии. Эсеры же, вместо того, чтобы консолидировать имеющиеся у себя силы, включая местные структуры, для быстрого вытеснения большевиков из органов власти, сосредоточили усилия на выборной кампании в Учредительное собрание. Иллюзии эсеров сильно помогли

большевикам укрепить власть: в течение двух месяцев, пока эсеры боролись за созыв Учредительного собрания, большевики, при помощи выделившейся из эсеровских рядов партии левых социалистов-революционеров, добились присоединения Советов крестьянских депутатов, твердо шедших за эсерами на протяжении февральского этапа революции, к Советам рабочих и солдатских депутатов. Когда все государственное управление сконцентрировалось в Советах, стало понятно, что у большевиков имеется достаточное большинство для отстранения левых эсеров. Советы попали под полный контроль партии большевиков.

Следовательно, действия большевиков нельзя расценивать как анархические, разрушительные. Хотя октябрьские события 1917 года были похожи на заговор, но этот заговор был проведен скоординировано, одновременно по всей стране. Большевики в октябрьские дни проделали громадную собирательную работу по объединению страны в руках одной политической силы и восстановлению порядка в России. По сути, Октябрь, как второй этап единой революции, выполнял задачи, решаемые обычно контрреволюцией. Поэтому мы вправе полагать, что в русской революции именно Октябрь оказался своеобразным русским Термидором, прервав самые разрушительные действия революции, связанные с ее февральским этапом. После октября началось пусть и медленное, но последовательное возвращение к порядку, постепенное преодоление хаоса в стране. Губернии переподчинялись центру, а уезды и волости губерниям.

Но приход большевиков к власти еще не ослабил влияния эсеров на политические процессы в стране, так как вплоть до прихода А.В. Колчака к власти в ноябре 1918 года они оставались ведущей силой в антибольшевистском движении. До этого времени возникшее осенью 1917 года Белое движение представляло периферийную силу, тогда как эсеры, возглавлявшие сопротивление большевикам, пользовались особой поддержкой Великобритании и Франции. Таким образом, содержание годичного периода, продолжавшегося с октября 1917 года по ноябрь 1918 года, заключалось в борьбе с эсерами двух политических сил, выступавших за наведение порядка в России: большевиков и белых. Дважды за

этот год эсеры терпели сокрушительное поражение. Колчаковский переворот привел партию социалистов-революционеров к окончательному краху.

Омский переворот означал бесславный конец Февраля. Февраль, когда-то имевший очень много сторонников, прощался с последними иллюзиями. В течение полутора лет эсеры были самой влиятельной партией в стране. У них в распоряжении находились достаточные ресурсы, чтобы установить в стране твердую власть. Вместо этого, результатом их деятельности стала разрушенная страна. Эсеры привели страну к национальной катастрофе и несут ответственность за нее. Теперь на повестку дня вставал этап окончательного наведения порядка.

4.3. Окончание гражданской войны. Большевики – единственная легальная партия (1918-1922 годы)

Хотя Белое движение сформировалось осенью 1917 года, в общероссийскую силу оно превратилось только с провозглашением в ноябре 1918 года А.В. Колчака Верховным правителем России, то есть после ликвидации эсеровской Директории. С этого момента белые становятся лидерами антибольшевистского лагеря и одной из двух ведущих сторон гражданской войны. Основу Белого движения составляли офицеры, главным желанием которых было восстановить порядок в стране, прекратить ее развал, начатый и в основном осуществленный Февралем. Белые считали, что к развалу страны привела острая межпартийная борьба[1249]. Как и большевики, белые хотели создать в стране единую твердую власть. Но, учитывая, что в их движение входили люди различных политических настроений (от черносотенцев до правой части умеренных социалистов), в нем не было единого взгляда на то, каким должно быть политическое устройство России. Здесь находились и монархисты, и республиканцы. Однако, несмотря на то, что

[1249] Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 96-97, 98.

февральский разлом усилил тягу общества к консервативным настроениям, в белой среде было не так уж много монархистов[1250].

В июле 1918 года один из известнейших кавалерийских генералов, граф Ф.А. Келлер, командовавший накануне Февраля третьим конным корпусом, ставшим знаменитым в ключевые периоды революции (в дни корниловского мятежа и большевистского переворота, когда им соответственно командовали А.М. Крымов и П.Н. Краснов), обратился с письмами к двум руководителям белого движения А.И. Деникину и М.В. Алексееву с предложением восстановить монархию в России. Он утверждал, что для преодоления смуты объективно остается единственный выход – пойти на примирение с Германией. Предотвратить этот шаг, по мнению Келлера, еще возможно, если объявить в самом ближайшем времени о восстановлении монархии. При своевременном принятии данного решения примирения с Германией удастся избежать. «… Вы должны честно и открыто не мешкая объявить, кто Вы, куда и к какой цели Вы… ведете Добровольческую армию… Объявите, что Вы идете за законного Государя, а если его действительно уже нет на свете, то за законного же Его наследника, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России и весь народ, исстрадавшийся по твердой власти»[1251]. Предложение Келлера было трудно реализуемо. В конце июля 1918 года в живых не было уже не только императора, но и всей его семьи. Но главной причиной, не позволявшей восстановить монархию, было вовсе не это, а радикальные взгляды вождей белого движения накануне Февраля.

Граф Келлер принадлежал к немногим генералам, предлагавшим Николаю II в февральские дни вверенные им войсковые соединения для силового подавления революции. Приведем текст телеграммы еще одного генерала, поддержавшего в кризисной ситуации императора, Г. Хан-Нахичеванского, возглавлявшего прославленную Дикую дивизию, состоявшую из горских народов. «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть

[1250] Кожинов В.В. Указ. соч. С. 168.
[1251] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 (об.).

к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха»[1252].

Согласиться с предложением Келлера руководителям Белого движения было трудно в силу того, что они перед Февралем находились на противоположной стороне, делая все необходимое для отречения Николая II. А.С. Лукомский, находившийся в начале 1917 года рядом с М.В. Алексеевым и после перехода того на пост Верховного главнокомандующего, занявший его должность начальника штаба Ставки, утверждал, что именно Алексееву принадлежит инициирование вопроса об отречении последнего русского царя: без него отречение было бы просто невозможно. Выражая волю Алексеева, Лукомский требовал от Ю.Н. Данилова – коллеги из штаба Северного фронта, добиться отречения Николая II, воспользовавшись его пребыванием в Пскове. Прогноз Лукомского был абсолютно ошибочен. Он полагал, что если отречение не состоится, Россия погибнет под ударами Германии. В России начнется междоусобная война, и династия прекратит существование. Генералы верили, что династия может сохраниться без Николая II[1253]!

Поэтому Белые вожди имели основания опасаться восстановления монархического строя. До революции значительная часть генералитета, включая А.И. Деникина, лояльно относилась к оппозиционной деятельности Думы, видя в ее противостоянии с правительством «патриотическую и национальную борьбу»[1254]. И потому победа Белого движения означала бы не возвращение к старым, дофевральским порядкам, а создание нового устройства, которого никогда не было в России.

Программа белых была достаточно либеральной: восстановление могущественной единой и неделимой России на основе установления областной автономии, с широким местным самоуправлением и предоставлением большой доли самостоятельности местным органам власти[1255]. Идеологи белого движения видели будущую Россию страной парламентской. Биограф Деникина Д. Лехович

[1252] Цит. по: Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 344.
[1253] Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 336.
[1254] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Мн., 2003. С. 43.
[1255] Цветков В. «Белогвардейская» альтернатива // Посев. 2003. № 12. С. 43.

определил политическую платформу генерала как либерализм, основанный на вере в то, что кадетская партия «сможет привести Россию к конституционной монархии британского типа»[1256].

В 1918 году тот же Лукомский выдвинул альтернативный келлеровскому проект образования в России конституционной монархии. Эта идея имела мало общего с предложением Келлера. Впрочем, Лукомскому изначально была ясна нереальность его предложения, «ведь все уже предрешено с государственным строем». Многие из руководителей добровольчества предпочитали республиканский строй[1257]. Белое руководство сознательно отодвигало решение вопроса о будущей форме политического строя России, предлагая сначала справиться с социалистическим радикализмом и лишь после победы решать, останется Россия монархической, или будет признана республикой.

Следует согласиться с Д. Леховичем: по существу основу белой идеологии составила кадетская партийная программа. С той только разницей, что сама кадетская партия, как организационная структура, уже пребывала на периферии политического процесса. И реализовывать эту программу, в случае победы белых, в основном пришлось бы уже другим людям, учитывая предубежденность белых против партийности. Основой новой парламентской системы должно было стать разделение общества не на партии, а преимущественное участие в парламентской деятельности отдельных лиц и профессиональных групп[1258].

Для принятия рассмотренной выше программы, полагали идеологи Белого движения, требовались повторные выборы в Учредительное собрание, так как старая, эсеровская конституанта не отражала реального соотношения сил в обществе. И в данном аспекте были правы. Прежнее Учредительное собрание уже ликвидировалось дважды: и в обоих случаях его ликвидация достаточно спокойно воспринималась населением. Новые выборы в Учредительное собрание намечались по завершении гражданской войны[1259].

[1256] Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 22.
[1257] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 46. Л. 2-2 (об.).
[1258] Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 383.
[1259] Цветков В. «Белогвардейская» альтернатива // Родина. 2004. № 4. С. 23.

То, что белая программа, в сущности, почти полностью повторяла кадетскую программу, говорит о том, что кадеты в свое время предлагали прогрессивный и динамичный путь развития страны, однако революция 1917 года сделала принципиально невозможной реализацию кадетской программы. И белые, повторно предлагая в основных чертах кадетскую партийную программу населению страны, обрекали себя на поражение.

Во-первых, белые уделяли основное внимание не социальным, а либеральным, конституционным вопросам: гражданским правам и свободам. Большинству русского общества, «низам», они были безразличны и раньше, а в ходе революции равнодушие к ним только возрастало. Крестьян и рабочих преимущественно интересовали вопросы улучшения материального положения, например, земельный вопрос. А белые повторяли прежние кадетские «прожекты» о конфискации у помещиков не всей земли, а лишь ее части[1260]. Потеря белыми влияния в таком мощном слое, как крестьянство, сильно ослабляла их позицию.

Правда, на определенных этапах белых поддержали значительные группы рабочих. Самым известным фактом такой поддержки было ижевское восстание в августе 1918 года. Возглавили восстание особые рабочие ижевского завода, дослужившиеся в Первую мировую войну до офицерских чинов[1261]. К ижевцам присоединились рабочие городов Сарапула и Воткинска. Из них была создана Ижевская бригада, позднее переформированная в дивизию. Ее части, состоявшие из рабочих, дрались против большевиков наиболее ожесточенно: в боях погибло до 90% всего состава дивизии[1262]. Но на сторону белых все-таки переходило рабочее меньшинство, и в целом Белое движение лишилось поддержки наиболее массовых социальных слоев.

Во-вторых, Белое движение за воссоздание имперской России было чисто русским. И потому не получило поддержки национальных районов страны, спешивших воспользоваться слабостью России, чтобы укрепить права и полномочия в ее национально-государственном устройстве, или вовсе получить

[1260] Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 годы // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 65.
[1261] Но и завод был особенным, поскольку являлся оборонным.
[1262] Ромашина В. Белые: кто они? // Родина. 2008. № 3. С. 21.

независимость. Националистические силы, за исключением калмыков, или заняли нейтральную позицию в красно-белой борьбе, или оказывали помощь большевикам[1263].

Добровольческая армия преследовала цель искоренения «национального большевизма», под которым понимала рост националистических настроений на окраинах империи. Например, против Добровольческой армии развернулось мощное партизанское движение в Ингушетии, оказавшее заметную помощь красным в возвращении контроля над Северным Кавказом[1264].

В записке Гучкова, предназначенной военному министру британского кабинета У. Черчиллю, сообщалось об антирусских настроениях в прибалтийском регионе. Со стороны местных правительств установилось враждебное отношение не только к Северо-Западной русской армии, возглавлявшейся Н.Н. Юденичем, но и вообще ко всему русскому. «Русские люди в этих провинциях совершенные парии, бесправные, беззащитные и беспомощные. Народы и правительства молодых Балтийских государств совершенно опьянены вином национальной независимости и политической свободы. С ними сейчас мирное улаживание взаимных добрых отношений невозможно»[1265].

Противостояние белым армиям сформировавшихся в ходе революции национальных правительств существенно ослабляло положение белых. Страх перед возрождением России предопределял враждебность политики балтийских и других правительств, образовавшихся в национальных регионах бывшей империи, в отношении Белого российского проекта[1266].

В этой связи важна для понимания позиции белых по вопросу о территориальной целостности страны их реакция на инициативу президента США В. Вильсона о проведении в 1919 году на Принцевых островах конференции с участием делегатов от всех «государственных образований», возникших на территории бывшей Российской империи – от республик Закавказья до казачьих

[1263] Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006. С. 293-294.
[1264] Матиев Т. Причины и особенности роста влияния пробольшевистских сил в Ингушетии в 1918-1920 гг. // Власть. 2011. № 7. С. 150.
[1265] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 88-89.
[1266] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.

областей, с целью прекратить гражданскую войну[1267]. Представители белых правительств единодушно отказались приехать на конференцию. Основной причиной отрицательного отношения к инициативе США явилось правильное понимание активистами Белого движения национально-государственных интересов страны, заключающихся в сохранении территориального единства России. Глава одного из белых правительств (Северной области с центром в Архангельске), Е.К. Миллер, признавая высокие цели намечаемого союзниками совещания, поскольку «мир в Европе и во всей вселенной невозможен, пока его нет в России», категорически отказался от участия в конференции[1268].

По его мнению, мирная конференция покушается на территориальную целостность российского государства. В случае ее проведения решать, какие народности получат право на автономию, будут иностранцы[1269]. Но это невозможно. Определение границ и независимости отдельных народов, входящих в состав России, относится к внутренней политике и не является прерогативой «Лиги народов»[1270].

Но то, что белая армия не могла полностью отказаться от сотрудничества с Западом, отталкивало от Белой идеи многих патриотов, считавших, и не без оснований, что ориентация Белого движения на Антанту подчиняет Россию иностранным силам[1271]. Характер взаимоотношений англичан со спектром русского общества, находившимся в союзнических отношениях с интервентами, и правда, напоминал поведение оккупантов на оккупированных территориях, что нагляднее всего прослеживалось на примере Северной области. Показательной еще и потому, что именно здесь, на русском севере, состоялась первая высадка англичан на российскую землю. «… необходимо отдать себе ясный отчет… относительно господства Англичан в… экономической и хозяйственной сферах Области»[1272].

[1267] Цветков В. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии // Родина. 2011. № 2. С. 104.
[1268] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 98-99.
[1269] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 99-100.
[1270] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 4 (об.), 5.
[1271] Кожинов В.В. Указ. соч. С. 172.
[1272] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

Англичане воспринимали Россию как колонию нижнего уровня, в которой осуществляется прямое внешнее правление[1273]. Сотрудник председателя правительства Северной области Е.К. Миллера писал ему об этом в страстной форме: «… нам, русским, разрешено быть только антантофилами, в противном случае мы германофилы и преступники! Русофилами быть мы не смеем, русские интересы касаются союзников лишь по сколько эти интересы совпадают с ихними (*так в тексте* – С.Х)»[1274].

Планы Запада хорошо понимались белыми и теми политиками, которые их поддерживали. Известно, что у «союзников» существовал план расчленения России на три-четыре слабых государства: Сибирь, Кавказ, Украину и не выходившую за пределы центральной части Российской империи Московию[1275]. С 1919 года союзники оказывали давление на находившееся в Париже Русское политическое совещание во главе с бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, чтобы он согласился на перекройку русских границ[1276]. Дальнейшая материальная помощь белым правительствам предлагалась в обмен за установление «новых русских границ». Об этом вспоминал С. Хор, глава английской военно-разведывательной миссии в России. «Когда союзники попросили Сазонова посмотреть на вещи реально, Сазонов отказался… Когда заговорили о новых русских границах, он ответил, что если Россия… и потеряет их временно, то она обязательно вновь достигнет их… Какое право имеет русский патриот торговать хотя бы горсточкой русской земли»[1277].

Ранее беззаветно преданный идее сотрудничества с Западом, бывший лидер кадетов Милюков, отошедший еще в 1917 году от руководства партией, писал о том, что на Западе выдвигается «в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимых для Европы сырых материалов»[1278]. Действия П.Н. Милюкова, предпринятые в 1918 году, показывают эволюцию тех сил, которые когда-то, накануне февраля 1917 года,

[1273] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 118-119, 120.
[1274] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.
[1275] Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1987. С. 19-20.
[1276] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 170.
[1277] Алексеева И.В. Агония сердечного согласия… С. 17-18.
[1278] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982. С. 337.

считали себя не просто союзниками, но и соратниками Запада. Милюков был связан с англо-французскими кругами более тесно, чем другие российские либералы, а как только произошла российская революция его на Западе стали считать экстремистом, так как он продолжал бороться за передачу России черноморских проливов.

Попытка Милюкова наладить отношения с немцами не была случайной. Милюков увидел пагубность политики, проводившейся им накануне революции: стремления получить власть при поддержке союзников. Опора на союзников и дальше, утверждал Милюков, невозможна. Огромную долю вины в разрушении российской государственности несут союзники[1279]. В переписке с больным Алексеевым Милюков предлагал Добровольческой армии отказаться от союзнических отношений с англичанами[1280].

В аналитической записке для Московского правого центра Милюков писал, что немцы ищут способа сформировать в России альтернативное большевикам правительство, и, желательно, без пересмотра Брестского договора[1281]. Торги по территориальному вопросу с ними не исключены, так как Германия ищет преимуществ в экономических выгодах[1282]. В Германии, писал Милюков, все сильнее становится течение, исходящее из военных кругов, выступающее «за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией»[1283]. Переписка Милюкова с Алексеевым происходила в момент, когда германские войска оккупировали юг России и складывалось впечатление их близкой победы над союзниками[1284]. Ориентация на Германию, писал Милюков, более выгодна для России: она дает стране действительный мир и выход из войны[1285]. Тем самым, он невольно признавал стратегическую правоту курса большевиков на установление отношений с Германией, включая подписание Брестского договора. Такая политика выводила Россию из зависимости от Запада.

[1279] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 3 (об.).
[1280] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 (об.).
[1281] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.
[1282] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
[1283] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 (об.).
[1284] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 1 (об.).
[1285] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 65. Л.2.

Сотрудничество с Западом отрицательно сказывалось на имидже Белой идеи. В отличие от них, большевики использовали интервенцию для усиления популярности. Не располагая реальной военной силой для действенного отпора иностранным войскам обоих блоков, они умело сыграли на противоречиях между ними. Сотрудничая с немцами, вывели Россию из-под влияния союзников, а при помощи союзников избежали оккупации своей основной территории со стороны Германии.

Приглашение союзников высадиться в марте 1918 года в Мурманске, сделанное местным Советом, было согласовано с Л.Д. Троцким[1286]. С.И. Архангельский, председатель Совета, регулярно связывался по прямому проводу с Г.В. Чичериным и другими членами Советского правительства. Это означало, что имело место взаимное сотрудничество союзников не только с Мурманским краевым Советом, но и с центральной Советской властью[1287]. В политических кругах Антанты весной 1918 года развернулась дискуссия о возможности регулярных контактов с большевиками. Сторонниками сотрудничества были Б. Локкарт и Ж. Садуль[1288]. Представители различных миссий долгое время находились в Вологде. Члены американской миссии наблюдали в Вологде 1 мая 1918 года парад местного гарнизона, состоявшего приблизительно из 1800 человек[1289].

Однако в итоге верх на Западе взяли сторонники жесткой линии в отношениях с большевиками, считавшие недопустимым сотрудничество с ними. 11 мая британский военный кабинет одобрил интервенцию в Россию. 14 июня было принято решение о создании Славяно-британского легиона, призванного составить костяк антибольшевистских сил[1290].

Советское правительство направило несколько нот союзным представителям с уведомлением о невозможности дальнейшего пребывания иностранных военных судов в северных гаванях России. 25-26 июня состоялись

[1286] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 182. Л. 8, 11а.
[1287] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 182. Л. 12.
[1288] Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918-1920. М., 1993. С. 25-26.
[1289] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.
[1290] Голдин В.И. Указ. соч. С. 27, 34, 41.

телеграфные переговоры нового председателя Совета А.М. Юрьева с руководителями СНК. Юрьев убеждал Москву о бесполезности протеста против пребывания англичан, могущего привести к гибели русской власти. 30 июня на заседании Краевого Совета с представителями Антанты в Мурманске, при активном участии Юрьева, была принята резолюция, признававшая нереальность исполнения требований Москвы, и полагавшая возможным продолжение сотрудничества с союзниками. 1 июля 1918 года СНК объявил Юрьева вне закона[1291]. В итоге большевики начали борьбу с интервенцией Запада, а белые не привлекли на свою сторону многих из тех, кто разделял патриотические убеждения.

Белые не были равноценной большевикам стороной гражданской войны: их армии на всем протяжении гражданской войны во много раз уступали в численности Красной армии. К концу гражданской войны большевики создали армию в 5 млн человек, тогда как у белых в самые лучшие времена численность армии доходила всего до нескольких сотен тысяч[1292]. Пик Белого движения пришелся на тот период, когда им руководил Колчак, у которого под ружьем находилось до 500 тысяч человек[1293].

К тому же в белую армию влилась незначительная часть кадрового солдатского корпуса, получившего военный опыт в ходе Первой мировой войны. Показательна реакция Корнилова на первых добровольцев, приехавших из центра страны на юг, чтобы служить в белой армии: «Это все офицеры, - говорил Корнилов, - а где же солдаты?»[1294]. Неслучайно первые добровольческие части состояли из одних офицеров. На рядовых должностях служили полковники! Позднее белые занялись насильственной мобилизацией рабочих и крестьян. Но эти «солдаты» воевали не всегда охотно и при случае сдавались в плен, а потом

[1291] Голдин В.И. Указ. соч. С. 41, 44, 45, 46.
[1292] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.
[1293] Кабанова Л.В. Указ. соч. С. 182.
[1294] Ушаков А.И., Федюк В.П. Указ. соч. С. 281.

даже воевали в Красной армии[1295]. В то время как примерно треть Красной армии имела опыт участия в мировой войне в качестве солдат или унтер-офицеров[1296].

Среди офицеров положение дел у белых складывалось также непросто. В Красную армию была вовлечена третья часть общего состава офицерского корпуса дореволюционной русской армии - около 70-75 тысяч человек. Однако так как примерно 30% бывших офицеров вообще не воевали ни за одну из сторон, получалось, что на стороне красных находилось уже не менее 43% кадровых офицеров, прошедших мировую войну. Хотя на стороне белых все же воевала большая часть бывших офицеров – около 100 тысяч[1297].

Данные цифры дают основания говорить о том, что белые и красные были, как минимум, равными по профессиональным качествам армиями, что означало раскол прежней армии, когда-то воевавшей совместно против Германии. В ряды Красной армии добровольно вступали многие из офицеров, разочаровавшиеся в идеях Февраля. Красную и Белую армии следует воспринимать не как пролетарскую и буржуазную, а как восстановителей порядка. Это были две центростремительные силы, стремившиеся поднять из руин раздавленную Февралем Россию.

В таких условиях белым могла помочь лишь способность эффективного распоряжения имеющимися ресурсами. Но и здесь дела у них обстояли не лучшим образом: по существу им не удалось создать единую армию. И, скорее всего, более правильно говорить не о белой армии, а о белых армиях[1298]. Различные белые формирования (деникинские, миллеровские, Юденича) проводили военные операции несогласованно, никогда не осуществляя одновременно двух крупных наступательных операций[1299].

И, наконец, внутри Белого движения произошел базовый раскол между кадровым офицерством, собственно белыми, и их главной ударной силой – казаками. Составляя примерно половину всех кадров Белого движения, казаки

[1295] Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 годы… С. 58.
[1296] Морозова О.М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в вооруженных формированиях в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 27.
[1297] Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов 1917-1920 гг. М., 1988. С. 176-177.
[1298] ГАРФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 166.
[1299] Ганин А. Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 66-67.

были единственной его массовой силой. Но, в отличие от белых, мечтавших о возрождении России, руководители казачества проявили удивительную недальновидность, желая лишь отстоять свое право проживать на Дону, в соответствии с собственными традициями, и не хотели участвовать в боевых действиях с большевиками на остальной территории страны[1300].

Алексеев, в упоминавшейся переписке с Милюковым, признавал эту проблему как необычайно серьезную. «Мы должны расти за счет центра, а не Дона и Кубани, преследующих свои цели… а мы обратились в доно-кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли во время незаметного, но эпического похода… Только увеличив наши силы, мы можем вырваться из кольца: немцы – Дон - большевизм[1301].

Казаки неоднократно в самые критические моменты отказывались выполнять указания командования, чем ослабляли и без того полное противоречий Белое движение. В ноябре 1918 года, с приходом Колчака, руководящими лицами Белого движения был поставлен вопрос о принципиальном подчинении всех вооруженных сил Юго-Восточной России командованию Добровольческой армии[1302]. Атаман донского казачества П.Н. Краснов соглашался подчинить единому командованию одну бригаду пехоты и дивизию конницы, составлявших не более пятой части мобилизованных Доном сил. Остальные силы Краснов хотел оставить у себя для охраны порядка. Председатель Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армии генерал А.М. Драгомиров, исходя из этого, утверждал, что и сам «Краснов считает, что он не будет подчинен Верховному главнокомандующему»[1303].

Члены совещания признали предложение атамана, представляющим «серьезный тормоз к достижению единого командования и единого фронта». Командование Добровольческой армии увидело в случившемся «результаты

[1300] Миронов С.С. Указ. соч. С. 297, 298, 299-300.
[1301] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.
[1302] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
[1303] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 85. Л. 1 (об.)-2.

личной политики атамана Краснова», противоречащие его заявлениям о восстановлении единства России[1304].

Еще более жестко развернулись события на Кубани, где противоречия между добровольчеством и казаками переросли в открытый конфликт. Казаки утверждали, что ими хотят распоряжаться те, кто мечтают о будущем троне[1305]. Позднее, в конце 1919 года, один член Краевой рады, А.И. Кулабухов, был казнен генералом В.Л. Покровским, как противник прямого подчинения казачества белому руководству, а еще одиннадцать высланы за границу. Преодолеть кубанский радикализм, даже такими жесткими мерами, деникинцам все равно не удалось[1306]. В создавшихся условиях, поражение белых выглядит глубоко закономерным. Поражение Белого движения делало единственным восстановителем окончательного порядка в стране партию большевиков.

В основной период гражданской войны, противостояния красных и белых, подавляющее большинство народа прекратило организованное сопротивление большевикам. В этот момент большевиков решительно поддержали их злейшие враги – эсеры, заявлявшие, что большевики уничтожают революцию только наполовину, тогда как белые намерены полностью ликвидировать ее завоевания[1307]. Но такая идиллия продолжалась лишь до тех пор, пока не окончилась основная фаза борьбы. В конце 1920 года основные силы белых были вытеснены с подавляющей части российской территории и эвакуировались из Крыма в Турцию. Теперь большевикам предстояла борьба с крестьянством.

Крестьяне, составлявшие около 80% населения страны, имели специфические интересы в русской революции, не совпадавшие с интересами большевиков. На протяжении февральского периода русской революции ее основные политические силы (эсеры и большевики) постоянно обещали крестьянам всевозможные блага. Поэтому крестьяне и голосовали на выборах в Учредительное собрание не только за привычных эсеров, но и мало известных большевиков. Крестьяне говорили: что же, если они дадут нам землю, как

[1304] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 85. Л. 2 (об.).
[1305] ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
[1306] Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 200-201.
[1307] Пайпс Р. Россия при большевиках… С. 55.

обещают, то можно за них и проголосовать[1308]. Но, несмотря на различные посулы большевиков, подавляющая часть крестьян снова проголосовала за эсеров.

Потенциально крестьяне являлись самыми опасными врагами большевиков. Им были чужды общенациональные интересы. Пока власть, до февраля 1917 года, оставалась сильной, они послушно выполняли ее указания, но как только началась революция крестьяне перестали считаться с любыми властями, кроме своей. Их власть олицетворяли местные сходы, где крестьяне большинством голосов выносили устраивающие их решения[1309].

В 1917 году появились два органа власти, выражавших мнение крестьян: волостные комитеты общественной безопасности (нижний уровень КОБов), созданные в феврале 1917 года, и Советы крестьянских депутатов. Выборы в волостные КОБы крестьяне проводили сами. Другие социальные слои, и особенно интеллигенция, в которой крестьяне видели проводников городского влияния, сюда практически не допускались. Когда февралисты предприняли попытку упразднить волостные КОБы и создать вместо них «правильные» органы власти – волостные земства, крестьяне посчитали это нарушением своих прерогатив и попытались воспрепятствовать такой «несправедливости». В ряде мест дошло до вооруженных столкновений[1310].

На почве борьбы за волостные КОБы осенью 1917 года наметился некоторый союз крестьян с радикальными социалистами – большевиками и левыми эсерами. Недовольство крестьян облегчило большевикам устранение волостных земств. Вместо них повсеместно создавались Советы крестьянских депутатов. До того Советы крестьянских депутатов, находившиеся под контролем эсеров, действовали лишь на губернском и уездном уровнях[1311]. Поскольку в это время большевики, в соответствии с Декретом о земле, принятым на II Всероссийском съезде Советов, приступили к раздаче крестьянам помещичьей земли, они терпимо отнеслись к созданию в деревне новых органов власти.

[1308] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1033. Л. 5 (об.); ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 38. Л. 36 (об.)-37; Мерецков К.А. Моя юность. М., 1975. С. 89.
[1309] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 106-107.
[1310] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России… С. 135, 137.
[1311] Там же. С. 227-228, 232-233.

Однако, в связи с тем, что в эти Советы проходили преимущественно сами крестьяне, вскоре выяснилось существенное противоречие между интересами крестьянства и новой большевистской власти. Крестьяне были заинтересованы в получении дополнительной земли и свободе торговли, выражающейся в праве продавать хлеб по максимально высокой цене. Но в стране наметился серьезный финансовый кризис, приведший к голоду в городах[1312]. Политика создания продотрядов, которые направлялись в деревню и отбирали у крестьян их запасы, вовсе не являлась узкоклассовой и объяснялась логикой ситуации: так поступило бы любое сильное правительство. В это время, в 1918 году, в деревне разворачивается первая крестьянская война, сопровождающаяся военными столкновениями большевиков с крестьянами. Хотя с началом основной фазы гражданской войны война в деревне прервалась, после подавления белых новое столкновение большевиков с крестьянством вновь стало неизбежным.

Крестьяне считали, что Советская власть обязана полностью соблюдать их интересы. Большевиков можно было терпеть пока шла гражданская война. Вторая крестьянская война была последним столкновением революции, самым сложным для большевиков. По словам Ленина, борьба с крестьянством представляла для большевиков наибольшую угрозу, «во много раз превышающую угрозу со стороны всех белых, сложенных вместе»[1313].

Народные восстания 1921 года неправильно представлять борьбой отчаявшихся людей за физическое выживание. В них правомерно видеть попытку все еще харизматичной революционной силы, верящей в возможность утверждения своей «правды», установить ее в качестве единственно правильной. Крестьяне являлись последней, все еще продолжающей восхождение, силой, противостоящей большевикам. И оттого вооруженное противостояние крестьян с большевиками приняло ожесточенный характер борьбы не на жизнь, а на смерть. Это была борьба двух революционных группировок.

[1312] Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2… С. 409, 410, 411.
[1313] Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) от 8 марта 1921 года на X съезде партии // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 18.

О подлинной цели народных стремлений - желании избавиться от всякой государственности, чем и были вызваны восстания 1921 года, писал меньшевик И.М. Майский, будущий сталинский дипломат: «Когда великий переворот 1917 г. (*Февраль – С.Х.*) смел с лица земли старый режим, когда раздались оковы, и народ почувствовал, что он свободен, что нет больше внешних преград, мешающих выявлению его воли и желаний, - он, это большое дитя, наивно решил, что настал великий момент осуществления тысячелетнего царства блаженства, которое должно ему принести не только частичное, но и полное освобождение»[1314].

Основные требования крестьян выражал лозунг: «За Советы без коммунистов», или другой его вариант: «Власть Советам, а не партиям». Народ хотел сделать революционные органы власти, Советы, выразителем местных чаяний и нужд. В начале 1920-х годов крестьянская мечта о труде, свободном от всякого контроля государства, как никогда казалась близкой к воплощению. Единственным препятствием на ее пути оставались большевики.

Думается, пагубность глобального успеха «крестьянской цивилизации» для России в условиях господства в мире урбанистических тенденций была бесспорной. Крестьянская «правда» несла изолированность отдельных крестьянских мирков – общин. Каждая община при этом должна была жить внутренней жизнью. Объединения крестьян максимально могли распространяться на уездный уровень, сверхмаксимально – на губернский. Единая национальная экономика при таком подходе делалась невозможной. Россия, воплотившая в жизнь многовековую крестьянскую мечту о полной свободе, оказалась бы гораздо слабее даже России февральской. В сложившейся острокризисной ситуации это было чревато распадом страны, ее окончательным выбыванием из круга ведущих стран мира. Подобной России неминуемо предстояло исчезнуть с географической карты.

И потому ведя борьбу с крестьянством, большевики вели войну за сильную Россию. В этой борьбе им, сторонникам централизации страны, принадлежала

[1314] Цит. по: Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901-1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 159.

прогрессивная роль. Они видели в Советах не своевольные местные органы власти, претендующие на независимость от вышестоящих органов, а структуры, строго выполняющие указания вышестоящих органов. В этом и был реальный смысл процессов 1921-1922 годов. Безбрежное народное море хотело личностного благополучия, но для выхода страны из глубокого кризиса требовалось сохранение сильной власти.

Для большевиков данная борьба была вопросом жизни и смерти. Крестьянские восстания охватили почти всю Россию: Поволжье, Западную Сибирь, Левобережную и Правобережную Украину. Наиболее крупное восстание, в Тамбовской губернии, носило массовый характер: численность восставших приближалась к 50 тысячам человек[1315]. М.Н.Тухачевский писал об антоновском восстании: «Если изучить построение вооруженной борьбы повстанчества, то мы увидим, что, прежде всего, крестьянство стремится сорганизовать свою собственную власть, которая, постепенно расширяясь, принимает формы местной государственной власти». Борьбу приходится вести не с бандами, а со всем местным населением[1316].

Положение большевиков становилось отчаянным. Их власть могла быть сметена. Как пишет исследователь А.А. Куренышев, в других странах движения такого уровня добивались победы (Мексика, Китай)[1317]. Крестьяне жестоко расправлялись с коммунистами[1318]. Российскому обществу предстояло сделать трудный выбор, и в любом случае выход из кризиса не был демократическим. Не являлись демократами большевики – их победа вела к резкому сокращению пространства свободы, причем не только по сравнению с февральским этапом, но и с режимом самодержавия. Не являлись демократами и крестьяне. Это были вовсе не мирные хлебопашцы, а люди, имевшие за плечами опыт «иллюминации помещичьих усадеб» и изгнания из деревни помещиков в 1917 году. Таким

[1315] Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 50, 51.
[1316] Фельдман Д. Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 53.
[1317] Куренышев А.А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918-1922 гг. М., 2010. С. 142.
[1318] Кожинов В.В. Указ. соч. С. 224, 225.

образом, было возможно всего два, не самых приятных варианта: сохранение страны с потерей свободы, или сохранение свободы с потерей страны.

И самым крупным актом всенародной борьбы двух крупнейших политических сил – народа и большевиков – стало восстание моряков в Кронштадте в феврале 1921 года. Восстала, по выражению Троцкого, «краса и гордость революции» - главная опора большевиков. Автор единственных воспоминаний о произошедшем бунте матросов С.М. Петриченко в свою очередь утверждал, что совершив Октябрьскую революцию, труженики России надеялись достичь полного раскрепощения и возложили надежды на партию коммунистов, но за три с половиной года она полностью поработила личность человека[1319].

Таким образом, народ оказывался радикальнее большевиков, им все более овладевали анархистские устремления. Моряки предлагали народу повторно проделать тот путь, который уже удался большевикам: овладеть Советами Это было очень серьезно. Настроения кронштадтцев были созвучны многим россиянам. Типично признание величайшего крестьянского поэта С.А. Есенина, сделанное им в начале 1920-х годов, то есть примерно в то время: «В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее». И «Я перестал понимать, к какой революции я принадлежал? Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской… В нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь»[1320].

История не оставила большевикам никакой возможности кроме подавления кронштадтцев. Победа народных восстаний означала конец, распад России. Удайся эта третья революция, и основные политические партии, эсеры и большевики, воспринимались бы этим безбрежным морем радикализма безнадежно правыми по шкале политических взглядов[1321]. Страну ожидал бы второй Февраль, только гораздо более худший (и это после Февраля первого, и трехлетней ожесточеннейшей гражданской войны). Тогда как победа

[1319] Петриченко С.М. Правда о кронштадтских событиях. Б/м., 1921. С. 3, 4.
[1320] Цит. по: Кожинов В.В. Указ. соч. С. 155.
[1321] Кстати, эсеры предприняли попытку войти в контакт с кронштадтцами и придать их восстанию политически организованный характер, но не нашли отклика у восставших моряков. Потому что стихийно-народные силы, восставшие в 1921 году, были намного радикальнее эсеров (ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 17).

большевиков сохраняла единство России. С подавлением кронштадтского мятежа наибольшая опасность для Советской власти была устранена. Во всяком случае, мощной народной революции большевики избежали. Но опасность поражения до конца преодолена не была.

И наибольшую опасность после кронштадтцев для большевиков представляли остатки эсеровской партии. Партия эсеров не принимала активного участия в народных восстаниях против большевистской власти. По крайней мере, она не возглавляла их. Народ выступил против большевиков самостоятельно, без организационного руководства со стороны какой-либо партии. Партия социалистов-революционеров на длительное время отказалась от вооруженной борьбы с советским режимом, считая ее вредной для страны и крестьянства в целом[1322]. Пока «идет борьба с контрреволюцией – ни одна вооруженная рука социалиста не поднимется на коммунистов»[1323].

В апреле 1920 года ЦК партии эсеров, два года назад инициировавший интервенцию, готовясь к приему в Москве делегации английских профсоюзов из независимой рабочей партии, в подготовленной резолюции предлагал им бороться в своей стране за признание Советского правительства и прекращение интервенции[1324]. Всякая интервенция во имя общечеловеческой цивилизации, по признанию эсеров, представляла лишь ширму для своекорыстных империалистических интересов. «Прибавьте к этому прорывающуюся… готовность сыграть на раздробление и обессиливание России, чтобы обратить ее из субъекта международной политики в ее объект, в страну колонию, где можно похозяйничать вокруг бакинской нефти, сибирских золотых приисков, архангельского леса…». Эсеры, являвшиеся в свое время инициаторами западной интервенции, как и белые, познали горький опыт вмешательства союзников в российские дела[1325].

Антианглийские настроения прорывались и в белой среде. Летом 1920 года сотрудник врангелевского управления иностранных сношений Алешин

[1322] Куренышев А.А. Указ. соч. С. 144.
[1323] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.
[1324] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.
[1325] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 49, 86 (об.).

предложил в докладной записке на имя руководителей ведомства кн. Г.Н. Трубецкого и Б.А. Татищева примириться с Советской властью, объявив войну Англии[1326]. Это предложение всерьез обсуждалось чиновниками управления. Понятно, что реальных шансов для его одобрения не было, но сам факт появления данного предложения говорил о многом.

Но на определенном этапе эсеры вновь были способны поднять народ на борьбу с большевиками. «Россия живет исключительно трудами деревни, у которой все берут и ничего не дают». Деревня ненавидит существующий строй на 99 % - утверждали эсеры. Поэтому ПСР, всегда работавшая в деревне, желает сохранить там идеи социализма. «И мы счастливы, так как сможем спасти от дискредитирования идею социализма, между тем как Советская власть, назвав себя коммунистической, оттолкнула от себя деревню, отмежевала себя от нее»[1327].

В 1921 году эсеры подвергали большевиков активной критике. Они требовали от партии власти предоставления народу большей самостоятельности, раскрепощения народа от жесточайшей милитаризации. По их мнению, теряя почву в народных низах и отталкивая от себя лучшие элементы культурных верхов, большевистская власть вынуждалась и внизу, и вверху опираться на худшие элементы «культурной и некультурной черни», на беспринципное босячество деклассированных слоев города и деревни. Отсюда и окончательное оформление большевистской власти, как деспотической диктатуры – такой диагноз большевистской власти ставили эсеры[1328].

Эсеры все чаще вновь обращали внимание и на промышленный пролетариат, требуя частичной денационализации промышленности: выплаты рабочим, наряду с зарплатой, части чистой прибыли; признания за рабочими права на участие в управлении предприятиями; предоставления фабрично-заводским комитетам широкого контроля за деятельностью администрации[1329].

Но какие бы дельные советы ни давали эсеры, по вполне объективным причинам они не могли быть восприняты большевиками. У третьей силы, которая

[1326] Цветков В. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии… С. 105.
[1327] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.
[1328] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 69.
[1329] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 59-60.

когда-то была первой, но теперь становилась нисходящей, нет никаких шансов быть воспринятыми силой, занявшей ее прежнее место. К тому же, даже если эта восходящая сила, большевики, и воспримет часть предложений эсеров, как силы уходящей, обязательно при этом осуществит их сама. Такова логика борьбы. Ведь третья сила (а эсеры именно так себя и называли), бывшая ранее первой, стремится занять прежнее место. Не случайно в 1919 году эсеры предложили меньшевикам объединиться и образовать единую сильную социалистическую партию, которая смогла бы стать серьезной альтернативой большевикам[1330]. Но меньшевики это предложение отвергли, соглашаясь лишь на продолжение прежней совместной коалиционной деятельности. Их отказ был крайне выгоден большевикам[1331].

Сегодня большевиков часто упрекают за отказ сотрудничать с другими партиями. Такое обвинение некорректно. Большевики, как серьезная партия, неоднократно вступали в соглашение с силами, сотрудничество с которыми было объективно выгодно для них. В начале 1920-х годов удачный опыт сотрудничества большевиков с эсерами и меньшевиками имел место в Дальневосточной республике. Сотрудничество дальневосточных большевиков с эсерами и меньшевиками, объединение там всех социалистических сил, позволило изгнать иностранные войска и белогвардейцев, а затем присоединить Дальний Восток к советской России[1332].

Кстати, в вопросе о государственном единстве страны эсеры и меньшевики, в отличие от белых, проявляли себя не патриотично. Стремясь хоть где-то создать свою власть, они пытались отделить Сибирь от России, создав в ней независимое государство - «свободную демократическую Сибирь со Всесибирским Учредительным собранием во главе» - и установить договорные отношения с Россией[1333].

[1330] РГАСПИ. Ф. 274.Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
[1331] Кабанова Л.В. Указ. соч. С. 208-209.
[1332] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 19; Дроков С.В. Некоторые проблемы истории гражданской войны в Сибири // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 60-61.
[1333] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 80, 82.

Власть Колчака в январе 1920 года была свергнута движением, возглавленным партией эсеров. В полемике с группой «Народ», требовавшей полного объединения эсеров с большевиками, факт победы в Сибири являлся для руководящих партийных структур ярким доводом в пользу продолжения прежней эсеровской тактики – сохранения оппозиционной линии к большевикам. «Создание Восточно-Сибирской республики, провозгласившей лозунг народовластия и это народовластие утвердившей – вот итог борьбы ПСР против реакции, борьбы под своими собственными знаменами». Поэтому нужно противостоять попытке группы «Народ» превратить партию «в бюрократический придаток при большевистском служилом сословии»[1334].

В 1920 году В.М. Чернов, встречаясь со все той же делегацией английских социалистов, дал им пояснения о том, что произошло в Сибири в самом начале того года. Движение против Колчака, рассказывал Чернов, организовал краевой сибирский комитет партии эсеров. В движении, кроме них, участвовали и меньшевики. Во главе политического центра стоял эсер, член ЦК Ф.Ф. Федорович. Большевики примкнули к движению только впоследствии. Бой за Иркутск длился два дня. Из тюрем было выпущено около 700 большевиков[1335].

Первоначальное правительство Восточно-Сибирской республики было образовано главным образом из эсеров и меньшевиков: 6 мест получили эсеры, и 5 досталось меньшевикам[1336]. Независимая Сибирская республика, по уверениям эсеров, была признана Советским правительством в лице его органа, сибирского революционного комитета, находившегося в Омске. Там и произошло подписание договора, придавшего Сибири независимый статут[1337]. Эсеры обвиняли Советскую власть в вероломстве, в нарушении договоренностей, уже утвержденных Москвой, хотя формально директива эсеровского ЦК возлагала вину за это на местных, сибирских большевиков[1338]. Местные большевики, полагали члены ЦК ПСР, желая утвердить советский режим любой ценой,

[1334] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 37-37 (об.).
[1335] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.
[1336] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 103. Л. 3 (об.)-4.
[1337] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 9. Л. 9-9 (об.).
[1338] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.

действовали авантюристически, не считаясь с опасностью японской оккупации региона, рискуя «возобновить борьбу внутри демократии, несмотря на наличность еще некоторой контрреволюционной угрозы»[1339].

Большевики обвинялись эсерами в том, что Сибирь присоединялась к советской территории, несмотря на сохранявшуюся опасность отхода только что присоединенного региона к японцам, то есть якобы именно политика большевиков несла угрозу территориальной целостности страны[1340]. Это обвинение было необоснованным. Как раз деятельность эсеров шла вразрез с сохранением территориальной целостности государства. В той же директиве ЦК эсеры провозглашали, что войдут в верховную власть буферного государства, образованного на Дальнем Востоке (ДВР), лишь при условии, что новое государство не явится временным орудием в руках Советской власти, а получит гарантии дальнейшего существования не только от Москвы, но и от других государств Тихого океана. Имелись в виду США и Япония[1341].

Объективно эсеры в начале 1920-х годов действовали против национально-государственных интересов России, но в 1920-1922 годах единство России было большевиками восстановлено. Но и после окончательного поражения эсерам не давал покоя вопрос о возможности самоопределения различных народов, входивших в состав России. В 1949 году в Нью-Йорке ими была создана Лига борьбы за народную свободу, основу которой составили ветераны эсеровской партии: В.М. Чернов, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский [1342]. Эсеры считали, что из Советского Союза могут выделиться такие государства как Российская Федерация, Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Узбекистан и Туркмения, имеющие право решить народным голосованием вопрос о сохранении в будущем между ними той или иной степени связи, «или о полном ее прекращении»[1343]. В ответ на платформу, предложенную В.М. Черновым, совместная декларация украинских, белорусских, грузинских и армянских социалистов предлагала

[1339] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.
[1340] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.
[1341] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43 (об.).
[1342] Федюк В.П. Указ. соч. С. 382.
[1343] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 142. Л. 1, 4.

устранить из международных отношений военный метод подавления инакомыслия, еще раз подтвердив, что миролюбие эсеров не содействует усилению их авторитета в националистической среде[1344].

Воплотись предложенная Черновым инициатива в жизнь, с неизбежностью произошел бы не только распад Советского государства, но и развернулась новая кровопролитная гражданская война, что доказала впоследствии Перестройка и последовавший за ней в 1991 году распад СССР. Разница заключалась в том, что СССР распадался после мирных 1970-1980-х годов, а Чернов выдвигал «мирные» инициативы в период, когда отношения между разными народами, входящими в состав СССР, были гораздо напряженнее. Только недавно завершилась Вторая мировая война и возникал западный военный блок НАТО.

В 1921 году эсеры предприняли последнюю попытку выступить против большевиков. В августе был созван последний, десятый Совет эсеровской партии, на котором были представлены делегаты от большинства партийных организаций. Партия признала свою объективную неготовность возглавить уже состоявшиеся стихийные крестьянские восстания, но предложила крестьянам в качестве последнего средства борьбы создание в деревне легальных Союзов трудового крестьянства. Они собирались через эти органы вновь соединиться с массовым крестьянским движением. В этих союзах должна была произойти смычка эсеров с крестьянами[1345]. Эсеровская идея оказалась успешной. Крестьяне увидели в Союзах инструмент защиты своих интересов, ущемляемых большевистскими властями, и надеялись с их помощью облегчить экономические основы крестьянской жизни. Большевики же усмотрели в Союзах покушение на монополию их власти и наложили на них запрет[1346].

Активная деятельность эсеров показала большевикам, что эсеровская опасность не исчезла, и в начале 1920-х годов большевики начали энергичную борьбу за окончательное устранение с политической сцены главных конкурентов. Антиэсеровскую кампанию большевики назвали «решительным актом последней

[1344] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 164. Л. 2.
[1345] История политических партий России… С. 345.
[1346] Там же. С. 345-346.

борьбы»[1347]. В июне-августе 1922 года состоялся судебный процесс, имевший целью запретить всякую деятельность эсеровской партии[1348].

В этот период меньшевистский ЦК выпускает воззвание, обращенное к пролетариату России («Ко всем рабочим и работницам!»). «Товарищи! Суд над с-рами назначен властью, безраздельно находящейся в руках большевистской партии. Он носит, таким образом, партийный характер…»[1349]. Меньшевики обвиняли большевиков в измене делу социализма, заключавшейся в активном сотрудничестве с правыми силами. По признанию большевиков гражданская война в России завершена - отмечали меньшевики. И по этой причине большевики вступают в соглашения с капиталистами и амнистируют белогвардейских офицеров, «в том числе палача рабочих генерала Слащева». Но от расправы с социалистами отказываться не хотят[1350]. В заключении воззвания меньшевики провозглашали: «Товарищи… Мы обращаемся к вам… во имя чести интересов революции»[1351].

По итогам судебного процесса партия эсеров перестала быть легально действующей силой. В августе 1922 года XII партийная конференция большевиков принимает резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях». Все партии, кроме большевиков, признаются антисоветскими[1352].

Оказавшись на грани запрета, меньшевики активизировались и вышли из эсеровской тени, в которой фактически пребывали с 1917 года. Они надеялись, что еще можно убедить пролетариат в ошибочности большевистского курса. Ведь большевики устанавливают в России власть одной партии, стремительно перерождающейся в диктатуру. Попытка революционной части пролетариата завоевать государственную власть привела к власти меньшинство, установившее

[1347] Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922. С. 3.
[1348] Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. № 6. С. 129.
[1349] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
[1350] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
[1351] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
[1352] Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров… С. 129.

диктатуру не только над поверженной буржуазией, но и над большинством самого народа[1353].

В этом с ними соглашались эсеры, полагавшие, что «происходит оголение партийной диктатуры от последних демократических покровов»[1354]. По мнению меньшевиков, такое положение сложилось вследствие недооценки значения демократического фактора[1355]. 1922 год, поставивший партию меньшевиков вне закона, укрепил их в убеждении, что большевики изменили революции. Себя они оценивали как чисто пролетарскую партию, выражающую действительные интересы рабочего класса, будя в рабочих «дух борьбы за свободу и классовые интересы»[1356]. Меньшевики провозглашали окончательный отказ от соглашения социалистических партий с большевиками на предмет создания общей власти, в связи с тем, что эволюция большевистской власти привела к преобладанию в ней олигархических и непролетарских элементов.[1357]. Партия, как независимая от власти структура, призвана в создавшейся обстановке защитить пролетариат от «нового капитализма»[1358].

И надо заметить, что в главном меньшевики были правы. Они не могли не уловить правения большевиков, так как оно направлялось против них. Эсеры и меньшевики, находившиеся в 1922 году в полумаргинальном положении, тем не менее были наиболее сильными из всех оппозиционных партий. И поэтому закономерно встретили жесткое противодействие со стороны большевиков. Из всего комплекса оппозиционных партий большевики видели самых сильных противников в эсерах и меньшевиках. В отличие от кадетов, у них сохранялась перспектива рывка к власти. Эсеры и меньшевики были способны стать союзниками крестьян и городских народных масс в их борьбе за свержение большевистской власти.

Социалисты, эсеры и меньшевики, звали страну обратно в смуту, так как также как и в 1918 году, при Комуче, были неспособны при победе над

[1353] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 69. Л. 48.
[1354] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
[1355] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[1356] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.
[1357] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 84. Л. 30 (об.).
[1358] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 84. Л. 30 (об.).

большевиками переподчинить себе крестьян, заставить тех выполнять свои распоряжения[1359]. Для противоборства с все сильнее радикализирующимися эсерами и меньшевиками большевикам и потребовался новый правый курс. Для принципиального изменения ситуации приходилось договариваться с ответственными лицами из других политических лагерей[1360].

Ничего удивительного не было в том, что в либерально-консервативной среде, видевшей намечающийся союз умеренных социалистов с крестьянами, росло стремление поддержать в возникшем конфликте большевиков. Ими постепенно овладевало понимание, что большевизм становится национальной силой и единственным защитником России на внешнеполитической арене. Одним из лиц, переосмысливших значение большевиков в ходе революции, стал профессор-правовед Ю.В. Ключников, входивший ранее в правительство Колчака в ранге фактического министра - управляющего министерством иностранных дел[1361].

Выступая на заседании парижского комитета кадетской партии 7 июня 1920 года, он задал вопрос: «Верно ли, что для России самое страшное зло – большевики?». И ответил на него: «После свержения большевиков наступит анархия, которая будет еще хуже большевизма». И если при нынешнем положении вещей удастся свергнуть большевистский режим, будет еще хуже, так как он представляет единственную власть, успевшую пустить в ходе революции некоторые корни в стране. Необходимо отказаться от вооруженной борьбы. «Возрождение России начнется лишь тогда, когда большевики поймут кадетов и кадеты большевиков»[1362].

Правый альянс содействовал большевикам в удержании России на краю пропасти. Движение сменовеховцев, организованное кадетом Ю.В. Ключниковым и другими лицами в 1921-1922 годах (по названию одноименного сборника, вышедшего в Праге), имело важное моральное значение для большевиков,

---

[1359] Кабанова Л.В. Указ. соч. С. 125, 128.
[1360] Левые коммунисты в России. 1918-1930. М., 2008. С. 107.
[1361] Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006. С. 20.
[1362] Там же. С. 21.

ведших тогда ожесточенную борьбу с крестьянскими революционерами и их потенциальными союзниками – эсерами и меньшевиками.

Впрочем, меньшевики, агрессивно критикуя внутреннюю политику большевиков, признавали ведущую роль Советского правительства в борьбе с иностранной интервенцией в годы гражданской войны. Советское правительство стало главным фактором поражения интервенции бывших союзников[1363].

В начале 1920-х годов, наряду с социалистической, эсеро-меньшевистской альтернативой, некоторую угрозу для московских властей продолжали представлять и белоэмигрантские круги. В них входил бывший октябрист А.И. Гучков, из разряда патриотов уже давно перешедший в разряд непримиримых. И если вначале он стремился свергнуть Николая II, теперь Александр Иванович жаждал ликвидации власти, установленной революцией.

В 1927 году в письме к известному либералу-патриоту, стороннику идеи Великой России, экскадету П.Б. Струве, Гучков страстно писал о том вреде, который принесло России увлечение революцией ее элитарным слоем. «Каким первоклассным человеческим материалом располагала Революция в своей борьбе против Власти! И притом в неправом деле. Ибо Власть, при многих своих недостатках была права, а Революция, при многих своих достоинствах, была не-права. И поэтому революционная, террористическая борьба против этой власти была неправым делом»[1364].

Казалось, что это было запоздалое раскаяние. Но нет, себя Александр Иванович ни в чем виноватым не считал – ведь он всегда был против революции. Хотя на самом деле никто из либеральных деятелей не сделал столько для ее торжества, как Гучков. И сейчас он снова был готов вести борьбу с установившейся в России властью до полного ее уничтожения. В прошлом решительный борец с терроризмом, Гучков призывал вести борьбу с Советской Россией, используя террористические методы. «… никогда еще в истории вообще,

[1363] РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
[1364] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.

а в частности в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России»[1365].

Гучков сравнивал установившийся в революционной России строй с самодержавием. «Противник революции» видел в Советской власти особый тип самодержавия, коллективного самодержца с несколькими головами. Это технически затрудняет задачу свержения такой конструкции, но у этого самодержца нет «естественного наследника и заместителя». Значит, с его исчезновением рушится весь режим. «Если бы наши противники узнали, что работа ведется в этом направлении,- с гордостью подчеркивал Гучков,- они усугубили бы свою бдительность»[1366].

Но все же террор оставался скорее запасным вариантом, основные надежды Гучков возлагал на подготовку еще одной интервенции. В период реальной интервенции Гучков установил тесные отношения с самым непримиримым по отношению к большевикам членом английского кабинета, военным министром У. Черчиллем. Тот намеревался первоначально пойти по самому радикальному пути, направив в Россию регулярные силы английских и французских войск. Но, столкнувшись с противодействием большинства министров, от этого плана ему пришлось отказаться. «Мы не в состоянии поддерживать такую власть, которая находится под подозрением, что она преследует реакционные цели»[1367]. Тем не менее, Черчилль не отказался от мысли обострить гражданскую войну, но счел возможным сделать это за счет самих русских.

Черчилль предложил составить армию вторжения из русских военнопленных, освобожденных в Германии, но не успевших выехать из Западной Европы. Предполагалось, что новая армия в 30 тысяч человек внесет перелом в войне в пользу антибольшевистских сил. Из этих людей, отобранных специально англичанами, 25 тысяч намечалось отправить в Архангельск, а 5 тысяч в Прибалтику. Выбирать, по мнению Гучкова, было из кого: среди русских

[1365] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.
[1366] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 29.
[1367] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.

военнопленных в Западной Европе насчитывалось до 8 тысяч офицеров и свыше 300 тысяч нижних чинов[1368].

Все это сильно напоминало замысел, возникший у Черчилля в 1945 году, когда после завершения Второй мировой войны он готовился использовать в возможной войне против СССР немецких военнопленных. Планы Черчилля тогда сорвала твердая позиция Советского правительства[1369].

В середине 1920-х годов Гучкову показалось, что вторая интервенция может стать явью. Международная обстановка, по представлениям Гучкова, изменилась коренным образом. Для некоторых стран, в частности Англии, борьба с московским большевизмом стала вопросом актуальным. Если Советский Союз укрепится, наступит конец, если не Англии, то, по крайней мере, Британии. «Все эти условия дают основание думать, что наши русские активные группы и новые русские активные планы, применяющиеся в новой обстановке, складывающейся в Европе вокруг “русского вопроса”, могут встретить обновленный интерес, и среди правительств, и среди политических партий, и среди иных групп». Период разочарования после неудач в борьбе с московским большевизмом, по его мнению, подходил к концу[1370].

Однако Гучков сильно переоценивал свое значение «среди русских групп». Он больше не был тем безоговорочным лидером оппозиции, каким являлся перед Февралем. Об этом говорит отношение к нему монархистов - сторонников великого князя Николая Николаевича. Конечно, их отношение перед Февралем к верховной императорской власти не сильно отличалось от тогдашней позиции Гучкова, но именно это и вменялось ими теперь в вину Гучкову.

В еженедельнике Высшего монархического Совета от 16 августа 1925 года рассматривался вопрос об отношении к монархии прежних революционеров. По мнению членов монархического Совета, нельзя допустить повторения «мрачной памяти парламентского прогрессивного блока 1916 года, в смуте коего погибли многие правые, сдуру поверившие в искренность и патриотизм Милюкова,

---

[1368] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 70. Л. 8, 9.
[1369] Широкорад А.Б. Англия. Ни войны, ни мира. М., 2009. С. 394.
[1370] ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 39-40.

Гучкова и им подобных. Смотрите, пишут нам, чтобы на наших плечах не выскочили на верх те, кто до сих пор кланяются завоеваниям революции и не хотят сознаться в своих преступлениях 16 и 17 годов… допустить их в свои руководители было бы просто нелепо»[1371].

А.И. Гучков вызывал закономерное неприятие со стороны многих монархистов, послушно шедших за ним в начале 1917 года, и больше не являлся лидером антибольшевистских сил. А потому реализация замысленных им политических комбинаций была невозможной. В среде белой эмиграции росло понимание, что в создавшихся условиях альтернативы большевикам нет. Именно это делало перспективу второй интервенции все менее реальной. Но для окончательного преодоления кризиса требовалось стабилизировать отношения с крестьянством.

Еще в 1921 году большевики сделали серьезные уступки населению. X съезд РКП (б) разрешил крестьянам свободу торговли при условии бесплатной сдачи государству определенной части урожая в виде налога. Эта уступка устроила подавляющую часть крестьянства. Волна восстаний против власти стала снижаться. Власть большевиков была спасена[1372].

Так завершилась жестокая межпартийная борьба в России, продолжавшаяся около двадцати лет. Единственная оставшаяся партия получила полную свободу действий. Это позволило ей осуществить необходимые стране преобразования, направленные на решение стоявших перед ней экономических проблем (подъем промышленности и превращение России в крупнейшую промышленную державу). Но поскольку политическая борьба в стране с ликвидацией остальных партий не прекратилась, теперь она продолжалась внутри одной, большевистской партии. И в связи с пренебрежительным отношением большевиков к формальной демократии в стране стали возможны массовые репрессии граждан. Это были, конечно, негативные, отрицательные моменты, но даже они не могут заслонить того позитивного, положительного, что было сделано большевиками. И хотя за

[1371] ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 210. Л. 1 (об.).
[1372] История политических партий России… С. 427.

промышленную модернизацию была заплачена огромная цена, главное было сделано: Россия совершила колоссальный рывок, став промышленным гигантом, и не просто вернулась в число ведущих стран мира, но ворвалась туда, стала одной из двух крупнейших мировых супердержав, наряду с США.

Белое движение, не сумевшее повести за собой большинство населения России, потерпело закономерное поражение. Теперь единственным восстановителем порядка могла быть только партия большевиков. На этом пути у них оставалось одно, трудно преодолимое препятствие – интересы крестьян, социального слоя, включавшего до 80 % населения. Крестьяне и большевики по-разному представляли дальнейшее развитие общества. Крестьяне видели в Советах революционные органы власти, призванные выражать волю местного населения. Большевики считали, что местные Советы обязаны строго подчиняться указаниям вышестоящих органов. Совместить два этих подхода было никак нельзя: народная вольница вела к распаду страны.

Народные восстания 1921 года несли серьезную опасность большевистской власти. Крестьянской массой овладевали анархические настроения. Все активнее звучали призывы к совершению третьей революции. И в этих условиях, большевики защищали не просто личную власть: они боролись за сохранение российского централизованного государства. Крестьянам сложно было договориться об организации совместных действий по всей стране, но содействовать этому процессу была способна социалистическая оппозиция – эсеры и меньшевики. На определенном этапе эсеры вполне могли поднять народ на борьбу. Пока эсеровская партия продолжала существовать, такая угроза сохранялась.

И хотя партия эсеров не принимала активного участия на этапе массовых народных восстаний (народ боролся с большевиками без организационного руководства со стороны какой-либо партии), она не бездействовала. Последний, десятый Совет партии, состоявшийся в 1921 году, предлагал эсерам вновь объединиться с крестьянами для борьбы с большевистской властью. Объединение их усилий повышало вероятность падения большевистского правительства.

Для срыва такой возможности большевики предпринимают ряд превентивных мер. Одной из них стал судебный процесс над партией эсеров, состоявшийся в 1922 году, решения которого позволили XII партийной конференции принять резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», запретившую деятельность обеих умеренно-социалистических партий. Но окончательно преодолеть эсеро-меньшевистскую опасность позволил наметившийся в начале 1920-х годов у большевиков новый правый курс, заключавшийся в определенном сближении с либерально-консервативными силами. Видя намечающийся союз эсеров и меньшевиков с крестьянами, в разгромленных остатках либерального и консервативного лагерей росло стремление к поддержке большевиков в возникавшем конфликте. Ими постепенно овладевало понимание, что большевизм становится национальной силой и превращается в единственного защитника государственных интересов России на внешнеполитической арене. От выражающих настроения этих кругов сменовеховцев, одним из лидеров которых являлся кадет Ю.В. Ключников, большевики получили определенную, скорее моральную, но от того не менее важную поддержку, в момент намечавшейся ожесточенной борьбы с крестьянскими революционерами и их потенциальными союзниками – эсерами и меньшевиками.

В условиях революции борьба за власть разгоралась внутри социалистического лагеря. Российская буржуазия, в лице партии кадетов, получила доступ к власти слишком поздно, когда у нее уже появился сильный конкурент в лице правых социалистов. Основной ударной силой в блоке умеренных социалистов являлась эсеровская партия. Меньшевики, ставшие влиятельнейшей силой в начале революции, главными творцами Февраля, быстро утратили популярность и в дальнейшем действовали исключительно в качестве союзников партии социалистов-революционеров.

В результате кадеты и меньшевики больше не претендовали на лидерство в ходе революции. Кадеты на уровне правительства и вовсе потерпели поражение не от социалистов, а от альтернативной им либеральной промасонской

группировки, возглавлявшейся А.Ф. Керенским и Г.Е. Львовым. То есть Временное правительство вновь приобретало черты беспартийного, поскольку его костяк составляли представители партий, октябристов и прогрессистов, прекративших существование с началом революции. Оставались лишь две партии, сохраняющие в условиях 1917 года надежды на обретение власти - эсеры и большевики.

Эсеры в провинции начали активно вытеснять кадетов из органов власти. Уже к маю 1917 года у них сосредоточилась почти вся местная власть. Эсеры прочно доминировали в комитетах общественной безопасности (КОБах), уездных земствах, начинали постепенный захват губернских земств. Так, в Верхневолжском регионе лишь в Ярославской губернии до лета 1917 года за кадетами оставались посты губернского комиссара (Конст. К. Черносвитов) и городского головы (В.С. Лопатин). Наиболее остро происходило изгнание кадетов с руководящих постов во Владимире, где на состоявшемся в апреле съезде комитетов общественной безопасности и Советов губернии, крестьянская и рабочая группы, образованные из эсеров и меньшевиков, воспользовавшись большинством, настояли на переизбрании губернского КОБа.

Получая в провинции все больше властных полномочий, эсеры разжигали в обществе атмосферу ненависти. Весь период с февраля по октябрь характеризовался острой и непримиримой, но зачастую мелочной борьбой. Она была вредной для страны, ослабляющей авторитет власти и сеявшей семена вражды. Мелкие конфликты углубляли противоречия внутри губерний. В провинции разгоралась не только острая губернско-уездная борьба, но и борьба внутри уездов. Конфликты проникали на низовой, волостной уровень.

Неприязнь народа к власти усиливала продолжающаяся война. Эсеры ничем не облегчили страдания народа: Россия продолжала участвовать в войне, как и до Февраля. Но при этом данные его страдания были уже бессмысленны, поскольку партийная доктрина эсеров предполагала, что по итогам войны Россия не получит в качестве компенсации за потери никаких территорий и денежных вознаграждений. Такая постановка вопроса, выдвинутая эсерами, была невыгодна

России, зато устраивала ее союзников. Мир без аннексий и контрибуций в реалиях 1917 года означал односторонний отказ от вознаграждения страны за понесенные потери, ведь союзники России отказываться от него не собирались. О необходимости переориентации поддержки с либералов на умеренных социалистов еще в марте 1917 года английский посол Д. Бьюкенен писал премьер-министру Д. Ллойд Джорджу.

Будь эсеры и меньшевики действительными интернационалистами, им было бы намного лучше, не выходя в одностороннем порядке из войны, свести к минимуму участие в ней России, и ограничившись поддержанием обороны, приступить к поиску мирного выхода из войны. Такие действия предлагал первый Верховный главнокомандующий революционной России М.В. Алексеев, рекомендовавший не предпринимать наступательных операций на фронте. Вместо этого недавние противники войны, эсеры и меньшевики, проявили наибольшую заинтересованность в организации наступления.

Однако Февраль стал непреодолимым препятствием для дальнейшего продолжения войны Россией. Реальная ответственность за начавшийся развал армии лежала не на большевиках, а на силах, пришедших к власти в февральско-мартовские дни - либералах и умеренных социалистах, не ожидавших, что в условиях революции ход военной кампании будет предопределяться солдатскими настроениями. Добившись отречения Верховного главнокомандующего Николая II в ходе войны, они не предвидели последующего неповиновения солдат. Лишившись царя, армия теряла главную опору, и летнее наступление Временного правительства, в отличие от планировавшегося при Николае II весеннего наступления, изначально обрекалось на поражение. Облик армии, проведшей три года в войне, кардинально изменили несколько революционных месяцев. Офицерско-генеральская среда не смогла противостоять «самодержавию солдата». Развращенная свободой армия представляла большую угрозу не для врага, а для собственного населения. Без императора императорская армия превращалась в массу анархистов, желавших одного: скорее вернуться домой.

В распоряжении эсеров все же оставались достаточные ресурсы для успеха в Феврале, являйся они такой же прагматичной партией, как и большевики. В их подчинение перешло подавляющее большинство органов власти. Но Февраль продемонстрировал, что эсеры – партия эмоций, а не рассудка. Сегодня становится модным рисовать благостный образ партии, как несчастной жертвы нечестного поведения большевиков. Но в партию входили не скромные люди, а бунтари, прошедшие горнило революционных боев с самодержавием. Эсеры накаляли обстановку в стране не менее активно, чем большевики, и закладывали в народ, впервые почувствовавший силу, большие социальные ожидания, ничего не говоря о возможных трудностях в будущем.

Сосредоточение местной власти имело для эсеров колоссальный отрицательный заряд, поскольку в глазах народа они давно ассоциировались с властями, но реализовать программу партии могла только центральная власть. Главная проблема для эсеров заключалась в ложном впечатлении, что партия контролирует уже и Временное правительство. В реальности возглавивший в июле 1917 года правительство А.Ф. Керенский, являясь формальным членом партии, не имел никакого отношения к ее организационным структурам, и скорее отдалял партию от центральной власти. Керенский ориентировался в правительстве не на эсеров, а на промасонскую группу министров-львовцев, с которой работал еще в первом, чисто либеральном кабинете.

Именно поэтому в октябрьские дни эсеры и не препятствовали большевикам. Осенью их структуры вступили с министром-председателем в открытый конфликт, начавшийся на Демократическом совещании, где они пытались образовать однородное умеренно-социалистическое правительство. Отказа участвовать в работе такого правительства Керенскому не простили, и противостояние самой влиятельной партии Февраля с главой правительства достигло апогея 24 октября.

Эсеры, несмотря на некоторое ослабление влияния, выражающееся в потере большинства в Советах, были в состоянии оказать действенный отпор большевикам, но не хотели помогать правительству в его борьбе. Они полагали,

что без них никакая власть невозможна, и, отобрав власть у Керенского, большевики вновь обратятся к ним. В последующие дни мысли эсеров и меньшевиков направлялись на создание нового коалиционного правительства, с участием всех социалистических партий.

Ни одна из обсуждавшихся в 1917 году идей не имела так мало шансов на успех, как эта – о коалиционном правительстве. Эсеры и большевики сражались на одном поле, претендуя на господство над массовыми слоями населения. И могли находиться на вершине власти только в одиночестве. Столкновение эсеров и большевиков выглядело неизбежным, и попытки умеренных социалистов убедить большевиков в необходимости формирования совместного правительства лишь предоставляли большевикам время для укрепления властных позиций. Иллюзии эсеров не позволили им использовать против большевиков сохранявшийся у них силовой потенциал.

Чисто внешне действия большевиков по захвату власти носили анархический характер, но в действительности это было началом собирания страны. Большевики делали то, чего не сумела прежняя власть: восстанавливали единство центральной и местной власти. Впервые после февраля центральное правительство, Совнарком, получило поддержку губернских властей от соответствующих Советов рабочих и солдатских депутатов.

Большевики, в отличие от эсеров, своевременно поняли, что победу одержит сила, преобладающая на местах. Основные события Октября происходили не в Петрограде, а в регионах: большевистская партия одновременно осуществляла переход власти по всей стране. Координировали захват власти областные комитеты, составлявшие промежуточное звено между ЦК и губкомами. Они руководили действиями партийных работников соседних губерний, разрабатывая пароли для губернских центров и крупнейших уездных городов. Так, действия верхневолжских большевиков направлял Московский областной комитет. Для каждого города областниками утверждался отдельный пароль. При получении телеграммы с его текстом, местные большевики должны были знать, что их партия берет власть в столице, и действовать на своем уровне.

Следовательно, большевики в октябрьские дни проделали громадную собирательную работу по объединению страны в руках одной политической силы и восстановлению порядка в России. Хотя октябрьские события 1917 года были похожи на заговор, но этот заговор был проведен скоординировано, одновременно по всей стране. По сути, Октябрь, как второй этап единой революции, выполнял задачи, решаемые обычно контрреволюцией. Поэтому мы вправе полагать, что в русской революции именно Октябрь оказался своеобразным русским Термидором, прервав самые разрушительные действия революции, связанные с ее февральским этапом. После Октября началось пусть и медленное, но последовательное возвращение к порядку, постепенное преодоление хаоса в стране. Губернии переподчинялись центру, а уезды и волости губерниям. Исходя из этого, действия большевиков следует признать прогрессивными, так как они выполнили важную задачу - восстановили вертикаль власти в стране.

Кроме того, распустив Учредительное собрание в январе 1918 года, и не предоставив эсерам в нем полной свободы, большевики предотвратили гораздо более страшную гражданскую войну в России, чем имевшая место в 1918-1920 годах. Неопытность эсеров и меньшевиков, намеревавшихся дать крестьянам неограниченную свободу, делало неминуемым обострение конфликта в деревне. Русская императорская армия, абсолютно разложившаяся и тогда еще не демобилизованная, неминуемо вмешалась бы в гражданскую войну, развернувшуюся вскоре в деревне. Причем обеими частями армии: и солдатско-крестьянской, и офицерско-дворянской. Их ожесточенная борьба привела бы к оккупации России военными силами иностранных государств обоих блоков: и Антанты, и Четверного союза. Такое развитие событий вело к разделу России. Тем более многие территории были настроены на выход из состава России, и их желания при этом могли получить весомую поддержку от находящихся в стране оккупационных войск.

Формирование Белого движения, также нацеленного на восстановление порядка, только с правой стороны, началось осенью 1917 года. Кадетская партия,

осудив Корнилова в августе 1917 года совместно с социалистическими партиями, окончательно перестала быть лидером правой оппозиции. У белых в споре с большевиками не было шансов на победу, ведь численность их армий на всем протяжении гражданской войны многократно уступала численности Красной армии. Но у них была другая, более значимая линия фронта: их реальными противниками тоже выступали эсеры, выдвигавшие программу федерализации, чреватую распадом России. И в борьбе с ними белые одержали победу: колчаковский переворот в Омске окончательно вытеснял эсеров из органов власти в России. Результатом полуторагодичной деятельности, когда-то наиболее влиятельной партии, стала разрушенная страна. Эсеры привели страну к национальной катастрофе. Теперь было необходимо восстанавливать порядок. В этом и заключалась подоплека гражданской войны. Основными сторонами гражданской войны становились силы, стремившиеся к восстановлению порядка с левой и правой стороны: красные и белые.

Противостояние белых и красных лишь подводило к главному столкновению революции: его победителю предстояла схватка с крестьянами. Народные восстания 1921 года неправильно представлять борьбой отчаявшихся людей за физическое выживание. В них правомерно видеть желание все еще харизматичной революционной силы, верящей в возможность утверждения своей «правды», установить ее. Крестьянская мечта о свободном труде, укорененная в несколько минувших веков, в начале 1920-х годов как-никогда казалась близкой к воплощению. Пагубность глобального успеха «крестьянской цивилизации» выглядит очевидной. Крестьянская «правда» несла замкнутость, изолированность отдельных крестьянских миров – общин. Каждая община при этом жила бы внутренней жизнью, интересуясь в лучшем случае тем, что происходит у соседей. Сверхмаксимально подобные объединения крестьян могли распространяться на губернский уровень. Этот расклад делал невозможной единую национальную экономику. Россия, воплотившая в жизнь многовековую крестьянскую мечту о полной свободе, стала бы гораздо слабее даже России февральской, и ей неминуемо предстояло исчезнуть с географической карты.

Последний барьер для «крестьянской правды» представляла большевистская власть. Вступив в борьбу с крестьянством, большевики вели войну за централизацию страны. Российскому обществу предстоял жесткий выбор: демократического выхода из кризиса не было. Демократами не были ни большевики, ни крестьяне, имевшие опыт «иллюминации» помещичьих усадеб в 1905 году, и изгнания помещиков из деревни в 1917 году.

Возможность присоединения к крестьянским и народным восстаниям эсеров и меньшевиков усиливала вероятность их победы. Десятый Совет партии продемонстрировал намерение эсеров вновь соединиться с массовым крестьянским движением. Деятельность умеренных социалистов вела к углублению кризиса, поскольку они имели возможность помочь крестьянам в свержении большевистской власти, но после этого, как и при Комуче в 1918 году, были бессильны заставить крестьян считаться со своими распоряжениями. В сложный для большевиков период умеренные социалисты превращались в социалистов сверхрадикальных, выступая против них под флагом левой оппозиции.

Решающий конфликт революции требовал аккумулирования всех сил: эсеры и меньшевики звали страну обратно в смуту. Осколки других потерпевших поражение партий вынуждены были выбирать между двумя остававшимися общественно-политическими силами. Все большая часть либеральных и консервативных кругов, увидев предпосылки намечающегося союза эсеров и меньшевиков с крестьянами, предпочитала в возникающем конфликте поддерживать большевиков, превратившихся за годы революции в единственную силу, защищающую национально-государственные интересы России на внешней арене. В 1921 году такой союзной большевикам силой стали сменовеховцы.

В целом, партийная система в России начала XX века продемонстрировала крайнюю неэффективность. Одна из ее причин оказалась парадоксальным образом связана с самодостаточностью партий. Каждая из рассмотренных нами шести ведущих партий имела жесткое видение, в каком направлении должна развиваться страна, не совпадающее с позицией других крупных партий. Сильно

ослабляла партийную систему разделенность двух ее частей, консервативно-либеральной и социалистической. В дореволюционный период полулегально могли действовать лишь консервативные и либеральные партии, в условиях революции право на легальное функционирование принадлежало в основном социалистическим партиям. Партии фактически попадали в разные среды, и сотрудничество между ними затруднялось. Социалисты, получившие представительство в дореволюционной Государственной думе, и даже ставшие почти большинством в ее втором созыве, находились на второстепенных ролях и были бессильны воздействовать на политический режим императорской России, а кадеты показали полную неспособность действовать в условиях революции. Партии же, имевшие возможность взаимодействовать между собой, видели в соседях по партийному спектру не союзников, а конкурентов, мешающих их продвижению на верхние государственные этажи.

В итоге между черносотенцами, октябристами и кадетами установились отношения, блокировавшие возможность изменений в государственном строе императорской России, и проведение преобразований в любом из направлений было возможно только при установлении контактов руководителя государственного органа с одной из партий. В период до 1917 года вероятность подобных прорывов возникала дважды. Вначале инициатива умеренных реформ исходила в 1904 году от министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, но ее сорвали будущие кадеты, входившие тогда в Союз освобождения, стремившийся к радикальным реформам. А самая реальная попытка радикального реформирования, предлагавшаяся в 1911 году премьер-министром П.А. Столыпиным, была отвергнута Союзом 17 октября. В революционный период основными партиями стали эсеры и большевики, компромисс между которыми и вовсе исключался. Они являлись настолько сильными партиями, что одновременно находиться на вершине власти никак не могли.

Недееспособность рассматриваемой нами партийной системы проявилась в том, что, хотя в целом, она декларировала стремление к преобразованию политической системы, конструктивные предложения изменений, потенциально

способные повлиять на действительность, всегда исходили при этом от более правых сил, как относящихся к самой партийной системе, так и от государственных органов, ни разу не получив при этом ответного согласия более радикальных партий. Кроме инициатив Святополк-Мирского и Столыпина, можно вспомнить о конкретном предложении октябристов, адресованном кадетам в 1907 году о заключении союза. Ни одного предложения о сотрудничестве не исходило от более левых партий. Конечно, определенные ошибки допускались и властью: не случайно, обе партии, черносотенцы и октябристы, первоначально стремившиеся к союзу с правительством и императором, в дальнейшем перешли в оппозицию, и сыграли значительную роль в конечном поражении монархии. Но причины неудач партийной системы были заложены все же не в сопротивлении властей, а в ней самой, в особенностях ее функционирования.

Подавляющее большинство партий, входивших в начале XX века в российскую партийную систему, потерпели закономерное поражение. В консервативно-либеральной части, они либо не сумели убедить монарха в необходимости проведения радикальных реформ, или не добились сохранения монархии в противоборстве с более радикальными партиями. Недопонимание между ними привело к свержению монархии и переходу власти к более радикальным партиям. Доминировавшие в ходе революции умеренно-социалистические партии эсеров и меньшевиков не сумели овладеть широкими народными массами, прежде всего, крестьянами. Единственной партией, подчинившей стихийное народное движение и полностью овладевшей государственной властью, оказались большевики – партия, находившаяся на самом краю, периферии партийной системы. Приход большевиков к власти произошел лишь потому, что указанные выше изъяны в партийной системе, функционировавшей в России начала XX века, делали неэффективной деятельность других российских партий, находившихся правее них, и обрекали на поражение саму партийную систему. Победа большевиков привела к ликвидации партийной системы, доведшей Россию до революции, чреватой распадом страны. Большевики стали последним рубежом на пути распада России, как целостного

государственного образования, сохранили ее суверенитет и восстановили в ней порядок. А в качестве дополнительного бонуса получили право на реализацию своей идеологической доктрины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развернувшаяся в начале XX века борьба получилась острой вследствие глубоких разногласий между всеми участниками политического процесса. Партийная карта России была очень пестрой, напоминая лоскутное одеяло. Все шесть ведущих партий страны, входивших в три лагеря – монархический (правый), либеральный и революционный, являлись самостоятельными силами. При этом границы между лагерями не соответствовали разграничительным линиям, раздирающим общество. Так, граница интеллигентского социума, предпочитавшего революционную борьбу с правительством, проходила не по черте, отделяющей либералов от консерваторов, а внутри либерального лагеря. Кадеты входили в интеллигентское сообщество, наряду с социалистическими партиями. Октябристы, находившиеся на правом фланге либерального лагеря, наравне с черносотенцами главную угрозу для последующего развития страны видели в радикализме интеллигенции.

Каждая из рассматриваемых в диссертации партий, будучи достаточно крупной, имела собственное видение ситуации и надеялась реализовать исключительно свою доктрину. Проведенный анализ взаимоотношений между ними показывает, что, несмотря на отдельные временные союзы, у них преобладало негативное отношение друг к другу. Отсутствовали принципиальные основы для совместных действий у партий, относящихся к соседним лагерям. И даже неприязнь к действующей власти не объединяла усилий либерального и революционного лагерей. Входящие в революционный лагерь социалистические партии полагали представителями отживающего мира, подлежащего устранению, не только консерваторов, но и либералов, включая кадетов. Аналогично складывались взаимоотношения сил, призванных защитить от социалистов систему дореволюционной России. Критика консерваторов и либералов чаще распространялась на центристские и правые партии, чем на левый фланг партийного спектра. Более того, конфликтность возникала и у партий одного лагеря, как это было с теми же либералами (кадетами и октябристами) или

социалистами (эсерами и социал-демократами, дополнительно расколовшихся на большевиков и меньшевиков). Причем, как правило, отношения между партиями, располагавшимися по соседству, характеризовала более непримиримая вражда (исключением стали только эсеры и меньшевики, договорившиеся о стратегическом союзе, и то только начиная с 1907 года). Выработку эффективной стратегии и тактики тормозили и сложные фракционные отношения внутри партий. Данная особенность межпартийных взаимоотношений затрудняла мирное разрешение глобального конфликта в России.

Другим важным фактором, повлиявшим на характер борьбы в начале XX века, следует признать то обстоятельство, что подавляющее большинство из рассмотренных партий (от октябристов до большевиков), пусть и с разной степенью интенсивности, было настроено оппозиционно против власти. В таких условиях неизмеримо возрастала роль монарха. Однако как раз трон оказался самым уязвимым местом во всей политической системе. Не нашлось ни одной партии, оценивающей обстановку в стране приблизительно так, как императорская власть. С теми же черносотенцами регулярно возникали многочисленные недомолвки. Непримиримость партий к власти до предела накалила обстановку. Межпартийная борьба в России принимала максимально жесткий характер. В создавшейся ситуации исход борьбы был совершенно непредсказуем. Победить могла любая сила, как противостоявшая самодержавию, так и пытавшаяся заключить с ним союз (от черносотенцев, и кадетов с октябристами, до большевиков). Каждая из рассмотренных нами партий имела, по выражению С. Цвейга, свой «звездный час», когда могла подчинить себе органы государственной власти, либо добиться более успешной, согласованной их деятельности.

В ходе рассмотрения политических событий, происходивших во временном интервале с 1905 по начало 1920-х годов, нами исследовались попытки ведущих российских партий начала XX века повлиять на деятельность государственной власти, и последствия для нее взаимоотношений, сложившихся между основными партиями того периода.

1905 год заложил глубинные противоречия между основными политическими силами, партиями и правительством. Жесткость либералов в отношениях с властью, нежелание социалистов подчиняться либералам вывели ситуацию на максимальный уровень конфликтности. Все, что происходило в дальнейшем, было производно от сделанного тогда выбора. Вместо поиска согласия, предложенного властью, активисты радикальных партий, либеральных и социалистических, избрали тактику непримиримости.

Когда в 1905 году противоречия между властью и обществом переросли в открытый конфликт, возглавили борьбу с самодержавием либералы. Кадетам казалось, что их путь во власть находится на гребне волны народного недовольства, через взаимодействие с социалистическими партиями. Но их союз действовал некоторое время исключительно потому, что политический вес социалистов намного уступал либеральному. До октября 1905 года, образования кадетской партии, полное и безраздельное господство в антиправительственной борьбе принадлежало либералам.

Для партийной системы имела серьезные последствия ложная стратегия, выбранная кадетской партией. Союз освобождения, протообъединение кадетской партии, пропустил первый поворот, способный изменить положение тогда еще только создающейся партийной системы. Парадокс ситуации осени 1904 года заключался в том, что конфликт разворачивался между прогрессистскими силами, желавшими изменений в государственном строе. Представители Союза освобождения, оказавшиеся в большинстве на ноябрьском съезде 1904 года, упустили возможность достижения компромисса с реформистским крылом власти, стремившимся договориться с обществом о начале политических реформ. Именно в ходе противостояния с министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским сформировалась та программа, во имя реализации которой позднее действовала партия кадетов. Данный конфликт, с кровавым воскресеньем, как звеном в цепи борьбы либералов с правительством, заложил весь последующий комплекс проблем. С этого времени, с 1904 года, и началась борьба либералов с властью, приведшая к революции.

Формирование партийной системы произошло вследствие возникшего конфликта радикальной части либерального лагеря с властями. Процесс партогенеза вышел из-под контроля правительства. Идея создания партий принципиально исходила от оппозиции, и все правительственные действия в этом направлении являлись лишь ответом, реакцией на нее.

Все же при всем размахе народных волнений в 1905-1906 годах, реальной угрозы ликвидации монархии тогда не было. Основные решения в стране продолжал принимать император. И договариваться надо было с ним и его правительством. Между тем, усиливавшаяся самостоятельность социалистов (Декабрьское вооруженное восстание в Москве 1905 года, инспирированное большевиками, эсеровский террор) создавала достаточную напряженность для того, чтобы даже на фоне явно радикальной тактики кадетов, возник переговорный процесс о формировании кадетского правительства. По крайней мере, на правительственном уровне преобладали настроения о необходимости его образования. Привела к роспуску I Думы и предопределила дальнейшие неудачи кадетов вспышка активности, предпринятая левым крылом кадетской фракции в начале июля 1906 года. Упустив момент наивысшего влияния, партия утратила возможность формирования либерального правительства из представителей общественности. Она предпринимала позднее осторожные попытки перейти на центристские позиции, стремясь к соглашению с октябристами, но в этом ей препятствовала закрепившаяся за ней во властных кругах репутация революционной партии. Вместе с тем, превалировавшие в действиях кадетов оппозиционные настроения позволили им, единственной из либеральных партий, сохраниться на политической сцене в качестве самостоятельной силы после Февраля.

Роспуск 3 июня 1907 года II Государственной думы означал поражение интеллигентских партий (кадетов и социалистов), стремившихся ликвидировать самодержавие штурмом. Но задача ликвидации самодержавия не потерпела краха. Теперь начиналась самая серьезная попытка преобразования самодержавия в конституционную систему. Попытка эта исходила уже сверху, от правительства, и

вошла в историю как столыпинские реформы, а политической силой, стремившейся стать двигателем преобразований, были октябристы. Близость октябристов к бюрократии позволяла рассчитывать, что правые силы черносотенной ориентации наладят сотрудничество хотя бы с верхами общественности, также выступавшими против интеллигентского максимализма.

Столыпин оказался единственным руководителем правительства, способным на выстраивание долговременных самостоятельных отношений с Государственной думой. Он предоставил партиям, пробившимся в Думу и получившим там депутатские места, властный институт, где они могли действовать легально. При этом ему удалось обуздать левую и леволиберальную оппозицию. Несомненным достижением премьера являлось то, что его действия поддерживались теперь 301 депутатом из 442.

Для сохранения дореволюционной системы наиболее важными были взаимоотношения черносотенцев и октябристов. Это были единственные партии, изначально намеревавшиеся поддерживать Николая II. При их терпимом отношении друг к другу сохранялась вероятность постепенного приспособления самодержавного режима к запросам элитарной общественности. Неприязнь между ними способствовала слому интеллигентскими партиями политической системы императорской России. Успешнее всего отношения двух умеренных партий складывались с осени 1906 по весну 1907 годов. Примечательно, что 13 октября 1906 года блокироваться с октябристами на выборах во II Думу предложил их главный противник А.И. Дубровин. Но к концу существования II Думы взаимоотношения черносотенцев и Столыпина превратились в неприкрытую вражду. Ухудшение их отношений повлияло и на отношение к октябристам. Черносотенцы упрямо признавали в Союзе 17 октября не меньших революционеров, чем кадеты, и призывали октябристов отказаться от надежд на либерализацию режима.

Последний шанс на сотрудничество либералов с правительством был упущен в 1911 году, когда благодаря усилиям П.А. Столыпина появилась возможность преодолеть тупиковую ситуацию в Думе, вызванную нетерпимостью

партий. Отрицательное отношение к октябристам, возникшее у кадетов и черносотенцев, делало объективно невозможными ни радикально-либеральные преобразования союзом кадетов и октябристов, ни правую коалицию октябристов с Союзом русского народа. Альянс октябристов с националистической партией ВНС, тщательно готовившийся Столыпиным, в реалиях 1911 года являлся единственным способом практического проведения конституционных реформ. Столыпин, действуя, как сильный тактик, обеспечил максимально благоприятные условия для реализации проводимой им политики, отвоевав у Союза русского народа правый фланг в Государственной думе. Образование партии националистов и отделение от СРН обновленческого крыла обеспечивали радикальному правительственному курсу достаточную поддержку у правых депутатов. Становилось возможным создание в нижней палате нового большинства, независимого от кадетов и черносотенцев, «революционеров слева и справа».

В этот момент потенциально было достижимо наивысшее согласие между основными институтами власти (парламентом, правительством и короной), более реальное, чем в 1915 году. Ведь Николай II не мешал главе правительства продолжать реформаторскую деятельность, и не стал бы противодействовать новому парламентскому большинству. Тогда как в 1915 году император настороженно относился к Прогрессивному блоку. Решительные действия Столыпина по принятию закона о земствах в западных губерниях давали октябристам последнюю возможность продолжения реформ. В дальнейшем, вплоть до самого конца в феврале 1917 года, никаких призывов во власть к ним больше не поступало. Отвергнув предложение Столыпина, октябристы скатывались в периферийную часть оппозиционных сил – их обошли партии кадетов и прогрессистов. Отказ Гучкова сотрудничать с правительством привел не только к поражению Столыпина, но и подвел черту под попытками либеральных партий мирным путем получить власть. С уходом П.А. Столыпина отношения либералов с властью постепенно приобретают враждебный характер.

В ходе Первой мировой войны либералы, встав на путь прямого противостояния с императором и его правительством, перешли грань допустимой оппозиционной деятельности. Внешней причиной перехода либералов в непримиримую оппозицию стали поражения на фронте. Но «великое отступление» было лишь фоном, а не причиной кризиса. Переход либеральных партий в оппозицию объяснялся разочарованием оттого, что возникшему летом 1915 года в Государственной думе Прогрессивному блоку было отказано в праве формирования правительства.

Либеральная оппозиция развернула против императорской власти гигантскую информационную войну, уверяя общество, что ведет борьбу за смену власти по причине того, что правительство не хочет продолжать войну и стремится к заключению сепаратного мира с Германией. Утверждения оппозиционеров о неспособности правительства продолжать войну не соответствовали действительности: депутатам Государственной думы было хорошо известно, что война приближалась к победному для России завершению. За год, прошедший с лета 1915 года, правительство добилось существенных успехов на фронте, и в конце 1916-начале 1917 годов, вопреки декларациям либералов, вплотную подошло к возможности завершения войны, начав подготовку к весеннему наступлению, ожидавшемуся в апреле 1917 года, совместно с наступлением союзников. В реальности оппозиционность либералов объяснялась тем, что согласно их представлениям только война давала им шанс на приближение к власти. И в случае победы России при опоре на самодержавный режим их мечты на получение власти так и остались бы невоплощенными.

Амбиции либералов подкреплялись сочувствием дипломатических представителей союзных государств Великобритании и Франции. Предметом споров между союзными государствами являлись обещанные России по окончании войны черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Отказать Николаю II в передаче проливов англичане не могли, но в общественном мнении западных стран усиливались настроения о нежелательности их перехода к России. Выход виделся в смещении Николая II до окончания войны. Представлялось, что

успешно завершить войну способны и либералы. Смена одного лица, пусть и Верховного главнокомандующего, не отразится на ходе военной кампании.

После 19 ноября 1916 года актуальность данной проблемы возросла многократно. В этот день новый глава российского правительства А.Ф. Трепов с парламентской трибуны Таврического дворца официально, в присутствии союзных послов Д. Бьюкенена и М. Палеолога, огласил содержание тайного договора с союзниками, заключенного в марте 1915 года. Это означало, что заключенный договор переставал быть тайным, и требовал соответствующей реакции от союзников. Вопрос об отстранении Николая II приобретал принципиальный характер – лишь свержение старой власти могло дезавуировать официальный договор с Россией, превращавшийся в публичный.

Лидер думской оппозиции, кадет Милюков полагал, что развернутый им «штурм власти» приближает страну к обладанию проливами. В ходе поездки в Лондон, состоявшейся после отставки с поста министра иностранных дел С.Д. Сазонова, кадетский вождь узнал от российского посла А.К. Бенкендорфа о желании англичан вновь поднять вопрос о проливах вследствие ухудшения двух стран. Милюков, поддерживавший прямые отношения с британским посольством, был уверен, что препятствием для перехода проливов становится «германская партия». В реальности все обстояло наоборот – это радикализм Милюкова отдалял Россию от проливов. Обвинения российской императорской власти в измене общесоюзному делу были лишь предлогом для вмешательства союзников во внутрироссийские дела.

Ситуация к началу 1917 года складывалась так, что правительство на завершающем отрезке войны поддерживали одни правые. В этот период их позиция была чрезвычайно важна: силы, поддерживавшие Николая II, проявляли себя защитниками независимости и территориальной целостности страны. В случае смены главы государства, независимо от того, кто бы ни стал новым царем, Россия попадала в полную зависимость от Запада и становилась страной с ограниченным суверенитетом. Большинство правых партий, включая обе расколовшиеся части СРН, обновленческую и дубровинскую, теперь вновь

совместно выступали за поддержку правительства. В правом сегменте Государственной думы преобладали здравомыслящие депутаты, стремившиеся образумить агрессивное депутатское большинство, такие как Г.Г. Замысловский или один из лидеров обновленческого Союза русского народа Н.Е. Марков (2).

Оптимальной мерой для преодоления кризиса правые считали роспуск Государственной думы. Николай II даже поручил 9 февраля бывшему министру внутренних дел Н.А. Маклакову составить проект предполагаемого Манифеста о роспуске законодательного учреждения. Эта мера не была спонтанной и готовилась уже в течение полугода правительством. В случае роспуска новые выборы отодвигались на конец года, 1 декабря 1917 года: ожидалось, что к тому времени война закончится победой России. Завершение войны и выборы V Думы могли серьезно изменить политический ландшафт, ведя к образованию новой партийной системы и угрожая прекращением деятельности не только ведущим либеральным партиям, кадетам и октябристам, но и их лидерам – П.Н. Милюкову и А.И. Гучкову. Но Николай II не был настроен в обязательном порядке ликвидировать оппозиционные партии, не возражая против принятия их программы (серьезного пакета конституционных мер) в послевоенный период, если они сохранят лояльность к действующей власти.

Таким образом, компромиссы в начале 1917 года если и были возможны, то только со стороны власти. Отказ от роспуска Думы в феврале 1917 года свидетельствовал не о слабости императора, а о его способности правильно оценивать ход текущих событий. Дума превратилась в символ сопротивления правительству, и в этом качестве свою роль к февралю 1917 года уже отыграла. В декабре 1916 года, съезды Земгора сделали разрыв общества с властью необратимым. И возможный роспуск Думы становился желанным вариантом именно для оппозиции. От имени распущенной Государственной думы, якобы в защиту ее попранных прав, планировали массовые действия другие либеральные организации: Земгор кн. Г.Е. Львова и ЦВПК октябриста А.И. Гучкова. Поддержала оппозиционеров и дворянская корпоративная организация – Совет объединенного дворянства.

Николай II проделал большой путь навстречу требованиям оппозиционного большинства Государственной думы и, вместо роспуска Думы, практически подошел к принятию немыслимого для себя прежде решения о создании либерального правительства. По свидетельствам двух лиц, председателя Государственной думы М.В. Родзянко и начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, он данную грань в итоге преодолел. И хотя 22 февраля 1917 года он так и не явился в Думу, указ об образовании правительства был подписан им перед отъездом в Ставку и вступал в силу в начале апреля, в Пасху. Эта мера для той ситуации была оптимальной. Роковые последствия для Николая II, и готовившегося им весеннего наступления, имело лишь откладывание данного решения. Ему не собирались предоставлять возможности завершения начатой им организации весеннего наступления. Либералы, разоблачавшие военно-техническую беспомощность правительства, понимали, что при проведении наступления неизбежно выявится их обман - им требовалось отстранение высшего государственного руководства накануне возобновления операций на фронте. До 2 апреля, дня Пасхи, Гучков планировал совершить дворцовый переворот - результаты победы лидеры оппозиции намеревались приписать себе. Все лица, вовлеченные в организацию переворота, не желали того развития событий, которое произошло 23-27 февраля 1917 года, то есть перерастания кризиса в народную революцию.

После февральских событий главными становились социалистические партии. Инициаторами вывода рабочих на улицы 23 февраля являлись большевики, переведшие 27 февраля рабочую стачку в вооруженное восстание. На втором этапе событий, с середины дня 27 февраля, руководство восстанием перешло к меньшевикам и эсерам. Либералы были им нужны только в связи с тем, что от перехода руководства восстанием от большевиков к меньшевикам общее положение восставших мало изменилось. Происходившее в Петрограде оставалось военным бунтом. Николай II не собирался вести переговоров с социалистами.

Либералы легализовали успехи социалистов. Согласие, образованного Думой Временного комитета, в ночь на 28 февраля принять власть, явилось фактическим началом русской революции, так как санкционировало восстание в Петрограде и распространило информацию о нем на всю страну. Тем самым, либералы не допустили лобового столкновения власти с революционерами, в результате чего на переднем плане остались социалистические партии. Теперь им предстояло определять развитие страны в ходе начавшейся революции.

Две ключевые партии, кадеты и меньшевики, быстро утратили в революционный период сильные позиции. Меньшевики, ставшие влиятельнейшей силой в начале революции, по существу оказались архитекторами февральского переворота, который стал по-настоящему их звездным часом. В период максимальной популярности весной 1917 года они старались решить две главных проблемы: устранить большевиков, как главных конкурентов, через создание объединенной социал-демократической партии, и вытеснить либералов из правительства. Приезд В.И. Ленина в Россию в начале апреля сорвал их планы построения общей с большевиками партии, хотя вначале объединение социал-демократов происходило достаточно интенсивно (большинство местных партийных структур относилось к объединенным). А комбинацию по вытеснению либералов из правительства сорвали их либеральные конкуренты из группировки кн. Г.Е. Львова, первыми включившие социалистов в состав правительства. В результате, утратив популярность, меньшевики в дальнейшем действовали исключительно в качестве союзников партии социалистов-революционеров.

Кадеты были оттеснены с ведущих мест в правительстве той же надпартийной группой кн. Львова. Состав либерального большинства там сложился совсем не случайно. Костяк его образовали лица, входившие в псевдомасонскую организацию «Великий Восток народов России». Цель данной организации заключалась в координации всех интеллигентских сил (либеральных и социалистических). Глубинные интересы «масонов» заключались в контроле над кадетами, поэтому вошли туда либералы, не входившие в кадетскую партию, или напрямую противостоявшие партийному руководству внутри организации –

подобно левому кадету Н.В. Некрасову. Возглавлял данную группу А.Ф. Керенский.

Показательно, что Временное правительство, ослабляя влияние кадетов, во многом продолжало линию царского правительства на беспартийность. Конечно, это объяснялось и тем, что основу правительства составили представители партий, распавшихся с началом революции – октябристов и прогрессистов. В действительности составлявшие костяк большинства пресловутые «масоны» не имели никакой опоры на местах, и потому по существу правительство повисло в воздухе без организационной опоры на местный уровень управления.

Из партий, сохранявших надежды на успех, оставались лишь эсеры и большевики. Основная ударная сила в блоке умеренных социалистов перешла к эсеровской партии. Эсеры в провинции начали активное вытеснение кадетов из органов власти. Уже к маю 1917 года у них сосредоточилась почти вся местная власть. Эсеры прочно доминировали в комитетах общественной безопасности (КОБах), уездных земствах, начинали постепенный захват губернских земств. Масштабы отторжения кадетов от власти видны на примере Верхневолжского региона, где лишь в Ярославской губернии кадеты до лета 1917 года сохранили посты губернского комиссара (Конст. К. Черносвитов) и городского головы (В.С. Лопатин). Наиболее остро проходило изгнание кадетов с руководящих постов во Владимире, где на состоявшемся в апреле съезде комитетов общественной безопасности и Советов губернии, крестьянская и рабочая группы, образованные из эсеров и меньшевиков, воспользовавшись большинством, настояли на переизбрании губернского КОБа.

Получая в провинции все больше властных полномочий, эсеры разжигали в обществе атмосферу ненависти. Весь период с февраля по октябрь характеризовался острой и непримиримой, но зачастую мелочной борьбой. Она была вредной для страны, ослабляющей авторитет власти и сеявшей семена вражды. Ухудшающаяся обстановка в провинции дополнительно накладывалась на конфликт Временного правительства с главными региональными органами (губернскими КОБами), по вопросу о процедуре назначения глав губерний

(комиссаров), приведшего в марте 1917 года к основному конфликту революции – расколу центральной и губернских властей. Губернские органы управления вышли из повиновения центральному Временному правительству. Мелкие конфликты, развиваемые эсерами, углубляли противоречия вовнутрь губерний. В стране разгоралась острая губернско-уездная борьба, и борьба внутри уездов. Конфликты проникали на низовой, волостной уровень.

В распоряжении эсеров все же находились достаточные ресурсы для успеха, являйся они такой же прагматичной партией, как и большевики. В их подчинение перешло подавляющее большинство властных органов. Но Февраль продемонстрировал, что эсеры являлись партией эмоций, а не рассудка. Если большевики стремились подчинить действия любых государственных структур партии, то эсерам, руководившим на протяжении большей части Февраля почти всей местной и региональной властью, было достаточно простой координации действий подконтрольных им учреждений. Но в том-то и дело, что никакой координации у них не было! Каждый орган, подчиненный партии, действовал сам по себе, и она даже не пыталась использовать этот потенциал в своих интересах. Нередко органы, в которых были представлены эсеры (КОБы, земства и городские думы), начинали борьбу между собой.

Неприязнь народа к власти усиливала продолжающаяся война. Эсеры ничем не облегчили страдания народа: Россия продолжала участвовать в войне, как и до Февраля. Но при этом данные страдания были уже бессмысленны, поскольку партийная доктрина эсеров предполагала, что по итогам войны Россия не будет претендовать на получение в качестве компенсации за людские и экономические потери никаких территорий и денежных вознаграждений. Такая постановка вопроса, выдвинутая эсерами, была невыгодна России, зато устраивала ее союзников. Мир без аннексий и контрибуций в реалиях 1917 года означал односторонний отказ от вознаграждения страны за понесенные потери, ведь союзники России отказываться от него не собирались. О необходимости переориентации поддержки с либералов на умеренных социалистов еще в марте

1917 года английский посол Д. Бьюкенен писал премьер-министру Д. Ллойд Джорджу.

А между тем Февраль превращался в непреодолимое препятствие для дальнейшего продолжения войны Россией. Реальная ответственность за начавшийся развал армии лежала не на большевиках, а на тех, кто пришел к власти в февральско-мартовские дни - либералах и умеренных социалистах, не ожидавших, что в условиях революции на первый план при проведении военной кампании выйдет фактор солдатских настроений. Добившись отречения Верховного главнокомандующего Николая II в ходе войны, они не предвидели последующего неповиновения солдат. Лишившись царя, армия теряла главную опору, и летнее наступление Временного правительства, в отличие от планировавшегося при Николае II весеннего наступления, изначально обрекалось на поражение. Облик армии, проведшей три года в войне, кардинально изменили несколько революционных месяцев. Офицерско-генеральская среда не смогла противостоять «самодержавию солдата». Развращенная свободой армия представляла большую угрозу не для врага, а для собственного населения. Без императора императорская армия превращалась в массу анархистов, желавших скорее вернуться домой.

Если внутри либерального лагеря главным оказался спор с кадетами, у эсеров подобные противоречия возникли с А.Ф. Керенским. Со стороны казалось, что партия, подчинившая себе почти всю местную власть, контролирует уже и Временное правительство, ведь правительство в июле возглавил Керенский. В реальности, будучи формальным членом партии, Александр Федорович не имел никакого отношения к ее организационным структурам, и скорее отдалял партию от центральной власти. Он ориентировался в правительстве не на эсеров, а на либеральных министров, львовцев и «масонов», с которыми работал еще в первом, чисто либеральном кабинете.

При этом нет никаких оснований считать, что опора на эсеров придала бы Временному правительству реальную силу. Эсеровская программа федерализации объективно вела к распаду России. Никакой благодарности к ним национальные

социалисты не испытывали. Показательна в этом плане судьба эсеров на Украине, являвшейся одним из главных центров распространения партии. Сразу после победы революции в крестьянских массах большим спросом начала пользоваться украинская партия социалистов-революционеров. Однако чаще взаимоотношения между двумя эсеровскими партиями, общероссийской и украинской, были враждебными. На родине эсеровщины, как политического направления, в Полтавской и Харьковской губерниях, все сельские организации перешли к украинской партии. Следовательно, эсеры были органически не способны защитить даже собственные партийные организации. Тем более не могли они воспрепятствовать распаду страны.

А осенью, в сентябре, организационные структуры эсеров и меньшевиков вступили с председателем Временного правительства в открытый конфликт. Начался он во время работы в Петрограде Демократического совещания, созванного для решения вопроса о власти. И 20 сентября Президиум совещания, основу которого составило руководство эсеровской и меньшевистской партий, даже принял решение о создании однородной эсеро-меньшевистской социалистической власти, без кадетов и либералов. Узнав об этом, Керенский сообщил, что при создании однородного кабинета участия в его работе не примет и уйдет в отставку. Услышав категоричный тон, лидеры совещания отказались от претензий на создание собственной власти, но подобного демарша Керенскому не простили. Уже в ходе работы Предпарламента, сформированного на Демократическом совещании, эсеры и меньшевики перешли в прямую оппозицию Керенскому.

Апогея их недовольство достигло 24 октября в ходе большевистского переворота. Когда в Петрограде большевики захватывали власть, они отбирали ее во многом у эсеров, а те, еще имея в своем распоряжении колоссальные резервы, почти не сопротивлялись. Популярность у социалистов-революционеров оставалась по-прежнему высокой. В их распоряжении сохранялся значительный административный ресурс, особенно в регионах. Но эсеры и меньшевики в октябрьские дни не препятствовали большевикам, потому что не хотели помогать

правительству, полагая, что, отобрав власть у Керенского, большевики вновь обратятся к ним, так как без них никакая власть невозможна. Вместо противодействия большевикам, мысли эсеров и меньшевиков направлялись на создание нового правительства, с участием всех социалистических партий.

Ни одна из обсуждавшихся в 1917 году идей не имела так мало шансов на успех, как эта - о коалиционном правительстве, состоящем из всех социалистических партий. Эсеры и большевики сражались на одном поле, претендуя на господство над массовыми слоями населения. И те, и другие могли находиться на вершине власти только в одиночестве. Столкновение эсеров и большевиков выглядело неизбежным, и попытки умеренных социалистов убедить большевиков в необходимости формирования совместного правительства лишь предоставляли большевикам время для укрепления властных позиций. Выбранная эсерами тактика не позволила им в полной мере использовать против большевиков сохранявшийся у них силовой потенциал.

Большевики, в отличие от эсеров, правильно поняли, что победу в политической борьбе одержит сила, которая будет преобладать не в столице, а на местах. Имея там доминирующее положение, можно захватить власть и в центре. Основные события Октября происходили в провинции. Большевистская партия в те дни, когда захватывалась власть в Петрограде, одновременно осуществляла переход власти по всей стране.

Действия большевиков по захвату власти зачастую воспринимались тогда и сегодня как анархические, но в действительности это было началом собирания страны. Большевики делали то, чего не сумела прежняя власть: восстанавливали единство центральной и региональной власти! Впервые после февраля центральное правительство, Совнарком, получило поддержку губернских властей от соответствующих Советов рабочих и солдатских депутатов.

При подготовке к захвату власти областные комитеты, являвшиеся промежуточным звеном между ЦК и губкомами, руководили действиями партийных работников нескольких соседних губерний, и разрабатывали пароли для губернских центров и крупнейших уездных городов своих областей. Тактику

верхневолжских большевиков разрабатывали в Москве. Для каждого города утверждался отдельный пароль. Получив телеграмму с его текстом, местные большевики должны были знать, что их партия берет власть в столице, и начинать действовать на своем уровне, не дожидаясь официальных сообщений из столицы. В Ярославле телеграмма со словами «Конференции никто не будет» была получена 25 октября в 12 часов дня. Действия большевиков по централизации страны следует признать прогрессивными, так как к лету 1918 года они выполнили важную задачу - восстановили единую вертикаль власти.

Октябрьские события 1917 года были похожи на заговор, но проведенный скоординировано, одновременно по всей стране. За несколько дней, к концу октября, власть на центральном и губернском уровнях почти повсеместно перешла к одной партии. По сути, Октябрь, как второй этап единой революции, выполнял задачи, решаемые обычно контрреволюцией. Поэтому мы вправе полагать, что в русской революции именно Октябрь оказался своеобразным русским Термидором. Он прервал самые разрушительные действия революции, выражавшиеся в «празднике непослушания». Восемь месяцев наиболее массовые народные слои, крестьяне и солдаты, отказывались подчиняться новой власти, захваченной неподготовленной к управлению интеллигенцией. С октября 1917 года начиналось пусть и медленное, но последовательное возвращение к порядку, постепенное преодоление хаоса в стране. Губернии переподчинялись центру, а уезды и волости губерниям. И страну скрепляли действия большевиков.

Кроме того, не предоставив эсерам полной свободы в Учредительном собрании, и распустив его в январе 1918 года, большевики предотвратили распад России. Неопытность эсеров и меньшевиков, намеревавшихся дать крестьянам неограниченную свободу, делало неминуемым обострение конфликта в деревне. Русская императорская армия, абсолютно разложившаяся и еще не демобилизованная, неизбежно вмешалась бы в гражданскую войну, развернувшуюся вследствие этого, причем обеими частями армии: и солдатско-крестьянской, и офицерско-дворянской. Их ожесточенная борьба в ближайшей перспективе вела к оккупации России военными силами иностранных государств

обоих блоков: и Антанты, и Четверного союза. То есть к примирению враждующих военных блоков за счет раздела России. Многие территории были настроены на выход из состава России, и их желания при этом могли получить весомую поддержку от введения в страну оккупационных войск.

Формирование Белого движения, возглавившего восстановление порядка с правой стороны, началось осенью 1917 года. У белых в споре с большевиками не было шансов на победу, но у них была более значимая линия фронта: их реальными противниками выступали именно эсеры, чьи действия вели к краху России. И в борьбе с ними белые одержали победу: колчаковский переворот в Омске в ноябре 1918 года прямо направлялся против эсеров и вывел их из властных органов. В итоге результатом полуторагодичной деятельности социалистов-революционеров, как наиболее влиятельной партии данного периода, стала разрушенная страна. Эсеры привели страну к национальной катастрофе и иностранной интервенции. Ведь главным инициатором интервенции явилась партия эсеров, поскольку решение об одобрении иностранного вторжения принималось ее VIII Советом в мае 1918 года. Теперь было необходимо восстанавливать порядок. В этом и заключалась глубинная подоплека гражданской войны. Основными ее сторонами с осени 1918 года становились силы, стремившиеся к восстановлению порядка с левой и правой стороны: красные и белые. Февраль в лице своих главных партий, эсеров и меньшевиков, терпел окончательное поражение, и больше не претендовал на глобальный успех.

Противостояние белых и красных, как восстановителей порядка, лишь подводило к главному столкновению революции: его победителю предстояла схватка с крестьянами – основными выгодоприобретателями от Февраля. Народные восстания 1921 года неправильно представлять борьбой отчаявшихся людей за физическое выживание. В них правомерно видеть желание все еще харизматичной революционной силы, верящей в возможность утверждения своей «правды», установить ее. Крестьянская мечта о свободном труде, укорененная в несколько минувших веков, в начале 1920-х годов как-никогда казалась близкой к воплощению. Пагубность глобального успеха «крестьянской цивилизации»

выглядит очевидной. Крестьянская «правда» несла замкнутость, изолированность отдельных крестьянских миров – общин. Каждая община при этом жила бы внутренней жизнью, интересуясь в лучшем случае тем, что происходит у соседей. Сверхмаксимально подобные объединения крестьян могли распространяться на губернский уровень. Этот расклад делал невозможной единую национальную экономику. Россия, воплотившая в жизнь многовековую крестьянскую мечту о полной свободе, стала бы гораздо слабее даже России февральской, и ей неминуемо предстояло исчезнуть с географической карты.

Последний барьер для «крестьянской правды» представляла большевистская власть. Вступив в борьбу с крестьянством, большевики вели войну за централизацию страны. Российскому обществу предстоял жесткий выбор: демократического выхода из кризиса не было. Демократами не были ни большевики, ни крестьяне, имевшие опыт «иллюминации» помещичьих усадеб в 1905 году, и изгнания помещиков из деревни в 1917 году. Поэтому вопрос ставился так: сохранение страны с потерей свободы, или сохранение свободы с потерей страны.

Возможность присоединения к народным восстаниям эсеров и меньшевиков усиливала вероятность победы крестьян. И хотя серия крупнейших народных восстаний в 1921 году происходила без организационной поддержки со стороны «крестьянской» партии, десятый Совет продемонстрировал намерение эсеров вновь соединиться с массовым крестьянским движением. Деятельность умеренных социалистов вела к углублению кризиса, поскольку они имели возможность помочь крестьянам в свержении большевистской власти, но после этого, как и при Комуче в 1918 году, были бессильны заставить крестьян считаться со своими распоряжениями. В сложный для большевиков период, умеренные социалисты превращались в социалистов сверхрадикальных, выступая против них под флагом левой оппозиции.

Решающий конфликт революции требовал аккумулирования всех сил: эсеры и меньшевики звали страну обратно в смуту. Осколки других потерпевших поражение партий вынуждены были вследствие этого выбирать между двумя

остававшимися общественно-политическими силами. Все большая часть либеральных и консервативных кругов, увидев предпосылки намечающегося союза умеренно-социалистических партий с крестьянами, предпочитала в возникающем конфликте поддерживать большевиков, превратившихся за годы революции в единственную силу, защищающую национально-государственные интересы России. В 1921 году такой организацией, намеревавшейся помогать большевикам в борьбе за единство России, стали сменовеховцы, куда вошли бывшие кадеты и октябристы.

В целом, партийная система в России начала XX века продемонстрировала крайнюю неэффективность. Одна из ее причин оказалась парадоксальным образом связана с самодостаточностью партий. Каждая из рассмотренных нами шести ведущих партий имела жесткое видение, в каком направлении должна развиваться страна, не совпадающее с позицией других крупных партий. Сильно ослабляла партийную систему разделенность двух ее частей, консервативно-либеральной и социалистической. В дореволюционный период полулегально действовали лишь консервативные и либеральные партии, в условиях революции право на легальное функционирование принадлежало в основном социалистическим партиям. Партии фактически попадали в разные среды, и сотрудничество между ними затруднялось. Социалисты, даже получив значительное представительство в дореволюционной Государственной думе, как это было со II Думой, оставались на второстепенных ролях и были бессильны воздействовать на режим императорской России, а кадеты показали полную неспособность действовать в условиях революции. Партии же, имевшие возможность взаимодействовать между собой, видели в соседях по партийному спектру не союзников, а конкурентов, мешающих продвижению их партии на верхние государственные этажи.

В итоге между черносотенцами, октябристами и кадетами установились отношения, блокировавшие возможность изменений в государственном строе императорской России, и проведение преобразований в любом из направлений было возможно только при установлении контактов руководителя

государственного органа с одной из партий. В период до 1917 года вероятность подобных прорывов возникала дважды. Вначале инициатива умеренных реформ исходила в 1904 году от министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, но ее сорвали будущие кадеты, входившие тогда в Союз освобождения, стремившиеся к радикальным реформам. А самая реальная попытка реформирования, предлагавшаяся в 1911 году премьер-министром П.А. Столыпиным, была отвергнута Союзом 17 октября. В революционный период, когда основными партиями стали эсеры и большевики, компромисс вовсе исключался. Они являлись настолько сильными партиями, что одновременно находиться на вершине власти никак не могли.

Недееспособность рассматриваемой нами партийной системы проявилась в том, что конструктивные предложения изменений, способные повлиять на действительность, всегда исходили от более правых сил, как относящихся к самой партийной системе, так и от государственных органов, и ни разу не получали при этом ответного согласия более радикальных партий. Кроме инициатив Святополк-Мирского и Столыпина, можно вспомнить о конкретном предложении октябристов, адресованном кадетам в 1907 году о заключении союза. Ни одного предложения о сотрудничестве не исходило от более левых партий. Конечно, определенные ошибки допускались и властью: не случайно, обе партии, черносотенцы и октябристы, первоначально искренне стремившиеся к союзу с правительством и императором, в дальнейшем, по существу, перешли в оппозицию (включая дубровинскую черносотенную организацию), и сыграли значительную роль в конечном поражении монархии. Однако причины неудач партийной системы были заложены все же не в сопротивлении властей, а в ней самой, в особенностях ее функционирования.

Подавляющее большинство партий, входивших в начале XX века в российскую партийную систему, потерпели закономерное поражение. В консервативно-либеральной части они либо не сумели убедить монарха в необходимости проведения радикальных реформ, либо не сохранили монархию в противоборстве с более радикальными партиями. Итогом их деятельности стало

свержение монархии и переход власти к более радикальным партиям. Доминировавшие в ходе революции умеренно-социалистические партии эсеров и меньшевиков также не сумели овладеть широкими народными массами, прежде всего, крестьянами. Единственной партией, подчинившей стихийное народное движение и полностью завладевшей государственной властью, оказались большевики – партия, находившаяся на самом краю, периферии партийной системы. Приход большевиков к власти стал возможным потому, что в партийной системе, функционировавшей в России начала XX века, имелись изъяны, делавшие неэффективной деятельность остальных партий, и обрекавшие на поражение саму партийную систему. Победа большевиков привела к ликвидации партийной системы, доведшей Россию до революции и едва не приведшей к распаду страны. Большевики стали последним рубежом на пути распада России, как целостного государственного образования, сохранили ее суверенитет и восстановили в ней порядок. В качестве дополнительного бонуса они получили право на реализацию своей идеологической доктрины.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить: политические партии стали спусковым механизмом ликвидации государственного режима императорской России. Без их участия ликвидация власти, которую современники недаром называли исторической, так как она сохранялась на протяжении многих веков, была невозможной. Но свергнув власть в феврале 1917 года, партии не сумели овладеть сложившейся ситуацией. Сформировав Временное правительство, явившееся итогом их многолетней борьбы за власть, они не справились даже с внутренними противоречиями, сложившимися между ними. Сложные отношения между оставшимися партиями до максимального предела накалили обстановку. И главная причина неудачи образованного февральского режима заключалась не том, что профевральские партии проиграли большевикам, а в том, что они не справились с вышедшей из повиновения народной стихией. Единственной партией, способной после февраля наладить диалог с широкими народными массами, причем как с позиции силы, так и путем

уступок, оказались большевики. Именно поэтому они и сохранили российскую государственность, создав новую политическую систему.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ.

1. Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917-1918 гг.). Сборник документов / Под ред. А.И. Горшкова. - Владимир: Кн. изд-во, 1957. - 317 с.

2. Военная промышленность России в начале XX в. (1900-1917). Сборник документов / Отв. сост. Л.Я. Сает. - М.: Новый хронограф, 2004. - 830 с.

3. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов / Под ред. А.Ф. Бутенко и Д.А. Чугаева. - М.: Госполитиздат, 1957. - 628 с.

4. Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. В IV. Т. / Ред. совет: И.П. Рыбкин. - М.: Фонд «Правовая культура», 1995. - Т. I – 335 с; Т. II – 285 с; Т. III – 340 с; Т. IV – 365 с.

5. Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Л.Г. Корнилове и его соучастниках. В 2. Т. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. - М.: МФД: Материк, 2003. - Т. 1 – 565 с; Т. 2 – 590 с.

6. За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917-март 1918 / Сост. канд. ист. наук М.И. Синяжников. - Ярославль-Кострома: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1967. - 191 с.

7. Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. / Сост. Д.Б. Павлов. - М.: РОССПЭН, 2001. - 648 с.

8. Меньшевики в 1917 году. В 3. Т. / Под ред. З. Галили, А. Ненарокова. - М.: РОССПЭН, 1994-1997. - Т. 1 – 752 с; Т. 2 – 832 с.

9. Партия Союз 17 октября. Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2. Т. / Сост. Д.Б. Павлов. - М.: РОССПЭН, 1996, 2000. - Т. 1 – 408 с; Т. 2 – 510 с.

10. Правые партии. Документы и материалы. В 2. Т. / Под ред. В.В. Шелохаева. - М.: РОССПЭН, 1998. - Т. 1 – 720 с.; Т. 2 – 816 с.

11. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Гл. ред. Б.Д. Гальперина. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. - 559 с.

12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4. Т. Т. 1. 1918-1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. - М.: РОССПЭН, 2000. - 864 с.

13. Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Документы, публицистика / сост. Д.Б. Павлов. - М.: РОССПЭН, 2002. - 423 с.

14. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3. Т / Отв. ред. В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 1997-2000. - Т. 1 – 743 с.; Т. 2 – 655 с; Т. 3. Кн. 1 -831 с; Т. 3. Кн. 2 – 246 с.

15. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сборник документов (март 1917- сентябрь 1918 гг.). / Под ред. к. и. н. М.П. Свинцовой. - Кострома: Костромское кн. изд-во, 1957. - 428 с.

16. Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сборник документов и материалов / Сост. Н.С. Алексеева, О.М. Бадаева. - Ярославль: Кн. изд-во, 1957. - 500 с.

II. МЕМУАРЫ, ВОСПОМИНАНИЯ.

1. Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Ред. В.И. Старцев. - М.: ТОО «Ред. журн. «Вопросы истории», 1993. - 143 с.
2. Белое дело. Кубань и Добровольческая армия / Сост. С.В. Карпенко. - М.: Голос, 1992. - 349 с.
3. Бойович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв / М.М. Бойович. - М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. - 549 с.
4. Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910-1918 / Д. Бьюкенен. - М.: Центрполиграф, 2006. - 398 с.
5. Васильев Н.П. Правда о кадетах / Н.П. Васильев. - СПб.: Тип. «Мирный труд», 1912. - 95 с.

6. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. - М.: Новости, 1990. - 211 с.
7. Гапон Г.А. История моей жизни / Г.А. Гапон. - М.: Прибой, 1925. - 183 с.
8. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне / Н.Н. Головин. - М.: Вече, 2006. - 528 с.
9. Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918 / М. Гофман. - Л.: Красная газета, 1929. - 264 с.
10. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские / Отв. ред. О.Ф. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2008. - 544 с.
11. Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 / В.И. Гурко. - М.: Центрполиграф, 2007. - 399 с.
12. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 / А.И. Деникин. - Мн.: Харвест, 2003. - 464 с.
13. Десять лет Советской власти во Владимирской губернии. Октябрьский сборник / Сост. Б.П. Александровский, И.П. Богатов. - Владимир: Призыв, 1927. - 140 с.
14. Еременко А.И. В начале войны: Воспоминания Маршала Советского Союза / А.И. Еременко. - М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. - 621 с.
15. Зайцов А.А. Очерки по истории русской гражданской войны / А.А. Зайцов. - Жуковский-М.: Кучково поле, 2006. - 368 с.
16. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс. - М.: Госполитиздат, 1955. - 352 с.
17. Катков Г.М. Дело Корнилова / Г.М. Катков. - Париж: YMCA PRESS, 1987. - 251 с.
18. Катков Г.М. Февральская революция / Г.М. Катков. - Париж: YMCA PRESS, 1984. - 430 с.
19. Ларионов В. Последние юнкера / В. Ларионов. - Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. - 254 с.
20. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914 / В.В. Леонтович. - М.: Русский путь, 1995. - 550 с.
21. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина / Д.В. Лехович. - М.: Газ.-журн. об-ние «Воскресенье», 1992. - 366 с.

22. Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров / А.В. Луначарский. - М.: Госиздат, 1922. - 84 с.
23. Людендорф Э. Мои военные воспоминания 1914-1918 гг. Т. 1. / Э. Людендорф. - Б/м, 1921.
24. Маклаков В.А. Из воспоминаний / В.А. Маклаков. - Нью-Йорк: Изд-во имени А.П. Чехова, 1954. - 410 с.
25. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года / С.П. Мельгунов. - М.: Вече, 2006. - 566 с.
26. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. В 2. Кн. / С.П. Мельгунов. - М.: Айрис-пресс, 2005. - Кн. 1 – 568 с.; Кн. 2 – 491 с.
27. Мерецков К.А. Моя юность / К.А. Мерецков. - М.: Молодая гвардия, 1975. - 142 с.
28. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). В 2. Т. / П.Н. Милюков. - М.: Современник, 1990. - Т. 1 – 446 с; Т. 2 - 446 с.
29. Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907 / П.Н. Милюков. - СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1907. - 302 с.
30. Милюков П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков. - Мн.: Харвест, 2002. - 752 с.
31. Милюков П.Н. Три попытки / П.Н. Милюков. - Париж: Франко-русская печать, 1921. - 87 с.
32. Николаевский Б.И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция / Б.И. Николаевский. - М.: Высшая школа, 1991. - 367 с.
33. Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Б.И. Николаевский. - М.: Терра, 1990. - 199 с.
34. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / В.П. Обнинский. - М.: Республика, 1992. - 288 с.
35. Общественное движение в России в начале XX века. В 5. Т. / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. - СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1909-1914.
36. Октябрь в Костроме. Сборник воспоминаний участников октябрьских событий / Под ред. М.Н. Белова. - Кострома: Кн. изд-во, 1957. - 208 с.

37. Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / Сост. Д. Анин. - М.: Современник, 1991. - 381 с.
38. Палеолог М. Царская Россия накануне революции / М. Палеолог. - М.: Международные отношения, 1991. - 336 с.
39. Петриченко С.М. Правда о кронштадтских событиях / С.М. Петриченко. - Б/м., 1921. - 24 с.
40. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / И.И. Петрункевич. - Прага: Изд-во «Копье», 1934. - 472 с.
41. Родзянко М.В. Крушение империи. Государственная дума и Февральская 1917 года революция / М.В. Родзянко. - М.: ИКАР, 2002. - 367 с.
42. Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 1996. - 304 с.
43. Рыбинск в революции 1917-1922 годов. - Рыбинск: Изд-во Истпарта Рыбинского губкома РКП (большевиков), 1922. - 72 с.
44. Сазонов С.Д. Воспоминания / С.Д. Сазонов. - М.: Международные отношения, 1991. - 398 с.
45. Соломон Г.А. Среди красных вождей / Г.А. Соломон. - М.: Современник, 1995. - 509 с.
46. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика / П.А. Сорокин. - СПб.: Алетейя, 2000. - 315 с.
47. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания / А.И. Спиридович. - Мн.: Харвест, 2004. - 720 с.
48. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916 / А.И. Спиридович. - Пг.: Воен. тип., 1918. - 623 с.
49. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3. Т. / Н.Н. Суханов. - М.: Политиздат, Республика, 1991-1992. - Т.1 – 383 с; Т. 2 – 399 с; Т. 3 – 415 с.
50. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В 2. Кн. / И.Г. Церетели. - Париж: Изд-во Моутон, 1963. - Кн. 1 – 492 с; Кн. 2 – 428 с.

51. Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920 / В.М. Чернов. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. - 430 с.
52. Чернов В.М. Конструктивный социализм / В.М. Чернов. - М.: РОССПЭН, 1997. - 647 с.
53. Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары / В.М. Чернов. - Мн.: Харвест, 2004. - 416 с.
54. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 2. Т. / А.Г. Шляпников. - М.: Политиздат, 1992. - Т. 1 – 382 с; Т. 2 – 496 с.

III. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Вестник Временного правительства (Петроград). 1917.

Владимирская жизнь (Владимир). 1917.

Воля народа (Кострома). 1917.

Вперед (Женева). 1905.

Голос (Ярославль). 1917.

Голос Москвы (Москва). 1907.

Голос народа (Владимир). 1917.

Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета (Владимир). 1917.

Известия Совета военных депутатов ярославского гарнизона (Ярославль). 1917.

Искра (Лондон-Женева). 1903.

Народная свобода (Кострома). 1917.

Поволжский вестник (Кострома). 1917-1918.

Речь (Санкт-Петербург). 1907.

Русское знамя (Санкт-Петербург). 1907.

Северная речь (Ярославль). 1907.

Северный рабочий (Кострома). 1917.

Северный рабочий (Ярославль). 1974.

Социал-демократ (Москва). 1917.

Старый владимирец (Владимир). 1917.
The Economist (London). 1914.

IV. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 102. Департамент полиции, особый отдел.
Оп. 244. Д. 147.
Оп. 246. Д. 9, 53, 244, 343-3.с.
Оп. 247. Д. 347.
Ф. 111. Петроградское охранное отделение.
Оп. 5. Д. 408, 664, 669.
Ф. 115. Союз 17 октября.
Оп. 1. Д. 1, 13, 53, 100,122, 140.
Оп. 2. Д. 11, 15, 43.
Ф. 116. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа.
Оп. 1. Д. 1, 19, 30, 595, 631, 749, 751.
Ф. 518. Союз Союзов.
Оп. 1. Д. 39.
Ф. 523. Кадетская партия.
Оп. 1. Д. 1, 30, 286, 415.
Оп. 2. Д. 15, 21, 28, 241, 253, 259, 263.
Оп. 3. Д. 39, 40.
Ф. 555. А.И. Гучков.
Оп. 1. Д. 228, 693, 696.
Ф. 559. А.П. Извольский.
Оп. 1. Д. 46.
Ф. 575. С.А. Муромцев.
Оп. 1. Д. 8, 32.
Ф. 579. П.Н. Милюков.
Оп. 1. Д. 431, 1030, 1033, 2214, 6392.

Ф. 601. Император Николай II.

Оп. 1. Д. 58, 265, 672, 797, 872, 912, 1003, 1053, 1288.

Ф. 627. Б.В. Штюрмер.

Оп. 1. Д. 8, 40, 42, 44, 117, 229, 230.

Ф. 892. А.А. Гирс.

Оп. 1. Д. 60, 67, 114, 233.

Ф. 1788. Министерство внутренних дел Временного правительства.

Оп. 2. Д. 87, 107.

Ф. Р-5827. А.И. Деникин.

Оп. 1. Д. 23, 24, 46, 49, 53, 65, 70, 84, 85, 86, 99а.

Ф. Р-5839. И.И. Петрункевич.

Оп. 1. Д. 9.

Ф. Р-5847. В.М. Чернов.

Оп. 1. Д. 19, 25, 70, 109, 113, 131, 210, 217.

Оп. 2. Д. 17, 22, 142, 160, 164, 169, 172, 182, 186, 200, 235.

Ф. Р-5867. Общество северян.

Оп. 1. Д. 16, 25.

Ф. Р-5868. А.И. Гучков-эмигрант.

Оп. 1. Д. 10, 12, 15, 70, 117.

Ф. Р-5869. Редакция сборников «Вольная Сибирь».

Оп. 1. Д. 13, 14, 15, 17, 21.

Российский государственный военно-исторический архив.

Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего.

Оп. 1. Д. 60, 63, 523, 1742, 1744, 1888, 1915, 1921.

Оп. 2. Д. 293, 347, 791, 1017, 1030, 1051.

Российский государственный архив социально-политической истории.

Ф. 31. Совет РСДРП.

Оп. 1 – опись.

Оп. 1. Д. 9, 10, 21, 26, 28, 31, 35, 47.

Ф. 33. Библиотека РСДРП им. Г.А. Куклина.

Оп. 1. Д. 1, 97, 109, 212, 222, 241, 252, 254.

Ф. 93. Социал-демократические фракции I, II и III Государственной думы. 1906-1912 – опись.

Ф. 274. ЦК партии эсеров.

Оп. 1. Д. 1, 7, 9, 13, 23, 39, 40, 44.

Оп. 3. Д. 8, 9, 17, 73,95, 98.

Оп. 5. Д. 2, 5.

Ф. 275. ЦК РСДРП.

Оп. 1. Д. 15, 19, 38, 43, 47, 58, 62, 64, 69, 84, 103, 131, 167, 210, 213, 218, 222, 223, 224.

Ф. 341. Редакция газеты «Голос социал-демократа».

Оп. 1. Д. 10, 54, 68, 75, 79, 91, 95, 96, 99, 103, 108, 113, 120, 121, 124, 126, 132, 138, 145, 149, 167, 175, 187, 190, 196, 197, 198, 201, 206, 211, 212, 220, 222, 241, 248, 315, 319, 334, 344, 346.

Государственный архив Ярославской области.

Ф. 73. Канцелярия ярославского губернатора.

Оп. 1. Д. 7402.

Оп. 4. Д. 4514.

Оп. 7. Д. 699а.

Ф. 137. Ярославское губернское по земским и городским делам присутствие.

Оп. 1. Д. 5258.

Ф. 906. Ярославское губернское жандармское управление.

Оп. 1. Д. 270, 273, 299.

Оп. 2. Д. 57.

Оп. 4. Д. 438, 570, 1039, 1048, 1053, 1057, 1168, 1244.

Ф. 1527. Ярославский губернский временный исполнительный комитет общественного порядка.

Оп. 1. Д. 19.

Ф. Р-180. Исполнительный комитет Ярославского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Оп. 1. Д. 1, 149а.

Ф. Р-849. Коллекция. Воспоминания старых большевиков, членов Ярославской партийной организации.

Оп. 1. Д. 4.

5. Центр документации новейшей истории Костромской области.

Ф. 383. Костромской Истпарт.

Оп. 1. Д. 19, 22, 23, 26а.

Оп. 2. Д. 32, 33а, 34.

6. Государственный архив Костромской области.

Ф. 205. Костромская губернская земская управа.

Оп. 1. Д. 1103.

7. Центр документации новейшей истории Ярославской области.

Ф. 394. Ярославский Истпарт.

Оп. 1. Д. 38.

Оп. 3. Д. 1.

Оп. 5. Д. 78.

V. МОНОГРАФИИ, КНИГИ, БРОШЮРЫ.

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России / А.Я. Аврех. - М.: Политиздат, 1991. - 286 с.

2. Аврех А.Я. Столыпин и III Дума / А.Я. Аврех. - М.: Наука, 1968. - 520 с.

3. Аврех А.Я Царизм и третьеиюньская система / А.Я. Аврех. - М.: Наука, 1966. - 181 с.

4. Аврех А.Я. Царизм и III Дума (1912-1914) / А.Я. Аврех.- М.: Наука, 1981.- 293 с.

5. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения / А.Я. Аврех. - М.: Наука, 1989. - 256 с.

6. Айрапетов О.Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907-1917 / О.Г. Айрапетов. - М.: Модест Колеров, 2003. - 256 с.

7. Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте / И.В. Алексеева. - Л.: Лениздат, 1990. - 318 с.

8. Алексеева И.В. Оппозиция Его Величества: Дума, царизм и союзники России по Антанте в эпоху П.А. Столыпина, 1907-1911 гг. / И.В. Алексеева. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. - 262 с.

9. Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907-1917 годы / И.В. Алексеева. - СПб.- М.: Альянс-Археo, 2009. - 536 с.

10. Андрианов В.И., Альтшуллер Б.Д., Волков П.М. Союз рабочих и крестьян в первые годы Советской власти / В.И. Андрианов, Б.Д. Альтшуллер, П.М. Волков. - Ярославль, Кн. изд., 1958. - 175 с.

11. Аннин Г.П. Большевики Верхневолжья в 1917 году / Г.П. Аннин. - Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд., 1983. - 143 с.

12. Антисоветская интервенция и ее крах / Редкол. Ю.В. Мухачев и др. - М.: Политиздат, 1987. - 208 с.

13. Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства / А.А. Арутюнов. - М.: Вече, 1999. - 656 с.

14. Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Из истории политических партий между двумя революциями / Х.М. Астрахан. - Л.: Лениздат, 1973. - 456 с.

15. Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России / М.А. Бибин. - Саранск: Изд-во Сарат. кооп. ин-та МУПК, 2000. - 268 с.

16. Бланк А.С. Владимир (Краткий очерк истории города) / А.С. Бланк. - Владимир: Кн. изд., 1954. - 92 с.

17. Бородин А.П. Реформы во имя России / А.П. Бородин. - М.: Вече, 2004. - 382 с.

18. Боханов А.Н. Николай II / А.Н. Боханов. - М.: Русское слово, 1997. - 446 с.

19. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. - М.: РОССПЭН, 1997. - 376 с.

20. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде / Э.Н. Бурджалов. - М.: Наука, 1967. - 413 с.

21. Быстрянский В.А. Меньшевики и эсеры в русской революции / В.А. Быстрянский. - Пг.: Государственное издательство, 1921. – 80 с.

22. Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства / В.С. Васюков. - М.: Мысль, 1966. - 497 с.

23. Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции / В.С. Васюков. - М.: Наука, 1989. - 308 с.

24. Ватала Э. Григорий Распутин без мифов и легенд / Э. Ватала. - М.: Армада-пресс, 2000. - 768 с.

25. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны / М. Веллер. - М.: АСТ МОСКВА, 2007. - 640 с.

26. Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под общ. ред. Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина. - М.: Алгоритм, 2017. - 1218 с.

27. Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны / Э. Вишневски. - М.: Россия молодая, 1994. - 191 с.

28. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Отв. ред. В.В. Журавлев. - М.: РОССПЭН, 1995. - 400 с.

29. Волобуев П.В. Экономическая политика временного правительства / П.В. Волобуев. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. - 484 с.

30. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917) / Ф.А. Гайда. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. - 604 с.

31. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.) / Ф.А. Гайда. - М.: РОССПЭН, 2003. - 432 с.

32. Галин В.В. Запретная политэкономия. Революция по-русски / В.В. Галин. - М.: Алгоритм, 2006. - 608 с.

33. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. - М.: Наука, 1990. - 262 с.

34. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России / Г.А. Герасименко. - М.: Ника, 1992. - 350 с.

35. Гибель монархии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. - М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. - 538 с.

36. Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918-1920 / В.И. Голдин. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 200 с.

37. Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы. Рандеву с революцией 1905-1907 гг. / Г.З. Головков. - М.: Детектив-пресс, 2005. - 613 с.

38. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933 / А. Грациози. - М.: РОССПЭН, 2001. - 96 с.

39. Гусев К.В. В.М. Чернов: штрихи к политическому портрету (победы и поражения Виктора Чернова) / К.В. Гусев. - М.: РОССПЭН, 1999. - 207 с.

40. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции / К.В. Гусев. - М.: Мысль, 1975. - 383 с.

41. Гусев К.В. Рыцари террора / К.В. Гусев. - М.: Луч, 1992. - 143 с.

42. Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова / Н.И. Дедков. - М.: АИРО-XX-Александр Ушаков, 2005. - 223 с.

43. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917 / В.А. Демин. - М., РОССПЭН, 2006. - 374 с.

44. Демин В.А. Государственная дума России (1906-1917): механизм функционирования / В.А. Демин. - М.: РОССПЭН, 1996. - 214 с.

45. Джанибекян В.Г. Азеф: король провокаторов / В.Г. Джанибекян. - М.: Вече, 2005. - 384 с.

46. Дмитриев С.Н. Союз Союзов и профессионально-политические союзы в России. 1905-1906 / С.Н. Дмитриев. - М.: Молодая гвардия, 1992. - 206 с.

47. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (окт. 1917-1920 гг.) / Н.Г. Думова. - М.: Наука, 1982. - 416 с.

48. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции / Н.Г. Думова. - М.: Наука, 1988. - 244 с.

49. Думова Н.Г. Кончилось ваше время / Н.Г. Думова. - М.: Политиздат, 1990. - 336 с.

50. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы / В.С. Дякин. - Л.: Наука, 1988. - 232 с.

51. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917) / В.С. Дякин. - Л.: Наука, 1967. - 371 с.

52. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. / В.С. Дякин. - Л.: Наука, 1978. - 246 с.

53. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции / Н.Д. Ерофеев. - М.: Изд. Моск. ун-та, 1979. - 192 с.

54. Ефременко А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации / А.В. Ефременко. - Ярославль: Изд-во ЯГСХА, 1999. - 267 с.

55. Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет / П.Н. Зырянов. - М.: Высшая школа, 1992. - 159 с.

56. Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. / А.В. Игнатьев. - М.: Наука, 1986. - 300 с.

57. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции / А.В. Игнатьев. - М.: Наука, 1966. – 400 с.

58. Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма / К.С. Ингерфлом. - М.: Ипол, 1993. - 288 с.

59. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов / Г.З. Иоффе. - М.: Наука, 1989. - 291 с.

60. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. - М.: Мысль, 1983. - 294 с.

61. Ипполитов Г.М. Деникин / Г.М. Ипполитов. - М.: Молодая гвардия, 2000. - 532 с.

62. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия. Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб. - М.: Политиздат, 1986. - 415 с.

63. История коммунистической партии Советского Союза. В 6.Т. / Под ред. П.Н. Поспелова. - М.: Политиздат, 1964-1980. Т. 1-3. - Т. 1 – 633 с.; Т. 2 – 775 с.; Т. 3. Кн. 1 – 607 с; Т. 3. Кн. 2 – 607 с.

64. История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. - М.: Высшая школа, 1994. - 447 с.

65. История СССР. XIX-начало XX в. / Под ред. акад. И.А. Федосова. - М.: Высшая школа, 1987. - 542 с.

66. Ишин В.В. Социалисты-революционеры в России конца XIX-начале XX века / В.В. Ишин. - Астрахань: Изд-во АГПИ, 1995. - 239 с.

67. Кабанова Л.В. Общественно-политическая жизнь России: 1917-1929 / Л.В. Кабанова. - Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2004. - 240 с.

68. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов 1917-1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. - М.: Наука, 1988. - 276 с.

69. Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе. Свободное размышление строго по документам / В.В. Кавторин. - СПб.: Лениздат, 1992. - 427 с.

70. Карлейль Т. История Французской революции / Т. Карлейль. - М.: Мысль, 1991. - 575 с.

71. Канин В.Г. Прозрение. 1917 год в истории России / В.Г. Канин. - М.: Спутник+, 2004. - 196 с.

72. Карпухин Д.В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России / Д.В. Карпухин. - М.: Изд-во МГОУ, 2009. - 388 с.

73. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2. Большевистская революция 1917-1923 / Э. Карр. - М.: Прогресс, 1990. - 768 с.

74. Каррер д' Анкосс Э. Ленин / Э. Каррер д' Анкосс. - М.: РОССПЭН, 2002. - 382 с.

75. Касаров Г.Г. Критика В.И. Лениным антимарксистских концепций истории революции 1905-1907 гг. в России / Г.Г. Касаров. - М.: Высшая школа, 1985. - 104 с.

76. Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920-1930 годов в поисках Третьего Пути / А.В. Квакин. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. - 413 с.

77. Киган Д. Первая мировая война / Д. Киган. - М.: АСТ, 2002. - 576 с.

78. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты / И.К. Кирьянов, М.Н. Лукьянов. - Пермь: Изд-во Пермского университета, 1995. - 168 с.

79. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. / Ю.И. Кирьянов. - М.: РОССПЭН, 2001. - 461 с.

80. Климин И.И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян собственников в России / И.И. Климин. - СПб.: Изд-во НИИХ СПб. ГУ, 2002. - 335 с.

81. Кобзаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907 / В.А. Кобзаненко. - М.: РОССПЭН, 1996. - 238 с.

82. Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов / В.С. Кобылин. - М.: Вече, 2008. - 432 с.

83. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1901-1939). История страны от 1901 до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования / В.В. Кожинов. - М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002. - 448 с.

84. Козлов П.И., Резвый Н.И. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии / П.И. Козлов, Н.И. Резвый. - Ярославль: Кн. изд., 1957. - 259 с.

85. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции / В.В. Комин. - М.: Наука, 1965. - 644 с.

86. Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России / О.В. Коновалова. - М.: РОССПЭН, 2009. - 383 с.

87. Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии / А. Конокотин. - Кострома: Изд-во Истпартотдела Костромского губкома ВКП (б), 1927. - 48 с.

88. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д.А. Коцюбинский. - М.: РОССПЭН, 2001. - 528 с.

89. Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1907 гг.) / В.Г. Кошкидько. - М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000. - 237 с.

90. Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда / И.Н. Ксенофонтов. - М.: РОССПЭН, 1996. - 320 с.

91. Кувшинов В.А.Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.) / В.А. Кувшинов. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 239 с.

92. Кудинов О.А. Красная чума в России (лекции по истории России начала XX в.) / О.А. Кудинов. - Пермь, 1992. - 140 с.

93. Куренышев А.А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918-1922 гг. / А.А. Куренышев. - М.: Спутник+, 2010. - 171 с.

94. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / У. Лакер. - М.: Текст, 1994. - 430 с.

95. Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг. / Я. Геббс, А.М. Коллонтай, Г.И. Мясников. - М.: НПЦ ПРАКСИС, 2008. - 331 с.

96. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. / М.И. Леонов. - М.: РОССПЭН, 1997. - 512 с.

97. Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия / А.П. Логунов. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. - 240 с.

98. Марьин В.Б. Проблемы гражданской войны в России / В.Б. Марьин. - Ярославль: ДИА-пресс, 1997. - 108 с.

99. Минц И.И. История Великого Октября. В 3. Т. / И.И. Минц. - М.: Наука, 1977-1979. - Т. 1- 784 с.; Т. 2 – 1008 с.; Т. 3 – 903 с.

100. Миронов С.С. Гражданская война в России / С.С. Миронов. - М.: Вече, 2006. - 416 с.

101. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. / К.Н. Морозов. - М.: РОССПЭН, 1998. - 624 с.

102. Мультатули П.В. Николай II: Имя Россия / П.В. Мультатули. - М.: АСТ: Астрель, 2008. - 477 с.

103. Непролетарские партии России: Урок истории / Под ред. К.В. Гусева. - М.: Мысль, 1984. - 566 с.

104. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV-начало XX века / С.А. Нефедов. - Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. - 543 с.

105. Никонов В.А. Крушение России / В.А. Никонов. - М.: АСТ: Астрель, 2011. - 926 с.

106. Никонов В.А. Молотов: Молодость / В.А. Никонов. - М.: Вагриус, 2005. - 768 с.

107. Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем / В.А. Никонов. - М.: Издательство «Э», 2017. - 1184 с.

108. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II / С.С. Ольденбург. - М.: Терра, 1992. - 640 с.

109. Орлова Н.В. Политические партии России. Страницы истории / Н.В. Орлова. - М.: Юрист, 1994. - 80 с.

110. Осипов С.В. Первые шаги российского парламентаризма: борьба за народное представительство в 1904-1905 гг. / С.В. Осипов. - Ульяновск: Изд-во УГТУ, 2006. - 121 с.

111. Очерки истории Владимирской организации КПСС. - Ярославль, 1957. - 456 с.

112. Очерки истории Владимирской организации КПСС / Отв. ред. С.И. Сурниченко. - Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1972. - 552 с.

113. Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 1. 1892-1917 / Отв. ред. А.П. Юдин. - Иваново: Кн. изд-во, 1963. - 502 с.

114. Очерки истории Костромской организации КПСС / Под ред. М.И. Синяжникова. - Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1967. - 404 с.

115. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883-1937 / Под ред. В.Т. Анискова. - Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1985. - 320 с.

116. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907 / С.Б. Павлов. - М.: Академический Проект, 2008. - 654 с.

117. Пайпс Р. Россия при большевиках / Р. Пайпс. - М.: РОССПЭН, 1997. - 662 с.

118. Пайпс Р. Русская революция. В 2. Ч. / Р. Пайпс. - М.: РОССПЭН, 1994. - Ч. 1 – 400 с.; Ч. 2 – 584 с.

119. Парамонов В.Н., Калягин А.В., Коротаева Т.В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX-XX веков / В.Н. Парамонов, А.В. Калягин, Т.В. Коротаева. - Самара: Изд-во СГУ, 1992. - 103 с.

120. Партия большевиков в Февральской революции 1917 года / Под рук. Д.М. Кукина. - М.: Наука, 1971. - 349 с.

121. Первая революция в России: взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин. - М.: Памятники исторической мысли, 2005. - 602 с.

122. Первый штурм царизма, 1905-1907 / В.И. Бовыкин, П.Н. Зырянов, Ю.И. Кирьянов. - М.: Мысль, 1986. - 252 с.

123. Петров И.Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции / И.Ф. Петров. - М.: Политиздат, 1964. - 464 с.

124. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И.Ф. Плотников. - М.: Центрполиграф, 2002. - 702 с.

125. Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире / С.Н. Полторак. - СПб.: ООО «Издательский центр “ОСТРОВ», 2018. - 292 с.

126. Пономарева И.А. Теоретические разногласия в РСДРП (1907-1910) / И.А. Пономарева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. - 88 с.

127. Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии / Н.Н. Попов. - М.: Изд-во «Красная Новь», 1924. - 120 с.

128. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели / Л.Г. Протасов. - М.: РОССПЭН, 1997. - 368 с.

129. Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях / И.М. Пушкарева. - М.: Наука, 1975. - 282 с.

130. Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 г. в Петрограде / А. Рабинович. - М.: Республика, 1992. - 276 с.

131. Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни / М.Л. Размолодин. - Ярославль: Нюанс, 2010. - 336 с.

132. Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905-1915 гг. / М.Л. Размолодин. - Ярославль: Александр Рутман, 2001. - 247 с.

133. РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки / З. Галили, Л. Хеймсон, В. Миллер, А. Ненароков. - М.: Новый хронограф, 2007. - 504 с.

134. Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма / Н.В. Рубан. - М.: Политиздат, 1968. - 400 с.

135. Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума / С.Е. Руднева. - М.: Наука, 2000. - 256 с.

136. Рыбас С.Ю. Столыпин / С.Ю. Рыбас. - М.: Молодая гвардия, 2009. - 421 с.

137. Салтык Г.А. Неонародничество России: региональный аспект (1917-1918 гг.) / Г.А. Салтык. - Курск: Изд-во КГСХА, 2001. - 220 с.

138. Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908-1917) / С.М. Санькова. - Орел: С.В. Зенина, 2006. - 370 с.

139. Седова Я.А. Великий магистр революции / Я.А. Седова. - М.: Алгоритм, 2006. - 320 с.

140. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917) / Ф.А. Селезнев. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2001. - 314 с.

141. Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны / Е.Г. Семенова. - М.: Изд-во МАДИ (ТУ), 1998. - 134 с.

142. Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года / А.Г. Слонимский. - Душанбе: Ирфон, 1975. - 320 с.

143. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк / А.Ф. Смирнов. - М.: Книга и бизнес, 1998. - 624 с.

144. Смирнова М.И. Феномен возникновения российской социал-демократии. Историография / М.И. Смирнова. - М.: Изд-во МЭИ, 1999. - 162 с.

145. Соболева П.И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира / П.И. Соболева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. - 196 с.

146. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.-1920 г.) / Л.М. Спирин. - М.: Мысль, 1977. - 366 с.

147. Спирин Л.М. Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий / Л.М. Спирин. - М.: Мысль, 1987. - 333 с.

148. Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров / М.В. Спирина. - М.: Наука, 1987. - 205 с.

149. Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы) / В. Стальный. - Харьков: Пролетарий, 1929. - 61 с.

150. Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции / Н.В. Стариков. - М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 416 с.

151. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / В.И. Старцев. - Л.: Наука, 1980. - 256 с.

152. Старцев В.И. 27 февраля 1917 / В.И. Старцев. - М.: Молодая гвардия, 1984. - 255 с.

153. Старцев В.И. Крах керенщины / В.И. Старцев. - Л.: Наука, 1982. - 271 с.

154. Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. / В.И. Старцев. - М.: Мысль, 1978. - 256 с.

155. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. / В.И. Старцев. - Л.: Наука, 1977. - 272 с.

156. Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. / С.А. Степанов. - М.: Изд-во ВЗПИ, А/О «Росвузнаука», 1992. - 330 с.

157. Тайна убийства Столыпина / Под ред. П.А. Пожигайло. - М.: РОССПЭН, 2003. - 735 с.

158. Трукан Г.А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти / Г.А. Трукан. - М.: Наука, 1975. - 303 с.

159. Тышецкий И.Т. Происхождение Первой мировой войны / И.Т. Тышецкий. – М.: Международные отношения, 2015. – 704 с.

160. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. - М.: Памятники исторической мысли, 2001. - 304 с.

161. Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста / С.В. Тютюкин. - М.: РОССПЭН, 1997. - 376 с.

162. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории / С.В. Тютюкин. - М.: РОССПЭН, 2002. - 558 с.

163. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция / С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 1996. - 240 с.

164. Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917-1918 / Р. Уорт. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. - 271 с.

165.Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 2. Историография / И.Х. Урилов. - М.: Раритет, 2001. - 352 с.

166. Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов / А.И. Ушаков, В.П. Федюк. - М.: Молодая гвардия, 2006. - 398 с.

167. Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина. В 2. Т. / Б.Г. Федоров. - СПб.: Лимбус-пресс, 2002. - Т. 1 – 621 с.; Т. 2 – 268 с.

168. Федюк В.П. Керенский / В.П. Федюк. - М.: Молодая гвардия, 2009. - 406 с.

169. Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917-ноябрь 1918 / Ю.Г. Фельштинский. - М.: Терра, 1992. - 656 с.

170. Хереш Э. Николай II / Э. Хереш. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. - 416 с.

171. Хотулев В.В. Петр Столыпин: трагедия России / В.В. Хотулев. - М.: Олимп, 1998. - 496 с.

172. Ципко А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак / А.С. Ципко. - М.: Молодая гвардия, 1990. - 271 с.

173. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции / Е.Д. Черменский. - М.: Мысль, 1970. - 448 с.

174. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России / Е.Д. Черменский. - М.: Мысль, 1976. - 316 с.

175. Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество / В.Е. Шамбаров. - М.: Алгоритм, 2003. - 656 с.

176. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. / Т. Шанин. - М.: Весь мир, 1997. - 560 с.

177. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов / К.Ф. Шацилло. - М.: Наука, 1985. - 347 с.

178. Шацилло К.Ф. 1905 год / К.Ф. Шацилло. - М.: Наука, 1980. - 190 с.

179. Шевырин В.М. Земский и Городской Союзы: 1914-1917 гг. Аналитический обзор / В.М. Шевырин. - М.: ИНИОН, 2000. - 63 с.

180. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. / В.В. Шелохаев. - М.: Наука, 1991. - 231 с.

181. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / В.В. Шелохаев. - М.: Наука, 1983. - 328 с.

182. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции / В.В. Шелохаев. - М.: Наука, 1987. - 157 с.

183. Широкорад А.Б. Англия. Ни войны, ни мира / А.Б. Широкорад. - М.: Вече, 2009. - 416 с.

184. Шишов А.В. Голгофа Российской империи / А.В. Шишов. - М.: Вече, 2005. - 448 с.

185. Штурман Д. О вождях российского коммунизма. В 2. Кн. / Д. Штурман. - Париж-М.: YMCA-PRESS, «Русский путь», 1993. - Кн. 1 – 414 с.; Кн. 2 – 344 с.

186. Chamberlin W.H. The Russian Revolution. 1917-1921. Vol. 2. – New York: The MacMillan Company, 1935. – 556 pp.

187. Edwards A.D. Britain, Europe and the World 1848-1918. – London: Heinemann educational books, 1979. – 373 pp.

188. Figes O. Peasant Russia. Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921). – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 401 pp.

189. Fisher G. Russian Liberalism – From Gentry to Intelligentsia. – Cambriage: Harvard University Press, 1958. – 240 pp.

190. Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution, 1917-1932. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 183 pp.

191. Freud J. Unholy Alliance: Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1957. – 283 pp.

192. Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. - Harlow: Pearson Education, 2005. – 318 pp.

193. Harcave S. First blood: The Russian revolution of 1905. – London: The Bodley Head, 1964. – 203 pp.

194. Hildermeier M. Die Sozialrevolutionaere Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modemisierung im Zarenreich (1900-1914). – Koln: Bohlau, 1978. – 458 pp.

195. Holguist P. Marking War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis. 1914-1921. – Cambridge: Harvard University Press, 2002. – 359 pp.

196. Laserson M. The American impact on Russia-Diplomatic and Ideological. 1784-1917. – New York: The MacMillan Company, 1950. – 441 pp.

197. Malia M. History's locomotives: revolutions and the making of the modern world. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 360 pp.

198. Mawdsley E. The Russian Civil War. – Boston: Allen and Unwin, 1987. – 351 pp.

199. Radkey O. Russian socialist revolutionaries, Febrary to October, 1917. – New York: Columbia University Press, 1958. – 521 pp.

200. Radkey O. The unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Moverment in the Tambov Region. 1920-1921. – Stanford: Hoover Institution Press, 1976. – 456 pp.

201. Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University Press, 1974. – 534 pp.

202. Sarolea C. French Revolution and the Russian revolution. – Edinburch, 1906.

203. Shapiro L. The Orgins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. First Phase: 1917-1922. – London: Oxford University Press, 1955. – 397 pp.

204. Ullman R. Britain and the Russian Civil War. – Princeton: Princeton University Press, 1968. – 395 pp.

205. Waldron P. The end of Imperial Russia, 1855-1917. – Basingstoke: Palgrave, 1997. – 189 pp.

VI. СТАТЬИ.

1. Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития / А.Я. Аврех // Вопросы истории. - 1989. - № 2. - С. 17-31.
2. Алексеева И.В. Русская буржуазная оппозиция и союзники накануне Февральской революции (конец 1916-начало 1917 г.) / И.В. Алексеева // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сборник научных трудов / Под ред. О.Н. Знаменского.- Л.: Наука, 1989. - С. 250-261.
3. Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью / Г.С. Аноприева, Н.Д. Ерофеев // Полис. - 1993. - № 6. - С. 157-165.
4. Антонов огонь // Российская провинция. - 1999. - № 1-3. - С. 83-99.
5. Анфимов А.М. Незаконченные споры / А.М. Анфимов // Вопросы истории. - 1997. - № 6. - С. 41-67.
6. Анфимов А.М., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России / А.М. Анфимов, И.Ф. Макаров // История СССР. - 1974. - № 1. - С. 82-97.

7. Анфимов А.М. Тень Столыпина над Россией / А.М. Анфимов // История СССР. - 1991. - № 4. - С. 112-121.
8. Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. / Д. Байрау // Вопросы истории. - 1992. - № 1. - С. 19-31.
9. Барышников М. Последний дворцовый заговор в России / М. Барышников // Знание-сила. - 1992. - № 10. - С. 87-94.
10. Белов А.М. Кострома в 1917 году: от революционной демократии к диктатуре большевиков // Губернский дом (Кострома). 2017. № 2 (107). С. 31-34.
11. Белов С.И. Промышленное развитие России в годы первой мировой войны в современной англоязычной историографии / С.И. Белов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - № 7 (13). Ч. 1. - С. 13-17.
12. Бондарь В. Эх, Лавр Георгиевич… ведь мог спасти Россию / В. Бондарь // Огонек. - 1998. - № 44. - С. 11-15.
13. Борисова Л., Виноградов В., Ивницкий А., Кондрашин В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918-1922 гг. как исторический источник / Л. Борисова, В. Виноградов, А. Ивницкий, В. Кондрашин // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Т.1. - М.: РОССПЭН, 2000. - С. 23-53.
14. Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа / А.П. Бородин // Вопросы истории. - 1993. - № 9. - С. 33-44.
15. Боханов А.Н. Россия на мировой арене / А.Н. Боханов // Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. - М.: Новый хронограф, 2002. - С. 316-353.
16. Будницкий О.В. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917-1939 / О.В. Будницкий // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 2000. - С. 358-383.
17. Бурджалов Э.Н. О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. / Э.Н. Бурджалов // Вопросы истории. - 1956. - № 4. - С. 38-56.
18. Бурджалов Э.Н. Еще о тактике большевиков в марте-апреле 1917 г. / Э.Н. Бурджалов // Вопросы истории. - 1956. - № 8. - С. 109-114.

19. Войнов В. Кронштадт: мятеж или восстание? / В. Войнов // Наука и жизнь. - 1991. - № 6. - С. 38-42.
20. Волобуев О.В., Шелохаев В.В. «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации / О.В. Волобуев, В.В. Шелохаев // Свободная мысль-XXI. - 2005. - № 1. - С. 178-191.
21. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П.В. Волобуев, В.П. Булдаков // Вопросы истории. - 1996. - № 5/6. - С. 28-38.
22. Волобуев П.В. Октябрьская революция: путь к демократии или диктатуре / П.В. Волобуев // Россия в XX веке: Историки мира спорят / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. - М.: Наука, 1994. - С. 147-152.
23. Гайда Ф.А. Либералы на внутреннем фронте. Вопрос о революции в постановке парламентской оппозиции (1914-февраль 1917 года) Ф.А. Гайда // Свободная мысль-XXI. - 2001. - № 5. - С. 77-90.
24. Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад / Ф. Гайда // Родина. - 2010. - № 10. - С. 90-93.
25. Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы / Ф.А. Гайда // Вопросы истории. - 1998. - № 2. - С. 30-43.
26. Гайда Ф.А. Эволюция внутриполитического курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910-1911 годах / Ф.А. Гайда // Российская история. - 2012. - № 2. – С. 76-90.
27. Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики / Ш. Галай // Вопросы истории. - 1991. - № 12. - С. 3-13.
28. Галили З, Ненароков А. Демократические иллюзии в период обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября - конец декабря / З. Галили, А. Ненароков // РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. - М.: Новый хронограф, 2007. - С. 270-358.
29. Ганелин Р.Ш. 25 февраля 1917 года в Петрограде / Р.Ш. Ганелин // Вопросы истории. - 1998. - № 7. - С. 94-109.

30.Ганин А. Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? / А. Ганин // Родина. - 2008. - № 3. - С. 63-74.
31.Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К.И. Глобачев // Вопросы истории. - 2002. - № 7-10.
32.Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России в начале 20-х гг.: проблемы современного осмысления / В.И. Голдин // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. В.И. Голдин, П.В. Федоров. - Мурманск: Изд-во МГГУ, 2011. - С. 50-74.
33.Городницкий Р. Г.А. Гершуни – «крестный отец» эсеровского терроризма / Р. Городницкий // Евреи и русская революция / Под ред. О.В. Будницкого.- М.- Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 1999.- С. 233-266.
34.Гребенкин И.Н. Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету / И.Н. Гребенкин // Отечественная история. - 2005. - № 4. - С. 108-123.
35.Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября / Ф. Дан, Н. Череванин // Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. - СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1914. - С. 161-224.
36.Демин В.А. П.А. Столыпин и законодательные палаты / В.А. Демин // Российская история. - 2012. - № 2. - С. 52-61.
37.Денисова Г.С., Самыгин С.И. Рабочие, большевики, меньшевики и другие / Г.С. Денисова, С.И. Самыгин // Полис. - 1991. - № 6. - С. 167-173.
38.Дмитриев С.Н. Союз Союзов в годы первой российской революции / С.Н. Дмитриев // История СССР. - 1990. - № 1. - С. 40-57.
39.Добровольский А. Что мы знаем об эсерах в Сибири? / А. Добровольский // Вечерний Новосибирск. - 2002. - 19 декабря.
40.Дроков С.В. Некоторые проблемы истории гражданской войны в Сибири / С.В. Дроков // Вопросы истории. - 1999. - № 6. - С. 46-63.
41.Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 г. / Н.Г. Думова // Исторические записки. Т. 90. - 1972. - С. 109-159.

42. Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне февральской революции / В.С. Дякин // Вопросы истории. - 1982. - № 3. - С. 70-83.
43. Егоров А.Н. Выборгское воззвание 1906 г. в отечественной историографии / А.Н. Егоров // Вопросы истории. - 2008. - № 8. - С. 100-110.
44. Елизаров М.А. Еще раз о причинах кронштадтского восстания в марте 1921 года / М.А. Елизаров // Отечественная история. - 2004. - № 1. - С. 165-174.
45. Еремин А.И. Так начиналась партия эсеров / А.И. Еремин // Вопросы истории. - 1996. - № 1. - С. 144-146.
46. Жохов М. Сигнал восстания / М. Жохов // Северный рабочий (Ярославль). - 1974. - 6 ноября. - С. 4.
47. Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва-Самара-Уфа-Омск. Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти / В.М. Зензинов // Вопросы истории. - 2006. - № 6. - С. 3-34.
48. Зензинов В.М. Февральские дни / В.М. Зензинов // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. - М.: Современник, 1991. - С. 105-115.
49. Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? / А.А. Иванов // Вопросы истории. - 2008. - № 11. - С. 171-175.
50. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи / А.С. Изгоев // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. - М.: Новости, 1990. - С. 97-124.
51. Изгоев А.С. Пять лет в Советской России / А.С. Изгоев // Архив русской революции. Кн. 5. Т. 10 / Изданный И.В. Гессеном. - М.: Терра, 1991. - С. 5-55.
52. Иллюзии и действительность: кадеты – кто они (по материалам круглого стола) // Вестник высшей школы. - 1990. - № 2. - С. 55-63.
53. Иоффе Г.З. Адмирал Колчак: «Людей, дайте мне людей!» / Г.З. Иоффе // Наука и жизнь. - 2005. - № 1. - С. 74-77.
54. Иоффе Г.З. Генерал Корнилов: «Ответственность перед Богом и русским народом беру на себя!» / Г.З. Иоффе // Наука и жизнь. - 2004. - № 11. - С. 50-53.

55.Иоффе Г.З. Ради «установления тишины и мира на родной земле». Манифест 17 октября 1905 года / Г.З. Иоффе // Наука и жизнь. - 1996. - № 9. - С. 74-80.
56.Иоффе Г.З. «Распутиниада»: большая политическая игра / Г.З. Иоффе // Отечественная история. - 1998. - № 3. - С. 103-118.
57.Иоффе Г.З. Россия, вставшая на дыбы / Г.З. Иоффе // Наука и жизнь. - 1993. - № 1. - С. 2-13.
58.Истягин Л. Звездный час российского пацифизма. Роль миротворческой инициативы России на рубеже XIX- XX вв. / Л. Истягин // Россия-XXI. - 2004. - № 1. - С. 62-91.
59.Июльские дни 1917 года в Ярославской губернии // Блокнот агитатора (Ярославль). - 1957. - № 12. - С. 28-35.
60.Казанина Л.Ю. Кадеты о социальной политике правительства П.А. Столыпина (по материалам газеты «Речь») / Л.Ю. Казанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2008. - № 3. - С. 3-12.
61.Казанчиев А.Д. Политические партии и организации: от комитета членов Учредительного собрания до Колчака / А.Д. Казанчиев // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г.Н. Севостьянова. - М.: Наука, 2005. - С. 378-390.
62.Кенез П. Идеология белого движения / П. Кенез // Гражданская война в России: перекресток мнений / Отв. ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. - М.: Наука, 1994. - С. 94-105.
63.Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте / А.Ф. Керенский // Вопросы истории. - 1990-1991. - № 6-12; 1-11.
64.Кирмель Н.С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке 1918-1920 гг. / Н.С. Кирмель // Вопросы истории. - 2008. - № 12. - С. 91-98.
65.Колодиж Б.Н. Политик, опередивший время. О А.Н. Яковлеве / Б.Н. Колодиж // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сборник научных трудов / Под ред. Л.П. Размолодина. - Вып. 2. – Ярославль: Изд-во «Еще не поздно», 2006. - С. 34-48.

66. Коновалова О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров / О.В. Коновалова // Отечественная история. - 2002. - № 2. - С. 43-60.
67. Кононенко А.А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров / А.А. Кононенко // Вопросы истории. - 2005. - № 2. - С. 155-164.
68. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. - 2020. - 8 июля. - С. 3-12.
69. Костюченко И.Ю. Реформизм и революционаризм в российском либеральном движении / И.Ю. Костюченко // Кентавр. - 1994. - № 1. - С. 152-160.
70. Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 года. Идеи лидеров Прогрессивного блока / Г.Н. Кочешков, Е.Л. Сараева // Диалог со временем. - 2018. - Вып. 65. - С. 300-316.
71. Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров Прогрессивного блока / Г.Н. Кочешков, Е.Л. Сараева // Диалог со временем. - 2019. - Вып. 68. - С. 301-317.
72. Крестьянская война // Военно-исторический журнал. - 1993. - № 1. - С. 50-55.
73. Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе февральской революции / С.В. Куликов // Российская история. - 2012. - № 1. - С. 69-90.
74. Левицкий В.И. Правые партии / В.И. Левицкий // Общественное движение в России в начале XX века. Кн. 2. Т. 1. Ч. 2. - СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1911. - С. 347-469.
75. Ленин В.И. Есть ли своя линия у ОК и у фракции Чхеидзе? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 27. - С. 240-245.
76. Ленин В.И. Кадеты, трудовики и рабочая партия / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 13. - С. 143-147.
77. Ленин В.И. На зубок новорожденному… «новому» правительству» / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 32. - С. 33-35.

78.Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 31. - С. 113-118.
79.Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 14. - С. 21-27.
80.Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) от 8 марта 1921 года на X съезде партии / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 43. - С. 7-33.
81.Ленин В.И. Первая победа революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 12. - С. 27-35.
82.Ленин В.И. Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП второй социалистической конференции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 27. - С. 458-469.
83.Ленин В.И. Письма из далека / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 31. - С. 9-59.
84.Ленин В.И. Письмо А.А. Богданову и С.И. Гусеву от 11. 02. 1905 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 9. - С. 244-248.
85.Ленин В.И. Письмо председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И.Т. Смилге / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 34. - С. 264-268.
86.Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 12. - С. 271-352.
87.Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. *Пугают гражданской войной* / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 34. - С. 214-228.
88.Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 6. - С. 1-192.
89.Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 8. - С. 185-414.
90.Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х гг. XIX века-1907 год / М.И. Леонов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. - М.: Наука, 2005. - С. 401-413.
91.Леонов М.И. Эсеры и II Дума / М.И. Леонов // Вопросы истории. - 1997. - № 2. - С. 18-33.

92. Леонтьев Я. Великолепная идея (о партии социалистов-революционеров) / Я. Леонтьев // Учительская газета. - 1990. - № 37. - С. 11.
93. Макаров Н.В., Савельев П.Ю. Российская социал-демократия в 1905-1907 годах: заметки о новейшей историографии / Н.В. Макаров, П.Ю. Савельев // Отечественная история. - 2005. - № 5. - С. 90-101.
94. Максимова Л.М. Георгий Гапон и русская политическая эмиграция в Европе / Л.М. Максимова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. - 1994. - № 2. - С. 53-67.
95. Марченкова Н.П. Возникновение левоэсеровских организаций в центральном промышленном районе (лето-осень 1917 г.) / Н.П. Марченкова // Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей / Отв. ред. К.В. Гусев. - М.: Наука, 1989. - С. 185-192.
96. Масликова Т.Н. Критика В.И. Лениным взглядов меньшевиков по вопросу о власти в период революции 1905-1907 гг. / Т.Н. Масликова // Непролетарские партии России в трех революциях / Отв. ред. К.В. Гусев. - М.: Наука, 1989. - С. 201-206.
97. Маслов В.Н. Эсеровская программа национально-государственного устройства России (1905-1907 гг.) / В.Н. Маслов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литература. - 1993. - Вып. 1. - С. 84-87.
98. Матиев Т. Причины и особенности роста влияния пробольшевистских сил в Ингушетии в 1918-1920 гг. / Т. Матиев // Власть. - 2011. - № 7. - С. 149-152.
99. Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 года / А.Н. Медушевский // Отечественная история. - 2007. - № 6. - С. 3-27.
100. Миллер В.И. Меньшевистская партия в 1917 году (фрагменты истории в оценках российского исследователя) / В.И. Миллер // РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. - М.: Новый хронограф, 2007. - С. 56-70.
101. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция / П.Н. Милюков // Интеллигенция в России. Сб. статей. - СПб.: Книгоиздательство «Земля», 1910. - С. 89-191.

102. Морозова О.М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в вооруженных формированиях в годы гражданской войны / О.М. Морозова // Вопросы истории. - 2008. - № 7. - С. 26-38.
103. Муравьева Л.А. Жизнь и деятельность Н.Н. Кутлера / Л.А. Муравьева // Деньги и кредит. - 2004. - № 8. - С. 54-61.
104. Мурашов Л.Г. Меньшевики и проблема «однородно-социалистического правительства» во время переговоров при Викжеле / Л.Г. Мурашов // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право. - 1991. - Вып. 1. - С. 27-35.
105. Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 году / А.Б. Николаев, О.А. Поливанов // Кентавр. - 1995. - № 2. - С. 72-86.
106. Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма» / Ю.Ф. Овченко // Вопросы истории. - 1998. - № 11-12. - С. 96-104.
107. Омельянчук И.В. Правые партии и П.А. Столыпин / И.В. Омельянчук // Российская история. - 2012. - № 2. - С. 62-76.
108. Орлов Б.С. Роковой выбор (просматривая протоколы II съезда РСДРП) / Б.С. Орлов // Полис. - 1993. - № 6. - С. 145-148.
109. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы / Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев // Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В.В. Шелохаев. - М.: Терра, 1993. - С. 108-128.
110. Павлов Д.Б. Союз 17 октября в 1905-1907 годах: численность и социальный состав / Д.Б. Павлов // Отечественная история. - 1993. - № 6. - С. 181-185.
111. Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. - 2006. - № 2-6.
112. Перьков Г.П. Зримые горизонты / Г.П. Перьков // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 103-106.
113. Петров Р., Черный А. Черная сотня / Р. Петров, А. Черный // Огонек. - 1990. - № 20. - С. 12-15.
114. Петров Ю.А. Рябушинский П.П. / Ю.А. Петров // Политическая история России в партиях и лицах. - М.: Терра, 1993. - С. 304-319.

115. Протасов Л.Г. Депутаты Всероссийского Учредительного собрания: проблемы идентификации / Л.Г. Протасов // Отечественная история. - 2008. - № 2. - С. 29-46.
116. Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты / Л. Протасов, О. Протасова // Родина. - 1994. - № 10. - С. 76-81.
117. Работяжев Н.В., Яшлавский Э. Полвека исканий: очерк эволюции идейных воззрений меньшевистской социал-демократии / Н.В. Работяжев, Э. Яшлавский // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2002. - № 1. - С. 3-24.
118. Родина. - 2008. - № 3.
119. Родина. - 2011. - № 2.
120. Розенталь И.С. За что в темнице я один / И.С. Розенталь // Родина. - 1993. - № 1. - С. 55-59.
121. Розенталь И.С. РСДРП: «Использование парламентаризма» / И.С. Розенталь // Полис. - 1993. - № 6. - С. 149-156.
122. Розенталь И.С. Социалистические партии в России начала XX века / И.С. Розенталь // Преподавание истории и обществознания в школе. - 2001. - № 10. - С. 2-10.
123. Ромашина В. Белые: кто они? / В. Ромашина // Родина. - 2008. - № 3. - С. 19-22.
124. Савельев П.Ю. П.Б. Аксельрод: человек и политик (1849?-1928) / П.Ю. Савельев // Новая и новейшая история. - 1998. - № 2. - С. 102-122; № 3. - С. 172-188.
125. Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик / П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин // Новая и новейшая история. - 1995. - № 4. - С. 133-157; № 5. - С. 130-166.
126. Салтык Г.А. Эсеры центрального Черноземья в 1905-1907 годы / Г.А. Салтык // Отечественная история. - 2004. - № 1. - С. 55-69.
127. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году / Ф.А. Селезнев // Отечественная история. - 2007. - № 6. - С. 118-130.

128. Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты-предшественники кадетской партии / Ф.А. Селезнев // Вопросы истории. - 2006. - № 9. - С. 22-34.
129. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков / А.С. Сенин // Вопросы истории. - 1993. - № 7. - С. 69-88.
130. Серов О.В. О так называемой южной партии социалистов-революционеров / О.В. Серов // Отечественная история. - 2001. - № 1. - С. 46-60.
131. Сидоровнин Г.П. Слепые поводыри: кадеты против Столыпина / Г.П. Сидоровнин // Правда Столыпина / Сост. Г.П. Сидоровнин. - Саратов: Соотечественник, 1999. - С. 265-315.
132. Силаева О. Осколки демократии: после разгона Учредительного собрания / О. Силаева // Народный депутат. - 1991. - № 14. - С. 114-121.
133. Славин Н.Ф. Кризис власти в сентябре 1917 года и образование Временного Совета республики (предпарламент) / Н.Ф. Славин // Исторические записки. Т. 61. - 1957. - С. 31-65.
134. Слонимский А.Г. «Звездный час» русского либерализма / А.Г. Слонимский // Вопросы истории. - 1977. - № 11. - С. 144-165.
135. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией / А.И. Солженицын // Брошюра в газете. Российская газета. - 2007. - 27 февраля.
136. Солженицын А.И. Та же статья / А.И. Солженицын // Москва. - 1995. - № 2. - С. 146-162.
137. Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год / К.А. Соловьев // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8-9 декабря 2016 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. - СПб.: Издательство «ЭлекСис», 2017.- Ч. 1. - С. 128-138.
138. Сорока М.Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны / М.Е. Сорока // Российская история. - 2010. - № 5. - С. 49-56.

139. Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» / С.А. Степанов // Полис. - 1993. - № 1. - С. 154-161.

140. Торштендаль Р. А была ли революция? О событиях 1905 года в России / Р. Торштендаль // Родина. - 2002. - № 7. - С. 57-58.

141. Троцкий Л.Д. История русской революции / Л.Д. Троцкий // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. - М.: Политиздат, 1990. - С. 289-394.

142. Трукан Г.А. Верховный правитель России / Г.А. Трукан // Отечественная история. - 1999. - № 6. - С. 27-46.

143. Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. - 2002. - № 4. - С. 27-46.

144. Тютюкин С.В. Большевизм и меньшевизм: взгляд через столетие / С.В. Тютюкин // Преподавание истории в школе. - 2003. - № 6. - С. 34-40.

145. Урилов И.Х. Из истории раскола РСДРП / И.Х. Урилов // Отечественная история. - 2003. - № 4. - С. 14-27.

146. Усыскин Г. Поп Гапон / Г. Усыскин // Родина. - 1993. - № 12. - С. 24-29.

147. Федорин И.М. К вопросу создания Российской социал-демократической партии / И.М. Федорин // Вопросы истории КПСС. - 1991. - № 5. - С. 84-92.

148. Фельдман Д. Крестьянская война / Д. Фельдман // Родина. - 1989. - № 10. - С. 52-57.

149. Хеймсон Л. Об истоках революции / Л. Хеймсон // Отечественная история. - 1993. - № 6. - С. 3-15.

150. Хеймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) / Л. Хеймсон // Россия-XXI. - 1998. - № 9-10. - С. 136-164.

151. Ходаков И.М. Политические взгляды генерала А.И. Деникина / И.М. Ходаков // Отечественная история. - 2006. - № 1. - С. 85-87.

152. Холяев С.В. Три Февраля 1917 года / С.В. Холяев // Вопросы истории. - 2003. - № 7. - С. 26-38.

153. Хутарев-Гарнишевский В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой / В. Хутарев-Гарнишевский // Родина. - 2010. - № 9. - С. 85-87.

154. Цветков В.Ж. «Белогвардейская» альтернатива / В.Ж. Цветков // Посев. - 2003. - № 12. - С. 40-43.

155. Цветков В.Ж. «Белогвардейская» альтернатива / В.Ж. Цветков // Родина. - 2004. - № 4. - С. 22-25.

156. Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 годы / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. - 2000. - № 7. - С. 56-73.

157. Цветков В.Ж. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии / В.Ж. Цветков // Родина. - 2011. - № 2. - С. 103-107.

158. Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. - 2006. - № 1. - С. 55-84.

159. Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Февральской революции / Е.И. Чапкевич // Вопросы истории. - 2002. - № 9. - С. 3-16.

160. Чернов В.М. Листки из политического дневника / В.М. Чернов // Гусев К.В. В.М. Чернов: штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). - М.: РОССПЭН, 1999. - С. 82-101.

161. Чхартишвили П.Ш. Временное правительство и свобода печати / П.Ш. Чхартишвили // Вопросы истории. - 2008. - № 9. - С. 174-175.

162. Шаховской Д.И. Союз Освобождения / Д.И. Шаховской // Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 526-602.

163. Шацилло К.Ф. Первая Государственная дума / К.Ф. Шацилло // Отечественная история. - 1996. - № 4. - С. 60-71.

164. Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов / В.В. Шелохаев // Вопросы истории. - 1998. - № 11-12. - С. 80-95.

165. Шелохаев В.В. Прогрессисты / В.В. Шелохаев // Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В.В. Шелохаев. - М.: Терра, 1994. - С. 39-59.

166. Шелохаев С.В. Дмитрий Николаевич Шипов (Штрихи к портрету русского либерала) / С.В. Шелохаев // Отечественная история. -1998. - № 5. - С. 32-46.

167. Шигин В.В. Босфорская операция осталась на бумаге (В июне 1917 года Россия намечала занять Черноморские проливы) // Военно-исторический журнал. - 1995. - № 1. - С. 60-66.
168. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре / В.И. Шишкин // Вопросы истории. - 2008. - № 10. - С. 42-61.
169. Шульгин В. Хранитель. Традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина / В. Шульгин // Родина. - 2009. - № 1. - С. 74-76.
170. Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров / А.И. Юрьев // Отечественная история. - 2001. - № 6. - С. 129-135.
171. Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – Vol. 5. – 2004. No. 1. – P. 117-136.
172. Kotkin St. 1991 and the Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // J. of mod history. – Chicago, 1998. – Vol. 70. – No. 3. – P. 384-425.
173. Neilson K. “My Beloved Russians”: Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906-1916 // The Internacional History Review. – Vol. 9. – 1987. – No. 4. – P. 521-554.

VII. ДИССЕРТАЦИИ.

1. Вишневски Э. Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910-1914): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Вишневски Эдвард. - М., 1992. - 505 с.
2. Грушина В.Ю. Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период первой мировой войны (август 1914-декабрь 1916 г.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Грушина Вера Юрьевна. - Томск, 2002. - 227 с.
3. Колотовкина С.С. Англо-российские общественные связи в годы первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Колотовкина Светлана Сергеевна. - М., 2001. - 320 с.

4. Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Крылова Елена Николаевна. - СПб., 2006. - 196 с.
5. Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917 г.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Куликов Сергей Викторович. - СПб., 1999. - 620 с.
6. Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля-3 марта 1917 г.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Николаев Андрей Борисович. - СПб., 2005. - 1053 с.
7. Плакса М.В. Отечественные публикации документов по истории кризиса политической системы в России в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Плакса Максим Вячеславович. - М., 1996. - 244 с.
8. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Пронин Александр Алексеевич. - Екатеринбург, 2001. - 284 с.
9. Пученкова Л.Ю. Деятельность британских дипломатических представительств в России в 1917 году: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Пученкова Любовь Юрьевна. - СПб., 2005. - 188 с.
10. Федюк В.П. Крах кадетской политики в 1917 году (по материалам Верхнего Поволжья): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Федюк Владимир Павлович. - Ярославль, 1984. - 191 с.

VIII. АВТОРЕФЕРАТЫ.

1. Аннин А.Г. Социалисты в Советах рабочих и солдатских депутатов Центральной России в 1917 году: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Аннин Анатолий Геннадьевич. - Иваново, 2009. - 43 с.

2. Балтовский Л.В. Политическая доктрина конституционно-демократической партии (партии Народной свободы): автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Балтовский Леонид Васильевич. - СПб., 2011. - 40 с.
3. Гаврилов А.Ю. Меньшевизм и российские революции начала XX века: проблемы идейной эволюции (по материалам партийной печати): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Гаврилов Александр Юрьевич. - М., 2009. - 46 с.
4. Гребенкин И.Н. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса Российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Гребенкин Игорь Николаевич. - Владимир, 2011. - 48 с.
5. Иванов А.А. Правый спектр Государственной думы и Государственного совета России в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Иванов Андрей Александрович. - СПб., 2011. - 50 с.
6. Люхудзаев М.И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917-1918 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Люхудзаев Марат Иркинович. - Екатеринбург, 2001. - 22 с.
7. Размолодин М.Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905-1914 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Размолодин Максим Львович. - Ярославль, 1999. - 22 с.
8. Смирнова М.И. Историография формирования российской социал-демократии: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.09 / Смирнова Марина Ивановна. - М., 1999. - 49 с.
9. Урядова А.В. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция русской эмиграции: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Урядова Анна Владимировна. - Ярославль, 2011. - 38 с.

IX. КОНФЕРЕНЦИИ, СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. Материалы конф., май 1981 / Под ред. И.И. Минца, В.В. Комина. - Калинин: КГУ, 1981. - 156 с.

2. Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции (Материалы конференции) / Под ред. И.И. Минца. - М.: Изд-во Калининского Гос. ун-та, 1982. – 253 с.
3. Политические деятели России. 1917 год / Гл. ред. П.В. Волобуев. Биографический словарь. - М.: Большая российская энциклопедия, 1993. - 432
4. Политические партии России. Конец XIX-первая XX века: Энциклопедия / Под рук. В.В. Шелохаева. - М.: РОССПЭН, 1996. - 800 с.